

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

*ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД*

3

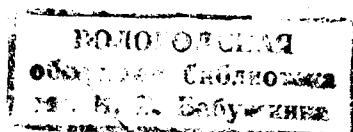
Май — Июнь

1968

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

Редакционная коллегия

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), В. П. Алексеев, Ю. В. Арутюнян,
Н. А. Баскаков, С. И. Брук, Л. Ф. Моногарова (зам. глав. редактора),
Д. А. Ольдерогге, А. И. Першиц, Л. П. Потапов, В. К. Соколова,
С. А. Токарев, Д. Д. Тумаркин (зам. главного редактора), В. Н. Чернецов

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

Адрес редакции: Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19

Б. Н. Путилов

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СЛАВИСТИЧЕСКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

В сентябре 1963 г. в Софии состоялся V Международный съезд славистов. В августе текущего года участников очередного VI съезда примет Прага.

Что нового и важного принесли прошедшие пять лет славистической фольклористике? С какими результатами и проблемами приходит наша наука к Пражскому съезду? Чего она ждет от него?

Все эти вопросы приобретут свой смысл и истинное значение, если мы примем во внимание ту большую роль, какую сыграли прошедшие съезды славистов, особенно начиная с III Московского (1958 г.), в развитии славистической фольклористики, в преодолении долгой разобщенности и в установлении живых контактов между учеными многих стран, в появлении множества новых исследований, в выдвижении и широком обсуждении ряда актуальных и недостаточно проясненных проблем.

Съезды славистов отразили в своих программах наметившийся после стольких лет затишья, если не сказать застоя, подъем в сравнительно-историческом изучении фольклора славянских народов и сами много способствовали складыванию и распространению новых методологических принципов такого изучения. Напомню, что на Московском съезде 1958 г. состоялась большая дискуссия по докладу В. М. Жирмунского «Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса», заключавшему широкое обоснование историко-типологической сравнительной методики¹, а Софийскому съезду был предложен уже ряд докладов, развивавших применительно к конкретным темам принципы сравнительно-типологического изучения фольклорных жанров².

Московский и Софийский съезды внесли также заметный вклад в разработку других теоретических и историко-фольклорных проблем, представляющих общий интерес для исследователей славянского народного творчества: историзм и жанровая специфика народного эпоса, закономерности развития отдельных жанров (баллады, сказки, легенды), проблемы поэтики, характерные особенности партизанского фольклора второй мировой войны³.

Не без воздействия славистических съездов проблемы славянского фольклора стали довольно широко включаться в программы различных

¹ См.: В. Жирмунский, Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки, М.—Л., 1962.

² См.: «История, фольклор, искусство славянских народов. Доклады советской делегации», V Международный съезд славистов (София, сентябрь, 1963), М., 1963.

³ См.: «IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии», т. I — «Проблемы славянского литературоведения, фольклористики и стилистики», М., 1962; «Славянская филология. Материалы от V Международного конгресса на славистике», т. VI. Отчетные материалы, София, 1965.

международных и национальных конгрессов, конференций, симпозиумов — филологических, этнографических и иных. Становится традицией организация в отдельных странах регулярных (иногда ежегодных) фольклористических совещаний и конгрессов, целиком или в значительной части посвященных этим проблемам. Вот далеко не полный перечень таких больших научных собраний за последние годы, оставивших свой след в развитии славистической фольклористики: будапештский конгресс «Венгерская культура в Европе» (осень 1963 г.)⁴, VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук в Москве (1964 г.)⁵, IV Международный конгресс по изучению народной прозы (Афины, 1964)⁶, Международный симпозиум, посвященный 100-летней годовщине со дня смерти Вука Караджича (Белград, 1964 г.)⁷, XI—XIV конгрессы Союза фольклористов Югославии (1964—1967 гг.)⁸, 1-й и 2-й Международные симпозиумы по рабочему фольклору (Югославия, 1964 и 1965 гг.)⁹, VI и VII украинские славистические конференции (1964—1966 гг.)¹⁰, Международная конференция по изучению устной прозы (Прага, 1966 г.)¹¹, Конференция по проблемам славянской фольклористики в Варшаве (1966 г.)¹², Конференция чехословацких этнографов и фольклористов памяти Ф. Бартоша (Готвальдов, 1966 г.)¹³, Научная сессия, посвященная итогам этнографических и археологических исследований, в Кишиневе (1967 г.)¹⁴ и в Москве (1968 г.), Первый конгресс балканских исследований (София, 1966 г.), Международный конгресс компаративистов в Белграде (1967 г.), Международная конференция по изучению народной культуры в Карпатах (Братислава, 1967).

Советские фольклористы приняли участие в большинстве названных конференций и имели возможность обсудить с зарубежными коллегами многочисленные общие и конкретные вопросы сравнительного изучения народного творчества и поделиться результатами своих исследований.

⁴ Материалы конгресса опубликованы в книге: «Europa et Hungaria. Congressus ethnographicus in Hungaria», Budapest, 1965.

⁵ См.: Ю. П. Аверкиев, В. К. Соколова, VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, М., 1965; В. К. Соколова, Вопросы славистики на Международном конгрессе этнографов, «Сов. славяноведение», 1965, № 2; D. Nedeljković, Problemi folkloristike na VII Međunarodnom kongresu antropologa i etnologa u Moskvi augusta 1964, «Народно стваралаштво. Folklor», 1965, св. 13—14.

⁶ Материалы конгресса опубликованы в книге: «IV International Congress for Folk-Narrative Research in Athens. Lectures and Reports», Editor: G. A. Megas, Athens, 1965. См. также отчет в Загребском ежегоднике «Narodna umjetnost», god. 1964—1965, knj. 3.

⁷ Материалы симпозиума опубликованы в двух книгах: «Анали Филолошког факултета», кн. 4 и 5; Вуксв зборник I—II, Београд, 1964—1965.

⁸ См.: «Rad XI-og Kongresa, Saveza folklorista Jugoslavije u Novom Vinodolskom 1964», Zagreb, 1966; информацию о XII—XIV конгрессах см.: «Сов. этнография», 1966, № 1, 1967, № 2, 1968, № 2; «Сов. славяноведение», 1967, № 2.

⁹ Материалы симпозиумов опубликованы в белградском журнале «Народно стваралаштво. Folklor», 1966, св. 12, 1964, св. 17—19.

¹⁰ См.: «Тези доповідей VI Української славистичної конференції 13—18 жовтня 1964 г.», Чернівці, 1964. См. также отчеты: «Сов. славяноведение», 1965, № 2; «Вестник Московского университета. Филология, журналистика», 1965, № 2; «Народна творчість та етнографія», 1967, № 2.

¹¹ Материалы конференции опубликованы в журнале «Fabula», Bd. 9, 1967, Hf. 1—3. См. также информации: «Прилози за книжевност, jezik, istoriju i folklor», 1966, св. 3—4; «Сов. этнография», 1967, № 4.

¹² См.: «Вестник Академии наук СССР», 1966, № 11; «Сов. славяноведение», 1966, № 6; «Народна творчість та етнографія», 1967, № 1.

¹³ См.: «Народна творчість та етнографія», 1967, № 3; «Český Lid», 1967, № 1.

¹⁴ См.: «Сов. этнография», 1967, № 5; «Народна творчість та етнографія», 1967, № 5.

* * *

Обозревая результаты исследовательской работы по славянскому фольклору за годы между двумя съездами, мы, естественно, ищем в первую очередь характерные приметы, которые указывали бы на ведущие тенденции в движении науки, свидетельствовали бы о главных направлениях научного поиска.

Одна из таких тенденций, на наш взгляд, состоит в том, что славистическая фольклористика заметно набирает силы. Еще совсем недавно изучение славянского фольклора было почти целиком ограничено рамками чисто национальной проблематики и довольно редко имело выход в общеславянские или межславянские темы. Недостаточность такого подхода в наши дни очевидна. Пришло время для большего самоопределения славистической фольклористики и более четкого формулирования ее основных задач. Есть ряд значительных проблем, которые представляют общеславянский и межславянский интерес и которые не могут успешно разрабатываться на материале фольклора лишь одного народа: славянская общность в области отдельных фольклорных жанров и закономерностей истории народного творчества в целом; генезис фольклорных жанров и их ранние формы; современные процессы в народном творчестве; поэтика фольклора; исторические связи, творческий обмен и сотворчество в фольклоре славянских народов; отношения и связи в фольклоре славянских и неславянских народов.

Множество конкретных тем, разрабатываемых ныне фольклористами на одном лишь национальном материале, включает нередко интереснейшие и существенные аспекты для рассмотрения их в общеславянском или межславянском плане. Именно поиски таких аспектов и их рассмотрение и составляют специфическую задачу славистической фольклористики как относительно самостоятельного направления в изучении фольклора славянских народов.

В этом смысле научная литература 1964—1967 гг. дает немалый материал для размышлений¹⁵.

Больше всего работ появилось на темы, традиционные для славистической фольклористики: героический эпос, баллады, сказки.

Продолжаются опыты по частичному восстановлению древнейшей славянской эпики и эпического творчества отдельных славянских народов, утраченного в условиях их позднейшей истории. Итальянский славист Б. Мериджи пытается сделать это, опираясь в одном случае на анализ мифологических элементов в юнацких песнях и былинах¹⁶, и в другом случае — на прослеживаемые им в былинных сюжетах воспоминания об отдельных моментах древних обрядов племенного посвящения¹⁷. Б. Мериджи в своих выводах осторожен, а его стремление к отысканию в известной нам славянской эпике типологически сходных элементов и к их сравнительно-этнографическому анализу заслуживает поддержки. Все же следует сказать, что в генетических исследованиях такого рода теперь невозможно уже не считаться с открытыми в последнее время закономерностями архаической эпики (труды В. М. Жирмунского, В. Я. Проппа, Е. М. Метелинского). Типологическое сравнение

¹⁵ В нашем обзоре сознательно не учитываются работы, вышедшие в год Софийского съезда, и лишь отчасти учтены работы, появившиеся в начале 1968 г.

¹⁶ Б. Мериджи, Митолошки елементи у српскохрватским народним песмама, «Анали Филолошког факултета», 4.

¹⁷ Б. Мериджи, Наблюдения над «Сборником Кирши Данилова», в сб. «Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. К 70-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР П. Н. Беркова», М.—Л., 1966.

данных славянского эпоса с этими закономерностями может очень много объяснить в его генезисе и ранней истории.

В генетическом плане выполнены также работы пражского ученого В. Карбусицкого по реконструкции старочешской народной эпикки, давно исчезнувшей из живой традиции, и начальных этапов чешской народной музыки. В этих исследованиях В. Карбусицкий использует сравнительные данные живого славянского эпоса¹⁸.

В том же ряду может быть отмечена статья о былинных следах в белорусском фольклоре¹⁹.

Для изучения сложнейших вопросов истории славянского фольклора древнего периода важное значение имеют начатые Б. А. Рыбаковым исследования славянского язычества²⁰ и предпринятый Вяч. Ивановым и В. Топоровым опыт реконструкции древних восточнославянских представлений о мире²¹.

В целом же надо сказать, что генетические проблемы славянского фольклора разрабатываются у нас не с той широтой и степенью интенсивности, как они того заслуживают. Видимо, все еще сказывается непреодоленное влияние позитивизма в фольклористике, надолго посеявшего боязнь смелых гипотез, реконструкций, обобщений, основанных на подлинно историческом анализе известных фактов. Мы все еще недостаточно используем возможности, заключенные для такого анализа в огромной массе поздних текстов, и особенно возможности, какие открывает перед историками фольклора сравнительно-типологическая методика.

Другая тема, в разработке которой получены ощутимые результаты, касается творчества народных певцов.

Как известно, изучение искусства югославских гусяров, предпринятое американскими фольклористами (М. Парри, А. Лорд и др.), и изучение творчества русских и среднеазиатских сказителей, осуществленное советскими учеными (А. М. Астахова, В. М. Жирмунский, Х. Т. Зарифов и др.), заново выдвинуло ряд принципиальных вопросов о самой природе творчества эпических народных певцов вообще — о его «технике» и присущих ему закономерностях. Всемирно известный ученый-романист Р. Менендес Пидаль критически рассматривает результаты этих исследований применительно к исполнителям героической эпикки Западной Европы, обнаруживая при этом типологически общие черты и исторически обусловленные различия в творчестве эпических певцов разных народов²².

Другие статьи содержат анализ искусства былинных сказителей²³ и современных югославских гусяров²⁴.

¹⁸ V. Karbusický, *Středověká epika a počátky české hudby*, «Hudební Věda», Praha, 1964, № III; его же, *Nejstarší pověsti české*, Praha, 1966.

¹⁹ С. Плужникова, *Былевое наследие белорусского сказочного эпоса*, «Изв. АН СССР. Серия литературы и языка», 1965, вып. 6.

²⁰ Б. А. Рыбаков, *Основные проблемы славянского язычества*, Доклад на VII МКАЭН, М., 1964; его же, *Задачи изучения славянского язычества*, в сб. «Методологические вопросы общественных наук», М., 1966.

²¹ Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров, *Славянские языковые моделирующие семиотические системы*, М., 1965.

²² Р. Менендес Пидаль, *Югославские эпические певцы и устный эпос в Западной Европе* (с предисловием В. М. Жирмунского), «Изв. АН СССР. Серия литературы и языка», 1966, вып. 2.

²³ Б. Н. Путилов, *Искусство былинного певца* (из текстологических наблюдений над былинами), в сб. «Принципы текстологического изучения фольклора», М.—Л., 1966.

²⁴ M. Bošković-Stulli, *Postojanost epskog modela u dvije pjesme iz Dubrovačkoga kraja*, «Narodna umjetnost», knj. 4, Zagreb, 1966.

В более широком плане и преимущественно на славянском материале проблему народного певца как своеобразной творческой личности рассматривает известный советский славист П. Г. Богатырев²⁵.

По-видимому, уже в ближайшее время можно будет приступить к давно сжидаемым сравнительным исследованиям о народных певцах, сказителях, сказочниках на богатейшем материале, собранном несколькими поколениями фольклористов-славистов.

Ряд новейших этюдов посвящен сравнительному анализу отдельных циклов и сюжетов русского и южнославянского эпоса, а также изучению судеб славянской эпической традиции в различных регионах²⁶.

И в этой области предстоит еще сделать очень многое. Необходимо заново и критически пересмотреть весь фонд сюжетных и иных параллелей, установленных прежними исследователями, привлечь новые материалы и выявить соответствия, оставшиеся неучтенными. Главное же, на наш взгляд, необходимо подойти к проблемам славянской эпической общности с теми новыми научными задачами и новой методикой, какие открылись перед нами в последнее время в результате сравнительно-типологического изучения народного эпоса. Важно выяснить как можно глубже и конкретнее типологические соотношения и связи в славянской эпике и на этой основе представить самое эпическое творчество у славянских народов как исторически закономерный процесс и восстановить важнейшие его этапы.

Наряду с героическим эпосом одной из самых популярных тем современных сравнительных исследований продолжают оставаться славянские баллады. Здесь характерно стремление поставить на сравнительную базу обсуждение таких актуальных и достаточно сложных вопросов, как жанровая специфика баллад и их происхождение, отношение балладного жанра к действительности, поэтика, основные пути исторического развития баллад²⁷.

²⁵ П. Г. Богатырев. Традиция и импровизация в народном творчестве, Доклад на VII МКАЭН, М., 1964; его же, Художественные методы фольклора и творческая индивидуальность носителей и творцов народной поэзии, в сб. «Художественный метод и творческая индивидуальность писателя», М., 1964.

²⁶ Цв. Романска, Неке опште особине песама о Краљевићу Марку које су записане у новије време на Далматинским отоцима и у Бугарској, сб. «Rad XI-og Kongresa Saveza folklorista Jugoslavije u Novom Vinodolskom, 1964», Zagreb, 1966; Б. Н. Путилов, Юнацкая песня «Марко находит сестру» в версиях с Хорватского приморья и островов и былина о Козарине, сб. «Rad XI-og Kongresa...»: его же, История одной сюжетной загадки (былина о Михаиле Козарине), сб. «Вопросы фольклора», Томск, 1965; его же, Юнацкие песни Косовского цикла и русский эпос, «Русская литература», 1966, № 2; Н. Н. Алексеев, К истории сюжета былины об исцелении Ильи, «Уч. зап. Горьковского пединститута», вып. 63, серия литературная, 1966; П. В. Линтур, Закарпатские народные сказания о Королевиче Марко, «Сов. этнография», 1965, № 1; Ю. И. Смирнов, Следы эпической поэзии на Буковине, «Сов. славяноведение», 1966, № 3; В. Б. Вилинбахов, Балтийские славяне в русском эпосе и фольклоре, «Slavia Occidentalis», t. 25, 1965; K. Penušliski, Macedonian Local Traditions of Prince Marko, «Journal of the Folklore Institute», vol. III, № 3, 1966.

²⁷ См., например: Н. И. Кравцов, Славянская народная баллада, «Уч. зап. Ин-та славяноведения», т. XXVIII, М., 1964; П. В. Линтур, До проблеми походження слов'янської баладної пісні, «Тези доповідей VI Української славистичної конференції 13—18 жовтня 1964 р.», Чернівці, 1964; его же, Народні балади Закарпаття, Запис та впорядкування текстів, вступна стаття і примітки П. В. Лінтура, Львів, 1966; Ю. И. Смирнов, Сербская баллада на русском севере, «Сов. славяноведение», 1965, № 6; Б. Н. Путилов, Исторические корни и генезис славянских баллад об ищесте, Доклад на VII МКАЭН, М., 1964; его же, Исторические баллады в сборниках Вука Стеф. Караджича, «Анали Филолошког факултета», 4; его же, Славянская историческая баллада М.—Л., 1965; его же, Действительность и вымысел в славянской исторической балладе, в сб. «Славянский фольклор и историческая действительность», М., 1965; его же, Словенская баллада «Ribnička Jerica» в свете сравнительных дан-

Специального упоминания заслуживает монография старейшего болгарского слависта М. Арнаудова, целиком посвященная одному балладному сюжету²⁸. На основе анализа всех известных вариантов, записанных у южных славян, автор попытался выяснить историко-социальные основы и традиционно-фольклорные истоки сюжета, проследить его историческое развитие, установил локальные версии.

По типу к этой монографии примыкает книга известного словенского ученого И. Графенауера; здесь, кроме фольклорно-этнографического исследования одного сюжета, содержится также фольклорно-музыкальный анализ одной песни, сделанный З. Кумер²⁹. Такого рода монографические исследования могут дать чрезвычайно ценные результаты для уяснения жанровой сущности, генезиса и истории баллад.

В большинстве названных выше работ довольно отчетливо видны два различных подхода к проблемам истории славянских баллад и их сюжетной общности. Один связан с миграционистской теорией и методикой, другой — с теорией и методикой типологической. Начавшаяся сравнительно недавно дискуссия между этими двумя направлениями в изучении славянских баллад, видимо, в ближайшие годы будет продолжаться и углубляться, и это принесет свою пользу науке. Важно только, чтобы при этом взаимно учитывались реальные результаты осуществляемых исследований. Не разделяя общих положений миграционистской теории, я не могу не отметить здесь интересных наблюдений чешского ученого Сироватки, сравнивавшего стиль русских и чешских баллад и пришедшего к выводу, что они существенно отличаются по своим повествовательным принципам и что чешские (а вместе с ними и другие западнославянские) баллады принадлежат к центральноевропейскому балладному кругу и должны быть сопоставлены с балладами ряда неславянских народов.

Это еще, на мой взгляд, не означает генетической близости. Необходимо учесть, что некоторые важные, общие или отличительные особенности сюжетики и стиля народных баллад объясняются различной судьбой героической эпики у разных народов.

В отличие от баллад, исторические песни славянских народов как предмет сравнительного изучения незаслуженно остаются на периферии научных интересов³⁰. Может быть, здесь сказывается трудно преодолимая традиция рассматривать исторические песни преимущественно с точки зрения того, как отражаются в них конкретные исторические события. Между тем песни эти важны в первую очередь как закономерный этап в развитии историко-песенного фольклора, в переработке и преодо-

ных, «Народно стваралаштво. Folklor», 1965, св. 15—16; И. Земцовский, Песни-баллады, «Сов. музыка», 1966, № 4; К. Horalék, Lidova epika v písních, «Český Lid», 1966, № 3; его же, Mezislovanské vztahy v baladice, в сб. его статей «Studie ze srovnávací folkloristiky», Praha, 1966; Z. Horálková, Epické písně na Slovácku, «Český Lid», 1966, № 4; O. Sirovátko, Hranoe českých a poiských verzi balady o sirotkovi, «Český Lid», 1964, № 5—6; его же, Vyprávění a dramatická řeč v lidové baladě (k poetice česke a slovenské epické písně), сб. «Slovacko», 1964, № 6; его же, Lidové balady na Slovácku, 1965; его же, Vyprávěčský styl v české a ruské baladě, «Narodopisny Věstnik Československý», Brno, 1966; I. Gratenaue, Problematika pripovedke-balade z motivom stave na ženino čistost. «Narodna umjetnost», knj. 4, Zagreb, 1966; К. Пенушлиски, Женидба са мртвцем у македонском фолклору, «Народно стваралаштво. Folklor», св. 13—14, 1965.

²⁸ М. Арнаудов, Баладни мотиви в народната поезия, I, Песента за делба на двама брата, София, 1964.

²⁹ I. Grafenaue, Spokorjeni grešnik. Študija o izvoru, razvoju in razkroju slovensko-hrvaško-vzhodnoalpske ljudske pesmi, Ljubljana, 1965.

³⁰ Из известных мне работ назову здесь: О. Зілінський, Історичні та жанрові риси піснi про Стефана воеводу, «Науковi збiрник Музею української культури в Свиднику», I, 1964.

лении эпических традиций, и сравнительный анализ помог бы выявить здесь существенные закономерности.

Ряд исследований был посвящен обнаружению и анализу общих музыкальных и поэтических особенностей лирических песен, преимущественно в районах, где непосредственные связи различных славянских народов носили длительный и систематический характер³¹.

Дальнейшему развитию и углублению подверглось начатое совсем недавно изучение в сравнительно-историческом плане героического славянского фольклора периода второй мировой войны³².

Из обширной и непрерывно пополняющейся литературы по сказкам и несказочной прозе я назову здесь лишь некоторые работы, прямо относящиеся к сравнительно-славистическим исследованиям и характеризующие, на мой взгляд, основные направления современного сказковедения и рассказоведения. Монография К. Горалека о славянских сказках³³ содержит критический обзор сравнительного изучения народных сказок, раздел об общем характере и областных различиях в славянских сказках, главу о сказках болгарских и македонских, главу о народной драматизации сказок и библиографию литературы. В другой книге того же ученого (см. выше) ряд статей посвящен сказкам, в том числе — статья о Ю. Поливке и В. Тилле в связи с проблемами сравнительного изучения славянского фольклора, заметки к типологии чешских сказок, статья о поэтике мотивов и сюжетов и др.

В новейшей монографии М. Бошкович-Стулли, посвященной знаменитому международному сюжету «Ослиные уши Мидаса» (тип 782), тщательно учтен и систематизирован соответствующий славянский материал³⁴.

Н. В. Новиков последние годы работал над сравнительным анализом образов — персонажей восточнославянской волшебной сказки. На эту тему им подготовлена монография. Некоторые предварительные результаты его работы приведены в докладе, тезисы которого опубликованы в названном выше черновицком сборнике 1964 г.

У нас и за рубежом вышли также статьи об отдельных сказочных сюжетах и циклах³⁵.

Созданы значительные работы в сравнительно-историческом плане — о преданиях³⁶ и легендах³⁷.

³¹ В. М. Скрипка, Взаємовідношення жанрів народної пісні (на матеріалі українського, чеського і словацького фольклору), сб. «Слов'янське літературознавство і фольклористика», вип. 1, Київ, 1965; его же, Украинские, чешские и словацкие народные лирические песни в их взаимосвязях, Автореферат канд. дис., Киев, 1965; С. Я. Грица, Спільність мелодичних типів у слов'янської пісенності Карпат «Народна творчість та етнографія», 1966, № 3; А. А. Малаш, Украинские и польские песни на Белоруссии, «Тези доповідей VI Української славистичної конференції», 1964; О. Hrabalová, Ke studiu žatevnických písní východnomoravských a slovenských, «Slovenský Národopis», 1965, № 1; К.-Н. Pollok, Studien zur Poetik und Komposition des balkanlawischen lyrischen Volksliedes, Göttingen, 1966; В. Беляев, Стих и ритм народных песен, «Сов. музыка», 1966, № 7.

³² См. В. Е. Гусев, Типизация действительности в партизанском фольклоре, М., 1964 (Доклад на VII МКАЭН); его же, Освободительная борьба славянских народов в партизанских песнях, сб. «Славянский фольклор и историческая действительность», М., 1965.

³³ К. Horálek, Slovanské pohádky. Příspěvky k srovnávacímu studiu, Praha, 1964.

³⁴ М. Bošković-Stulli, Narodna predaja o vladarevoj tajni, Zagreb, 1967.

³⁵ М. А. Вавилова, История развития сюжета сказки о попе и козлиной шкуре, «Вопросы жанра и стиля», под ред. В. В. Гура, «Уч. зап. Вологодского пединститута», т. 31, 1967; Я. Полакова, Материалы о развитии дуалистических народных сказок у славян, «Clavia», 1965, № 3.

³⁶ В. К. Соколова, Антифеодалные предания и песни у славянских народов. сб. «Славянский фольклор и историческая действительность», 1965.

³⁷ К. В. Чистов, Легенды об избавителях и проблема повторяемости фольклорных сюжетов, «Славянский фольклор и историческая действительность», 1965.

Среди работ историографического плана следовало бы назвать в первую очередь две фундаментальных монографии. Одна посвящена Вуку Караджичу, крупнейшему деятелю и одному из основоположников славянской фольклористики³⁸, вторая — русскому фольклору в Германии (до середины XIX в.)³⁹. Проблемам межславянских фольклористических связей посвящены также работы Цв. Органджиевой⁴⁰, В. Вулети-ча⁴¹, Н. Мартиновича⁴², Р. Бртаня⁴³, М. Гольберга⁴⁴, В. Гусева⁴⁵, М. Гуца⁴⁶, М. Яценко⁴⁷, М. Гайдая⁴⁸.

Заметное развитие в последнее время получают исследования о связях и отношениях в фольклоре славянских и неславянских народов, особенно Балкан и Юго-Восточной Европы, а также народов Поволжья и уральской языковой группы и др.⁴⁹

* * *

Для славистической фольклористики много значат, конечно, исследования по национальному фольклору, не содержащие прямого сравнительного материала, либо содержащие его в небольшом объеме, но зато отличающиеся тщательностью проработки материала, широтой его охвата и значительностью проблематики. Они неизбежно вызывают интерес у специалистов, изучающих сходные явления в творчестве других славянских народов, законное желание сопоставить наблюдения и выводы, поискать аналогичные закономерности.

³⁸ М. Поповић, Вук Стеф. Караџић. 1787—1864, Београд, 1964.

³⁹ E. Hexelschneider, Die Russische Volksdichtung in Deutschland bis zur Mitte des 19 Jahrhunderts, Berlin, 1967.

⁴⁰ Цв. Органджиева, Петар Иванович Прејс и Вук Стефановић Караџић, «Вуков зборник», Српска Академија наука и уметности, Посебна издања, књ. CD, Београд, 1966.

⁴¹ В. Вулетић, Срезневски и Вук, «Анали Филолошког факултета», 4.

⁴² Нико С. Мартиновић, Павле Аполонович Ровински, «Рад X-ог Конгреса фольклориста Југославије», Цетинье, 1964.

⁴³ R. Brtánj, Sreznevského zbierka slovenských ľudových piesní, «Český Lid», 1967, № 5.

⁴⁴ М. Гольберг, Труды Караджича в оценке деятелей русской культуры первой половины XIX века. «Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор», Београд, 1964, св. 3—4.

⁴⁵ В. Гусев, Вук Караджич и русская фольклористика, «Русская литература», 1964, № 2; его же, Фольклористическая деятельность Вука Караджича в оценке русской науки, «Анали Филолошког факултета», 4.

⁴⁶ М. В. Гуць, Србо-хорватска народна пісня на Україні, Київ, 1966.

⁴⁷ М. Т. Яценко, Володимир Гнатюк. Життя і фольклористична діяльність, Київ, 1964.

⁴⁸ М. М. Гайдай, Український фольклор в працях і перекладах чеських і словацьких культурних діячів, «Слов'янське літературознавство і фольклористика», вип. 1, Київ, 1965.

⁴⁹ См., например: сб. «Восточнославянско-восточнороманские языковые, литературные и фольклорные связи», тезисы докладов, Черновицы, 1966; В. М. Гацак, Восточнороманский героический эпос. Исследование и тексты, М., 1967; К. Хоралек, Из бугарске фолклористике, «Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор», 1964, св. 3—4; L. Vargyas, Researches into the Mediaeval History of Folk Ballad, Budapest, 1967; A. Fochi, Das Ditschin- (Doicin-, Dojčín-, Дойчин-) Lied in der südost-europäischen Volksüberlieferung, «Revue des études sud-est européennes», 1965, № 1—4; А. И. Маскаев, Славяно-мордовские связи по материалам эпической песни, «Этногенез мордовского народа (Материалы научной сессии 8—10 декабря 1964 г.)», Саранск, 1965; Б. Н. Путилов, К вопросу об отношениях эпического творчества славян и народов Юго-Восточной Европы, «Первый конгресс балканских исследований. Сообщения советской делегации», М., 1966; его же, The Hungarian Ilona-Albert Legend and the Slavic Historical Ballads, «Acta Ethnographica», Budapest, 1965, f. 3—4.

Среди новейших работ по русскому фольклору должны быть названы прежде всего некоторые монографии и коллективные труды. Книга Э. В. Померанцевой «Судьбы русской сказки» (1965) содержит такие обобщения по позднейшей истории русской сказки, которые, безусловно, будут учтены историками сказок других славянских народов. Внимание славистов привлечет книга С. Лазутина «Русские народные песни» (1965) — один из первых опытов исторического исследования лирических песен в период с XVIII до начала XX в.

Представляют большой интерес изыскания К. В. Чистова, обобщенные им в монографии «Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX веков» (1967). Монография А. М. Астаховой «Былины. Итоги и проблемы изучения» (1966) дает обширное и превосходно систематизированное обобщение результатов полуторавекового изучения русского эпоса.

Проблемам современного фольклора посвящено несколько специальных сборников, в том числе IX том «Русского фольклора» (1964) и «Современный русский фольклор» (1966), а также большая коллективная монография «Русский фольклор Великой Отечественной войны» (1964). Историографические проблемы, в ряде случаев имеющие интерес для славистической фольклористики, рассматриваются в III выпуске «Очерков истории русской этнографии, фольклористики и антропологии» (1965).

С особенным удовлетворением хотелось бы отметить работы по народной музыке и народной хореографии, восполняющие существенные пробелы в изучении этих областей русской народной художественной культуры и содержащие подчас важные моменты новой научной методики⁵⁰.

Наконец, фольклористы-слависты имеют возможность ныне легко ориентироваться в обширной литературе по русскому народному творчеству благодаря новейшей фундаментальной библиографии, охватывающей почти 50 лет⁵¹.

В области изучения фольклора других славянских народов я ограничиваюсь здесь указанием на ряд обобщающих работ, обзоров, учебных пособий, охватывающих фольклор одного народа в целом, либо в значительных его разделах. Так, вышли книги по украинскому⁵² и белорусскому⁵³ фольклору, фольклору болгарскому⁵⁴, македонскому⁵⁵, по фольклору словенцев, сербов, хорватов⁵⁶, лужицко-сербскому⁵⁷. Чрезвычайно интересный опыт краткой фольклорной энциклопедии предпринят в Польше. Хотя книга называется «Словарь польского фольклора», читатель найдет в ней немало сведений и по фольклору других народов⁵⁸.

⁵⁰ И. Земцовский, Русская протяжная песня. Опыт исследования, Л., 1967; К. Голейзовский, Образы русской народной хореографии, М., 1964.

⁵¹ «Русский фольклор. Библиографический указатель. 1917—1944», составила М. Я. Мель, под редакцией А. М. Астаховой и С. П. Луппова, Л., 1966; то же за 1960—1965 гг., Л., 1967. (Указатель за 1945—1959 гг. вышел в 1961 г.).

⁵² «Українська народна-поетична творчість», Київ, 1965.

⁵³ «Беларуская народная зусна-паэтычная творчасць», Минск, 1967.

⁵⁴ Цв. Романска, Българско народно-поетично творчество. Хрестоматия, София, 1964; ее же, Българската народна песен, София, 1965.

⁵⁵ Т. Саздов, Македонската народна поезија. Краток преглед, Скопје, 1966.

⁵⁶ В. Латковић, Народна књижевност, Београд, 1967.

⁵⁷ P. Nedo, Grundriss der sorbischen Volksdichtung, Bautzen, 1966.

⁵⁸ «Słownik folkloru polskiego», pod redakcją Juliana Krzyżanowskiego, Warszawa, 1965.

В ряду обзорных и обобщающих трудов можно назвать также два тома из серии «Народы мира», которые в соответствующих разделах содержат краткие характеристики фольклора отдельных славянских народов⁵⁹.

За истекшие годы значительно пополнилась библиотека памятников славянского фольклора, в том числе появились издания, которые будут иметь общеславянское культурное и научное значение. В Польше близится к завершению переиздание 66 томов монументального издания материалов О. Кольберга и издание обширного собрания М. Федоровского. В Югославии предпринято новое научное издание сочинений Вука Караджича, среди вышедших томов — ранние сборники песен и сборник пословиц. Вышло пять книг, охватывающих основные фольклорные жанры, в серии «Пять столетий хорватской словесности».

В Болгарии завершено тринадцатитомное издание основных жанров болгарского народного творчества. По русскому фольклору вышел ряд академических и научно-популярных сборников сводного типа по отдельным жанрам («Исторические песни XVII века», 1966; «Загадки», 1968; «Частушки», 1966; «Русские народные протяжные песни», 1966), появились издания экспедиционных материалов («Песенный фольклор Мезени», 1967; «Народные песни Кировской области», 1966). Аналогичные издания вышли также по украинскому и белорусскому фольклору («Колядки та щедрівки. Зимова обрядова поезія трудового року», 1965; «Народні пісні в записах Івана Франка», 1966; «Народні балади Закарпаття», 1966 и др.).

Любопытный опыт издания, главным образом в учебных целях, произведен в Оксфорде (Англия): здесь образцы русского фольклора напечатаны в оригинале, но с обширными примечаниями и толкованиями на английском языке⁶⁰.

* * *

Примечательной особенностью славистической фольклористики наших дней является все возрастающее внимание к вопросам научной методологии и методики сравнительных фольклорных исследований. Редкая работа теперь обходится без того, чтобы ее автор не коснулся тех или иных методологических аспектов. Ряд новейших работ включает в себе обобщения по вопросам методики компаративизма и дальнейшие поиски в этой области. Дискуссионность и полемическая направленность свойственны большинству современных исследований. Толчок методологическим спорам был дан Московским съездом славистов в 1958 г. Тогда же наметились и главные пункты полемики: вся она в основном сосредоточилась вокруг вопросов о возможностях и границах применения типологической теории и о соотношении ее с теорией заимствования.

В работах советских ученых отчетливо видна тенденция к углубленной разработке различных методических аспектов историко-типологического изучения фольклора в целом и отдельных его жанров, к выявлению на почве такого изучения характерных, нередко новых для науки закономерностей народного творчества. Наибольшим вниманием в работах последних лет пользовались методические проблемы изучения

⁵⁹ «Народы европейской части СССР», I, М., 1964; «Народы зарубежной Европы», I, М., 1964.

⁶⁰ «Russian Folk Literature», edited by D. P. Costello and I. P. Foote, Oxford, 1967.

героического эпоса, баллад, несказочной прозы⁶¹. Заметно возрастает интерес к общим вопросам теории и методики сравнительных исследований в славистической фольклористике социалистических стран⁶².

Исследования теоретического и конкретно-исторического плана, осуществленные в последнее время, значительно подорвали веру в надежность традиционной методики миграционизма. Ныне убедительно доказано, что фольклорное сходство на любых уровнях может быть обусловлено общими закономерностями народного творчества, что сюжетные и иные аналогии вовсе не обязательно вызваны прямыми культурными контактами народов. Тем самым утратил силу один из главных постулатов миграционной теории. Теперь сторонникам этой теории необходимо будет всякий раз заново доказывать случаи заимствования, а значит и решительным образом совершенствовать методику таких доказательств.

Советская фольклористика не отрицает значения прямых культурных контактов в истории народного творчества. Изучение роли таких контактов в фольклоре славянских народов может многое объяснить, но лишь при условии, когда межнациональные связи, факты творческой передачи и заимствования будут доказываться, а не просто декларироваться и когда они будут рассматриваться в контексте реальной истории национального фольклора⁶³. К сожалению, в современных сравнительных исследованиях миграционистского направления сильно дают себя знать инерция и аморфность методики; не потому ли в них так мало нового и по-настоящему доказанного?

За типологической теорией — большое будущее в разработке важнейших исторических и общетеоретических проблем славистической фольклористики. Именно поэтому так важно сейчас, не повторяясь и не останавливаясь на достигнутом, стремиться к поискам новых путей ее применения, к формулированию более широких ее задач, к совершенствованию ее методики.

⁶¹ См., например: В. М. Жирмунский, «Пир Атрея» и родственные этнографические сюжеты в фольклоре и литературе, «Сов. этнография», 1965, № 6; Е. М. Мелетинский, Народный эпос, в кн.: «Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры литературы», М., 1964; А. Н. Робинсон, Эпос Киевской Руси в соотношении с эпосом Востока и Запада, «Изв. АН СССР. Серия литературы и языка», 1967, вып. 3; К. Сихарулидзе, Сравнительное изучение эпических рассказов и лирических песен, «Мацне», — Орган Отделения общественных наук АН ГрузССР, т. 4, Тбилиси, 1965; Ю. И. Смирнов, Проблемы изучения межславянской фольклорной общности, «Советское славяноведение», 1967, № 1; его же, Славянская эпическая общность (изменчивость уровней эпики), «Советское славяноведение», 1967, № 6; И. И. Голстой, Статьи о фольклоре, М.—Л., 1966. См. также названные выше работы В. К. Соколовой о преданиях, К. В. Чистова о легендах, Б. Н. Путилова об исторических балладах.

⁶² См., например: Е. Горгиев, Общо и сравнително славянско литературознание, София, 1965; K. Hařálek, Studie ze srovnávací folkloristiky, Praha, 1966; его же, Неколько напомена о упорядном методу у проучавању народне књижевности, «Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор», Београд, 1964, см. 3—4; Д. Недељковић, Фолклористика и народна књижевност у перспективи Вукове културне револуције и даљи развитак класичне «Косовке девојке», «Вуков зборник», Београд, 1966; Л. Вардьяш, О некоторых основных вопросах изучения эпических жанров, Тезисы доклада на VII МКАЭН, М., 1964; V. Voigt, [Структурно-типологические методы исследования о народном эпосе], «Ethnographia», Budapest, 1964, № 1 (пер. на русск. яз.); O. Sirovátka, Některé otázky srovnávacího studia lidové slovesnosti, «Stražnice 1946—1955», Brno, 1966.

⁶³ Важные соображения об изучении международных фольклорных сюжетов см. в статье: В. М. Жирмунский, К вопросу о международных сказочных сюжетах, «Историко-филологические исследования», сб. статей к 75-летию акад. Н. И. Конрада, М., 1967.

В той полемике, которая ведется сейчас вокруг типологической теории в связи с проблемами славистической фольклористики, многое требует внимательного анализа, иногда — разъяснений и возражений. Для понимания этой полемики во многих отношениях характерна статья известного пражского слависта К. Горалека, подводящая некоторые итоги V съезда славистов⁶⁴.

К. Горалек хорошо ориентируется в современной советской фольклористике. Он воздает должное последним ее успехам в области сравнительных исследований, в частности с похвалой отзывается о докладах, представленных Софийскому съезду. Он высоко оценивает доклад В. М. Жирмунского 1958 г. и видит его важное значение в обосновании принципов историко-типологического сравнения, в широком взгляде, в том, что идеи, высказанные В. М. Жирмунским, способствовали новому подъему сравнительных исследований. При всем том К. Горалек весьма критически говорит о развитии в наши дни сравнительно-типологических исследований фольклора. Сравнительная типология, с неодобрением замечает он, стала в славистике модой времени («Schlagwort der Zeit»), и инфляционные явления не заставили себя ожидать⁶⁵.

В действительности, однако, сравнительно-типологическая методика привлекается к анализу фактов славянского фольклора еще совершенно недостаточно. Мы еще очень далеки от опасности, на которую указывает К. Горалек. В связи с этим нельзя не возразить против одного его высказывания, имеющего принципиальный характер. К. Горалек считает одной из главных задач сравнительной фольклористики обнаружение и изучение «контактных явлений»⁶⁶. При этом он готов удовлетвориться гипотетическими выводами о заимствовании, поскольку точные выводы здесь получить трудно.

В определении задач сравнительной фольклористики сказывается прочная приверженность К. Горалека к миграционизму, хотя и не в его крайних формах. Между тем типологическая теория предполагает совсем иное понимание задач историко-сравнительного изучения фольклора. Оно не может быть сведено к объяснению фактов общности, к изучению аналогий, заимствований и т. п. Сравнительно-типологическая методика призвана служить широким задачам исторического изучения фольклора, его жанров, поэтики, проблематики. Она может содействовать раскрытию закономерностей, определяющих сходство, повторяемость или единство историко-фольклорного процесса и его элементов, успешному решению жанрово-генетических проблем, проникновению в тайны механики народного творчества с его художественной спецификой. Но для этого нужно освободиться от многих устаревших представлений, свойственных традиционному компаративизму, и органически соединить сравнительные исследования с современной проблематикой славистической фольклористики в целом.

Для современной славистической фольклористики не могут пройти незамеченными опыты по семиотическому анализу славянского фольклора и связанные с ними различные предложения по систематизации и каталогизации фольклорных материалов для обработки полученной информации средствами современной машинной техники.

Семиотика в области славянского фольклора делает, в сущности, свои первые шаги. Возможности, заключенные в ней, предстоит еще

⁶⁴ K. Horálek, Einige Bemerkungen zur vergleichenden Folkloristik auf dem v Internationalen Slavisten-Kongress, «Zeitschrift für slavische Philologie», B. XXXIII, H. 1, Heidelberg, 1966.

⁶⁵ Там же, стр. 68—69.

⁶⁶ Там же, стр. 75.

по-настоящему раскрыть. Уже появившиеся работы привлекают внимание тем, что авторы их, опираясь на принципы семиотики, стремятся обнаружить в изучаемых явлениях характерные закономерности народного творчества и поэтического языка, реконструировать модели некоторых фольклорных явлений и тем самым попытаться объяснить их генезис и поставить их в связь между собою⁶⁷.

* * *

Надо надеяться, что книги, сборники статей, научные доклады, специально подготовленные к VI съезду, дадут новый материал для обсуждения актуальных вопросов славистической фольклористики, а сам Пражский съезд, подобно Московскому и Софийскому, станет центром живых и плодотворных дискуссий, местом творческих встреч ученых многих стран и будет способствовать дальнейшему развитию исследований по истории славянского фольклора.

SUMMARY

The paper surveys the development of Slavic folklore studies since the 5-th International Slavic Congress in Sofia. Present-day Slavic folklore research is facing wide-scope problems: the common beginnings of Slavic folklore; the genesis of folklore genres and their early forms; modern trends in the people's creative work; folklore poetics; historical links and mutual exchange in Slavic and non-Slavic folklore. Their successful solution demands the implementation of comparative-historical methods. The development and perfection of a theory and methods of comparative-typological research is of major importance for Slavic folklore studies. The successful implementation of such theory and methods may bring to light the main laws governing the similarity, repetition and unity in folklore creative processes and their distinctive national and historical features; it may help to solve problems of genesis and of the specific character of folk art.

⁶⁷ См., например: Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров, Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период), М., 1965; «Тезисы докладов во второй летней школе по вторичным моделирующим системам», Тарту, 1966; «Труды по знаковым системам, II. Уч. зап. Тартусского гос. ун-та», вып. 181, 1965; то же, III, 1967; В. Гошовский, Фольклор и кибернетика, «Советская музыка», 1966, № 11. В 1966—1967 гг. Объединенная фольклорная комиссия Союза композиторов РСФСР и Московского союза композиторов опубликовала на ротаторе доклады В. Гошовского по проблемам систематизации и каталогизации народных песен и провела конференцию на эту тему. См. также: V. Pletka, Současný stav a perspektivy strojového zpracování etnografických a folklórních materiálů v ČSSR, «Ceský Lid», 1964, № 4.

Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНКЕТНО-СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ ПРИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ГОРОДА

Метод анкетно-статистического обследования уже давно вошел в практику полевой работы советских этнографов. В связи с тем, что данные официальной статистики далеко не всегда соответствуют задачам исследования различных сторон культуры и быта населения, этнографы сами проводят частные обследования с помощью специально разработанных вопросников и анкет, которые непосредственно отвечают на отдельные конкретные вопросы. Такие анкеты применяются при изучении культуры и быта, как колхозного крестьянства, так и современных рабочих. Метод статистического обследования используется обычно при разработке отдельных вопросов, которые легко могут быть выражены в количественных показателях, как например, численность и состав семьи, конструкция, планировка и размеры жилища, наличие и характер подсобного хозяйства, основные заработки и т. д., а также при изучении сложного процесса формирования рабочих кадров отдельных предприятий или районов. При освещении подобных вопросов метод анкетно-статистического обследования позволяет этнографу получить массовый, объективный и легко сравнимый материал и нацеливает на более углубленное изучение тех или иных явлений в культуре и быту. Применение анкетно-статистического метода для изучения отдельных моментов духовной жизни народа не всегда можно считать удачным¹. В лучшем случае результаты анкетного обследования показывают лишь тенденцию развития фиксируемых явлений, но не дают достаточно надежной их фактической характеристики.

С расширением области этнографического изучения, с переходом к исследованию культуры и быта различных групп городского населения и их роли в развитии национальной культуры в целом, метод анкетно-статистического обследования приобретает все большее значение. Большая численность населения городов, сложность путей его формирования, национальные, социальные, профессиональные различия и пр. ставят перед исследователем вопрос о представительности собираемого материала и о необходимости подкреплять сведения, полученные путем опроса и наблюдений, надежными статистическими данными. А это в свою очередь ведет к необходимости дальнейшего развития метода, к поискам наиболее удачных сочетаний его с другими методами, применяемыми этнографами, к определению эффективных способов анкетирования, отвечающих основным задачам исследования, а также к разработке опре-

¹ В качестве одного из таких примеров сошлемся на нашу книгу «Культура и быт колхозников Калининской области», в которой были использованы некоторые данные о читательских интересах и художественных вкусах сельского населения, собранные с помощью посемейной карточки. Однако полученные сведения, в силу их определенной односторонности не могли создать объективную картину этих видов духовной жизни людей и нуждались в значительном пополнении и корректировании за счет данных, полученных при этнографическом опросе и наблюдении семей.

деленных принципов интерпретации получаемых данных. Все эти вопросы не получили еще должного освещения в этнографической литературе.

В настоящей статье мы позволим себе поделиться небольшим опытом проведения анкетно-статистического обследования в связи с изучением культуры и быта современного городского населения и кратко остановиться на некоторых его результатах.

Как уже сообщалось в печати, в настоящее время Институт этнографии АН СССР проводит этнографическое изучение нескольких малых и средних городов, расположенных в области расселения южнорусской этнографической группы русского народа (Калуга, Елец Липецкой области, Ефремов и Новомосковск Тульской области)².

Согласно с задачами исследования, на основе анкет, применявшихся при изучении культуры и быта рабочего класса³, нами была разработана новая анкета для этнографического обследования различных социальных и профессиональных групп современного городского населения. Впервые она распространялась в г. Калуге в 1966 году, где анкетным обследованием было охвачено немного более 3% всего самостоятельного населения (всего заполнена 3401 анкета)⁴.

Анкета распространялась выборочно среди рабочих и служащих десяти трудовых коллективов различных предприятий и учреждений, в которых с 1965 г. начата стационарная этнографическая работа⁵. Эти коллективы, намеченные с учетом статистической характеристики и занятий населения Калуги, представляют, на наш взгляд, основные социально-профессиональные группы города. Из большого числа промышленных рабочих, инженерно-технических работников и служащих для анкетирования была выделена часть производственных кадров старейшего в Калуге завода транспортного машиностроения; из рабочих и служащих железнодорожного узла анкетой были охвачены коллективы, обслуживающие вокзал и локомотивное депо; из группы работников, занятых в городском транспорте, обследовался коллектив городского автобусного хозяйства; из строителей — одно из строительных управлений города. Анкета была также распространена на Калужской фабрике художественной вышивки, выросшей на базе местного промысла. Для изучения различных категорий служащих и рабочих, занятых в области обслуживания, анкетный опрос проводился среди персонала универсального магазина «Калуга», городского узла связи, одной из школ и одной из поликлиник города.

Крупные объекты, такие как завод и железнодорожный узел, обследовались частично, путем специальной выборки. Так, например, на машиностроительном заводе были взяты два из ведущих цехов (с типичным для этого предприятия составом кадров по возрасту, по рабочей квалификации, уровню образования) — около 13% от всех работающих на заводе. На железной дороге число обследованных составляло тоже

² См. Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева, Задачи и методы этнографического изучения культуры и быта русского городского населения «Сов. этнография», 1966, № 6.

³ Имеется в виду анкета, применявшаяся В. Ю. Крупянской при изучении рабочих Нижнего Тагила, а также, в несколько измененном виде, анкета С. Б. Рождественской — при обследовании ею рабочих Горьковской области.

⁴ На 1-е января 1964 г. в Калуге насчитывалось 100 тыс. чел. самостоятельного населения. Из него в отраслях народного хозяйства, к которым относятся изучаемые нами объекты, было занято 56 тыс. чел. Таким образом, анкетой было охвачено 6% от всех рабочих кадров этих отраслей или 3% от всего самостоятельного населения города.

⁵ Анкета распространялась через администрацию предприятий и учреждений и их общественных организации под постоянным наблюдением сотрудников нашей группы. Получивший анкету, как правило, заполнял ее лично. Точность заполнения анкет проверялась на месте.

12—13%. На небольших объектах (школа, поликлиника, магазин и др.) анкетой охватывались от 70 до 90% служащих и рабочих⁶.

При разработке анкеты учитывалась основная проблема исследования — определение специфики городского образа жизни, путей его формирования и роли в этом процессе отдельных групп городского населения, что требует всестороннего изучения быта. В связи с этим на первый план выдвигаются такие темы, как занятия населения, материальные условия его существования, общественные интересы, культурный уровень и др. Отсюда комплексность нашей анкеты, соединение в ней многих различных вопросов.

Анкета состоит из 47 вопросов. Два первых отмечают возраст и пол заполняющего. Пункты 3—8 ставят своей задачей по возможности проследить судьбы инонационального населения в условиях города с преобладанием русского населения. В них поставлены вопросы о национальности и родном языке опрашиваемого и его супруги или супруга, если таковые имеются, а также о языке, на котором принято говорить в семье, и о знании других языков.

Группа вопросов (9—15) направлена на выявление процессов формирования современного самостоятельного населения города из местных и приезжих жителей и отдельных черт социальной мобильности у различных групп приезжего населения. Пункты 14—16 позволяют получить характеристику профессионального состава самостоятельного населения и некоторых изменений в его профессиональной подготовке. Вопросы 17—21 подробно фиксируют уровень образования обследуемых и отмечают случаи его повышения.

Из вопросов, характеризующих область духовных интересов, в анкету включены два, как нам кажется, наиболее конкретные: о характере общественных поручений и о любимых занятиях и увлечениях.

Выяснению численности и состава семьи, включая вопросы о количестве работающих, детей (дошкольников и школьников), других иждивенцев и т. д., посвящены пункты 24—32. К ним примыкает большая группа вопросов (33—44), направленных на получение представления об отдельных сторонах быта городской семьи и материальных условий ее жизни, таких как присмотр за маленькими детьми, обеспеченность жильем и характер занимаемой жилплощади, наличие подсобного хозяйства и т. п. Пункты 46—47 призваны выявить связи городской семьи с сельскими родственниками и дать представление о характере этих связей.

Включение в анкету этнографического обследования столь широкого круга вопросов при обработке собранных материалов дает возможность получить множество разнообразных сочетаний ответов, характеризующих самые различные стороны быта в их взаимосвязях и взаимодействии.

Конечно фактические данные, полученные с помощью анкеты, не раскрывают в полной мере сути происходящих процессов. Но важно уже то, что результаты проведения анкетного опроса помогают дифференцировать интересующие нас явления и тем самым способствуют определению правильного направления их изучения.

⁶ В результате, рабочие кадры таких крупных отраслей народного хозяйства города, как промышленность и строительство, были охвачены нашим обследованием соответственно на 2,7% и 2,9%. На железнодорожном транспорте процент обследованных от всех занятых составляет 8,7%. В отраслях со сравнительно небольшим числом работников во избежание малых абсолютных чисел анкета распространялась с расчетом на получение более высокого процента обследованных. Так, обследование одной школы дало 32% всех занятых в просвещении, а обследование одного из комбинатов бытового обслуживания — 20% всех работников службы быта.

В настоящей статье мы попытаемся показать на конкретном материале, что могут дать анкетно-статистические сведения для разрешения лишь одной из важнейших проблем этнографического изучения города — формирования населения из местных жителей и различных групп иногороднего и сельского населения. Сюда же примыкают и вопросы национальной характеристики городского населения, по которым анкета также дает некоторый материал.

Население г. Калуги, за очень небольшим исключением, — русское. Из 3401 человека, заполнивших анкету, только 129 человек указали свою принадлежность к нерусской национальности, что составляет 3,7% от всех обследованных. Все инонациональное население, кроме нескольких человек — приезжее.

Преобладающее большинство их (55%) украинцы. Из остальных — самые большие группы образуют белорусы (16%) и евреи (12%)⁷. Примерно также распределяются и учтенные анкетой супруги заполнявших, нерусские по национальности (122 человека). Всего зафиксировано 192 нерусских семьи; из них — смешанных в национальном отношении 169 и едилонациональных нерусских 23. При этом во всех смешанных семьях (кроме 4-х) один из супругов — русский.

Следует также отметить, что очень многие (примерно 42% из всех обследованных), принадлежащие к различным нерусским национальностям, считают своим родным языком русский, и лишь около половины заполнивших анкету (47%) — язык своей, нерусской, национальности. Имеется также небольшое число нерусских, считающих своими родными языками русский и язык своей национальности.

Господствующим языком, на котором говорят в семье, является русский, независимо от национальности супругов и от их родного языка.

Таким образом, при этнографическом изучении Калуги мы имеем дело со сравнительно однородным в национальном отношении населением, не испытывающим, по-видимому, заметного влияния каких-либо инонациональных групп.

Анкета, проведенная в Калуге, дает представление о судьбах современного самостоятельного населения за последние 50—60 лет. В частности, весьма существенным для понимания особенностей культуры и быта городского населения является соотношение в нем коренного и пришлого элемента.

Анкета показывает, что в настоящее время на обследованных предприятиях среди работающих 69,6% составляют приезжие, т. е. не родившиеся в Калуге и прибывшие сюда в различные годы и в разном возрасте⁸. Это, однако, не означает сколько-нибудь существенных изменений в этническом составе городского населения, поскольку 2/3 приезжих являются выходцами из городов и сел Калужской области (62% от всех приехавших). Остальные (примерно треть) приезжие⁹ состоят поровну из выходцев из городов и сел пяти соседних областей¹⁰, других областей Европейской части РСФСР и бывших жителей Сибири и Дальнего Востока, а также других республик страны.

Мы узнаем далее, что подавляющее большинство приезжих (2/3) в прошлом — сельские жители. При этом свыше 80% их падает на выходцев из Калужской области. Следует заметить также, что удельный вес

⁷ Из других национальностей чаще встречаются татары и армяне.

⁸ Остальные 30,4% распределяются между собственно калужанами (22,4%) и жителями пригородов Калуги (8%). В дальнейшем изложении и те и другие рассматриваются как местные.

⁹ Включаются 74 невыясненных случая.

¹⁰ Области Московская, Рязанская, Тульская, Брянская и Смоленская.

«сельского» приезжего населения среди выехавших из Калужской области составляет 88%, тогда как среди прибывших из других областей РСФСР и других республик — всего 28%. Таким образом, Калуга, как вероятно, и многие города, сходные с ней по характеру экономического развития и историческим судьбам, являясь промышленным и административным центром области, притягивает в основном сельское население своей ближайшей округи.

Посмотрим, как распределяется приезжее население в городе. Наличие в составе рабочих кадров большого числа приезжих характерно для всех десяти обследованных объектов. Процент их колеблется от 60 до 93%. На первом месте по числу приезжих стоят такие предприятия как строительное управление (93%), узел связи (90%), автоколонна (77%). Здесь же наблюдается и наибольший процент приезжих из сельской местности. Заметим, что развитие данных предприятий находится в непосредственной зависимости от роста города, его промышленности, его благоустройства. Постоянно существующий спрос на рабочие руки на этих предприятиях, а также некоторые льготы в отношении жилья и устройства в городе (особенно у строителей) стимулируют приток сюда населения. Кроме того, большинство профессий строителей, водителей, почтовых работников не требует длительной профессиональной подготовки, что также облегчает приезжим устройство на работу в городе.

Интересно, что наименьший процент приезжих (60%) дает машиностроительный завод — старейшее промышленное предприятие Калуги¹¹. Причина кроется в значительной степени в наличии уже устоявшихся кадров, а также в повышенных требованиях к профессиональной подготовке.

Время приезда, возраст, социальный и профессиональный состав приехавших тесно связаны с основными этапами развития индустрии и сельского хозяйства в стране. Анализ данных анкеты о времени приезда в город дает следующие результаты. Среди самодельного приезжего населения приехавшие в дореволюционное время и в годы гражданской войны исчисляются буквально единицами. Небольшой процент составляют также и те, кто приехал в 1921—29 гг. (немного более 3%). Большинство людей, которые могли в то время приехать в Калугу, уже вступили в пенсионный возраст и не были охвачены нашим обследованием самодельного населения¹². Но можно предположить, что их было сравнительно немного, так как город до 1930-х годов не имел достаточного развитой промышленности.

Материалы анкеты отразили значительный приток населения в город в 1930-е годы — период создания социалистической индустрии и перестройки сельского хозяйства (свыше 14% всех приехавших). 7,5% приезжего самодельного населения прибыло в годы Великой Отечественной войны. Массовое пополнение рабочих кадров города в связи с интенсивным ростом промышленности происходит в послевоенные годы. Прибывшие в 1948—59 г. составляют около 47% всех приезжих, а прибывшие с 1960 по 1966 г., т. е. за 6 последних лет — свыше 25%. Отсюда следует, что более 70% всех приехавших — сравнительно недавние жители Калуги, а они, по нашим данным, составляют почти половину современного самодельного населения города. При этом, как уже говорилось, 2/3 приезжих являются бывшими жителями села. Приток

¹¹ В 1964 г. отмечали его 90-летие. Современный машиностроительный завод вырос из мастерских Сызрано-Вяземской железной дороги.

¹² Из анализа материалов анкеты о причинах и обстоятельствах приезда в город выясняется, что почти все прибывшие до 1930-х годов приехали с родителями в детском возрасте.

населения в город из сельской местности всегда намного превышал приток из городов. Лишь в последние годы наблюдается некоторое выравнивание этих показателей, что, вероятно, находится в связи с подъемом сельского хозяйства и повышением культурного уровня деревни, развитием промышленных предприятий на селе, а также в связи с ростом механизации и автоматизации промышленности в городе. Но в целом можно говорить о сильном влиянии сельского элемента на развитие быта горожан, особенно в некоторых их группах (например, строителей, транспортников) по крайней мере в отношении последних 30—40 лет.

Уже эти приведенные здесь данные свидетельствуют о том, насколько важен для этнографии города вопрос о влиянии сельского населения в городское. Интерес представляет не только процесс перестройки быта вчерашних сельских жителей в условиях города, но и то влияние, которое они в свою очередь оказывают на городское население. Большое теоретическое и практическое значение приобретает вопрос о взаимодействии в условиях города сельских и городских черт культуры, традиций, привычек, вкусов. Такое взаимодействие ярко проявляется, например, в хозяйственной жизни семьи, в питании, характере развлечений, в проведении досуга, в семейных обрядах и др.

Распределение самостоятельного населения по возрасту показывает, что преобладающим как среди местного населения, так и среди приезжего (из городов и сел) является возраст от 20 до 49 лет. При этом самую многочисленную группу составляют люди 30—39 лет, особенно у населения, приехавшего из сельской местности. У приезжих из села наблюдается и некоторое повышение показателя (по сравнению с местными и приехавшими из городов) для группы 40—49 лет. При этом напомним, что большая часть населения, в том числе и сельского, приезжала в город в течение последних десяти—пятнадцати лет. Отсюда следует, что прибывшие — люди молодые, но уже со сложившимися взглядами и определенным устоявшимся образом жизни¹³. И это также необходимо учитывать при изучении культуры и быта городского населения.

Интересно отметить, что среди самостоятельного населения процент работников младших возрастов (16—19 лет) невелик. У местного населения он достигает 13%, у городских приезжих — 9%, а у сельских — 8%. Видимо, молодежь в этом возрасте еще продолжает, в основном, учиться. Более высокий процент работающей молодежи среди местного населения объясняется большими для них возможностями сочетать работу с учебой. Можно предположить, что юноши и девушки 16—19 лет, приезжая в город, прежде всего стремятся поступить на учебу, чтобы получить специальное образование и профессиональную подготовку. Такое предположение подтверждается данными анализа причин и обстоятельств приезда в город.

Наиболее частой причиной переезда в город называют учебу. (Переезд в город на учебу у мужчин стоит на третьем месте после «других причин» и «возвращения из армии»). Переезд в город на учебу равномерно прослеживается (особенно у мужчин) на всех этапах развития советского общества, начиная с 1930-х годов. Эта причина наиболее распространена среди приезжих из городов и сел Калужской области и из сел соседних областей, что вполне естественно, поскольку Калуга является значительным культурным центром для своей округи. Многие также указывают, что они приехали с родителями, т. е. в детском возрасте.

¹³ Анализ данных о возрасте и времени приезда в Калугу свидетельствует, что большая часть населения приезжала в возрасте от 25 лет и старше или детьми до 16-ти лет (видимо, с родителями). Последнее означает также пополнение горожан людьми зрелыми, уже имеющими семью.

Значительное пополнение самостоятельного городского населения происходит также за счет мужчин, приезжающих сюда после службы в Советской Армии. Для мужчин (не местных), приехавших в Калугу в период 1946—66 гг. этот фактор является одним из основных.

Большое число приезжих, начиная с 1930-х гг. в городе появлялось после учебы. Часть населения постоянно приезжала к родственникам и землякам. Таких больше среди приехавших из села, что, вероятно, связано с очень старой и еще живущей в наши дни крестьянской традицией взаимопомощи, особенно семейно-родственной. Включение на более или менее длительное время сельских родственников или земляков в городскую семью сказывается на всем ее быте, на внутренних взаимоотношениях, на связях с селом.

Женское население указывает часто причину приезда в город — семейные обстоятельства (как правило — замужество). Интересно, что для женщин эта причина является таким же значительным фактором (с 1946 г.), как для мужчин — возвращение из армии.

Можно заметить, что приезд в Калугу по причинам и обстоятельствам семейного порядка (с родителями, по семейным обстоятельствам, к родственникам и землякам) более характерен для прибывших из отдаленных мест (Средняя Азия, Сибирь и Дальний Восток, Кавказ). Причины, которые называют приехавшие из ближних мест значительно разнообразнее. Большинство их (на учебу, на работу после учебы, на работу после армии, по оргнабору) носят социально-экономический характер и связаны с развитием города, как промышленного и административно-культурного центра. К ним же следует отнести и большинство ответов, объединенных под рубрикой «другие причины», наиболее распространенные среди многих групп приезжих. Как выяснилось при расспросах населения, люди, приезжавшие в город, чаще всего искали лучшего устройства в жизни, возможностей получить квалификацию, более удовлетворяющую их работу и т. п.

Это заключение согласуется с общими данными об уровне образования самостоятельного населения, которые до некоторой степени могут быть привлечены для характеристики процесса его формирования.

Анкетные материалы свидетельствуют, что наибольшей и среди местного, и среди приезжего населения (как у мужчин, так и у женщин) в настоящее время является группа с неполным средним образованием (30—47%). На втором месте у местных мужчин стоит группа с образованием в 5—6 классов (18,7%), на третьем — с законченным средним образованием (14,1%). У мужчин, приехавших из городов, второе место занимает группа имеющих дальнейшее образование (законченное или незаконченное высшее или среднее специальное образование — 22,9%), а третье место — окончивших среднюю школу (16,8%). Несколько иначе распределяются по образованию мужчины, приехавшие из сельской местности. На втором месте у них, также как и у местных, стоит группа с образованием в 5—6 классов (7,1%), на третьем же — с начальным образованием (10,2%).

Примерно такую же картину дают материалы об образовании женщин. У женщин более высокий уровень образования также наблюдается у группы приехавших из городов. В этой группе лица со средним и дальнейшим образованием составляют 50% (занимая второе и третье место после лиц с неполным средним образованием), в то время как у мужчин этой группы — 39,7%. У местных женщин имеющие среднее и дальнейшее образование составляют 30%, у мужчин же — 23,4%. Среди сельских приезжих женщин среднее и дальнейшее образование имеют 24,5%, а среди сельских приезжих мужчин — 17%.

Из приведенных данных видно, что уровень образования у женщин во всех группах по сравнению с мужчинами несколько выше. Но в то же время у женщин, особенно у местных и городских приезжих резче выражено расхождение между группами с начальным образованием и со средним и выше¹⁴. Расхождение это менее заметно у сельских приезжих.

Таким образом, приведенные сведения показывают, что уровень образования городских приезжих выше по сравнению с другими группами самодеятельного населения. Это связано с тем, что пополнение самодеятельного населения промышленного города выходцами из других городов происходит главным образом за счет специалистов в различных областях трудовой деятельности. Сельское приезжее население, как мы видим, по образованию отличается более низкими показателями, в чем, несомненно, сказывается и сравнительно более низкий уровень образования сельского населения в целом. Из села городское население пополняется главным образом рядовыми тружениками, приходящими сюда в основном на работу, а также для приобретения рабочей профессии или повышения трудовой квалификации. Напомним, что в свое время немалую роль в вовлечении в промышленность сельского населения с 5—6-классным образованием, сыграла подготовка рабочих кадров через систему трудовых резервов¹⁵.

Выявленные анкетой различия в уровне образования отдельных групп местного и приезжего населения, несомненно, сказываются в особенностях их культуры и быта и поэтому должны обязательно учитываться при этнографическом изучении горожан.

Теперь рассмотрим современное самодеятельное население, в том числе и приезжее, по его социально-профессиональной принадлежности.

Среди всех категорий обследованного населения преобладают рабочие и именно рабочие со средней квалификацией. Это особенно характерно для сельского приезжего населения. Среди местных рабочих число людей со средней квалификацией лишь немного превышает показатель по высшим квалификациям. Городские же приезжие, наоборот, отличаются преобладанием высококвалифицированных рабочих.

Вторую по численности группу образуют служащие среднего и мало-квалифицированного труда обслуживания. При этом преобладают служащие малоквалифицированного труда. Наименьший перевес их над служащими средней квалификации показывают городские приезжие.

Среди работников инженерно-технического и технико-экономического труда специалистов с высшим и средним специальным образованием больше, чем специалистов-практиков. Особенно большой перевес их (в 3 раза) наблюдается у приезжих из городов, тогда как у местных кадров и у сельских приезжих показатели почти сближаются.

Из группы служащих-специалистов в области просвещения и медицины у местного и у сельского приезжего населения преобладают специалисты со средним образованием, тогда как у городских приезжих — с высшим.

Таким образом, по уровню профессиональной подготовки в современном самодеятельном населении г. Калуги наблюдаются заметные различия между местными кадрами и приезжими из городов и сельской местности. Можно сказать, что городское приезжее население отличается

¹⁴ Так, например, среди местного населения женщин со средним и дальнейшим образованием в 6 раз больше, чем женщин с начальным образованием, в то время как у местных мужчин — лишь в 2,5 раза.

¹⁵ Расхождение в показателях уровня образования между сельскими и городскими приезжими вряд ли можно объяснить возрастными различиями, поскольку эти различия незначительны.

ся от местного сравнительно более высокими показателями, тогда как сельское — более низкими.

Каковы же эти приезжие кадры, пополняющие самостоятельное население Калуги, каков был характер занятий прибывших до переезда в данный город и как складывается их трудовой путь в новых условиях?

Анкета показывает, что большая часть приезжего населения до переезда в город не работала ни в одной из отраслей народного хозяйства. К ним относятся 65% всех приехавших из сельской местности и 56% — из городов. Это бывшие учащиеся (36—24%)¹⁶ и дети (20—15%), бывшие военнослужащие (5—8,5%) и домашние хозяйки (ок. 4%). Если учесть, что подавляющее большинство приезжало в Калугу после Отечественной войны и особенно в последние 6—7 лет, то можно будет сказать, что в основном эта часть современного самостоятельного населения — сравнительно молодые кадры трудящихся, сформировавшиеся уже в условиях данного города.

Бывшие учащиеся (и городские и сельские) в значительной степениполнили ряды рабочего класса и инженерно-технических работников. При этом выходцы из города дали больше рабочих средней и высокой квалификации и ИТР с высшим и средним специальным образованием (около 60% от всех бывших учащихся, приехавших из городов), тогда как среди прибывших из села первые три места занимают рабочие средней и высшей квалификации, а также неквалифицированные рабочие (75% от всей этой группы). В этой же группе значительный процент составляют служащие малой квалификации, занятые трудом обслуживания (11%). Остальные 14% бывших учащихся из сельских приезжих распределяются между служащими средней квалификации, ИТР со средним и высшим образованием, ИТР — практиками и интеллигенцией, занятой в области медицины, просвещения и др. Среди приезжих из города той же категории, наоборот, значительное место занимают представители интеллигенции с высшим и средним специальным образованием (16%), а остальные 24% распределяются между неквалифицированными рабочими, служащими малой и средней квалификации и ИТР — практиками.

Для групп, приехавших в Калугу детьми из села и города, характерно сходство в распределении населения по профессионально-социальной принадлежности. Большая часть приехавших детьми стали рабочими средней и высшей квалификации (48—45%), другие — малоквалифицированными служащими и неквалифицированными рабочими (31—34%). Остальные распределяются (более или менее равномерно) по другим социально-профессиональным группам. Сходство показателей для сельских и городских жителей, прибывших в Калугу детьми, объясняется, вероятно, тем, что их трудовая биография складывалась в одинаковых условиях данного города.

Мужчины, бывшие военнослужащие, стали в основном квалифицированными рабочими и инженерно-техническими работниками. Меньше всего их среди служащих. Как известно, в рядах Советской армии многие молодые люди повышают или приобретают технические навыки, квалификацию.

Небольшая группа бывших домохозяек, включившихся в общественное производство в данном городе, распределяется главным образом между неквалифицированными рабочими и служащими малой и средней квалификации. Это в равной мере относится к приехавшим и из города, и из села.

¹⁶ Первое число означает приехавших из села, второе — из города.

Та часть обследованного нами приезжего населения, которая еще до прибытия в Калугу была самодеятельной, составляет среди «городских» — 44 %, среди «сельских» — 35 %. Из городов приезжали в основном рабочие (30 % из 44 %) и служащие (13 %) ¹⁷. Из сел в город направлялись также более всего рабочие (около 20 % из 35 %), меньше крестьяне (10 %), а также служащие (около 6 %). Последние данные раскрывают интересный факт. Оказывается, что из сельской местности прибывших непосредственно из колхозов в два раза меньше, чем рабочих.

При сопоставлении приведенных сведений с другими этнографическими материалами, в частности собранных в семьях тех же рабочих, мы узнаем, что как правило они — совсем недавние выходцы из колхозов, работавшие сначала на небольших предприятиях в селах, в районных центрах, на железной дороге, а также в совхозах. Не случайно, что рабочие, приехавшие из сельской местности, в большинстве своем не имеют высоких рабочих квалификаций. Так, анкета свидетельствует, что 38 % от всех рабочих, приехавших в Калугу из села в настоящее время, заняты неквалифицированным рабочим трудом. Рабочие средней квалификации составляют 33 %. Интересно, что примерно так же распределяется и большая часть тех, кто до переезда в город работал в колхозе. Из этой группы приехавших неквалифицированные рабочие составляют 44 %, рабочие средней квалификации 32 %.

Другую картину дают рабочие, приехавшие из городов, 35 % их — высококвалифицированные рабочие, 28 % — рабочие средней квалификации. Можно сказать, что общий уровень профессиональной подготовки у «городских» рабочих выше, чем у «сельских» рабочих и у бывших крестьян, которые в условиях сельской местности не были связаны с крупной индустрией.

Служащие, приехавшие из городов и из сельской местности, за небольшим исключением остались служащими. Но уровень профессиональной подготовки «городских» заметно выше, чем у «сельских». Так, если у последних около 50 % составляют служащие средней и малой квалификации, то у «городских» 40 % приходится на инженерно-технических работников и других специалистов с высшим и специальным средним образованием ¹⁸, что, вероятно, является результатом обычного перераспределения кадров специалистов между городами с развивающейся промышленностью. Из села же пополнение городов по крайней мере за последние 10—15 лет идет, как показывают данные, в основном за счет уже образовавшихся здесь особой группы населения — сельских рабочих. Однако по этнографическим материалам, собранным в городе среди бывших сельских рабочих, и по опыту изучения сельской жизни мы знаем, что быт этих людей в силу ряда обстоятельств (условия жизни в сельской местности, семейно-родственные связи, сила традиции и т. п.) мало отличается от быта их односельчан — колхозников.

Эти материалы во многом дополняют и сведения о распределении современного самодеятельного населения по социальному происхождению. Разработки анкеты показывают, что среди самодеятельного населения Калуги в настоящее время преобладают люди, вышедшие из рабочих семей (48,4 %). На втором месте стоит группа выходцев из крестьян (33,8 %), на третьем — из служащих (13,9 %). Незначительную часть составляют лица, вышедшие из социально-смешанных семей (преобладает рабоче-крестьянское происхождение).

¹⁷ Лиц, занимавшихся сельскохозяйственным трудом — единицы.

¹⁸ Среди служащих из сельских приезжих эта группа составляет 21 %.

К группе населения с рабочим происхождением принадлежит свыше 60% местного, почти половина всего городского приезжего населения и более 1/3 сельских приезжих (38%). Около половины приехавших из села — по социальному происхождению — крестьяне. Из крестьян же вышло и более 25% городских приезжих и свыше 13% калужан. Небольшую группу самостоятельного населения по происхождению из служащих образуют, во-первых, городские приезжие, во-вторых — калужане и небольшое число сельских приезжих.

Следовательно, подавляющее большинство приехавших из села, независимо от их настоящего социально-профессионального положения, в предыдущем поколении — крестьяне и переход их из одной социальной категории в другую произошёл совсем недавно. Отсюда неудивительно, что в их быту, в привычках, вкусах и взглядах еще продолжают сильно сказываться сельские традиции. Но в то же время в городе, как показывают рассмотренные материалы, основную массу населения составляют рабочие не только по положению, но и по происхождению. Их быт уже сравнительно давно стал обретать устойчивые городские формы, хотя и испытывает постоянное воздействие со стороны непрерывно прибывающих в город бывших сельских жителей. В свою очередь, у бывших сельчан в условиях города и под влиянием городских традиций, господствующих у основной массы населения, идет активный процесс перестройки культуры и быта. При этом и интенсивность изменений в быту, и степень воздействия сельского элемента на горожан во многом зависят от социально-профессионального состава городского населения, определяются особенностями быта отдельных его групп.

Выявление социальных групп в населении современного города, отличающихся в то же время и специфическими особенностями культуры и быта составляет, как уже говорилось, важнейшую проблему всего исследования, с которой тесно связаны и вопросы формирования населения. По этой проблеме анкета также дает надежный фактический материал. Статистические данные обнаруживают у различных социально-профессиональных групп современного городского населения определенное сходство и различие в уровне общего образования и профессиональной подготовке, в социальном происхождении, в связях с селом, в материальных условиях жизни и т. п. — т. е. в факторах, во многом определяющих развитие быта. Намечаются также и более или менее тесные связи между отдельными группами населения. Однако рассмотрение материалов анкеты под этим углом зрения является уже предметом дальнейшего исследования.

SUMMARY

In the course of ethnographic studies of Russian urban population in Kaluga city (1966) the workers and employees of ten industrial plants and offices (in all 3.2 p. c. of the economically active population) were investigated by a sample survey conducted through questionnaires. The materials gathered are of great interest for solving one of the most important problems in urban ethnographic studies, i. e. the share of local, other urban, and non-urban components in forming a city's population. In the population under study 69.6 p. c. were immigrants to the city, two-thirds of them — from non-urban localities; this fact is essential for the understanding of many features of the urban population's culture and everyday life. In analysing data on the time and causes of migrations, on the composition of arrivals by age, profession, social position we learn much about their ethnos, social mobility, professional training etc. All this helps to differentiate the culture and everyday life of various urban groups, and to reveal their ethnographic peculiarities.

К. Вилкуна

НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА ФИНЛЯНДИИ

(ХОЗЯЙСТВО, ПОСТРОЙКИ, СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ)

Финляндия как по географическому положению, так и по народной культуре является частицей старой Европы. Благодаря северному, окраинному положению страны и редкому населению, в народной культуре Финляндии до наших дней сохранились весьма древние бытовые явления и отдельные своеобразные черты, происхождение которых из различных культурных центров можно установить даже теперь.

Древнейшей формой хозяйства финнов были охота и рыболовство, т. е. присваивающее промысловое хозяйство, которое в редкостно однообразных формах, не зависящих от языковых и племенных различий, распространилось в зоне хвойных лесов всей Северной Европы от Атлантического океана до Урала и которое в более ранние периоды господствовало и южнее, в лесах и бассейнах рек Средней Европы. Второй, более поздней, формой было сельское хозяйство (скотоводство и земледелие), древнейшие черты которого связывают юго-западную Финляндию с Эстонией и вообще с Прибалтикой.

Как в самих этих древних комплексах хозяйства, так и в народной культуре Финляндии в целом встречаются сотни одиночных и комплексных явлений, различных по структуре и по давности, принадлежащих к так называемым культурным заимствованиям. Эти культурные заимствования разделяются на две главные группы: одни возникли под восточным, другие под западным культурным влиянием. Первые проникли в Финляндию от славянских народов Восточной Европы, из Византии, вторые шли из Рима и от его преемников, через Среднюю и Западную Европу. Пути этих культурных новшеств часто скрещивались в Финляндии; на этнографических картах граница между районами с преобладающим восточным и районами с преобладающим западным влияниями проходит приблизительно от города Хамина к городу Коккола.

Важнейшие особенности промысловой культуры — это ее естественность и детально обдуманная и удивительно связанная с природой целесообразность. Люди не оставляли на окружающей их природе отпечатка, а, наоборот, стремились как бы замаскировать свое существование, сохранить окружающую их природу такой, какой она была в течение тысячелетий. Жилища — дерновые землянки и конические шалаши (kota) — напоминали крупные кочки, предметы домашнего обихода были небольшими и изящными, люди чаще всего передвигались пешком, в обуви с мягкой подошвой, по снегу ходили на легких лыжах, по воде передвигались в похожем на ствол дерева долбленном челноке или в маленькой лодке. Еще лучше был приспособлен к природе охотничий инвентарь. Целью всего этого было — жить, не спугивая дичь, так, чтобы охотник во всякое время года мог получить как можно больше добычи. Он должен был существовать тем, что природа предлагала ему в готовом виде. А так как природа имеет строгую сезонную цикличность, то и

представитель промысловой культуры должен был приспособливать к ней свою деятельность. Таким образом, если не исчезала дичь, все годы были похожи один на другой, а это затрудняло всякое развитие.

Общины состояли из нескольких семей, которые жили в поселениях с жилищами шалашного типа. Из года в год общины кочевали по одному и тому же довольно обширному угодию, чаще всего в пределах какой-нибудь небольшой водной системы, где водилась разная дичь. Из жилья в жилье люди перебирались по многу раз в году в зависимости от того, где они промыслили дичь.

Промысловая культура в ее чистом виде, т. е. без малейшей примеси скотоводства и земледелия, не встречается в Финляндии уже сотни лет, исключение составляют лишь лопари-колтта. Все же можно реконструировать довольно достоверную картину того, что представлял собой промысловый комплекс и каким образом он был связан с природой и в особенности с жизнью дичи.

Самым тяжелым временем года была ранняя весна, когда толстый лед мешал рыбной ловле, а охота на крупного зверя как всегда зависела от случайностей. Только промысел тюленя был в это время обеспечен. В Ботническом заливе он начинался одновременно с периодом спаривания тюленей, признаком которого было то, что самки тюленей лежали на льду, поджидая самцов. Передвигаясь на скользящем по льду охотничьем щитке типа полоза (ајориц), охотники быстро осматривали обширный район, и заметив самку тюленя, приближались к ней, подражая движениям и голосу самца, на расстояние, с которого тюленя можно было достать гарпуном. В Финском заливе промысел тюленя начинался уже в середине зимы и носил иной характер — объектами его были детеныши и ухаживающие за ними самки. Тюлень был хорошей добычей: из него получали питательный жир, черное мясо и чрезвычайно прочную кожу для обуви, сумок и т. п.

После периода охоты на тюленя следовало время лова лосося. Рассмотрению различных способов лова лосося я посвятил один из своих докладов — «Этнографическое изучение промысла лосося в Финляндии» («Советская этнография», 1956, № 4, стр. 68—72). Лосось почти в течение полугода служил обильной добычей рыбакам. Но для обеспечения бесперебойного успешного лова требовался ряд различных рыболовных снарядов, а также знание способов ловли. Характер рыболовного снаряжения определялся исключительно повадками лосося в разные времена года, т. е. снасть должна была быть предельно целесообразной. Неводами и сетями продолжали пользоваться и поздней осенью, когда люди поднимались по большим рекам вверх, на озера, где в знакомых тонах метал икру ряпушка и сиг.

Одновременно начинался лов лесных птиц, причем, пока глухари и тетерева искали корм на земле, применялись различные ловушки (ansat, loukut, satimet), позднее же, зимой, на суках деревьев расставлялись силки (lahdot). Промысел пушных зверей происходил зимой, охотник был вооружен луком и стрелами и пользовался помощью собаки. С выпадением глубокого снега начиналась охота на дикого оленя в местах зимовок стад (kiekeröt), а также охота на лося и медведя. Основной инвентарь охотника в это время составляли лыжи и рогатина. Наступление весны, появление тюленей на льдинах и ожидаемое прибытие лосося заставляли общину опять перекочевывать на берег моря, и хозяйственный цикл повторялся.

Знание повадок дичи и собирание диких растений, например борщевика, щавеля и ягод, были в каменном веке, конечно, такими же, как и в наши дни, и поэтому определенный примитивный инвентарь требовал-

ся уже тогда, когда человек только основывал на Севере свое хозяйство на готовых дарах природы. Таким образом, луки, стрелы, остроги, копья, крючки, заколы для рыбы, неводы, сети, силки, ловушки и т. д. составляли комплекс промысловых снарядов, необходимых для лова добычи в течение целого года. Отсутствие хотя бы одного из них нарушило бы возможность постоянного обеспечения людей питанием, тем более, что крупных запасов не было, и люди большей частью имели ровно столько, сколько требовалось для непосредственного потребления. В связи с этим классификация инвентаря по типологическим эволюционным сериям, характерная для старой этнографической школы, представляется весьма искусственной. Каждая снасть или орудие лова имеет свое определенное, отличное от других назначение. Инвентарь и его использование можно считать поистине гениальными изобретениями для обеспечения пропитания и облегчения борьбы за существование. Формы его обусловлены природой, продиктованы целесообразностью и техникой применения.

В виде побочного промысла охота и рыболовство сохранились до наших дней. Но уже в доисторические времена наряду с ними возникает собственно культурная деятельность — земледельческое хозяйство, резко отличающееся от хозяйства, основанного на потребительском пользовании природою, которое нельзя соотнести с определенным историческим периодом и которое неспособно к развитию. Земледелец всегда налагает на природу свой отпечаток, он изменяет ее. Он расчищает лес под пашню и живет оседло на сравнительно ограниченной площади. Своими руками он выращивает различные злаки и плоды, делает запасы и, своим трудом способствуя их накоплению, тем самым достигает более независимого положения. Имущество и рабочая сила становятся важнейшими ценностями, и это является основой дальнейшего развития хозяйства.

Переход от промысловой культуры к земледельческой не был резким. Дело в том, что примитивное скотоводство, т. е. наличие небольшого стада оленей и овец, сочеталось с потребительским хозяйством. Олень мог прокормиться на пастбище круглый год, а овца довольствовалась зимой хвоей и заготовленными летом березовыми вениками. Кроме того, их можно было легко перегонять при годовых перекочевках, и поэтому, после собаки, овцу и оленя следует считать древнейшими домашними животными у жителей древней Финляндии. На это указывают и лингвистические данные, согласно которым названия этих животных *repä* (собака), *rogo* (олень) и *uuhä* (овца) относятся к очень древней финской самобытной лексике. Название же коровы, *lehmä*, также является древним и незаимствованным, однако не вполне установлено, какое домашнее животное называли вначале этим словом: возможно, оно означало просто самку любого животного. Во всяком случае, наличие коровы мешало перекочевкам зимой и даже летом (если приходилось переправляться через большие реки и озера). Поэтому наличие коровы характерно для земледельческого хозяйства, хотя корм для нее добывался в рощах и на естественных лугах.

Археологи высказывают хорошо обоснованное предположение, что народ, которому принадлежала культура «ладьевидных топоров», уже занимался скотоводством. На это указывает выбор местожительства. Влияние же этой культуры прослеживается в юго-западной Финляндии с конца каменного века (начиная примерно с 1800 г. до н. э.).

Малорослая лошадь того времени также была очень неприхотливой; зиму она могла прокормиться осиновой корой и сухими листьями. Ее название, *hepo*, общее для всех прибалтийско-финских языков, указывает

на давность ее приручения. В древности лошадь была не упряжным, а верховым и вьючным животным. Собака и, возможно, олень использовались значительно ранее лошади для тяги керёжки, *ahkiö*. Первыми упряжными животными для работы на полях и пожогах были волы, которых вплоть до конца прошлого столетия земледельцы юго-запада Финляндии запрягали парой.

Собственно земледельческая культура начинается в Финляндии не позже начала нашей эры. В это время население, волнами переселявшееся в юго-западную Финляндию из Эстонии, было уже типично земледельческим. Но охотничий промысел сохранял важное значение, в особенности в связи с развитием обмена пушниной. На этой основе возникает современная крестьянская культура провинций Варсинайс-Суоми, Сатакунта и Хяме. Для этих мест были свойственны сравнительно небольшие поселения, листовенные пожоги и пахотные поля, а также широкое развитие охоты и рыболовства.

Жизнь была сосредоточена в тесно застроенной деревне. Деревню окружали два больших поля, которые поочередно были — одно под рожью, другое — под паром; небольшая часть полей была засеяна ячменем, овсом, льном и пшеницей. За полями лежали обширные запущенные после подсеки земли (*varve*), на которых начинал пробиваться молодой листовенный лес; периодически часть кустарниковой земли выжигалась под поле, остальная же часть служила выгоном и местом для сбора листьев. Цикл эксплуатации кустарниковых земель (*varve*) занимал около двадцати лет. Таким образом, подсека сочеталась с перелогом. Естественные луга были расположены дальше — в прибрежных полосах. Важнейшим земледельческим орудием было рало (*koukku* или *auga*) с круто изогнутой лемешницей. Другое рало, *huhtakoukku*, имело, наоборот, почти прямую лемешницу. Рабочими животными были волы, пара их при помощи привязанного к рогам ярма (*ies'*) и дышла тянула рало или борону-суковатку, навозный короб или рабочие сани.

Интересно отметить, что некоторые архаичные черты юго-западного земледельческого хозяйственного комплекса Финляндии связывают этот район с южной Швецией, Данией и низовьем Вислы. Например, наиболее близкими финско-эстонскому лобному ярму и финскому ралу (*koukku* и *auga*) являются найденные в болотах Дании ярма и рала, которые датируются примерно началом нашей эры, а также рала, найденные в некоторых местностях средней Швеции и провинции Сконе. То же самое можно сказать о древнейших типах серпа и отчасти о цепях, родственные формы которых встречаются в Эстонии и южнее ее. Борона, рабочие сани, примитивная телега и различные способы консервации продуктов также связывают данный район с юго-западной Прибалтикой.

Совершенно иные формы имеет древняя земледельческая культура восточной Финляндии. Незадолго до начала нашей эры карельские охотники и земледельцы оседлых поселений, жившие на ограниченной площади, превратились в крестьян-пионеров, занимавшихся подсечным хозяйством и быстро продвигавшихся на север и северо-запад. Они заселили провинцию Саво и старые лесные угодья племени хяме в средней Финляндии, продвинулись в среднюю и северную Похьянамаа, переселились за море в необитаемые леса средней Швеции, а в XVII веке, правда, главным образом как ссыльные, оказались даже в Новой Швеции, т. е. в окрестностях р. Делавар в Северной Америке. Всюду они осваивали леса хвойного и смешанного типа, снимали один-два урожая и вновь расчищали под пашню новые леса. Где почва была пригодна для земледелия, как например на водоразделах, и где неподалеку имелось рыбное озеро или река, там возникал более или менее постоян-

ный хутор, а вскоре и родовая деревня; размещение построек ее было разбросанное, инвентарь бедный, но как рабочий коллектив она была сплоченной.

Это стихийное переселенческое движение было связано с культурными заимствованиями от русских, в основном от групп, живших в районе Ильмень-озера. К этим культурным заимствованиям я возвращусь немного позднее.

Лиственные рощи, которые выжигались под пашни в старом земледельческом районе — в западной Финляндии и Карелии, было легко подготовить к поджогу: нужно было только заблаговременно свалить деревья и дать им хорошо высохнуть до выжигания. На суглинках почва легко достижима, так как она покрыта только легкой, быстро гниющей поверхностной растительностью.

Иначе дело обстоит в девственных хвойных лесах. Там почву всюду покрывает сыроватый слой гумуса (*kuntta*), состоящий из полугнилого мха, стеблей вереска, брусники, черники и т. п. Уничтожение этого слоя было одной из важнейших задач подсечно-огневого хозяйства в хвойных лесах. Слой *kuntta* преодолевался простым, но требующим много времени способом, а именно подсочиванием деревьев (финский термин «*ruättäminen*»). Занимающийся подсечным хозяйством коллектив ставил по границе лесного участка свои отметки на деревьях и сваливал мелкий лес (такой участок назывался *rukälikkö*). Крупные же деревья только подсочивались, т. е. на них делали зарубки и сдирали часть коры. В таком состоянии лес оставляли стоять не менее десяти лет. За этот срок крупные деревья высыхали, в то время как пни деревьев, срубленных сырыми, не засыхали, а медленно гнили. Лиственные деревья вообще нельзя подсочивать, так как, если их повредить, они гниют, а не засыхают.

Итак, один занимающийся подсечным хозяйством коллектив должен был владеть по меньшей мере десятью «созревающими» подсеченными участками леса. Участки поочередно вырубались, высушивались и выжигались, затем превращались в пашню на год-два, редко три, после чего истощенный участок забрасывался. Постепенно люди продвигались все дальше, на новые земли. В первые годы урожая бывали часто невероятно обильными. Хлеба хватало даже большой группе населения, которая смело переселялась все дальше от своих исконных деревень в Карелии и Саво.

Древнее подсечное земледелие составляло в свое время на редкость своеобразный комплекс, многие черты которого перешли и в позднейшую восточно-финскую народную культуру. Предприимчивое семейство, если у него имелись с собой топор, нож, копье, лук и небольшая сеть, а в котомке семена, два-три куса железа для лемеха, сохи и серпа, часто селилось отдельным хутором далеко в пустынных лесах.

Ключом к лесу был топор, которым рубили деревья на пожоге, строили курную избу, служившую одновременно и баней и ригой, им же мастерили соху и борону-суковатку; ножом (*puikko*) драли бересту на лапти, на покрытие избы, на лукошки для зерна. Дерево и береста были основными материалами, а при расчистке леса под пашню первым помощником был огонь. Засаеваемая на пожоге мелкозернистая рожь, *jūngeinen*, отличалась очень высокой урожайностью — одно зерно давало несколько колосьев, и поэтому не нужно было много семян. Другим хорошо принимавшимся в золе растением была репа.

Восточный серп был с зазубренным краем, меньшего размера и более изогнутым чем на западе, и, пожалуй, более эффективным при работе, так как был хорошо сбалансирован и им жали, захватывая, т. е.

срезали потребное для снопа количество колосьев, не разгибая спины. Рига давала возможность обмолотить хлеб и в дождливую осень. Зерно рижной сушки сохранялось в закромах много лет, и поэтому можно было иметь старые запасы хлеба, которыми люди питались в такие годы, когда из-за дождливого лета не удавалось выжечь новый участок.

Подсечное земледелие было весьма жизнеспособным при наличии новых участков леса. По своему хищническому характеру и простоте инвентаря оно сопоставимо со старой промысловой культурой, но резко отличалось от нее постоянным продвижением на все новые и новые земельные участки и их расчисткой под пашню. Поэтому характернейшей чертой подсечного земледелия было продолжающееся освоение нетронутых лесов. Этим, по-видимому, вызвана недолговечность и упрощенность предметов материальной культуры при подсечном хозяйстве. Предметы домашнего обихода изготовлялись на новом месте для кратковременного пользования, и потому они не отделялись и не украшались; ткани предназначались при таком уединенном образе жизни только для будничного пользования, и поэтому люди довольствовались некрашеной холстиной и грубым сукном: постройки рубились на скорую руку. Поэтому в области Саво нет прикладного народного искусства, а дома и группы домов, даже у обрабатываемых полей, стоят разрозненно, не имея той прямоугольной симметричности, какая свойственна дворам и деревням западной Финляндии.

Подсечное земледелие в хвойных лесах восточной Финляндии рассматривалось некоторыми учеными как самая примитивная форма подсечно-огневого хозяйства в Европе. Имеются, однако, причины считать его более совершенным достижением, чем древний способ выжигания лиственных рощ. Именно новые методы подсеки позволили применить ее на обширных моренных землях. Пожог в хвойных лесах в Финляндии относится к значительно более позднему времени, чем юго-западный тип пожог (huhta).

На основании находок из могильников эпохи железа в центральной Карелии можно установить, что приблизительно в X—XI вв. в составе могильной утвари появляется, вместо старого гладкого серпа, серп нового типа, а именно упомянутый зазубренный серп, известный под названием (sirppi — древнерусск. сѣрпъ). Это было результатом карельско-славянских соприкосновений к югу от Ладоги. В этот период, по-видимому, в быт вошли также: новый, состоящий из двух частей цеп (giusa → русск. приузь), двузубая деревянная соха (hankoaura), техника подсочивания деревьев, курная изба и баня. Таким образом, карельско-савское заселение пустынных земель было как бы продолжением большого переселения славянских народов, шедшего от бассейна Вислы к востоку и северо-востоку, и из-за подсечного земледелия связанного с быстрой сменой мест обитания. Технический инвентарь был у славянских и финских крестьян один и тот же. Если, с одной стороны, на старых карельских землях еще недавно отмечались древние заимствования, например рамы для сушки зерновых на поле (elohaasiat), овсяный хлеб, спальные клетки, то, с другой стороны, многие позднейшие юго-восточные заимствования из русской культуры распространились по всей Финляндии и перешли даже за Ботнический залив. Значительная часть их относится к постройкам и пище, т. е. к важнейшим областям народной культуры.

В связи с оседлым образом жизни переход от шалаша, kota, к избе, pirtti, совершился не непосредственно. В переходный период, по крайней мере в юго-западной Финляндии люди жили в так называемых длинных домах, представлявших собой крупные постройки столбовой конструкции с двускатной крышей, какие некогда существовали в Эстонии и во

многих районах Средней Европы. Люди и скот жили в них под одной крышей. Низкие стены были сплетены из прутьев и промазаны глиной. Древнейшие следы срубных построек, для которых прямые стволы хвойных деревьев служили отличным материалом, встречаются в области Старой Ладogi и относятся к тому времени, когда славянские племена, тысячу с лишним лет назад, вошли в соприкосновение с карелами. Новый, четырехстенный тип избы начал быстро распространяться оттуда на север и запад. Одновременно стали возводиться небольшие четырехстенные бревенчатые постройки различного назначения с крышей из дражки: бани, риги, а также амбары и клетки для хранения хлеба, рыбы, мяса, одежды и спальные клетки, равно как и хлева для коров, овчарни, свиарники, конюшни и летние кухни, хотя последние долгое время сохраняли форму конического шалаша, напоминавшую древнейшее жилище. Постройки со срубными стенами было сравнительно легко возводить и легко соединять в комплексы: на западе возникали замкнутые дворы замкового типа, на востоке — к северу от Ладogi — соединение построек под общей крышей, так называемый новгородский дом-двор, в провинции Саво сохранилось свободное, одиночное размещение построек.

Глубокое влияние на народную культуру оказала заимствованная вместе с курной избой русская печь; в противоположность очагу, ее можно было закрывать и превращать, таким образом, в хлебную печь. Привыкшие к открытому очагу и свежему воздуху люди неохотно восприняли печь в жилом помещении, так как она давала угар, и поэтому в западной Финляндии печь долгое время складывалась на открытом воздухе, на месте, называемом *pättimäki*; позднее для печи строили во дворе особую избу-пекарню. В настоящее время хлебная печь повсеместно ставится в жилой избе.

Затем появился хорошо выпеченный хлеб из рыхлого заквашенного теста, выдерживающий длительное хранение; вначале он был лакомством, а также лучшим провиантом в долгих путешествиях. Прежний хлеб, *kattiainen*, *kyrsä*, *gieska*, представлял собой пресные лепешки, поджаренные на огне, которые нельзя было хранить. Мясо тоже стали жарить в печи, вместо прежнего копчения и вяления. В восточной Финляндии в печь ставилось также кислое молоко и молозиво, из которых получали творог, сыворотку и сыр. В западной Финляндии молоко по-прежнему заквашивали без печи, приготовляя из него сыр и простоквашу. В восточной Финляндии в печи сушили и мелкую рыбу, которую также запекали в тесте (*kalakukko*). Рыбники были древним заимствованием и распространились с востока по всей Финляндии. Сюда же относились и пироги, которые, однако, сохранились только у карел, как лакомое блюдо. Кроме того, в печи поджаривали вареный ячмень, из которого в восточной Финляндии приготавливали толокно. Вообще можно сказать, что пища, приготовленная в печи, более распространена в восточной Финляндии, в западной же Финляндии народные блюда приготавливаются преимущественно на открытом огне. Это, конечно, вызвано тем, что, как выше было сказано, в Карелии русская печь появилась в жилом помещении значительно раньше, чем в Хямэ и западной Финляндии. Этим же, по-видимому, объясняется и то, что в восточной Финляндии хлеб издавна потреблялся, как в Восточной и Центральной Европе — свежеспеченным и мягким, в западной же Финляндии — сухим и твердым, за исключением случаев, когда к какому-нибудь празднику приготавливали свежий хлеб старым способом. Дело в том, что в Карелии и Саво печи в жилых помещениях топились регулярно, и в них можно было ежедневно печь хлеб; муку также можно было смолоть с по-

мощью ручной мельницы когда угодно. На западе же печи долгое время ставились на открытом воздухе, а позднее — в особых избах-пекарнях; поэтому они топились редко, но подолгу. Выпечка хлеба производилась главным образом осенью и весной; тогда всего безопаснее было нагревать печи, а мука, получаемая с мельниц, приводимых в движение весенним и осенним половодьем, сразу шла на приготовление теста, что очень помогало удачной выпечке. Большие количества хлеба сушились на жердях и подставках, так что в запасе имелось вдоволь сухой пищи. Сухой хлеб стал традиционным для всей западной Финляндии.

Характерную картину взаимодействия различных факторов, влиявших на формирование народной культуры, дает даже краткое знакомство с исконными финскими средствами передвижения. Древнейшей сетью дорог в Финляндии были, при открытой воде, водные пути, начиная с мелких речек и кончая крупными озерами и морскими просторами. Уже рано в доисторическое время люди умели передвигаться по этим водным путям на лодках при помощи весел, гребков или шестов, смотря по тому, каким был водный путь. Когда же этот путь кончался, люди перетаскивали суденышко на катках в другие воды. Судном служила лодка (*vene*), на море — также *laiva*, *haaksi* или *uisko*; последние названия означали более крупное судно, с бортами из нескольких досок. На коротких расстояниях и при ловле рыбы пользовались лодкой-однодеревкой или выдолбленным из осины и распаренным над огнем изящным и легким челноком — *palkovene*, какие еще недавно изготавливались в некоторых глухих местностях западной части провинции Сатакунта. Эти челноки были легки на ходу и их было легко переносить из озера в озеро, но большого груза они не могли поднять. Поэтому для перевозки грузов и дальних путешествий в Финляндии почти повсеместно еще применяются дощатые лодки, которые по внешнему виду можно разделить на двенадцать главных типов, причем каждый из типов имеет свою географическую область распространения. Увидев какую-нибудь лодку, специалист может сразу сказать, что это за лодка: северного или южного морского типа, лодка озерных лопарей, лодка области Перяпохьола, средней Похьянмаа, Кайнуу, северной Карелии, Саво, средней Финляндии, западного Хямэ, реки Коккемяенйоки или же озер Пюхя-ярви и Кэулиен-ярви. Особенно интересно отметить, что типы лодок сгруппированы по водным системам и что водная система (характер водного пути) наложила на каждую группу свой отпечаток. Наиболее резко отличаются друг от друга тяжелая и широкая морская лодка южного типа, приспособленная для преодоления сильных волн открытого моря, и длинная и узкая лодка области Перяпохьола («дальнего севера»), предназначенная для хода на веслах, толкания шестом и спуска по порогам. Величаво выглядела ладожская лодка, имевшая угловатый нос. Совершенно другой нос имела старая лодка области Хямэ: чрезвычайно просто сделанный и прямой. Самые изящные и красивые — лодка области Саво и ее ближайшая родственница, лодка среднефинляндского типа. Это и не удивительно. Ведь эти лодки бытуют в той части Финляндии, где больше всего озер.

Древнейшими зимними средствами передвижения и транспорта, представленными даже в находках, восходящих к каменному веку, являются лыжи и керёжка (*ahkio*). Лыжи для быстрой в мире техники бега были созданы в области, лежащей между водной системой Кайнуу и Белым морем. Местность там довольно ровная, подходящая для бега на длинных, выгнутых лыжах (обычно деревенские жители не поднимаются на лыжах на крутые склоны холмов и не спускаются с них, а движутся по долинам рек, озерам и ровным лесистым местностям). Кроме того,

вызываемые близостью Гольфстрима оттепели и следующие за ними морозы образуют каждую зиму долговременный наст, и поэтому снег выдерживает даже узкие лыжи и палку с кружком-упором. Наст может растрескаться под копытом лося или оленя, лыжника же он выдерживает, и поэтому можно заниматься гоньбой зверя. Дальше к востоку оттепелей не бывает, не бывает и наста, и потому там люди передвигаются по мягкому снегу, переступая на лыжах, похожих на доски. Лыжи южного типа — тоже ступательные. На старых же финских и северошведских лыжах лыжники действительно скользили. К левой ноге прикреплялась чрезвычайно длинная и выгнутая лыжа (*lyly*), а к правой ноге — более короткая *sivakka* или *kalhu*, которой отталкивались. Так делали в мороз, при хорошем пути, и когда требовалась скорость. Лыжи одинаковой длины с палками предназначались для универсального пользования. Такими лыжи сохранялись до тех пор, пока не потеряли значения как средство передвижения и гоньбы зверя. Бег на лыжах превратился в спорт, и лыжи приобрели форму, характерную для Норвегии, т. е. они стали более короткими и получили неподвижные крепления. На этих лыжах было удобно подниматься по крутым склонам гор и спускаться с них.

До тех пор, пока не было собственно зимних дорог, единственным специальным транспортным средством была керёжка, *ahvio*. Она была похожа на маленькую, перерезанную поперек лодку; благодаря ее острому и загнутому носу, человек, собака или олень могли тянуть ее по какой угодно местности; ни за что не цепляясь, керёжка двигалась по той же колее, что и тянущий ее. Двухполосные же сани требовали дорог или, по крайней мере, проложенного санного следа.

Переходя к более поздним явлениям, интересно опять отметить, что в Финляндии встречаются два основных типа саней: восточный и западный.

Сани, наиболее близкие саням западного типа, встречались в западной Эстонии, южной Швеции и в Альпах; такую же конструкцию имеют норвежские сани, которые еще более тысячи лет назад клались в могилу вместе с покойником. Характерная особенность данного типа саней — это неподвижная конструкция с жесткими углами. Восточно-финские сани, которые распространены на севере России и в восточной Эстонии, а также в латышско-литовском районе, представляют собой единую и гибкую конструкцию. Эти сани имеют высокий гнутый передок, связывающая и несущая конструкция соединены. В сани западного типа раньше с помощью дышла впрягали волов. Сани же восточного типа снабжены боковыми оглоблями, благодаря чему ими легче управлять, чем при дышловой запряжке. В сани восточного типа всегда впрягалась лошадь; упряжь имела дугу, что способствовало подвижности всего комплекса. Хотя на труднопроходимой лесистой местности, по бездорожью, сани и наталкивались на камни и пни, они, однако, не застревали и не ломались, так как конструкция их была эластичной, оглобли же направляли их в колею. Эти сани были неотъемлемой частью карельско-саво-ского подсечного земледельческого хозяйства и были незаменимы при освоении далеких пустынных земель; санями же западного типа пользовались земледельцы, возделывавшие старопашотные поля и близлежащие пожоги, дороги к которым были постоянны, коротки и проходили по ровной местности.

Несмотря на все сказанное выше, есть основания считать Финляндию страной с единой народной культурой. Наиболее резкие отличия встречаются только в Лапландии и пограничной Карелии. Первая из этих областей отличается от остальной Финляндии и по своей природе и по

коренному населению; вторую отделяла еще недавно старинная вероисповедная граница, часто являющаяся более резким культурным рубежом, чем языковая. Так, переходя от финского района к западу, за Ботнический залив, едва ли можно заметить какой-либо действительный культурный рубеж, настолько тесно Финляндия связана с областью скандинавской культуры. В то же время Финский залив служит границей, отделяющей Финляндию от прибалтийской культурной области. В Эстонии предметы народного быта характерны для старинной культурной области Прибалтики, основной центр которой находился в прусско-вендско-датском районе. В юго-западной Финляндии этих черт значительно меньше, чем в Эстонии, так как единство финского ландшафта и своеобразное общественное и политическое развитие Финляндии, отличающееся от судеб Эстонии, слили различные явления в единую финскую форму.

Культурные новшества из места зарождения распространяются от народа к народу, из одного края в другой. При этом общее культурное достояние народов живет и развивается; отдельные народы вносят в явления культуры свой вклад и отсеивают все неприемлемое для них. Таким образом, национальным в народной культуре является тот способ, каким общее достояние преобразовано в отечественную культуру. Важно удостовериться, что именно прибавлено к общему достоянию и в какой части это достояние преобразовано в свою, более целесообразную в данных условиях форму. Если посмотреть на Финляндию со стороны, ее народная культура окажется весьма своеобразным комплексом, для которого типичны сохранение некоторых архаичных явлений промыслово-подсечной культуры и гармоничное сочетание восточных и западных культурных элементов.

SUMMARY

The paper deals with the evolution of economic pursuits among the Finns in the early stages of their history. The author shows how the transition from a hunting and fishing economy to settled agriculture was brought about; he pays particular attention to the problem of opening up new lands in connection with the slash-and-burn system of agriculture. A brief analysis is given of some elements of material culture (agricultural implements, vehicles, food) and of cultural borrowing from adjacent peoples in various periods.

А. А. Онохов

ВОВЛЕЧЕНИЕ ОБЩИННОЙ ЗНАТИ БЕРЕГА СЛОНОВОЙ КОСТИ В ТОВАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Берег Слоновой Кости (БСК) стал независимой республикой 7 августа 1960 г. Основные тенденции современного социально-экономического развития БСК — разложение большесемейной общины, которая пришла на смену родовой общине и была до 1930—1940 гг. главной социально-экономической ячейкой общества, а также формирование капиталистических производственных отношений. Разложение большесемейной общины, начавшееся еще в колониальный период, идет особенно интенсивно после достижения страной политической независимости, что, как будет показано ниже, в значительной степени является результатом политики правительства.

Большесемейная община, еще сохранившаяся в районах, куда только начинают проникать товарно-денежные отношения, может состоять из 15—30 и более человек и включать несколько поколений и несколько линий родственников. Обычно в большую семью входят: глава семьи, его жена (жены), дети, в том числе женатые, с семьями, его холостые и женатые братья с женами и детьми.

У подавляющего большинства народов страны господствует патрилинейная система наследования. У народов же анья, гагу, атие, адиукру и эбрие сохранился в той или иной степени матрилинейный порядок, согласно которому после смерти главы большой семьи власть и наследство (в том числе участки сельскохозяйственных культур) должны передаваться его брату, а если братьев нет, — старшему сыну его сестры. Таким образом, в этом случае функции главы большой семьи выполняет представитель старшего поколения родственников по материнской линии. После смерти глав малых семей, входящих в большую семью, имущество иногда делится между родственниками или переходит в распоряжение главы большой семьи. Такие пережитки сохранились и у народов с патрилинейной филиацией (например, бете).

Деревню могут населять одна или несколько больших семей. Однако большинство деревень представляют собой теперь соседско-родственные или сельские (соседские) общины. В них могут входить различные большие семьи (в том числе частично или полностью распавшиеся), пришельцы с их малыми семьями, ассимилированные иммигранты¹.

Большая семья занимает несколько построек, имеющих, как правило, общую ограду. В отдельных хижинах живут обычно малые семьи, со-

¹ В связи с интенсивной иммиграцией в деревнях страны обычно проживают представители многих народов. В 1965 г. в БСК насчитывалось более 1 млн. пришельцев и их потомков (в том числе около 0,5 млн. — из Верхней Вольты, по 0,2 млн. — из Мали и Гвинеи, остальные — из Сенегала, Нигера, северных районов Ганы, Дагомеи, Того, Нигерии и других государств). На их долю приходилось около $\frac{1}{4}$ населения страны. См. «Market for US products in the Ivory Coast», Washington, 1966, p. 7; «Financial Times», London, April 29, 1966, No. 23913, p. 7.

ставляющие большую семью. Собственностью большой семьи, согласно обычному праву, являлись земля и все материальные и духовные ценности, созданные трудом членов семьи и предков: постройки, домашняя утварь, орудия труда, урожай, скот, оружие, деньги, предметы ритуала, рецепты изготовления лекарств и т. д.

Хозяйственную деятельность большой семьи направляет ее глава (старейшина). Семейный совет, состоящий из глав малых семей, контролирует его действия и помогает ему.

Степень разложения большесемейной общины в различных областях страны далеко не одинакова. В районах развитого производства экспортных культур — кофе, какао, бананов и ананасов (в зоне экваториальных лесов) — она значительно выше, чем в зоне саванн, где преобладает натуральное хозяйство, основанное на производстве традиционных продовольственных культур (маниока, батата, ямса, бананов «плантан», риса, кукурузы и др.).

В 1954—1955 гг. в лесной зоне округа Бваке хозяйства, насчитывавшие более 10 человек и представленные в основном большими семьями, составляли 5% всех хозяйств и объединяли 10% населения, в зоне же саванн — соответственно 16 и 30%².

Проведенные в ряде районов БСК обследования позволяют заключить, что в целом по стране на долю большесемейных общин приходится только 5—10% хозяйств и 10—15% населения страны³.

Значительные различия в уровне социально-экономического развития наблюдаются не только между зоной экваториальных лесов и саванн, но и внутри этих зон. Большесемейная община оказалась наименее устойчивой в центральных и восточных областях зоны экваториальных лесов, населяемых анья, бауле и некоторыми другими народами. Это основные районы производства экспортных культур. Значительная часть обрабатываемых площадей сосредоточилась здесь в руках небольшого числа крупных сельских хозяев. Многие из них являются представителями обуржуазивающейся общинной верхушки. Большое развитие здесь получили наем рабочей силы и частная собственность на землю.

В центральных и восточных областях лесной зоны страны еще задолго до колонизации появилось товарное земледелие (главным образом в связи с тем, что здесь проходили важные торговые пути). Почвенно-климатические особенности этих районов также благоприятствовали внедрению колонизаторами экспортных культур кофе и какао. Все это не могло не содействовать относительно быстрому имущественному и классовому расслоению крестьянства и развитию капиталистических отношений в этих областях.

Напротив, в западной части лесной зоны и в северных районах саванной зоны, населенных гере, дида, сенуфо, гуру и другими сравнительно отсталыми в социально-экономическом отношении народами, общинные традиции более устойчивы, развитие товарного хозяйства началось позднее, внедрение экспортных культур в значительно большей степени

² «Enquête routier de Bouake», Suppl., «Bulletin mensuel de statistique de Côte d'Ivoire», Abidjan, 1960, p. 17.

³ «Enquête. Nutrition-niveau de vie. Subdivision de Bongouanou», Paris, 1953, pp. 55, 145 (далее — «Enquête ...»); Enquête agricole du 1-er secteur de Côte d'Ivoire, 1957—1958, Abidjan, 1959, p. 11; A. Guinard, Le système cultural de la région de Man, «Agronomie tropicale», 1961, No. 2, p. 156—165; «Industries et travaux d'outre-mer», Paris, 1962, No. 100, pp. 167—174; «Recensement des centres urbains d'Abengourou. Agboville, Dimbokro et Man 1956—1957», Paris, 1960, pp. 75—111; «Recensement démographique de Bouaké, juin — août 1958», Paris, 1961, p. 40, 54.

наталкивалось на инертность и сопротивление крестьянства, а уровень классовой дифференциации ниже, чем в юго-восточных районах БСК⁴.

Разложение большесемейной общины сопровождается формированием сельской буржуазии, которое идет двумя основными путями. С одной стороны, крестьяне, полностью или частично обособившиеся от большесемейной общины, становятся хозяевами-предпринимателями. С другой стороны, ряды сельских предпринимателей пополняются за счет обуржуазивающихся представителей общинной верхушки, к которой относятся главы больших семей, деревень, вожди племен и подразделений племен, бывшие назначенные вожди.

К началу колонизации (конец XIX в.) в БСК шел процесс феодализации знати. Некоторые родоплеменные институты наполнялись новым классовым содержанием: право знати распоряжаться общинной землей приобретало черты феодальной собственности на землю и реализовалось в виде ренты. Взносы в общинные фонды («казну») постепенно превращались в натуральную ренту, сами общинные фонды — в имущество знати, а работы на общину — в барщину в пользу знати. Организация труда путем четкого разделения функций между полями и возрастными группами постепенно превращалась из формы сплочения трудовых усилий всех членов общины в метод внеэкономического принуждения знатью рядовых общинников, женщин и молодежи. У ряда народов БСК еще в средние века сформировались зародышевые государственные образования с элементами феодальных и рабовладельческих отношений, например царства Индение, Кринджабо, Бетие, Бонгуану, Конг. В XVIII—XIX вв. почти у всех крупных народов восточных и северных районов страны имелись государства⁵.

В период внедрения экспортных культур (которое осуществлялось колонизаторами с помощью знати) тенденция использования в своих интересах общинных работ и фондов значительной частью знати усилилась. Пользуясь своим привилегированным положением и правом распоряжаться землей, вожди нередко узурпировали общинные земли, создавали на них плантации культур, использовали рабочую силу общинников, присваивали государственные средства, идущие на экономическое развитие, получали большую часть кредитов, предоставлявшихся сельским хозяевам их районов⁶. Не случайно значительная часть африканских насаждений кофе и какао, создававшихся на первых этапах развития экспортного производства, сосредоточивалась в руках назначенных вождей и других представителей знати⁷. Еще в середине 1950-х годов в Бонгуану глава каждой деревни имел не менее 15 га земли, тогда как средний размер участков сельских хозяев анья составлял 10 га, а около 40% сельских хозяев имели менее чем по 5 га⁸.

⁴ «Revue encyclopédique de l'Afrique», 1960, No. 1, suppl., pp. 3—36; G. Rougerie, Le pays Agni du Sud-Est de Côte d'Ivoire forestière, Dakar, 1957, pp. 114—115; B. Houlas, Changements sociaux en Côte d'Ivoire, Paris, 1961, pp. 3, 15, 18, 27, 29; J. Boutillier, Bongouanou, Côte d'Ivoire, Paris, 1960, p. 85; M. Lafont, Côte d'Ivoire, «Economie et politique», 1961, No. 83, p. 9; A. Kobbén, Le planteur noir, Abidjan, 1956, p. 59.

⁵ R. Buell, The native problem in Africa, New York, 1928, p. 917; V. Thompson, R. Adloff, French West Africa, London, 1958, p. 117; M. Lafon, Указ. раб., стр. 6; R. Verdier, Problèmes foncières ivoiriennes, «Penant», Paris, 1963, No. 697, p. 408; A. Kobbén, Указ. раб., стр. 9, 14, 39—42.

⁶ C. Meillassoux, Anthropologie économique des Gôûro, Paris, 1964, p. 336.

⁷ Там же.

⁸ «Cahiers d'outre-mer», Bordeaux, 1957, No. 39, p. 218; Enquête..., pp. 48, 52, 61; R. Barbé, Classes sociales en Afrique Noire, Paris, 1964, p. 34; J. Boutillier, Указ. раб., стр. 62, 64, 67.

Ближайшим резервом рабочей силы знати были их собственные семьи, более многочисленные, чем семьи рядовых общинников. Родоплеменная знать широко использовала в своих интересах систему трудовой взаимопомощи молодежи, коллективные работы в пользу общины (окучивание ямса, уборка урожая кофе и какао) и другие формы родственных и соседских связей. Вот несколько примеров. В 1940—1950-х годах у народа гуру, который населяет центральные районы лесной зоны, возрастные группы «пеню», объединявшие подростков, холостяков и женатых, но бездетных мужчин, обрабатывали поля старейшин и несли трудовые повинности в пользу деревенских и кантональных старшин, когда последние этого требовали. Члены этих возрастных групп не имели своего поля и не распоряжались продуктом своего труда⁹. У народов бауле и анья бригады взаимопомощи, состоявшие из молодежи, ухаживали за плантациями вождей, строили и ремонтировали их жилища, поставляли им дрова и т. п. В начале 1950-х годов в дер. Тирпоко, расположенной на западе лесной зоны и населяемой бете, четыре молодых неженатых крестьянина работали у своего дяди (брата матери), который был главой большой семьи. Они отдавали ему всю выручку от продажи кофе со своих участков в виде компенсации за то, что три его жены выращивали для них продовольственные культуры, готовили им обед и т. д. Правда, дядя должен был еще уплатить выкуп за жен племянников, когда последние захотят вступить в брак. Однако и после женитьбы многие земледельцы продолжали работать на глав больших семей¹⁰.

Пользуясь своим положением хранителей общинной казны, вожди и старейшины часто присваивали большую часть денежных и натуральных взносов общинников, жалованья отходников, брачного выкупа, подарков и т. д.¹¹ Знать нередко использовала общинную казну для оплаты бригад взаимопомощи, продуктовые фонды — для оплаты наемного труда натурой.

Традиционные и назначенные вожди обогащались и за счет того, что колониальная администрация пользовалась их услугами для принудительного внедрения в деревне экспортных культур, поддержания «порядка», ведения судебных дел, сбора налогов и вербовки рабочей силы. За выполнение административных функций местная знать получала денежное жалование от администрации и пользовалась ее поддержкой¹². Отдельные представители знати злоупотребляли своим положением: брали взятки, взымали дополнительные поборы при сборе налогов и т. д.

От знати зависел прием в общину новых членов. За разрешение поселиться в деревне и получить участок земли старейшины деревни взымали с пришельца натуральную или денежную плату (у анья, например, отрез ткани и несколько бутылок вина)¹³. В 1950-х годах у бете, анья и ряда других народов существовал следующий обычай, установившийся в период внедрения экспортных культур: если пришелец возвращался в родные края или переселялся в город и продавал уча-

⁹ C. Meillassoux, Указ. раб., стр. 71, 124—126, 155, 170—183.

¹⁰ A. Kobbén, Указ. раб., стр. 27—28, 45—48, 51; J. Boutillier, Указ. раб., стр. 53.

¹¹ A. Kobbén, Указ. раб., стр. 48, 105; J. Boutillier, Указ. раб., стр. 114.

¹² «Les colonies françaises. Régime de la propriété. Régime de la main-d'oeuvre. L'agriculture aux colonies», Paris, 1900, p. 245; R. Barbé, Указ. раб., стр. 15; A. Kobbén, Указ. раб., стр. 57—58.

¹³ A. Kobbén, Указ. раб., стр. 153; M. Lafon, Указ. раб., стр. 85.

сток, выданный ему деревенской общиной, он отдавал главе деревни треть или половину вырученной за участок суммы¹⁴.

В период между двумя мировыми войнами отдельные представители обуржуазивавшейся родоплеменной верхушки стали распродавать и сдавать в аренду общинные земли иммигрантам, направлявшимся в БСК с целью приобрести участки под какао и кофе. Продажа земли знатью особенно участилась после второй мировой войны, когда в БСК заметно ускорилось развитие товарно-денежных отношений. Так, один из старейшин народа бете за полтора года продал иммигрантам общинной земли на сумму 235 тыс. африканских франков. Вождь одной из деревень гуро, расположенной в западных районах лесной зоны БСК, продал за несколько лет около 600 га общинной земли. Главы деревень Краку и Занге, продав за год около ста земельных участков, получили за это свыше 1 млн. африканских франков¹⁵.

Распродавая земли, знать нередко ссылалась на свое право распоряжаться имуществом общин, иногда же оправдывала свои действия потребностью в деньгах для выплаты брачных выкупов и для других общинных нужд¹⁶. Продажа вождями и старейшинами общинной земли произвольно, без договоренности с главами малых семей и другими общинниками, часто приводила к судебным конфликтам¹⁷.

Если одни представители знати, становящиеся предпринимателями, ломали общинные традиции, то другие, напротив, стремились законсервировать выгодные им общинные нормы, закрепить их законодательным путем. В этом они видели средство сохранения своего привилегированного положения. Так, в 1954 г. в ряде районов восточной части прибрежной зоны БСК, населяемых адиукру, эбрие и другими народами, знать составила земельный кодекс, который закреплял многие положения традиционного земельного права. В частности, подтверждался принцип неотчуждаемости общинной земли; с этой целью было решено составить опись земель, принадлежавших коренному населению. Запрещая уступать участки пришельцам, знать стремилась не только законсервировать обычаи, но и иметь резерв для расширения их собственных плантаций экспортных культур, а также закрепить за собой рабочую силу, ибо, как отмечали старейшины, «получив участки, какими бы крохотными они ни были, многие батраки больше не приходят работать на плантации»¹⁸.

Наряду с этим, отдавая дань новому, кодекс всячески поощрял товарное производство. Местные крестьяне, как и пришельцы, арендовавшие землю или получавшие ее в постоянное пользование, должны были возделывать в обязательном порядке, помимо традиционных продовольственных, и экспортные культуры, обрабатывать определенный минимум земли (участки глав больших семей, например, должны были быть не менее 25 га), а также отказываться от переложной системы земледелия и вести интенсивное хозяйство¹⁹.

Таким образом, представители знати, отражая в этих постановлениях прежде всего свои интересы (сохранение традиций продлевало их гос-

¹⁴ R. Verdier, Указ. раб., стр. 410; A. Kobbén, Указ. раб., стр. 153; «African agrarian systems», pp. 255—256; H. Raulin, Указ. раб., стр. 85.

¹⁵ «African agrarian systems», p. 256; H. Raulin, Указ. раб., стр. 101; M. Lafon, Указ. раб., стр. 8.

¹⁶ «African agrarian systems», p. 256.

¹⁷ Там же, стр. 255—256, 265; H. Raulin, Указ. раб., стр. 85.

¹⁸ R. Verdier, Указ. раб., стр. 409; R. Barbé, Указ. раб., стр. 84.

¹⁹ M. Dupire, *Planteurs autochtones et étrangers en basse Côte d'Ivoire orientale*, Paris, 1960, pp. 152—153; R. Verdier, Указ. раб., стр. 409.

подство над крестьянами-общинниками), вместе с тем делали попытку привести земельное право в соответствие с потребностями развития товарного производства.

Аналогичные постановления были приняты знатью и в ряде районов, населенных анья, бете, гагу и другими народами²⁰. После 1960 г., когда правительство независимого БСК взяло курс на разрушение общины и всемерное поощрение товарного производства, эти постановления утратили свою силу.

В колониальный период, в условиях разложения общины и развития капитализма, феодальные отношения уже не могли утвердиться в БСК как господствующие. Родоплеменная верхушка, не успев полностью развиться в феодальный класс, постепенно переходила к капиталистическим методам хозяйствования.

Если на первых этапах развития товарного производства жалование и доходы от эксплуатации крестьян, продажи земли и экспортной продукции шли главным образом на покупку предметов роскоши, на расширение потребления в семьях знати и у их челяди и на другие неппроизводительные расходы, то с развитием товарно-денежных отношений эти средства все чаще находят применение как капитал, направляются на наем рабочих. Обуржуазивающаяся знать нередко применяет на своих плантациях современную сельскохозяйственную технику и переходит к интенсивным формам земледелия, ее хозяйства нередко достигают сравнительно высокой товарной специализации. Часть вождей и старейшин занимается также ростовщичеством, торговлей, банковским делом, строительством, предпринимательской деятельностью в промышленности, сдает дома в аренду и т. д.

Многие представители обуржуазивающейся знати сами не занимаются хозяйством, а нанимают управляющих или сдают плантации в аренду целиком или по частям²¹.

Некоторое влияние на родоплеменную знать оказывал и оказывает пример европейской буржуазии, создававшей еще в период между двумя мировыми войнами крупные плантации, на которых использовалась современная сельскохозяйственная техника и наемный труд.

Переход знати от эксплуатации общинников к найму рабочей силы заметно ускорился после введения колониальной администрацией системы принудительного труда во время второй мировой войны²². Значительная часть крестьян-общинников ушла из деревни в города и на европейские плантации. Лишившись части даровой рабочей силы, местная знать была вынуждена искать другие источники ее пополнения и переходила к найму рабочих, главным образом отходников из соседних африканских стран.

Проследим характер вовлечения знати в товарное капиталистическое производство и структуру бюджета на примере бывшего назначенного вождя Квази би Юза, проживающего в деревне Сьетинфла в стране гуро. Юза создал первую плантацию кофе в 1934 г. с помощью членов своей большой семьи. В 1938 г. он начал нанимать батраков. В 1943 г. Юза имел 6 га, занятых товарными культурами (в том числе традиционными продовольственными), в 1948 г.—10 га, в 1950 г.—13 га, в 1952 г.—21 га, в 1954 г.—30 га. Все свои участки он зарегистрировал в земельном кадастре. В 1950 г. у Юзы работали 8 рабочих (моси и

²⁰ M. Lafon, Указ. раб., стр. 8; A. Kobbén, Указ. раб., стр. 152; A. Barbé, Указ. раб., стр. 35.

²¹ R. Dumont, Reconversion de l'économie agricole, Guinée, Côte d'Ivoire, Mali, Paris, 1961, p. 67—68; R. Barbé, Указ. раб., стр. 37.

²² C. Meillassoux, Указ. раб., стр. 50; M. Lafon, Указ. раб., стр. 6.

диула), часть из них — временно. За период с 1950 по 1957 г. он дважды нанимал бригады взаимопомощи из дальних родственников для подъема целины. В 1957 г. Юза нанял 10 батраков на постоянную работу, и необходимость в использовании бригад взаимопомощи отпала. В 1958 г. в его хозяйстве постоянно работали 14 батраков и 11 членов его большой семьи — шесть жен и младший брат с четырьмя женами, а также эпизодически — племянники. Батраки получали ежемесячную заработную плату в 1,5—2 тыс. африканских франков.

Юза имел два доходных дома: один в Абиджане, строительство которого обошлось в 500 тыс. африканских франков и который приносил ежегодный доход в 244 тыс. африканских франков, и другой — в Буафле, стоивший ему 1,5 млн. африканских франков (на строительство он получил 750 тыс. африканских франков кредита). Юза неоднократно получал премии за расширение плантаций, общая сумма которых к 1958 г. составила 249 тыс. африканских франков. С 1956 по 1958 г. он получил кредитов на сумму 50 тыс. африканских франков, из которых 30% было им выплачено в 1958 г. В 1958 г. Юза и другой зажиточный предприниматель деревни купили декортикатор, который они предоставляют за плату производителям кофе соседних деревень.

Вот данные, характеризующие бюджет Юза в 1958 г. (тыс. африканских франков)²³.

Доходы		Расходы	
Продажа кофе	375	Зарботная плата наемных рабочих	288
» ямса	75	Покупка сушилки для кофе	30
» риса	7	Покупка декортикатора	230
» орехов кола	4	Строительство школы для соплеменников	20
Квартирная плата	244	Строительство доходного дома	50
Премии за расширение посадок	80	Строительство дома для членов семьи	15
		Налоги	31
		Расходы на обучение сына во Франции	100
		Прочие расходы	21
Всего:	785	Всего:	785

Приведенный пример далеко не единичен²⁴. Он свидетельствует о расширении масштабов товарного сельскохозяйственного производства и росте дополнительных источников доходов у знати, об усилении роли наемного труда в хозяйстве, уменьшении значения традиционных форм эксплуатации.

Втягиваясь в товарное капиталистическое производство, вожди и старейшины продолжают применять и старые патриархальные методы эксплуатации крестьян — членов своих общин, используют отношения родовой взаимопомощи. Так, в конце 1950-х годов в районе Диво, расположенном в центре лесной зоны и населенном народом дида, глава большой семьи имел плантацию экспортных культур площадью 60 га, на которой работали 12 наемных рабочих и 34 человека — членов семьи и родственников²⁵. По свидетельству К. Мейяссу, знать гуру еще использует традиционную систему разделения труда между возрастными группами и полами в личных целях, эксплуатируя молодежь и женщин. У гуру все еще практикуются трудовые «мобилизации» («бо») рядовых общинников для выполнения трудоемких и срочных работ на участках

²³ С. Meillassoux, Указ. раб., стр. 328—330. Бюджет представлен не полностью. В частности, отсутствуют данные о личном потреблении.

²⁴ См. также С. Meillassoux, Указ. раб., стр. 330—337.

²⁵ M. L a f o n, Указ. раб., стр. 10.

глав деревень и старейшин, для строительства хижин, сбора соломы и т. д.²⁶

После второй мировой войны родоплеменная верхушка уступает ведущие позиции в товарном сельскохозяйственном производстве, а в какой-то мере и в общественной жизни, новой «элите» — предпринимателям, выходящим из среды крестьян-общинников, иммигрантов, потомков

Площади под какао и возраст глав хозяйств в районе Бонгуану (1956 г.)²⁷

Годы посадки деревьев	Площадь посадок на одного хозяина (га)				
	по возрастным группам (лет)				в среднем
	20—29	30—39	40—49	>50	
1929—1930	0,23	0,46	0,56	1,13	0,58
1931—1940	0,24	0,80	2,18	2,14	1,31
1941—1948	0,29	0,49	1,05	0,79	0,65
1949—1952	0,62	0,82	0,53	0,54	0,65
Все деревья (1956 г.)	1,38	2,57	4,32	4,60	3,19

рабов. Некоторое представление об изменении соотношения сил в товарном производстве в пользу молодой деревенской буржуазии в районе Бонгуану, населенном анья, дают результаты обследования, отраженные в таблице. Таблица свидетельствует об относительном уменьшении площадей под какао (наиболее старой для данного района экспортной культуры) у производителей

старших возрастных групп. В период обследования к ним относились главным образом представители родоплеменной верхушки.

Как это видно из таблицы, в 1956 г. на каждого из сельских хозяйств старшего поколения (40 и более лет) приходилось 4,3—4,6 га под какао, на производителей младших возрастных групп (20—39 лет) — 1,4—2,6 га. Однако начиная с 1940-х годов, количество посадок, производимых представителями старшего поколения, заметно уменьшается, а молодого — увеличивается. С 1949 г. на каждого из последних приходилось в среднем больше новых посадок, чем на представителя старших возрастных групп. В районе Ниаблей (в стране анья) и ряде других областей потомкам рабов и иммигрантам принадлежат самые крупные плантации. Некоторые частные предприниматели из крестьян имеют до 300 га обрабатываемых земель и более 300 работников²⁸.

По мере укрепления экономической самостоятельности малых семей и разрастания общин влияние глав общин слабеет. А. Коббен приводит пример, когда у бете глава большой семьи был вынужден попрошайничать: ему не хватало средств для уплаты налогов; в то же время все 15 взрослых членов его семьи, создавших собственные хозяйства, оставляли себе все доходы от продажи кофе. Старейшины считают подобные действия молодых крестьян «незаконными», противоречащими обычному праву, и утверждают, что современная африканская молодежь разложилась из-за европейского влияния²⁹.

Если до внедрения экспортных культур и на первых этапах развития товарного производства социальное положение сельского жителя определялось главным образом его местом в родовой иерархии, то теперь — прежде всего размером его дохода и в некоторой степени — образованием. Образование не только повышает престиж сельского хозяина, но и дает ему такое преимущество, как умение вести современное рацио-

²⁶ C. Meillassoux, Указ. раб., стр. 176—185.

²⁷ «Enquête...», p. 52; J. Boutillier, Указ. раб., стр. 68.

²⁸ A. Zolberg, One-party government in the Ivory Coast, Princeton, 1964, p. 27; «Bulletin quotidien d'information», Paris, 4.1.1956, p. 1; R. Barbé, Указ. раб., стр. 37, 109; M. Lafon, Указ. раб., стр. 9; J. Boutillier, Указ. раб., стр. 67; A. Kobbén, Указ. раб., стр. 9, 33, 39—42.

²⁹ A. Kobbén, Указ. раб., стр. 47.

нальное хозяйство. Среди частных предпринимателей «из низов» гораздо больше грамотных, чем среди вождей и старейшин, которые в свое время не могли или не хотели получить образование. Многие вожди и старейшины не давали своим детям образования, не желая приобщать их к чужеземной культуре и стремясь тем самым удержать их в своей общине³⁰.

«Выскочки» (так называют вождей новых хозяев из крестьян) усваивают идеологию и образ жизни европейцев, начинают осознать условность многих родо-племенных институтов и стремятся их изменить. Они зачастую относятся с презрением ко всем, оказавшимся ниже их по имущественному положению³¹. Вот что говорит, например, А. Коббен о молодых преуспевающих бете, производителях кофе из района Ганьоа: «...Многие из них говорят о своих нецивилизованных соотечественниках в европейском духе, характеризуя их как дикарей, отсталых, глупых и грязных. Это отношение постоянно порождает конфликты с представителями старшего поколения этого общества, которые по традиции являются вождями и которые чувствуют угрозу своим позициям»³².

Переход руководящих позиций в социально-экономической жизни деревни в руки новой буржуазии из крестьян объясняется прежде всего интенсивным развитием товарного производства, разрушением традиционной системы земельных отношений, ослаблением родственных связей, постепенным освобождением сельских жителей от внеэкономического принуждения знатью, сокращением резервов рабочей силы, находящейся в ее распоряжении, распространением образования.

Традиционные обязанности родоплеменной верхушки перед рядовыми общинниками и ряд других факторов, связанных с ее сословным положением, мешают ей заниматься предпринимательской деятельностью. Так, главы большесемейных общин ведают общим бюджетом, платят налоги за всех членов семьи, а также брачные выкупы, устанавливают сроки выполнения работ в хозяйстве, распределяют обязанности членов большой семьи, определяют места водопоя и выпаса скота, организуют пополнение инвентаря, работы в хозяйстве, сбыт сельскохозяйственной продукции, обеспечивают своевременную замену истощенных участков земли новыми. Будучи главными служителями семейного культа предков, главы больших семей устраивают обряды, жертвоприношения. Вожди и старейшины еще нередко раздают излишки продуктов бедным родственникам, нуждающимся и челяди, несут большие непроизводительные расходы, диктуемые соображениями престижа. Поэтому далеко не все вожди и старейшины живут зажиточно. Многие из них не отличаются по уровню жизни от массы сельских жителей. Представители общинной знати зачастую исполняют административные функции в своих деревнях³³. У гуро старейшины «гонивуо» (родов) образуют совет («уиблимо»), который разбирает все конфликты между жителями деревни³⁴. Все эти факторы отвлекают знать от хозяйства и замедляют процесс накопления денежных средств в ее руках.

Оттеснение знати новой элитой частично объясняется и тем, что знать психологически менее подготовлена для перехода к капиталистическому производству (менее предприимчива, более консервативна), чем выходцы из среды рядовых общинников.

³⁰ А. Коббен, Указ. раб., стр. 39, 42.

³¹ В. Нолас, Указ. раб., стр. 16, 33; А. Коббен, Указ. раб., стр. 9, 39—40, 42.

³² А. Коббен, Указ. раб., стр. 47.

³³ С. Р. Этиенне, *Phénomènes religieux et facteurs socio-économiques dans un village de la région de Bouaké (Côte d'Ivoire)*, Paris, 1966, p. 391.

³⁴ С. Меилассуа, Указ. раб., стр. 65—67, 138—142.

Политика правительства независимого БСК способствует ликвидации руководящей роли знати в социально-экономической жизни деревни, с одной стороны, и ее обуржуазиванию, — с другой. Важнейшую роль в этом процессе играют мероприятия, так или иначе способствующие развитию товарного производства и разложению общины: поощрение юридического оформления частной собственности на землю (регистрации участков в земельных кадастрах), национализация необрабатываемых и бесхозных земель, насаждение в деревне кооперативов и т. п.³⁵ Кооперирование содействует развитию товарно-денежных отношений, создает новые формы взаимопомощи, выходящие за рамки общинных, укрепляет экономическую самостоятельность крестьянства.

Многие кооперативы, организованные еще в колониальный период на базе большесемейных и соседско-родственных общин и возглавлявшиеся представителями знати, были в последние годы колониального режима и по достижении независимости реорганизованы по территориально-административному признаку (по одному кооперативу на каждую деревню) в связи с тем, что они «были территориально раздроблены, не контролировались и стали источником прибыли для знати»³⁶. Руководителями кооперативов стали выборные лица (чаще — предприниматели из низов, иногда — вожди и старейшины). В прессе БСК отмечается, что «кооперативы должны управляться свободно самими крестьянами, а не теми, кто не дотрагивается до земли»³⁷, т. е. не вождями и старейшинами.

Правящие круги БСК проводят мероприятия по разрушению общинного строя более решительно, чем это делала в стране колониальная администрация.

23 марта 1963 г. принят закон о земельной собственности. По этому закону земли и леса, не являющиеся чьей-либо собственностью, а также необрабатываемые земли, недра и территориальные воды на расстоянии 12 миль от берега объявляются собственностью государства. Лесные угодья и земли могут быть экспроприированы (с соответствующей компенсацией), если не используются в течение 5 лет. В концессию могут быть сданы лишь государственные земли.

Закон предусматривает также государственное обследование обрабатываемых земель с последующей регистрацией их. Земли и лесные угодья переходят в руки тех, кто их обрабатывает. Если участок обрабатывается индивидуально, он будет зарегистрирован за сельским хозяином, обрабатывающим его, если коллективно, — за всем коллективом во главе с деревенским советом. Участки, на которые нет претендентов, передаются в постоянное пользование «тем, кто в состоянии организовать на них производство». Права держателей земли передаются по наследству³⁸.

Контроль государства над необрабатываемыми землями ограничивает право знати распоряжаться землей, способствует более рациональному использованию земли и лесных ресурсов, переходу от переложного земледелия к постоянной обработке участков. Закрепление участков за

³⁵ См. А. Онохов, *Берег Слоновой Кости — аграрная политика, «Мировая экономика и международные отношения», 1965, № 3, стр. 109—111.*

³⁶ «The cooperative movement in Africa», UN economic commission for Africa, Addis-Abeba, 1962, pp. 53—54; «Review of international cooperation», London, 1962, No. 6, p. 158.

³⁷ S. Sy, *Recherches sur l'exercice du pouvoir politique en Afrique Noire (Côte, d'Ivoire, Guinée, Mali)*, Paris, 1965, p. 39.

³⁸ «Marchés tropicaux et méditerranéens», Paris, 1963, No. 907, p. 789; «Oversea quarterly», London, 1963, vol. 3, No. 5, p. 150; «West Africa», London, February 10, 1962, p. 157, August 7, 1965, p. 886; «Bulletin de l'Afrique Noire» Paris, 1965, No. 371, p. 7518.

теми, кто их обрабатывает, и регистрация земель подрывают общинное землевладение и власть знати, которая фактически распоряжалась землей и в то же время зачастую полностью устранялась от производственной деятельности³⁹.

В сентябре 1964 г. Национальное собрание приняло новый гражданский кодекс, который призван ускорить отмирание общинных обычаев и дать простор тенденциям капиталистического развития. Кодекс отменяет брачный выкуп, полигамию, касты в тех районах, где они существовали, традиционную систему наследования (закон официально признает только прямых наследников умершего), провозглашает равенство полов. Брак теперь уже не рассматривается как союз двух больших семей, согласия глав семей на брак отныне не требуется. Каждая малая семья обязана выбрать себе фамилию. Дети получают фамилию отца, а не дяди или двоюродного брата, как это обычно происходило раньше в районах, где господствовала матрилинейная система наследования. Гражданский кодекс не распространяется на традиционные браки, заключенные до вступления его в силу (сентябрь 1966 г.), однако многоженцы не имеют права брать новых жен. Вступлению этих законов в силу предшествовал двухлетний переходный период⁴⁰.

Новый гражданский кодекс способствует распаду большой семьи на малые семьи, подрывает основы обычного права. Характеризуя социальное значение этих реформ, французский журнал «Эроп Франс утрмэр» пишет: «Необыкновенный экономический подъем способствует возникновению довольно многочисленного слоя сельских предпринимателей, желающих освободиться от „семейного паразитизма“ и диктатуры стариков»⁴¹.

Несмотря на все эти сдвиги, социально-экономические позиции знати довольно сильны, особенно в саваннных районах, и в настоящее время⁴². В стране гуро и ряде других районов племенная верхушка (обуржуазивающаяся в своем большинстве) все еще занимает ведущее место в товарном производстве⁴³. В ряде менее развитых в социально-экономическом отношении районов еще сохранилась прямая зависимость между возрастом сельского хозяина и размером его земельного владения. Это объясняется живучестью общинных традиций, когда знать еще в значительной степени сохраняет свое право распоряжаться землей, а наследство, в том числе участки, передается старшему члену большой семьи⁴⁴. Характеризуя общину у гуро, К. Мейассу отмечает, что и сегодня бывшие назначенные вожди и старейшины дорожат сохранением системы неразрывной зависимости, на которой зиждется их благосостояние⁴⁵.

В целях сохранения старых порядков и, следовательно, своей власти над рядовыми крестьянами знать еще нередко препятствует агротехническим нововведениям. В некоторых районах зоны саванн знать противилась строительству ирригационных сооружений⁴⁶.

³⁹ Следует отметить, что межевание земель и регистрация их за отдельными сельскими хозяевами осуществлялись в БСК в широких масштабах еще до принятия закона от 23 марта 1963 г.; см. «The cooperative movement in Africa», pp. 57—58; «Review of international cooperation», 1962, No. 6, p. 159.

⁴⁰ «Le moniteur airicain», Paris, 1964, No. 153, p. 33; G. G., Une grande opération chirurgicale: les réformes sociales fondamentales, «Europe-France-étranger», Paris, 1965, No. 424, pp. 25—26; «Marchés tropicaux et méditerranéens», 1962, No. 843, p. 37.

⁴¹ «Europe-France-étranger», 1965, No. 424, p. 26.

⁴² См. R. Dumont, L'Afrique Noire est mal partie, Paris, 1964, p. 191.

⁴³ C. Meillassoux, Указ. раб., стр. 336.

⁴⁴ A. Zolberg, Указ. раб., стр. 27; «Enquête...», pp. 51—56.

⁴⁵ C. Meillassoux, Указ. раб., стр. 131—132, 176—180, 184—185.

⁴⁶ R. Dumont, Développement agricole africaine, Paris, 1965, pp. 26—27.

Подводя итоги, можно сказать, что в условиях быстрого развития экспортного производства и проникновения капиталистических отношений в деревню значительная часть вождей и старейшин переходит к частному предпринимательству, другие получают денежный доход главным образом в виде заработной платы и (или) продолжают вести преимущественно потребительское хозяйство. Привилегированное положение знати, ее право распоряжаться землей и казной общины и некоторые другие особенности социально-экономической организации африканского общества в целом способствуют ее обогащению.

Знать уступает ведущее место в социально-экономической жизни деревни предпринимателям, выходцам из рядовых общинников, а различия между последними и обуржуазивающейся знатью сходят на нет. Это закономерный процесс, обусловленный разложением традиционного социального уклада в деревне, ослаблением родственных связей и зависимости крестьян от знати, сокращением резерва рабочей силы общинников. Этот процесс ускоряется и благодаря мероприятиям правящих кругов БСК по разрушению общины, развитию частного землевладения, товарного хозяйства, кооперированию крестьянства, частичной национализации земель и т. п.

SUMMARY

With the increased production of export crops in the Ivory Coast the traditional chiefs and elders are gradually turning to private enterprise. The enrichment of the tribal nobility is favoured by its privileged position, its rights over the community's land and «funds», and certain other features of the organization of African society. Therefore in a number of regions the tribal nobility still possesses on the average more land under export crops than «commoners». However the traditional nobility is gradually yielding the first place in the socioeconomic life of the village to planters of common origin; the differences between the latter and the enterprising nobility are dwindling. This is a natural process due to the dissolution of the traditional village social structure, to the weakening of the kinship ties, of the subjection of peasants to the nobility. This process is also quickened owing to measures taken by the government for the destruction of traditional village community, the development of private land ownership, commodity economy, peasant cooperation, partial land nationalization.

А. А. Зубов

О РАСОВО-ДИАГНОСТИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ НЕКОТОРЫХ ОДОНТОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ

Антропология вносит свой вклад в решение проблем исторического характера благодаря исследованию биологических различий, существующих между отдельными группами человечества и выражающихся в неодинаковой частоте и неодинаковых сочетаниях ряда морфологических, серологических и других особенностей, которые служат, таким образом, дифференцирующими, опорными признаками при установлении степени сходства между группами.

Диагностическое значение одонтологических данных основывалось до сих пор на наличии специфических особенностей зубной системы, свойственных монголоидным популяциям, вследствие чего в антропологии сложилось понятие монголоидного зубного комплекса¹. Наиболее яркими признаками в этом комплексе можно считать высокую частоту так называемой лопатообразной (shovel-shaped) формы верхних резцов, дистального гребня тригониды нижних моляров, коленчатой складки метакониды нижних моляров, межкорневого затека эмали, протостилида. «Монголоидному» зубному комплексу противопоставляется «казказоидный» зубной комплекс противоположного характера, связанный с группами европеоидного происхождения. Указанные одонтологические особенности имеют, по-видимому, большую древность, о чем свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что они охватывают очень крупные подразделения человечества.

Работы Б. Крауса², Ч. Тернера³ и др. показали наследственную природу морфологических образований зубной системы, а для некоторых из них (лопатообразные резцы, протостилид, бугорок Карабелли, межкорневой затек) сделаны попытки доказать мономерный характер наследования. Расовые особенности зубной системы, по-видимому, мало подвержены влиянию экзогенных факторов даже в период, предшествующий завершению их формирования, о чем свидетельствует, в частности, исследование Б. Крауса и Р. Йордана⁴, показавших, что уже в эмалевом органе окончательно складываются будущие градации лопатообразной формы резцов. Весьма существенно, что рассматриваемые признаки, вероятно, не имеют адаптивного значения, что в общем подсказывается самим их нейтральным расположением и отсутствием связи с функцией.

¹ C. F. A. Moorrees, R. B. Reed, Correlations among crown diameters of human teeth, «Archives of oral biology», 1964, vol. 9, pp. 685—697; K. Hanihara, Mongoloid dental complex in the deciduous dentition, «The Journal of the Anthropological Society of Nippon», 1966, vol. 74, No. 749, July.

² B. Kraus and M. Furr, Lower first premolars, Part I, «Journal of Dental Research», 1953, No. 32, p. 554.

³ Ch. G. Turner, Dental genetics and microevolution in prehistoric and living Koniag Eskimo, «Folilo of materials for the International Symposium on tooth morphology», Fredensborg, Denmark, 1965.

⁴ B. S. Kraus and R. E. Jordan, The human dentition before birth, «Lea and Febiger», Philadelphia, 1965.

В этом отношении сомнения могли бы возникнуть, пожалуй, лишь в отношении лопатообразной формы резцов, о некотором адаптивном значении которой писал А. Дальберг⁵. Однако, как нам кажется, низкий процент этой формы в разных африканских популяциях, обладающих мало редуцированной, мощной, во всем приспособленной для интенсивного функционирования зубной системой, свидетельствует против такого предположения.

В настоящей работе мы возвращаемся к вопросу о расово-диагностическом значении упомянутых одонтологических признаков ввиду того, что накопившийся за последнее время материал позволяет несколько по-новому оценить характер и направленность дифференцирующей способности последних и попытаться сделать предварительные заключения более общего характера. К такого рода работе нас побуждает прежде всего полученный нами в 1966 г. материал по зубной системе народов Индии, являющейся пограничной зоной между областями распространения «монголоидного» и «кавказоидного» одонтологических комплексов и поэтому представляющей собой богатый источник очень существенных данных по интересующим нас проблемам. Весьма важной представляется нам также публикация материалов по СССР, полученных за последние годы, в течение которых мы организовали сбор данных по сокращенной программе (лопатообразные резцы — дистальный гребень тригонида) с помощью сотрудников и аспирантов отдела антропологии Института этнографии АН СССР. В 1964—1967 гг. материал по Сибири собирала сотрудница Ленинградского отделения Института этнографии Ю. Д. Беневоленская. В 1966—1967 гг. данные по современным русским, украинцам, а также по древним славянам представила аспирантка Н. И. Дониная. Кроме этого, мы впервые публикуем здесь материал по грекам, любезно предоставленный нам А. Н. Пуляносом⁶. Все эти данные вместе с опубликованными в последние годы материалами зарубежных авторов, которые мы также суммируем в настоящей работе, заполняя существовавшие до этих пор пробелы в знаниях о мировом распределении одонтологических признаков, в значительной степени способствуют выполнению поставленной нами задачи, связанной с пересмотром и уточнением диагностического значения названных особенностей.

Главное внимание мы уделяем здесь лопатообразной форме резцов и дистальному гребню тригонида именно в связи с наиболее интенсивным притоком материала по данным признакам за последнее время.

Таблица 1 дает картину мирового распределения лопатообразной формы резцов. Учитывая, что латеральные резцы вследствие большей вариабильности и большей склонности к редукции по сравнению с центральными дают всегда менее достоверный материал, обратимся к частотам лопатообразной формы на центральных резцах, причем особое внимание уделим графе, в которой суммируются баллы 2 и 3 («total semi-and marked shovel») по принятому образцу современных работ, посвящаемых этому вопросу. Итак, что дает изучение табл. 1? Прежде всего нам бросается в глаза невозможность выделить по этому существенному признаку «кавказоидный» одонтологический тип. Все европеоидные группы по частотам лопатообразных резцов составляют единое целое со всеми негроидами Африки. Вариабильность внутри этого «евро-афри-

⁵ А. А. Dahlberg, Dental evolution and culture, «Human Biology», 1963, vol. 35, No. 3, September.

⁶ Пользуемся представляющейся здесь возможностью принести глубокую благодарность Ю. Д. Беневоленской, Н. И. Дониной, А. Н. Пуляносу, В. Д. Дяченко и И. М. Золотаревой, предоставившим в наше распоряжение ценные цифровые данные по упомянутым выше группам.

Таблица 1

Частота лопатообразной формы верхних центральных резцов в разных этнических и расовых группах мира

(суммарный процент форм 2 и 3 — semi-end marked shovel)

Группы	Пол	№	%	Автор, год
Русские Калининской области	♂	160	0,0	Н. И. Донина, 1967
	♀	243	0,0	
Русские (енисейская группа)	♂	101	0,0	Ю. Д. Беневоленская, 1966
	♀	59	0,0	
Русские (туруханская группа)	♂	39	0,0	Ю. Д. Беневоленская, 1966
	♀	46	0,0	
Русские г. Киренска	♂	51	9,8	Ю. Д. Беневоленская, 1966
	♀	40	10,0	
Русские г. Витима	♂	27	20,0	Ю. Д. Беневоленская, 1966
Русские г. Олекминска	♂	31	19,3	Ю. Д. Беневоленская, 1966
Украинцы	♀	29	13,7	
	♂+♀	141	4,2	В. Д. Дяченко, 1967
Украинцы Житомирской области	♂	80	2,5	Н. И. Донина, 1967
	♀	118	2,5	
Литовцы Ионавы	♂+♀	113	7,9	А. А. Зубов, 1967
Эстонцы Иззаку	♂+♀	90	7,7	А. А. Зубов, 1967
Эстонцы Пылтсамаа	♂+♀	83	2,4	А. А. Зубов, 1967
Литовцы Кретинги	♂+♀	158	1,2	А. А. Зубов, 1967
Финны	♂+♀	423	14,7	Коски, 1952
Американцы (белые)	♂	1000	9,0	Грдличка, 1920
	♀	1000	7,8	
Американцы (белые)	♂+♀	77	4,2	Такехиса, 1957
Молдаване Кагула	♂+♀	73	6,9	В. Д. Дяченко, 1967
Болгары	♂+♀	128	9,4	В. Д. Дяченко, 1967
Гагаузы	♂+♀	105	14,3	В. Д. Дяченко, 1967
Ногайцы Икон-Халка	♂+♀	101	20,8	В. Д. Дяченко, 1967
Балкарцы	♂+♀	105	6,7	В. Д. Дяченко, 1967
Кабардинцы Центральной Кабарды	♂+♀	139	7,1	В. Д. Дяченко, 1967
Адыгейцы	♂+♀	96	5,2	В. Д. Дяченко, 1967
Осетины-дигорцы	♂+♀	103	8,7	В. Д. Дяченко, 1967
Грузины Тбилиси	♂+♀	291	2,7	Н. И. Донина, 1967
Евреи Йемена	♂	100	7,0	К. Розенцвейг, И. Цильберман, 1967
Евреи Индии	♂	100	7,0	К. Розенцвейг, И. Цильберман, 1967
Греки островов Эгейского моря	♂	877	4,6	А. Пулянос, 1965
Греки Крита	♂	1166	1,2	А. Пулянос, 1965
Арабы Марокко	♂+♀	936	14,1	Брабан, 1966
Гуджары (Сев. Индия)	♂	38	0,0	А. Зубов, 1966
Джаты (Сев.-Вост. Индия)	♂	31	12,9	А. Зубов, 1966
Каннара, высш. касты (Южн. Индия)	♂	63	12,7	А. Зубов, 1966
Каннара, низш. касты (Южн. Индия)	♂	81	17,0	А. Зубов, 1966
Бихарцы, высш. касты (Вост. Индия)	♂	56	17,8	А. Зубов, 1966
Бихарцы, низш. касты (Вост. Индия)	♂	39	33,3	А. Зубов, 1966
Бенгальцы, высш. касты (Вост. Индия)	♂	52	23,1	А. Зубов, 1966
Бенгальцы, низш. касты (Вост. Индия)	♂	44	36,3	А. Зубов, 1966
Банту	♂	264	9,8	Шоу, 1931
Американские негры	♂	618	12,5	Грдличка, 1920
	♀	1000	11,6	Грдличка, 1920
Конго VIII—IX вв.	♂+♀	49	12,2	Брабан, 1965
Пигмен Центр. Африки	♂+♀	?	11,7	Брабан, 1965
Фиджийцы	♂	892	14,0	Ризенфельд, 1956
Айны Сахалина	♂+♀	17	29,4	Судзуки, Сакаи, 1964
Полинезийцы	♂	96	42,8	Судзуки, Сакаи, 1964

Таблица 1 (окончание)

Группы	Пол	№	%	Автор, год
Полинезийцы	♂	80	34,0	Ризенфельд, 1956
Микронезийцы	♂	143	35,0	Ризенфельд, 1956
Индонезийцы	♂	57	36,0	Ризенфельд, 1956
Австралийцы	♂+♀	?	43,0	Карбонелл, 1963
Меланезийцы	♂+♀	?	66,0	Дальберг, 1945
Бронзовый век острова Бали	♂+♂	36	55,5	Якоб, 1965
Санталы (Вост. Индия)	♂	72	57,0	А. Зубов, 1966
Мунда (Вост. Индия)	♂	24	58,3	А. Зубов, 1966
Ораоны (Вост. Индия)	♂	65	58,4	А. Зубов, 1966
Казахи	♂	131	62,6	А. Зубов, 1967
	♀	186	64,5	
Окуневский могильник	♂+♀	47	59,4	А. Зубов, 1966
Якуты	♂	55	83,6	Ю. Д. Беневоленская, 1965
	♀	40	75,0	
Монголы	♂+♀	24	91,5	Грдличка, 1920
Монголы МНР (суммарно)	♂	273	90,4	И. М. Золотарева, 1967
Китайцы	♂	1094	89,6	Грдличка, 1920
	♀	208	94,2	
Японцы	♂	356	72,8	Сакаи, 1954
Японцы	♂	259	91,2	Кикиuti, 1954
Японцы	♂	110	59,9	Такехиса, 1957
Эскимосы	♂+♀	40	84,0	Грдличка, 1920
Эскимосы Гренландии	♂+♀	116	95,3	Педерсен, 1949
Алеуты	♂	45	95,5	Муррис, 1957
	♀	30	100,0	
Индийцы Пима	♂	101	96,0	Дальберг, 1951
	♀	125	99,0	
Индийцы сиу	♂+♀	21	100,0	Грдличка, 1931
Индийцы Пекос Пуэбло	♂+♀	324	89,5	Нельсон, 1937
Индийцы Пекос Пуэбло	♂+♀	124	86,3	Хутон, 1930
Индийцы Техаса	♂+♀	124	95,1	Гольдштейн, 1948
Индийцы смешанные	♂	1388	85,0	Уисслер, 1931
	♂	1205	85,0	
Индийцы Нолл	♂+♀	30	100,0	Дальберг и Шоу, 1951

Примечание к таблице. Данные, использованные в таблице, за исключением впервые публикуемых, взяты из работы М. Suzuki and T. Sakai, Shovel-shaped incisors among the living Polynesians, «Amer. J. Phys. Anthropol.», 1964, vol. 22, № 1, pp. 65—71; а также см.: V. M. Carbonell. Variations in the frequency of shovel-shaped incisors in different populations. «Dental Anthropology», 1963, № 5, pp. 211—234; K. A. Rosenzweig, Y. Zilberman, Dental morphology of Jews from Yemen and Cochín, «Amer. J. Phys. Anthropol.», 1967, vol. 26 № 1, pp. 15—21; A. A. Dahlberg. The changing dentition of man, «J. Amer. Dent. Ass.», 1945, vol. 32, p. 676; C. T. Nelson. The teeth of the Indians of Pecos Pueblo, «Amer. J. Phys. Anthropol.», 1938, № 23, p. 261; H. Brabant, M. Hassar, Observations anthropologiques et histologiques sur la denture d'une population atteinte de fluorose, «Bull. Acad. Roy med. Belg.», 1966, vol. 6, № 3, pp. 169—196; H. Brabant. Observations sur la denture des pygmées de l'Afrique Centrale, «Bull. Group. Int. Rech. Sc. Stomat.», 1965, vol. 8, pp. 27—49; H. Brabant, Contribution odontologique a l'étude des ossements trouvés dans la necropole protohistorique de Sanga, République du Congo, «Musée Royal de l'Afrique Centrale, Annales», Serie I, № 8—Sciences humaines — № 54, 1965.

канского» типа незначительна. Его можно как одну почти гомогенную группу противопоставить монголоидному типу, отличающемуся очень высокими концентрациями лопатообразной формы. По этому признаку имеет место разделение человечества на западный (евро-африканский, или негро-европеоидный) и восточный (монголоидный) стволы, предположение о существовании которых высказывалось нами в предыдущих работах⁷. Разрыв по частотам лопатообразных резцов между западной

⁷ А. А. Зубов, К выделению новой области в системе антропологии, «Сов. этнография», 1966, № 1; его же, Дистальный гребень тригониды на нижних постоянных молярах человека, «Вопросы антропологии», 1967, № 26.

и восточной половинами человечества весьма велик. Пределы размаха межгрупповой вариability частот внутри западного ствола (не считая метисных групп) определяются как 0—15%, а внутри восточного — 60—100% (практически 75—100%). Между двумя главными стволами располагаются метисные группы, а также австралийцы, папуасы, полинезийцы, микронезийцы, индонезийцы, меланезийцы, айны, ораоны, отчасти — мунда и санталы. Отметим, что в этот список попадают представители восточной половины экваториальной расы (если следовать

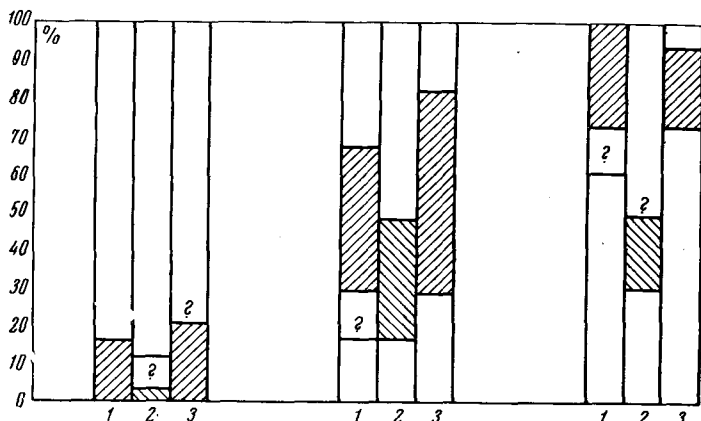

Диаграмма распределения и размаха вариаций частот одонтологических признаков в западном, восточном и промежуточном («австрало-океанийском») стволах: 1 — лопатообразная форма резцов; 2 — дистальный гребень тригонид; 3 — межкорневой затек эмали

терминологии, принятой при обычном, тройном делении человечества), точнее — австралийской, меланезийской, веддоидной малых рас. Сюда же попадают народы Океании, Индонезии и айны, составляющие вместе довольно единый комплекс. Все перечисленные группы укладываются в пределы от 14 до 66% по частоте резцов лопатообразной формы, т. е. как раз заполняют разрыв между восточным и западным стволами, образуя промежуточный тип, отличающийся средними частотами. Для удобства дальнейшего изложения его можно назвать, например, «австрало-океанийским». Особое положение в этом типе занимают фиджийцы, фактически примыкающие к западному типу. За исключением этой группы, частоты резцов лопатообразной формы в австрало-океанийском типе колеблются между 29 и 66%, из чего явствует, что повышенная и даже высокая частота этой формы вряд ли может быть названа «монголоидным» (и только монголоидным) признаком, особенно если учесть, что она характеризует некоторые группы, очевидно полностью лишенные монголоидной примеси (в обычном понимании этого слова), например веддоидных ораонов. Термин «восточный признак» кажется нам в этом случае более подходящим, так же как термин «западный признак» — для обозначения низкой частоты лопатообразной формы, характеризующей европеоидов и народы африканского происхождения.

Обратимся теперь к материалам по частотам дистального гребня тригониды на нижних молярах, рассматривавшегося нами ранее как монголоидный признак. Новые данные, сведенные в табл. 2, представляют собой аргумент в пользу предположения о единстве типа монголоидов и восточных негроидов (здесь веддоидов) по рассматриваемому при-

Таблица 2

Частота дистального гребня тригонида на первом нижнем моляре в разных этнических и расовых группах

Группы	Пол	№	%	Автор, год
Русские Калининской области	♂	102	0,0	Н. И. Донина, 1967
	♀	117	0,8	
Украинцы Житомирской области	♂	70	2,8	Н. И. Донина, 1967
Украинцы	♂+♀	141	0,0	В. Д. Дяченко, 1967
Литовцы Йонавы	♂+♂	95	1,0	А. А. Зубов, 1956
Эстонцы Иизаку	♂+♀	67	4,4	А. А. Зубов, 1967
Эстонцы Пылтсамаа	♂+♂	64	1,5	А. А. Зубов, 1967
Литовцы Кретинги	♂+♀	150	3,3	А. А. Зубов, 1967
Латгалы	♂+♀	106	0,0	А. А. Зубов, 1964
Грузины Тбилиси	♂+♀	232	1,7	Н. И. Донина, 1967
Молдаване Кагула	♂+♀	73	0,0	В. Д. Дяченко, 1967
Болгары	♂+♀	128	5,5	В. Д. Дяченко, 1967
Гагаузы	♂+♀	105	14,0	В. Д. Дяченко, 1967
Ногайцы Икон-Халка	♂+♀	101	11,3	В. Д. Дяченко, 1967
Балкарцы	♂+♀	105	5,7	В. Д. Дяченко, 1967
Кабардинцы Центральной Кабарды	♂+♀	139	0,0	В. Д. Дяченко, 1967
Адыгейцы	♂+♀	96	0,0	В. Д. Дяченко, 1967
Осетины-дигорцы	♂+♀	103	0,0	В. Д. Дяченко, 1967
Осетины	♂+♀	45	0,0	А. А. Зубов, 1964
Таджики Памира	♂+♀	114	3,5	А. А. Зубов, 1964
Неолит Васильевки	♂+♂	28	0,0	А. А. Зубов, 1964
Гуджары (Сев. Индия)	♂	38	0,0	А. А. Зубов, 1966
Джаты (Сев. Индия)	♂	31	16,1	А. А. Зубов, 1966
Каннара, высш. касты (Южн. Индия)	♂	62	11,3	А. А. Зубов, 1966
Каннара, низш. касты (Южн. Индия)	♂	81	20,3	А. А. Зубов, 1966
Бихарцы, высш. касты (Вост. Индия)	♂	50	8,0	А. А. Зубов, 1966
Бихарцы, низш. касты (Вост. Индия)	♂	39	15,4	А. А. Зубов, 1966
Бенгальцы, высш. касты (Вост. Индия)	♂	52	11,5	А. А. Зубов, 1966
Бенгальцы, низш. касты (Вост. Индия)	♂	44	25,0	А. А. Зубов, 1966
Санталы (Вост. Индия)	♂	72	31,9	А. А. Зубов, 1966
Ораоны (Вост. Индия)	♂	69	46,3	А. А. Зубов, 1966
Мунда (Вост. Индия)	♂	27	37,0	А. А. Зубов, 1966
Хакасы	♂+♀	118	32,2	А. А. Зубов, 1964
Киргизы	♂+♀	68	26,4	А. А. Зубов, 1964
Казахи	♂	124	22,6	А. А. Зубов, 1966
	♀	157	22,3	А. А. Зубов, 1966
Окуневский могильник	♂+♀	30	30,0	А. А. Зубов, 1965
Ульчи	♂+♀	23	30,4	А. А. Зубов, 1964
Монголы МНР (суммарно)	♂	212	32,1	И. М. Золотарева, 1967
Буряты	♂+♀	63	30,1	А. А. Зубов, 1964
Эквенский могильник	♂+♀	36	33,3	А. А. Зубов, 1965
Папуасы	♂+♀	21	14,3	А. А. Зубов, 1964
Негры Африки	♂+♂	19	0,0	А. А. Зубов, 1964

знаку. Например, уже упоминавшаяся нами группа ораонов, лишенная, по-видимому, монголоидной примеси, обнаруживает как раз максимально высокую частоту дистального гребня тригонида. Следовательно, по частоте дистального гребня тригонида мы пока не можем констатировать выделения промежуточного «австрало-океанийского» типа с той определенностью, с какой он обнаружился по частоте лопатообразных резцов: здесь имеет место еще более полное сходство восточных негроидов с монголоидами, вследствие чего мы с еще большей определенностью говорим в этом случае о существовании восточного типа, отличающегося высокой концентрацией дистального гребня тригонида и противопоставляюще-

гося западному, евро-африканскому, который характеризуется как единое целое, низкой частотой этого образования.

В табл. 3 сведены данные по межкорневому затеку эмали. Низкая частота затека у негров Африки и повышенная у папуасов и полинезийцев сближает первых с европеоидными группами, а вторых — с представителями монголоидной расы, т. е. и здесь намечается картина разделения человечества на восточную и западную половины. В данном случае, пожалуй, можно предположить существование какого-то промежуточного («австрало-океанийского») типа, обладающего обширным размахом вариаций, от верхней границы западного ствола до уровня частот, характеризующих уже представителей восточного ствола.

К сожалению, к данному моменту в мире собран еще слишком малый материал по таким признакам, как протостилид и коленчатая складка метаконида. Однако кое-какие предположения можно сделать уже на основании имеющихся немногочисленных данных. Ясно, например, что по частоте обоих упомянутых образований негрские группы африканского происхождения оказываются близкими к европеоидным группам и противопоставляются вместе с ними монголоидам. С другой стороны, папуасы сближаются с монголоидами по частоте протостилида.

Таким образом, по названным одонтологическим материалам выявляется с большей или меньшей отчетливостью деление на западный и восточный стволы, характеризующиеся «западным» и «восточным» зубными комплексами. Такая терминология, по нашему мнению, более соответствует дифференцирующему значению расовых одонтологических особенностей, уточненному на основании суммирования последних данных.

Учитывая, что в данном случае мы имеем дело с комплексом неадаптивных, нейтральных, наследственных и, вероятно, древних морфологических особенностей (о чем говорят и данные по филогенезу зубной системы), мы можем предположить, что наблюдаемые закономерности не являются случайными, а отражают когда-то существовавшее реально двойное деление человечества на западную и восточную половины, каждая из которых впоследствии распалась на северную и южную. Логично предположить, что при отсутствии достаточно развитой материальной культуры человечество преимущественно стремилось расселяться в пределах пояса, отличающегося средними и более стабильными климатическими условиями, т. е. в направлении запад—восток, не заходя далеко ни на север, ни в трудные для освоения тропические области. При этом продвижении какие-то группы, вероятно, заходили далеко на восток и в силу каких-то причин (хотя бы просто очень большого расстояния) оказались в долгой изоляции. Действие генетико-автоматических процессов могло вызвать прогрессивно усиливающуюся дивергенцию по ряду не-

Таблица 3

Межкорневой затек в разных этнических и расовых группах
(средний процент, приходящийся на один моляр)

Группы	%	Автор, год
Ульчи	95,3	А. А. Зубов, 1964
Буряты	88,6	То же
Древние полинезийцы	82,0	К. Нельсон, 1937
Хакасы	76,6	А. А. Зубов, 1964
Чукчи	76,2	То же
Киргизы	54,2	» »
Окуневский могильник	54,2	» »
Индейцы Пекос Пуэбло	34,0	К. Нельсон, 1937
Папуасы	28,5	А. А. Зубов, 1964
Осетины	13,7	То же
Таджики Памира	12,2	» »
Армяне	8,8	» »
Неолит Васильевки	2,7	» »
Неолит Вовниг	2,2	» »
Негры Африки	0,0	» »

адаптивных, нейтральных признаков, так что за большой период концентрации этих признаков в западном и восточном очагах расообразования стали резко различными. В дальнейшем, по мере развития материальной культуры и освоения севера и юга, каждый из двух названных первичных очагов образовал в новых географических условиях благодаря адаптации новые расовые типы, отличающиеся комплексами внешних расовых признаков. Например, в экваториальной зоне на основе разных первичных стволов — как западного, так и восточного — сложился параллельно в двух районах земного шара комплекс негроидных особенностей: темная кожа, широкий нос, курчавые волосы. Таким образом, мы считаем, что западные (африканские) негроиды и восточные (австралоиды, веддоиды и др.) приобрели сходный расовый тип независимо друг от друга. Сближающий их комплекс адаптивных расовых особенностей возник в двух районах земли конвергентно благодаря сходству условий среды, на основе разных первичных расовых стволов, о чем свидетельствуют различия по комплексу древних неадаптивных одонтологических особенностей.

Каково происхождение групп, выделенных нами пока в отдельный «австрало-океанийский» тип? На этот вопрос в какой-то мере дают ответ материалы по уже неоднократно упоминавшейся группе ораонов. Чрезвычайно высокая частота дистального гребня тригонида (даже более высокая, чем в большинстве монголоидных групп) в этой группе при ее веддоидном облике, не обнаруживающем признаков монголоидности, является, по нашему мнению, доказательством восточного происхождения предков веддоидов. Точно так же восточный корень океанийских народов проявляется в чрезвычайно высокой частоте межкорневого эмалевого затека у полинезийцев. Наряду с этим, как мы уже говорили, разные группы «австрало-океанийского» типа обнаруживают то по одному, то по другому признаку снижение концентрации восточного элемента. В то время как в «чистых» восточных и западных группах концентрации упоминавшихся одонтологических особенностей образуют согласованные, гармоничные комплексы, в «австрало-океанийском» типе наблюдается явная дисгармония внутри комплексов признаков: например, очень высокий процент дистального гребня тригонида сочетается со средней частотой лопатообразных резцов, чего никогда не наблюдается в группах, относимых нами безоговорочно к восточному или западному стволам, и что встречается лишь в метисных популяциях, где нарушены исторически сложившиеся древние корреляции, исходные пропорции признаков. Обратим также внимание на межгрупповой размах вариаций по диагностическим признакам, характеризующий «австрало-океанийский тип». Например, если размах межгрупповых вариаций внутри западного ствола по частоте лопатообразных резцов составляет 15% (0—15%), внутри восточного — 25% (75—100%), то в «австрало-океанийском типе» он равен 51% (15—66%). При этом «австрало-океанийский тип» по частоте лопатообразных резцов включает все возможные градации перехода от значений, характерных для западного ствола, до значений, соответствующих «восточному» уровню концентрации признаков. Все это говорит о том, что «австрало-океанийский тип» не составляет единой гомогенной общности, «третьего типа», равноценного западному и восточному в отношении единства и древности. По-видимому, он является продуктом смешения восточных и западных элементов в самые разные эпохи на протяжении тысячелетий.

Территория Южной и Юго-Восточной Азии, вероятно, в течение очень долгого времени была местом смешения расовых типов и исходным центром расселения групп сложного расового состава. Отсюда в разные

периоды истории человечества вышли группы, давшие начало австралийцам, полинезийцам, айнам. Популяции, несущие в себе сочетание восточного и западного элементов и являющиеся «западно-восточными метисами» самых разных эпох и генотипов, широко расселились по Южной, Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании. Роль «генератора» западно-восточных метисных групп за Южной и Юго-Восточной Азией сохранялась в течение целого ряда тысячелетий, вплоть до наших дней. В качестве иллюстрации опять-таки можно привлечь территорию Индии, населенную западно-восточными метисами, сформировавшимися в разные эпохи и при разном участии обоих больших стволов. Конечно, имеются и другие области контакта западного и восточного стволов. В Сибири, Казахстане, в Средней Азии зоны такого контакта характеризуются одонтологическими типами, близкими к «австрало-океанийскому» типу. Этот сборный «тип», который лучше всего назвать просто совокупностью метисных популяций, как прослойка разделяет зоны распространения западного и восточного стволов, а также распространяется в Юго-Восточную Азию, Австралию и Океанию. Эти данные, кстати, противоречат заключению А. Тома⁸, который видит в «австрало-веддо-айнской общности» самостоятельный тип, имеющий единое, очень древнее происхождение.

Нужно заметить, что, говоря о двух древних центрах расообразования, мы вовсе не входим в противоречие с другими расовыми классификациями, например с тем же тройным делением человечества. Мы полностью отдаем себе отчет в том, что, скажем, в настоящее время, европеоидная раса не составляет единого целого с населением Африки по очень многим признакам, и не хотим недооценивать диагностического значения этих признаков (форма и размеры носа, форма волос, цвет кожи). Мы хотели бы только показать здесь, что еще до разделения по комплексу этих адаптивных признаков существовал древний общий евро-африканский западный корень, как единое целое противопоставлявшийся восточному корню, что разделение «восток—запад» произошло раньше, чем сформировался негроидный физиономический комплекс. Употребляя терминологию Валле⁹, здесь можно видеть наложение черт формирующихся терморас на более древний и не имеющий в данных условиях адаптивного значения комплекс морфорасы. Мы улавливаем в одонтологических общностях тот момент в истории человечества, когда оно делилось на два ствола, и говорим об этом периоде как о пройденном этапе, сменившемся потом периодами новых волн расообразования. Классификация человеческих рас зависит от того, по каким признакам она осуществляется, причем здесь крайне необходимым представляется учет древности признака. Обычно диагностические особенности делят на расовые признаки первого порядка, охватывающие большие расовые стволы, и признаки второго порядка, по которым выделяются малые расы. Признаки первого порядка, разграничивающие человечество на три расы, являются, как принято считать, более древними. Мы предполагаем, что можно обнаружить признаки более древние, чем обычные признаки первого порядка, разделяющие человечество на два ствола, что отражает, повторяем, какой-то древний этап в истории процесса дивергенции внутри *Homo sapiens* от единого корня. Признание двучленного деления человечества нисколько не противоречит идее трехчленного деления; это — лишь два разных этапа в истории человечества, так

⁸ А. Тома, Le deploiement evolutif de l'Homo sapiens, «Anthropologia hungarica», t. V, No. 1—2, 1962.

⁹ М. М. Валле, Two concepts of race, Lima, 1964.

же как признание существования больших рас не противоречит фактам наличия большого числа подрас и непрерывности процесса микроэволюции в человеческих коллективах, приводящей к новой дивергенции (меньших масштабов) по новым признакам. Изучение вопроса о разной древности дифференцирующих расовых особенностей кажется нам чрезвычайно важным. Изучая динамику формирования расовых комплексов, процессы расообразования можно лучше понять при подходе к расовым признакам как к особенностям неравноценным. Например, зная о существовании исходной общности разных расовых типов (скажем, европейского и африканского) и о возможности конвергентного формирования сходных типов в близких географических условиях (африканские негры и меланезийцы), мы можем получить новые сведения о роли адаптации в расообразовании и о скорости формирования комплекса адаптивных признаков.

Естественно возникает вопрос, когда могло произойти рассматриваемое нами разделение человечества на два ствола? Вопрос этот сопрягается с проблемой моноцентризма и полицентризма в формировании *Homo sapiens*. В последние годы был высказан ряд новых гипотез, основанных на признании наличия нескольких древних центров формирования человека современного вида¹⁰. При этом приходится слышать как о большой обособленности и древности восточного центра, так и о единстве евро-африканского центра. Например, Брасуэл описал череп человека, жившего 41 тыс. лет назад, найденный на о. Борнео, а А. Тома, привлекая такой материал, как ископаемые находки с Маркиной горы, Гримальди, Асселяр и Ишанго, приходит к заключению, что центр формирования протонегроидов находился в одной области с центром формирования протоевропеоидов. Авторы этих гипотез исходят обычно из наличия прямой преемственности между современными расовыми типами и древними центрами происхождения *Homo sapiens*, относя время выделения этих центров к очень далеким периодам эволюции человека, отделенным от нас сотнями тысяч лет. Вопрос этот, естественно, очень сложен и едва ли может быть решен на нашем материале. Однако вряд ли обязательным является отнесение описываемой первичной дивергенции по одонтологическим признакам к очень давним периодам, например к фазе архантропа. Разделение на два очага могло произойти уже в период формирования *Homo sapiens* (как недифференцированного исходного типа), может быть несколько раньше или несколько позже. В пользу этого говорит наличие у западных неандертальцев и даже первых западных представителей *Homo sapiens* резцов лопатообразной формы, указывающее на малую дифференцированность востока и запада по одонтологическим признакам в периоды, предшествовавшие появлению современного человека. Два очага могли возникнуть, следовательно, в самом начале верхнего палеолита, затем резко обособиться и приобрести существенные различия по ряду одонтологических (а также некоторых других) признаков. Существование двух крупных центров формирования современного человечества, в сильной степени изолированных вплоть до неолита, находит дополнительное доказательство в том факте, что в зонах, лежащих между этими двумя центрами, имеются полосы, очень бедные антропологическими находками донеолитического времени. Такова, например, территория Индии. Судя по данным раскопок, был период, который предшествовал неолиту, когда плотность населения как к востоку, так и к западу от этого пограничного района непрерывно возрастала, указывая

¹⁰ С. Соон, S. M. Garn, Human Races, Springfield, Illinois, 1961; А. Тома, Указ. раб., примеч. 8.

на наличие двух центров максимальной концентрации человечества. По мере расширения обоих центров промежуточные территории стали все больше наводняться переселенцами со всей земли, причем в течение тысячелетий эти районы могли захлестываться волнами то западного, то восточного происхождения. Одонтологические данные по территории Индии очень хорошо иллюстрируют эти процессы. Судя по этим материалам, наиболее древнее, веддоидное население Индии относилось преимущественно к восточному стволу и, может быть, только в очень небольшой степени впитало примесь западных элементов. Более позднее население было в основном западного происхождения и непрерывно в той или иной мере смешивалось с местным, восточным. На соотношение западных и восточных элементов в среде современных народов Индии оказывали влияние причины социального и географического характера: больший процент восточных элементов повсеместно отмечен среди низших каст, пополнявшихся за счет аборигенных групп, а группы населения, территориально расположенные в восточных областях страны (например, бенгальцы, отчасти бихарцы) вне зависимости от каст включают теперь больший процент восточных элементов, чем северо-западные народы¹. Минимальная концентрация восточных черт наблюдается, как и следовало ожидать, в таких группах, как гуджары и джаты, имеющих позднее, несомненно западное происхождение. Западный корень имеет в основном население юга Индии (например, каннара), которое вследствие долгого пребывания на территории страны тоже успело приобрести легкий восточный «налет». Вся картина расовых типов Индии с одонтологической точки зрения производит впечатление гетерогенности и нестабилизированности, «неустоявшейся» механической смеси западных и восточных элементов с большим или меньшим взаимным проникновением волн, относящихся к разным эпохам. Именно так и следовало бы представлять себе расовый состав пограничной территории, лежащей между областями распространения представителей двух древнейших расовых стволов.

Как нам кажется, одонтологический материал может оказаться полезным как раз при исследовании таких территорий, где встречались волны населения западного и восточного происхождения, и даст возможность получить дополнительную информацию по этногенезу народов, населяющих эти области.

SUMMARY

The geographical distribution of some dental features is discussed. The shovel-shaped form of the incisors is concentrated in the East, mainly among peoples of the Mongoloid racial stock. In Europe and Africa its frequency is usually very low. The peoples of the Ural, Western Siberia, Middle Asia, India (tribes), Indonesia, Polynesia have a moderate frequency of this feature. The distal trigonid crest and the enamel extension follow the same tendency in their world distribution, so far as we can conclude from our materials. So there are two main «odontological types» in the world (the eastern and the western) and an intermediate one.

¹¹ Приток населения восточного происхождения непрерывно имел место и сказывался в повышении процента восточных одонтологических особенностей как арийского, так и аборигенного населения востока и северо-востока Индии.

С. И. Вайнштейн

РОДОВАЯ СТРУКТУРА И ПАТРОНИМИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ У ТОФАЛАРОВ (ДО НАЧАЛА XX ВЕКА)

Развернувшаяся на страницах журнала «Советская этнография» дискуссия о соотношении родовой и патронимической организации¹ вполне современна, так как накопление в советской и мировой науке новых фактических материалов требует их теоретической разработки. Вместе с тем, думается, что необходимо дальнейшее выявление и изучение конкретных этнографических фактов, имеющих отношение к дискутируемым проблемам.

Довольно широко распространено мнение, что у сибирских народов, в связи с коренной перестройкой их быта и культуры, в настоящее время уже очень трудно, если не невозможно, методами полевой этнографии изучать вопросы их традиционной социальной организации. Однако опыт показывает, что такого рода исследования поныне вполне возможны.

В этой связи хотелось бы привести некоторые данные о родовой структуре и патронимической организации у тофаларов (карагасов) до начала XX в., основанные главным образом на полевых материалах, собранных мною в 1966 г.²

В научной литературе принято считать, что тофалары до революции делились на 5 родов — Каш, Сарыг-каш, Чогду, Кара-чогду и Чептей³. Однако видный исследователь народов Сибири М. А. Кастрен отметил у тофаларов (карагасов) в середине XIX в. и другие родовые названия, а именно: Иргэ, Тарак, Тулай и Богошэ⁴. Кроме Кастрена никто из других ученых и путешественников, в том числе этнографов, изучавших тофаларов, ни разу не фиксировал у них этих названий. Последнее обстоятельство побудило современных исследователей этнографии на-

¹ М. В. Крюков, О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации (к постановке вопроса), «Сов. этнография», 1967, № 6; Н. А. Кисляков, По поводу статьи М. В. Крюкова «О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации», «Сов. этнография», 1968, № 2; Н. А. Бутин, Община, семья, род, «Сов. этнография», 1968, № 2.

² Полевые исследования под руководством автора велись Тофаларским отрядом Северной экспедиции Ин-та этнографии АН СССР в Нижнеудинском районе Иркутской области. Помимо автора в работе отряда участвовал сотрудник Ин-та этнографии АН СССР Я. В. Чеснов, в задачу которого входило изучение охотничьего промысла у тофаларов.

³ Н. Ф. Катанов, Поездка к карагасам в 1890 г., «Записки Русского географического общества по отделению этнографии», т. XVII, вып. 2, 1891, стр. 141; В. Радлов, Этнографический обзор турецких племен Южной Сибири и Монголии, Иркутск, 1929, стр. 5; В. Н. Васильев, Краткий очерк быта карагасов, «Этнографическое обозрение», 1910, кн. 84, № 1—2, стр. 74; Б. Э. Петри, Охотничьи угодья и расселение карагас, Иркутск, 1927, стр. 13; Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., М., 1962, стр. 256.

⁴ М. А. Castren, Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849, SPb, 1856, S. 389—391. Русский перевод: А. Кастрен, Путешествие в Сибирь, «Магазин земледелия и путешествий», т. VI, М., 1860, стр. 429.

родов Сибири предположить ошибочность сообщения Кастрена о существовании у тофаларов в середине XIX в. родов Иргэ, Тарак, Тулай и Богошэ⁵.

Нельзя было, конечно, исключить и мысль о том, что ученый, отличавшийся тщательностью и добросовестностью в собирании этнографического материала не ошибся, а указанные им тофаларские (карагасские) роды в силу каких-то исключительных обстоятельств после поездки Кастрена исчезли и вскоре были забыты местными жителями.

Вопрос о реальном родовом составе тофаларов имеет важное значение для решения проблемы этногенеза как самих тофаларов, так и родственных им тувинцев, в особенности тувинцев-оленьеводов. Трудно было предположить, что ныне загадка четырех тофаларских родовых названий, зафиксированных Кастреном, может быть разрешена — ведь со времени его поездки прошло около 120 лет. И тем не менее, полевые поиски этих названий в наши дни оказались не безрезультатными.

В ходе проведенных исследований у тофаларов удалось установить, что вплоть до начала XX в. у них было не пять родов, как считалось в этнографической литературе, а восемь⁶: Кара-йогду (Кара-йогды)⁷, Чогду (Чогды), Чептей, Кара-хаш, Тырк-хаш (Тарк-хаш), Иргэ-хаш, Тенек-хаш и Сары-хаш⁸).

Таким образом было подтверждено существование впервые отмеченных Кастреном родов Иргэ (Иргэ-хаш) и Тарак (произносимого ныне Тырк-хаш), а также установлено, что в состав тофаларов в XIX в. входил род Кара-хаш (старики-тофалары помнят еще последнего мужчину из этого рода, умершего в конце 90-х гг. прошлого века)⁹. Что касается названий Тулай и Богошэ, то на них мы остановимся ниже.

Роды «нён» тофаларов составляли группы родственников, которые осознавали свое происхождение от общего предка (в мифах о родоначальниках прослеживаются следы тотемизма), имели общеродовое имя, общую территорию расселения, были экзогамны и сохраняли некоторое идеологическое единство, проявлявшееся в культе.

Экзогамия в тофаларских родах соблюдалась вплоть до начала XX в. Этнограф В. Н. Васильев писал о тофаларах в 1910 г.: «Родство при женитьбе соблюдается строго. Брать жену внутри рода нельзя, так как тут все родня, безразлично — будет ли то родня дальняя или близкая»¹⁰. Аналогичная картина наблюдалась у родственных тофаларам тувинцев-тоджинцев¹¹.

Дети считались принадлежащими к роду отца, если последний был известен. В тех довольно частых случаях, когда отец оставался неизвестен, родовая принадлежность детей определялась по матери. Такое положение вызывалось относительно большой половой свободой добрачной жизни у тофаларов, отмеченной многими дореволюционными исследова-

⁵ Б. О. Долгих, Указ. раб., стр. 256.

⁶ Моими информаторами были: Ангыштаева М. С. (1876 г. рожд.), Мухаев П. Н. (1894 г. рожд.), Кангараева Е. М. (1884 г. рожд.) и др.

⁷ В этнографической литературе принято ошибочное написание этого рода: «Кара-чогду». Однако то, что в русских документах уже в XVII в. улус, в который входил род Кара-йогду, именовался югдинским (см.: Б. О. Долгих, Указ. раб., стр. 255) позволяет думать, что и тогда этот род носил название Кара-йогду (ср.: йогду — югду), а не Кара-чогду.

⁸ В этнографической литературе принято ошибочное написание данного этнонима: «Сарыг-хаш».

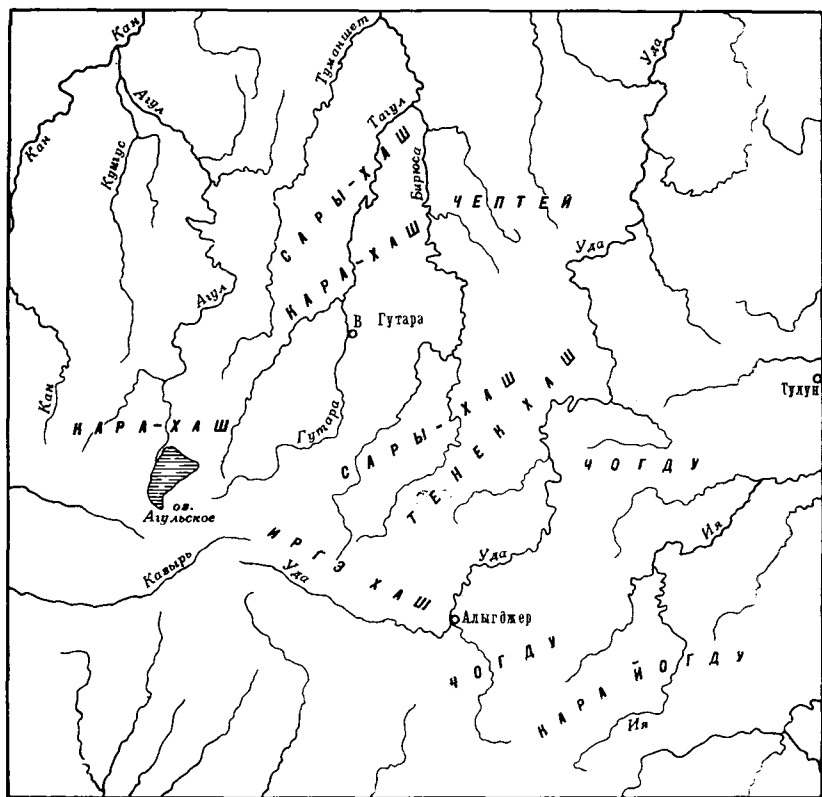
⁹ Впервые о карагасском роде писал П. С. Паллас (см.: П. С. Паллас, Путешествие по разным провинциям Российского государства, т. III, СПб., 1788, стр. 424).

¹⁰ В. Н. Васильев. Указ. раб., стр. 62.

¹¹ См.: С. И. Вайнштейн, Тувинцы-тоджинцы, М., 1961, стр. 137.

телями, в частности В. Н. Васильевым¹². Аналогичная картина наблюдалась у тувинцев¹³.

Род у тофаларов в XIX в. не играл никакой роли в хозяйственной жизни и все его функции сводились главным образом к регулированию семейно-брачных отношений.

Расселение тофаларских родов во второй половине XIX в.

В конце XIX в. семьи, главы которых вели свое происхождение от указанных выше родов, были расселены преимущественно следующим образом: из рода Кара-йогду — в юго-восточной части нынешнего Нижне-Удинского района, а также частично на территории Тулунского района Красноярского края по рекам Утнум, Ия, Барбитай, Ишбит. Чогду кочевали в юго-восточной части нынешнего Нижнеудинского района по р. Кара-Бурень; в верховьях рек Додот, Кадрос, а также в Тодже по р. Хангорок. Тырк-хаш и Тенек-хаш жили по р. М. Бирюсе, Нерхе, Огниту; род Чептей — по Б. Бирюсе; Сары-хаш — по рекам Агул, Телехаш, Тейба, Кара-Хем; Кара-хаш — от верховьев р. Гутары по рекам Казыру, Кизиру, верховьям Кана; Иргэ-хаш — по р. Уде (см. карту расселения тофаларских родов во второй половине XIX в.).

¹² В. Н. Васильев, Указ. раб., стр. 61—62.

¹³ М. Райков, Отчет о поездке к верховьям р. Енисея, совершенной в 1897 г., «Известия Русского географического общества», т. 34, вып. 4, 1898, стр. 447; Ф. Кон, Экспедиция в Сойотию, «За пятьдесят лет», т. III, М., 1934, стр. 128; С. И. Вайнштейн, Указ. раб., стр. 136—137.

Чем же можно объяснить, что исследователи отмечали у тофаларов во второй половине XIX и начале XX в. иную родовую структуру? По всей вероятности, это было вызвано тем, что российские власти еще в XVII в. разделили тофаларов на пять административных единиц, именовавшихся «улусами»¹⁴, и не отражавших, во всяком случае в XIX в., достаточно точно их реальный родовой состав. Возможно административные улусы, установленные у предков тофаларов в XVII в., совпадали с родами, хотя, как отмечает Б. О. Долгих, Югдинский улус в XVII в. первоначально был образован из двух родов — Кара-йогду и Чогду, причем последний затем выделился в самостоятельный Сильпигурский улус¹⁵. Позднее, в XVIII и XIX вв., родовой состав мог претерпеть изменения. Одни роды вымерли, другие — наоборот разрастались и делились. Видимо, информаторы-тофалары, отвечая во второй половине XIX — начале XX в. на вопрос о родах, сообщали сведения о пяти административных улусах.

Тофаларские роды были так распределены по улусам: Югдинский улус включал род Кара-йогду, Сильпигурский улус — род Чогду, в Кангатский улус входили роды Тырк-хаш, Иргэ-хаш и Тенек-хаш, в Маньчжурский — род Чептей, в Карагасский — роды Кара-хаш и Сары-хаш¹⁶.

По данным Г. Миллера (30-е годы XVIII в.), Карагасский, Кангатский и Сильпигурский улусы предков современных тофаларов находились в горно-таежном районе у истоков рек Уды и Бирюсы, а Югдинский («Еуданский») — у истоков Ии и Оки¹⁷.

Представляют интерес формы самоуправления тофаларских улусов, хотя они и были в значительной мере определены известным уставом «Об управлении инородцев», введенном российскими властями в начале XIX в. Во главе каждого из пяти тофаларских улусов стоял шуленга («улуг баш», т. е. большая голова). Шуленга избирался раз в три года на суглане — собрании всех взрослых мужчин, для участия в котором съезжались тофаларские семьи. В избрании участвовали мужчины, достигшие 16 лет (с того времени, когда начинали платить ясак). Выбирались лица старше 20 лет. Помимо шуленги на суглане выбирали старшину-судью — «таршина» и улусных начальников — «дарга». Обычно на суглан съезжалось около 40—50 наиболее обеспеченных семей, так как малоимущие не могли далеко кочевать. Избранными также были наиболее обеспеченные люди. На общих собраниях взрослых тофаларов-мужчин из всех улусов решались основные общественные дела. В. Васильев писал в 1910 г.: «Все крупные общественные дела, как то:

¹⁴ Термин «улус» впервые встречается в древнемонгольских письменных памятниках как название для объединения родов, поколений, племен с точки зрения властвующих лиц — хана, нойона. Причем улус у них далеко не совпадает с племенем или родом. См.: Б. Я. В л а д и м и р ц о в, Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 97. Улусом иногда называют стойбища монголов и бурят (см. М. В. П е в ц о в, Путешествие по Китаю и Монголии, М., 1951, стр. 109—110; А. Ш а п о в, Бурятская улусная родовая община, «Известия Сибирского отдела Русского географического общества», т. V, вып. 3, 1875). Улус в современном тофаларском языке, как и в монгольском (точнее: «улс»), употребляется в значении «народ»; см. также: Л. П. Л а ш у к, Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрков и монголов, «Сов. этнография», 1968, № 1.

¹⁵ Б. О. Д о л г и х, Указ. раб., стр. 255. Роды Тырк-хаш, Иргэ-хаш, Тенек-хаш, Сары-хаш, Кара-хаш отражают в своих названиях связь с самодийской родо-племенной группой Хаш, участвовавшей в этногенезе тофаларов. Вопросы происхождения отдельных родов тофаларов в данной статье не рассматриваются. Отметим лишь, что этногенез их весьма сложен. В формировании тофаларов участвовали самодийские, тюркские, кетские, а возможно монголоязычные и тунгусские компоненты.

¹⁶ Считалось, что Карагасский улус состоял из одного рода Сарыг-хаш, т. е. Сары-хаш (см. Б. О. Д о л г и х, Указ. раб., стр. 254).

¹⁷ ЦГАДА, ф. 199, № 526, ч. II, тетр. 9, лл. 28—29; Б. О. Д о л г и х, Указ. раб., стр. 256; см. также карту распространения этнических групп, расселения племен и родов народов Сибири в XVII в., приложенную к указ. работе Б. О. Долгих.

распределение податей, разбор служебных тяжб, выборы властей, воспомоществование вдовам и прочее решается самим обществом»¹⁸. Важная роль «административных родов» (улусов) вытесняла у тофаларов представление об их исконных родах (нён), сохранявших главным образом, как отмечалось выше, функции регулятора семейно-брачных отношений.

В отличие от некоторых других тюркских народов, у тофаларов в рассматриваемое время термин «аал» (аул) означал не столько стойбище из нескольких совместно кочующих семей, сколько определенную социальную ячейку, которая еще в конце XIX в. имела достаточно ярко выраженные черты патронимической организации, существовавшей наряду с родом «нён». Выявленная мною патронимия у тофаларов представляла собой группу родственных малых семей, главы которых вели свое происхождение от одного предка по мужской линии. Каждая патронимия имела свое устойчивое название. Образующие ее семьи были связаны не только родством глав семей, но и хозяйственно и идеологически (в сфере культа). Ее генеалогическую основу составляли мужчины, принадлежавшие к одному роду. К этому же роду относились их незамужние сестры и дочери. Мы называем вслед за Ю. И. Семеновым¹⁹ группу лиц, составляющих генеалогическую основу патронимии, ее генеалогической группой. В отличие от рода, не включавшего женщин-чужеродок, последние считались членами патронимической организации. Поныне почти все тофалары старшего поколения знают как свою патронимию, так и род, из которого они происходят.

Отметим названия отдельных патронимий и распределение их генеалогических групп по родам. К роду Кара-йогду относились патронимии Тайга-аалы, Хого-аалы, Отрум-аалы, Мухай-аалы; к роду Чогду — Амостай-аалы, Мухай-аалы, Тобулай-аалы, Буучей-аалы, Киштей-аалы, Хыкый-аалы, Андылай-аалы, Хыямай-аалы; к роду Сары-хаш — Калдыный-аалы, Балыкай-аалы, Мамокай-аалы; к роду Тенек-хаш — Буктурбай-аалы; к роду Ирге-хаш — Сагай-аалы; к роду Тырк-хаш — Торгой-аалы; к роду Кара-хаш — Ырея-аалы; к роду Чептей — Тулай-аалы и Алаштайга-аалы.

Часть патронимий состояла из семей, носивших одну фамилию. Так, в Сагай-аалы входили лишь Сагановы, в Ырея-аалы — только Ыреяковы, в Хыямай-аалы — только Хомлюевы, в Тулай-аалы — Тулаевы. Но были патронимии, в которые входили семьи, носившие разные фамилии. Например, в Тайга-аалы входили Токуевы и Унгуштаевы, в Хого-аалы — Арантаевы, Изотовы, Баканаевы и т. п. Такие субпатронимические группы, хотя главы составлявших их семей и осознавали большее родство между собой, не имели специфических внутривосхитственных связей, которые в какой-то мере выделяли бы эти семьи из других семей данной патронимии. Таким образом следующей за малой семьей экономической ячейкой тофаларов была не субпатронимия, а патронимия. Однако существование в пределах одной патронимии семей с разными фамилиями отражало, вероятно, процесс их разрастания и постепенного образования новых патронимий, возникавших на основе генеалогических групп с одной фамилией.

Патрономические аалы из семей, носивших различные фамилии, назывались по местности, где располагались земли патронимии; если же входившие в нее семьи имели одну фамилию, то патронимия именовалась по этой фамилии. Из изложенного очевидно, что термин «патронимия» в его буквальном значении применительно к описанной форме социальной

¹⁸ В. Н. Васильев, Указ. раб., стр. 75.

¹⁹ Устное сообщение Ю. И. Семенова.

организации не вполне подходит. Возможно, в процессе развернувшейся дискуссии будет найден более удачный термин, однако мы сохраняем в данной статье термин патронимия (патронимическая организация), как получивший наибольшее распространение в советской этнографической науке.

По-видимому, не все тофаларские патронимические генеалогические группы можно выводить из тех родов, к которым они себя причисляют. Так патронимическая группа Тулай, наименование которой было впервые зафиксировано Кастреном как родовое, вероятно, составляла в середине XIX в. отдельный род, позднее сократившийся в численности и породнившийся с родом Чептей. То же, видимо, имело место и с патронимической группой Сагай, название которой можно сопоставить с родом Сагай, известным в русских источниках XVII в. как род кыргызских кыштымов, а позднее как род в составе хакасов²⁰. Что касается родового названия Богоше, то, по-видимому, оно сохранилось в старинной, ныне не существующей тофаларской фамилии Богучей, о которой помнили некоторые из моих информаторов (ср. Буучей-аалы).

В пределах патронимии действовали обычаи взаимопомощи. Они распространялись на вдов, а также на семьи, потерявшие оленей. Вдов поочередно содержали все семьи патронимии. Безоленным семьям более обеспеченные оленеводы давали на определенный срок оленей, которые должны были быть возвращены с приплодом их владельцу. Некоторые богатые оленеводы использовали этот обычай взаимопомощи как своеобразную форму эксплуатации обедневших сородичей.

Патронимии в прошлом наряду с родовыми священными местами, где шаманами проводились родовые моления, имели свои священные места, на которых происходили «аал дагыр» — моления семей, входивших в патронимию.

Каждая патронимия, как уже отмечалось, состояла из отдельных малых семей «ёгуште», имевших в своей собственности оленей, орудия промысла, жилище, утварь и т. п. Эти семьи кочевали как совместно, так и раздельно. Совместное кочевание семей, входивших в патронимию, имело место чаще в летние месяцы, раздельное — в зимние. Зимой число семей в одном стойбище сокращалось до 2—3, летом увеличивалось до 8—10, а иногда даже до 15—16. В прошлом, по рассказам стариков, это были семьи одной патронимии. Все семьи стойбища совместно выпасали оленей, строили лабазы для припасов и зимних вещей и совместно участвовали в разделе мяса диких копытных, добытых на промысле.

Хозяйственные связи патронимии определялись прежде всего совместным владением землей, т. е. промысловыми угодьями. На это обратил внимание впервые Б. Э. Петри, который писал: «Земля каждого рода... разделена между отдельными фамилиями... Каждая фамилия имеет свои ключи и речки, куда все хозяйства, входящие в нее, отправляются к началу промысла»²¹. «Внутри же фамилий... разделения земли между отдельными хозяйствами — семьями нет, и все братья, родные, двоюродные, дядья и т. д., промышляют вместе»²². К сожалению, патронимий, состоящих из нескольких фамилий, Б. Э. Петри не выявил.

Изложенное выше показывает, что патронимия у тофаларов была одной из форм общины.

В XIX — начале XX в. шло разложение патронимической организации, заметно развивалось имущественное неравенство между отдель-

²⁰ Л. П. Потапов, Происхождение и формирование хакасской народности, Абакан, 1957, стр. 271—272.

²¹ Б. Э. Петри, Указ, раб., стр. 25.

²² Там же.

ными семьями в пределах патронимии²³. Это в свою очередь вело к распаду патронимических стойбищ. Как говорили старики-тофалары, кочевать вместе предпочитали семьи с более или менее одинаковым имущественным уровнем. Аналогичное положение было у тувинцев-тоджинцев²⁴. В этих условиях часто в одном стойбище жили не семьи одной патронимии, а семьи, члены которых были связаны либо узами свойства, либо вообще «чужие». Но нужно сказать, что все семьи стойбища — и «свои» и «чужие» — участвовали в совместном выпасе оленей, разделе мяса копытных, добытых на промысле и т. п. В сущности, на смену патронимическим объединениям приходили соседские общины, в которых родственные отношения играли все меньшую роль.

Наряду с соседскими общинами в процессе социальной дифференциации возникали байские хозяйства: семьи богатых оленеводов были заинтересованы в совместном проживании с безоленными или почти безоленными семьями бедняков, которые могли бы их обслуживать. Такие стойбища состояли из семей богатых оленеводов, с которыми жили одна или несколько семей бедняков, работающих на бая. Так, в начале XX в., по данным информаторов, у тофаларов был крупный бай П. И. Шипкеев, который владел более чем ста оленями. Этот бай постоянно жил в одном стойбище с бедняком Е. С. Баканаевым — представителем другой патронимии, который за помощь баю в содержании его оленей получал право охотиться на оленях, принадлежавших баю, использовать их при перекочевках.

Таковы основные материалы о роде и патронимии у тофаларов, собранные во время поездки 1966 г. Надеюсь, что дальнейшие исследования позволят найти следы патронимической организации также и у других народов Сибири.

Аалы тофаларов могут быть сопоставлены не только с подобными объединениями у других оленеводческих народов, но и у степных кочевников-скотоводов Евразии. Аальная община, состоявшая из нескольких совместно кочующих семей, образующих определенную социальную единицу, известна у широкого круга скотоводческих народов Азии. Небольшие по числу входящих в них семей аалы были наиболее целесообразной формой первичного хозяйственного объединения в условиях кочевого быта, когда необходимость в свободных пастбищах для скота заставляла ограничивать число юрто-хозяйств в одном стойбище. Такие объединения известны на всем протяжении существования кочевничества. Они возникли вместе с появлением кочевых форм быта. Длительное время в таких объединениях важную роль играло кровное родство глав семей, входивших в патронимию. Именно с патронимией, а не с родом, надо полагать, связаны появляющиеся у ранних кочевников Саяно-Алтая (скифское время) цепочки курганов. Однако социальная сущность аальных общин различалась на разных этапах исторического развития — от патронимических коллективов с ядром из кровных родственников по мужской линии, как мы это наблюдаем у тофаларов в XIX в., до соседских общин и наконец хозяйств, состоящих из богатого скотовода и обслуживавших его семей бедняков, что было характерно в конце XIX — начале XX в. для родственных тофаларам тувинцев²⁵.

²³ В тофаларском языке еще в конце XIX в. имелись термины для обозначения богатых оленеводов (бай киж), бедняков (туренге), у которых было менее 10 оленей, и, наконец, безоленных (чодах), т. е. пеших.

²⁴ С. И. Вайнштейн, Указ. раб., стр. 130.

²⁵ С. И. Вайнштейн, Род и кочевая община у восточных тувинцев (XIX — начало XX в.), «Сов. этнография», 1959, № 6; Л. П. Потапов, Очерки этнографии тувинцев левобережья Хемчика, «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции», т. II. М.—Л., 1966, стр. 22.

Аальная организация кочевников, существовавшая наряду с родом и носившая на раннем этапе патронимические черты, прослеживается по источникам уже в домонгольскую эпоху. Так, например, аальная (аильная) форма кочевания отмечена у монголов уже в XI—XII вв.²⁶ К сожалению, эта форма социальной организации кочевников поныне остается не исследованной в ее историческом развитии. Изучение развития патронимии у кочевников представляет тем больший интерес, что она заметно отличается от тех ее форм, которые известны у оседло-земледельческих народов.

Приведенные материалы по тофаларам показывают, что отцовский род и патронимия, различаясь по своей структуре и функциям, сосуществуют у них одновременно. Патронимия является одной из разновидностей общины. Как и всякий социальный организм патронимия имеет свою историю. Возникнув в недрах родового строя, она достигает своего расцвета в условиях его разложения, и разрушается в классовом обществе.

SUMMARY

The author has established the existence of eight gentes (*nōn*) among the Tofalar. These are: Kara-jogdu, Chogdu, Cheptey, Kara-Khash, Tyrk-Khash, Irgo-Khash, Tenek-Khash, and Sary-Khash. The existence in the first half of the 19th century of the Tulai and the Bogoshö gentes (first brought to light by Kastren) has been confirmed. The gentes were groups of relatives (in the male line) who thought of themselves as descended from a common ancestor (in the ancestor myths remnants of totemism may be traced), had a common gens' name, common territory, were exogamous, and retained certain traits of ideological unity (manifested in their religious ceremonies). Almost the only function of the gens was the regulation of marriage. The Tofalar gentes are of Samodiyan, Ket, and Turkic origin. The turkization of the Tofalars began long before the 17th century, probably at the end of the 1st Millennium A. D.

Side by side with the gentes there were patronymic groups — the aals; their heads were related through the male line. Women were considered members of the patronymy. The families of one patronymy periodically migrated together, held their hunting grounds in common, were linked by mutual aid. The name of the patronymy either coincided with the name of its member families or was taken from the name of its area of residence. This last was the case if groups of member families (subpatronymies) had different names. The author compares the Tofalar patronymy with the aal (*aul*) of nomad herdsmen of Asia and notes that in the course of historical evolution they changed their social nature from patronymic groupings to neighbourhood communities.

²⁶ Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов, стр. 37.

Г. И. Пелих

О МЕТОДЕ НАУЧНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ СИБИРСКИХ ПЕТРОГЛИФОВ

В статье А. А. Формозова, посвященной критическому рассмотрению хронологической классификации сибирских писаниц¹, затронут широкий круг вопросов, которые привлекут еще, очевидно, внимание многих исследователей Сибири. Все же основной темой статьи является (говорит об этом автор прямо или нет) проблема метода научной классификации.

Как известно, хронологическая схема сибирских петроглифов была разработана А. П. Окладниковым. Опубликованные им монографии («Шишкинские писаницы» — 1959, «Ленские писаницы» — 1959, «Петроглифы Ангара» — 1966) дают широкую возможность судить о методе его научно-исследовательской работы. Этот аспект творческой деятельности А. П. Окладникова привлек к себе внимание А. А. Формозова, причем изучение вопроса привело последнего к выводу о том, что применяемый А. П. Окладниковым «метод работы с крайне сложными источниками мало плодотворен»². Такое заключение о работе одного из ведущих исследователей в области сибирской археологии вызывает, с нашей точки зрения, необходимость разобраться в сущности вопроса, поднятого А. А. Формозовым.

Вопрос о методе научной классификации является одной из кардинальных проблем современной историографии³. А. А. Формозов рассматривает его применительно к узкой области изучения сибирских петроглифов и не столько в теоретическом плане, сколько в виде критического пересмотра хронологической схемы А. П. Окладникова сквозь призму конкретного археологического материала.

Проследим внимательно за мыслью А. А. Формозова. В чем же заключается, по его мнению, слабость научно-исследовательского метода А. П. Окладникова?

Прежде всего, А. А. Формозов подчеркивает заслуги критикуемого им автора в деле публикации сибирских писаниц и указывает, что «материал, введенный А. П. Окладниковым в научный оборот, обилен и исключительно интересен»⁴. Затем он признает наличие у А. П. Окладникова ряда «ценных наблюдений». Но научное обобщение и создание на его основе хронологической классификации А. А. Формозов считает преждевременным. Это обусловлено, по его мнению, «в первую очередь состоянием наших источников»⁵. «Нельзя забывать, — пишет он, — что

¹ А. А. Формозов, О наскальных изображениях эпохи камня и бронзы в Прибайкалье и на Енисее, «Сов. этнография», 1967, № 3.

² Там же, стр. 69.

³ Сама возможность систематической классификации рассматривается в зарубежной историографии как один из критериев научного исследования в плане противопоставления его историческому знанию. См.: A. R. Radcliffe-Brown, Structure and function in primitive society, London, 1959, p. 7; G. Heckscher, The study of comparative government and politics, Wien and London, 1957, p. 39, 40.

⁴ А. А. Формозов, Указ. раб., стр. 68.

⁵ Там же, стр. 69.

изучение сибирских писаниц только начинается». Отсюда, по его мнению, «скудость аргументации», которую А. П. Окладников «старается не замечать». Отсюда же, заключает А. А. Формозов, порочность всей хронологической схемы, так как она (в силу отсутствия точно датированного материала) «почти всегда основана на косвенных соображениях, а нередко на одной интуиции»⁶. А. А. Формозов считает, что «целесообразнее попытаться найти в сибирском материале пусть немногие, но действительно опорные точки, признавая в других случаях, что данных для датировки у нас нет, и не прибегая к догадкам и гипотезам, сколь бы заманчивы они ни были»⁷.

Логика рассуждений А. А. Формозова предельно ясна. Следуя ей, он переходит затем к рассмотрению частных вопросов сибирской археологии с целью изучения «опорных точек» посредством привлечения различного круга сибирских материалов. Выясненные таким образом отдельные даты противоречат, как постоянно указывает А. А. Формозов, существующей хронологической схеме, следовательно, доказывают ее негодность.

Нет необходимости сейчас говорить о важности изучения для историка (любой специальности) индивидуальных связей явлений. Если установленные таким образом факты действительно противоречат обобщающей схеме, то неизбежно встанет вопрос о реальности отражения в ней объективного исторического процесса. Поэтому мы начнем рассмотрение обсуждаемой статьи с анализа приводимой А. А. Формозовым конкретной аргументации. Однако здесь (как это ни странно после строго критических мыслей, высказанных автором в начале статьи) мы встречаемся с фактом привлечения им в качестве аргументов самых общих, зачастую проблематичных, и большей частью ничего не доказывающих положений.

Возьмем, к примеру, способ датировки А. А. Формозовым группы наскальных рисунков Енисея и Ангара II тысячелетия до н. э. В качестве подтверждения «установленной» им даты А. А. Формозов проводит сопоставление изображений лыжников на 2-м Каменном острове Ангара, в Шалаболине и Томской писанице с фигурой лыжника на рукоятке бронзового ножа, найденного В. И. Матющенко в 1966 г. в могильнике Ростовка под Омском, и отмечает, что «близкая аналогия этой фигуре известна в Залавруге на Беломорье»⁸. Отсюда делается вывод: «Хотя эти рисунки на скалах очень удалены друг от друга, все же они слишком похожи, чтобы расцениваться как результат простой конвергенции... Скорее всего перед нами повсюду изображение какого-то мифического персонажа, представление о котором широко распространилось по лесной полосе Евразии»⁹.

Предположим, что утверждение автора о сходстве вышеупомянутых фигур лыжников не нуждается в доказательствах (хотя один из них преследует лося, а второй едет на поводу за конем). Предположим также и то, что за этими образами действительно скрывается единый мифический сюжет. Но какие выводы в плане уточнения хронологии можно сделать на основе общности одного мифического сюжета? Проблемами такого рода в свое время увлекался Г. Н. Потанин и легко доказывал наличие в Северной Азии в XIX в. легенд, тождественных библейскому сказанию о царе Соломоне¹⁰. Он находил в современной ему Монголии

⁶ А. А. Формозов, Указ, раб., стр. 68.

⁷ Там же, стр. 69.

⁸ Там же, стр. 78.

⁹ Там же, стр. 78.

¹⁰ Г. Н. Потанин, Сага о Соломоне, Томск, 1912, стр. 136—142.

сюжеты эпоса о Нибелунгах¹¹. Правда, Г. Н. Потанин привлекал огромный фактический материал и не ставил перед собой задачу переосмысления хронологических схем, в то время как А. А. Формозов на основе проблематичной общности одного сюжета заявляет следующее: «мы получили еще одно подтверждение даты — 2-е тысячелетие до н. э.»¹².

Возьмем другой пример. А. А. Формозов связывает изображения лодок с пловцами с солярным мифом «в основе египетского происхождения»¹³. Никаких пояснений не приводится. Почему речь идет о мифе «египетского происхождения?» Изображение солярной ладьи такого типа хорошо известно, например, и в древнем Двуречье¹⁴, там же существовал праздник (Akiti), в ритуал которого входила солярная ладья¹⁵. Мы не будем сейчас касаться полемиического вопроса зарубежной историографии о древнешумерийском или египетском происхождении образа солярной ладьи. Но есть ли у нас уверенность в том, что лодки сибирских писаниц связаны с мифом египетского происхождения? И в какой мере все это может помочь в определении дат сибирских петроглифов?

В своей аргументации А. А. Формозов неоднократно обращается к материалам раскопок томских археологов. «Важное значение имеют, — пишет он, — находки на стоянке Самусь IV под Томском. Здесь на сосудах часто встречаются изображения, близко напоминающие окуневские, но дата их иная — XIV—XIII вв. до н. э. ... Следовательно, сюжет бытовавший на Верхнем Енисее в первой половине II тысячелетия до н. э., проник на Томь несколькими столетиями позже. Вероятно, не слишком рано он попал и на верхнюю Лену и Ангару»¹⁶. Перед нами обычный способ доказательства А. А. Формозова. Недостаток его заключается в том, что автор уверенно оперирует еще не совсем выясненными фактами. Действительно, сибирскими археологами неоднократно высказывались предположения о близости самусьских и окуневских памятников, но здесь еще многое не ясно, в том числе и направление, откуда шло влияние. Кроме того, В. И. Матющенко, открывший томскую культуру (к которой относятся и материалы поселения Самусь IV), подчеркивает, что «сложилась томская культура на основе неолитической культуры томских племен»¹⁷. Глубокие связи памятников Самусь IV с неолитом не исключают возможности бытования многих черт ее культуры в более ранний период истории Притомья. И в какой мере все это может свидетельствовать о том, что на Верхнюю Лену и Ангару данный сюжет попал тоже не слишком рано?

Дальше автор статьи обращает внимание на совпадение ареалов распространения фигурок каменных рыб и сибирских писаниц. К западу от Енисея, пишет он, известна «лишь одна каменная рыба из Барабинской степи. Таким образом, ареал характернейших неолитических изделий совпадает с ареалом писаниц определенного типа. А это позволяет ду

¹¹ Г. Н. Потанин, Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе, М. 1899, стр. 20—46, 366.

¹² А. А. Формозов, Указ. раб., стр. 78.

¹³ Там же, стр. 79.

¹⁴ V. Christian, *Alttertumskunde des Zweistromlandes*, Bd. I, Leipzig, 1949, Tafel 35.

¹⁵ A. Falkenstein, Akiti-Fest und Akiti Fest-Haus, «Festschrift Johannes Friedrich zum 65 Geburtstag am 27 August 1958 gewidmet», Heidelberg, 1959, S. 165.

¹⁶ А. А. Формозов, Указ. раб., стр. 79.

¹⁷ В. И. Матющенко, Томская культура эпохи бронзы, «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока», Новосибирск, 1961, стр. 291.

¹⁸ В. И. Матющенко, К вопросу о бронзовом веке в низовьях р. Томи, «Советская археология», 1956, т. 4, стр. 165.

мать, что объединяющий их стиль выработался примерно в неолитическое время, не ранее серовского этапа»¹⁹. Единственным доказательством высказанного положения является для автора «факт» совпадения ареалов сибирских писаниц и неолитических фигурок каменных рыб. Между тем, например, на территории Среднего Приобья, где нет писаниц, также был распространен обычай изготовления каменных рыб. Неопубликованные этнографические материалы о них могли быть автору неизвестны. Но сведения о них и рисунок одной из таких рыбок были опубликованы А. П. Дульзоном еще в 1956 г.²⁰, а в районе р. Томи, где есть писаница, действительно, не обнаружено ни одного свидетельства о каменных рыбах. Возможно, совпадение ареалов писаниц и каменных рыб не всегда обязательно? На чем же тогда может быть основано заключение автора о появлении «объединяющего» их стиля?

Разбор подобного рода аргументации может быть продолжен, и мы позже еще вернемся к этому вопросу. Приведенные примеры дают представление о результатах усилий автора найти новые «опорные точки» датировки сибирских писаниц. Фактически все здесь подчинено одной цели: доказать непригодность использованного А. П. Окладниковым метода создания хронологической схемы.

Действительно, метод работы А. П. Окладникова коренным образом противоположен взглядам А. А. Формозова по этому вопросу. Упрек последнего в том, что А. П. Окладников не замечает «скудости» сибирских материалов, необоснован. Наоборот, А. П. Окладников в этом отношении идет гораздо дальше своего оппонента и прямо признает, что «сибирские писаницы не сопровождаются какими-либо датирующими предметами»²¹. Как известно, в области изучения сибирских писаниц А. П. Окладниковым были проведены многочисленные исследования частных вопросов. Именно их результаты относит, вероятно, А. А. Формозов к числу «ценных наблюдений» А. П. Окладникова. Но не они легли в основу научной классификации сибирских писаниц. При разработке ее А. П. Окладников пошел по другому пути. В основе его творческого метода лежит стремление установить общие тенденции развития искусства наскальной живописи во всемирно-историческом масштабе в их динамике и обусловленности. Общие закономерности в развитии первобытного искусства служат отправным пунктом для воссоздания генезиса наскальных изображений Сибири на основе анализа стиля, техники исполнения, содержания. Хронологическая схема А. П. Окладникова является признанием закономерности исторического процесса и единства познавательных средств, в том числе и в такой сложной области, как изобразительное искусство. Естественно, для такого рода работы необходим соответствующий уровень научного кругозора и овладение методикой сравнительно-исторического анализа.

Мы не собираемся утверждать, что предложенная А. П. Окладниковым схема является абсолютным и неизменным итогом наших знаний о предмете и что она не имеет уязвимых мест. Но критика ее должна вестись на соответствующем уровне научного обобщения.

А. А. Формозов допускает упрощенную трактовку взглядов критикуемого им автора. По его мнению, «к датировке наскальных изображений Сибири А. П. Окладников подходит путем сопоставления с петроглифами других, в том числе очень отдаленных районов (ориньякской живописи

¹⁹ А. А. Формозов, Указ. раб., стр. 81.

²⁰ А. П. Дульзон, Археологические памятники Томской области, «Труды Томского областного краеведческого музея», т. V, 1956, стр. 191.

²¹ А. П. Окладников, Петроглифы Ангары, М., 1966, стр. 107.

си Франции и Испании, гравировки на скалах Норвегии и Швеции»²². Таким образом, делается попытка свести всю работу исследователя к поискам простых параллелей, тогда как целью его является установление тенденций генезиса наскальных изображений. Это ясно каждому, знакомому с трудами А. П. Окладникова, в том числе и самому А. А. Формозову. Не случайно он все же один раз затрагивает и этот аспект творчества А. П. Окладникова. «В общем плане, — пишет А. А. Формозов, — схема кажется убедительной. Действительно, для первобытного искусства закономерно, что вначале изображений человека почти нет (палеолитическая живопись Франции), и в большом числе они появляются только в эпоху бронзы. Правильно, в целом, и то, что на протяжении веков фигуры петроглифов уменьшаются и становятся все схематичнее»²³. Но дальше автор статьи говорит, что эта схема хронологии сибирских писаниц не выдерживает детального разбора и указывает, что «эволюция искусства у этих племен могла идти совершенно особыми путями»²⁴. Не имеет ли автор в виду идею многолинейной эволюции в области развития искусства? К сожалению, А. А. Формозов не считает возможным развить свою мысль. И вообще больше не возвращается к данному вопросу. Хотя, казалось бы, если у А. А. Формозова имеются критические замечания в этом плане, о них следовало бы сказать прямо. Но А. А. Формозов предпочитает лишь подчеркивать необходимость исследования отдельных «опорных точек».

Крайний эмпиризм с отказом от генерализующего рассмотрения истории характерен для современной буржуазной археологии. Однако значительная часть буржуазных историков уже начинает понимать необходимость борьбы с увлечением фактологией, мелкотемьем, с отказом от больших проблем и широких обобщений²⁵. Мы не собираемся утверждать, что теоретико-методологические взгляды А. А. Формозова могут быть определены с позиций идеографического метода буржуазной историографии. Но нельзя отрицать и наличия в его статье элементов узкоэмпирического подхода к рассматриваемым явлениям. Это выразилось в нежелании полемизировать на должном уровне с А. П. Окладниковым, в ориентации на исследование частных вопросов, а также в отношении к некоторым конкретным методам исторического анализа.

Правда, в своей статье А. А. Формозов не касается вопросов теории метода. Однако в любом исследовании так или иначе всегда проступает отношение автора к отдельным методам научной работы, так же как и степень овладения этими методами. (Мы употребляем понятие метод не в философско-мировоззренческом смысле, а как «организованную систему способов исследования»)²⁶.

В частности, в статье А. А. Формозова косвенным образом затрагиваются вопросы, связанные с так называемым типологическим методом, который провозглашен буржуазными историками «гениальным методом исторической типологии»²⁷. В советской историографии данный метод неоднократно подвергался как критике, так и дальнейшей разработке²⁸.

²² А. А. Формозов, Указ. раб., стр. 69.

²³ Там же, стр. 71.

²⁴ Там же, стр. 71.

²⁵ Е. М. Штаерман, Античность в современных западных историко-философских теориях, «Вестник древней истории», 1967, № 3, стр. 3.

²⁶ Э. С. Маркарян, Об основных принципах сравнительного изучения истории, «Вопросы истории», 1966, № 7, стр. 19, 20.

²⁷ A. Schmidt, Die Kategorien der prähistorischen Geschichtsschreibung, Herenberg, 1962, S. 22.

²⁸ А. Я. Брюсов, Кризис буржуазной археологии и поиски новых путей вслепую, «Проблемы истории докапиталистического общества» (ПИДО), 1935, № 9—10;

Эффективность его применения (в конечном счете) зависит от общих теоретико-методологических принципов, положенных в основу исследования. Поэтому советские археологи довольно успешно применяют его как вспомогательное средство при датировке археологических памятников. Но одним из основных положений марксистско-ленинской методологии является требование рассматривать культуру изучаемого общества во всем многообразии ее специфических черт, а не делать обобщающего вывода на основе типологического анализа какого-либо одного элемента культуры (посуды, боевого топора и пр.). По этому вопросу советские ученые давно ведут борьбу с западноевропейскими и американскими археологами, которые «увлекаются вопросами стратиграфии и за сменой керамических типов и стилей теряют историческую перспективу. Изучение истории древних племен и народностей подменяется... рассуждениями о влиянии одних керамических стилей на другие»²⁹.

А. А. Формозов в своей статье не дает примеров собственной работы с помощью типологического метода. Но он постоянно пользуется результатами типологических построений других авторов, для которых применение типологического метода является лишь частным моментом в их исследовательской работе, и данные типологического анализа рассматриваются ими в общем плане изучения той или иной культуры, в то время как А. А. Формозов считает возможным рассматривать данные, полученные на основе типологического анализа, вне общей характеристики культуры. Возьмем, например, его аргументацию против отнесения изображений лосей к эпохе неолита. «Костяная фигура лося, — пишет он, — найдена и на стоянке Еловка под Томском, датирующейся бронзовым карасукским ножом»³⁰. В. И. Матющенко, впервые открывший еловскую культуру, действительно, провел ее датировку не без помощи типологического метода и вышеупомянутого бронзового ножа. Но, определив карасукский возраст открытых памятников и признавая южное влияние, он отмечает, что «это влияние было не настолько значительным, чтобы полностью изменить все стороны культуры»³¹, что еловская культура продолжает традиции томской, возникшей на местной неолитической основе³². Если мы учтем наличие в еловской культуре сильных (почти доминирующих) местных неолитических традиций, то едва ли можно согласиться с тем, что найденную среди ее памятников фигурку лося надлежит использовать как аргумент против неолитического характера таких изображений.

Вообще, значительная часть возражений А. А. Формозова против существующей хронологической схемы объясняется тем, что он не учитывает соотношения между данными абсолютной и относительной хронологии.

По хронологической классификации А. П. Окладникова, первые три периода в истории сибирских писаниц выделяются по принципу относительной хронологии, и только для двух последних определяются хро-

П. И. Борисковский, Исторические попытки оформления так называемого Ното сариен, там же, 1935, № 1—2; В. А. Городцев. Типологический метод в археологии, Рязань, 1927; А. Н. Бернштам, К пересмотру формальных типологических схем, «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры», вып. 29, 1949.

²⁹ В. М. Массон, Средняя Азия и древний Восток, М.—Л., 1964, стр. 6.

³⁰ А. А. Формозов, Указ. раб., стр. 72.

³¹ В. И. Матющенко, Л. Н. Игольникова, Поселение Еловка — памятник 2-го этапа бронзового века Оби, «Сибирский археологический сборник», 2, 1966, стр. 195.

³² Г. А. Максименков, Критика некоторых современных представлений о неолите Западной Сибири, «Изв. Лаборатории археологических исследований», вып. 1, Кемерово, 1967, стр. 140.

нологические даты³³. На современном уровне наших знаний неизбежен именно такой способ периодизации сибирских петроглифов. Возьмем, например, эпоху неолита. Как известно, в силу неравномерности исторического развития некоторые народности, например шумерийцы, вышли из нее еще в V тысячелетии до н. э., в то время как у эскимосов Гренландии неолитические традиции доминировали еще в XX в. н. э. Яркие примеры неравномерности развития дает также древняя история сибирских племен. Если говорить об общих тенденциях изобразительного искусства, то можно предполагать наличие в Сибири неолитических традиций наскальной живописи на довольно широком диапазоне абсолютной хронологии. Но А. А. Формозов стремится все действительное многообразие форм социально-экономического и культурного развития ограничить рамками абсолютной хронологии, которая установлена археологами для сравнительно ограниченного круга сибирских культур, не считаясь также и с тем, что периоды расцвета искусства не находятся в прямой зависимости от общего развития общества³⁴. Поэтому большая часть попыток А. А. Формозова установить для сибирских петроглифов хронологические даты представляет некоторый интерес лишь в плане определения стойкости древних традиций для той или иной местности.

Обратимся к проблеме характера диффузий, тесно связанной с упомянутым выше типологическим методом³⁵. С точки зрения марксистско-ленинской методологии распространение культурных черт определяется не географической средой, а социально-экономическими факторами. Культурные заимствования имеют место «в той культурной среде, которая была к этому подготовлена предшествующим внутренним развитием общества; при этом культурные элементы распространяются не последовательно от одной географической зоны к другой, а нередко проникают в более северные страны раньше, чем в находящиеся южнее»³⁶.

Однако у А. А. Формозова мы встречаемся с несколько иной трактовкой этого вопроса. Особое возражение у него вызывает выделение А. П. Окладниковым палеолитической группы наскальных изображений. Вот один из примеров аргументации А. А. Формозова. Речь идет о быке на Шишкинских скалах. А. А. Формозов пытается доказать, что данный петроглиф мог быть изображением не только дикого, но и домашнего быка, а следовательно, его нельзя относить к эпохе палеолита. «Кости быка, — пишет он, — также встречены А. П. Окладниковым при раскопке стоянки на р. Малая Мунку... Предполагается, что это домашний бык, а появление его в Якутии объясняется соседством с Монголией. Но Шишкино на Верхней Лене гораздо ближе к Монголии, чем Малая Мунку в районе Олекминска»³⁷. Далее следует вывод: «Ничем не доказано, что бык, изображенный в Шишкине, дикий, а не домашний»³⁸. Никаких пояснений относительно характера распространения скотоводства из Монголии на север А. А. Формозов не приводит. Вероятно, в пылу полемики он встал на путь поверхностного пренебрежения проблемой такого рода.

³³ А. П. Окладников, Шишкинские писаницы, М., 1959.

³⁴ К. Маркс, К. Критике политической экономии; К. Маркс, Ф. Энгелс, Собр. соч., т. XII, стр. 200—204.

³⁵ J. Hackel, Zum heutigen Forschungsstand der historischen Ethnologie. Die Wiener Schule der Völkerkunde, Wien, 1956, S. 33; P. Rådin, The method and theory of ethnology, New York and London, 1965, p. 72.

³⁶ А. Я. Брюсов, К вопросу о теории диффузии, «Советская археология», т. 1, 1967, стр. 12.

³⁷ А. А. Формозов, Указ. раб., стр. 74

³⁸ Там же, стр. 74.

С позиций бескрылого эмпиризма появление хронологической схемы А. П. Окладникова было бы невозможно. Между тем она нужна всем исследователям истории древней Сибири. Хронологическая классификация нужна именно как схема, которую можно было бы использовать при конкретных частных исследованиях, даже не только в плане подтверждения, но, может быть, и противопоставления, если новые факты будут ей противоречить.

Нам приходилось на протяжении ряда лет заниматься вопросами этнографии и палеоэтнографии Западной Сибири. В некоторых случаях этнографические данные соприкасаются, на наш взгляд, с материалами сибирских писаниц. Характерно, что они ни в коей мере не совпадают с поправками, предложенными А. А. Формозовым. У нас нет возможности остановиться на этих вопросах в рамках данной статьи. Приведем лишь один из примеров такого рода.

А. А. Формозов обращает внимание на то, что среди петроглифов Сибири ряд контурных изображений лосей и быков «разделен поперечной чертой, как бы отсекающей голову животного»³⁹. Следы этого своеобразного обычая были обнаружены нами у селькупов и шорцев. Он был связан с древним погребальным ритуалом, по которому голова покойного отделялась от туловища. Так поступали в том случае, если подозревали, что одна из душ данного человека еще при жизни была съедена чертями и заменена кавалозом. Тогда голову покойного обжигали на костре (чтобы уничтожить черта) и хоронили отдельно. Так же поступали с головами убитых диких животных. Домашнее животное перед смертью можно было «расшаманить» и этим избежать мести со стороны духа убитого животного. Иногда поступали иначе: перетягивали убитому животному или птице горло веревкой и били его головой о камень или дерево, чтобы прогнать злого духа. Кроме того, до недавнего времени сохранялся обычай процарапывать на сосне изображение убитого животного и ударом ножа отсекал ему голову. Этот обряд символически заменял церемонию действительного отсекания головы. Характерно, что этот обычай связывается с определенным кругом элементов материальной культуры, восходящих к эпохе неолита, и обнаруживает сходство с памятниками неолитических культур Прибайкалья⁴⁰.

С. А. Федосеева сообщает, что во время раскопок неолитического могильника на горе Туой-Хая в районе Верхнего Вилюя было обнаружено трупосожжение с «отдельным захоронением черепа под ритуальным кострищем. Так же была похоронена и собака»⁴¹. «Подобные погребения... найдены на различных неолитических памятниках Прибайкалья — в Семеновке, пади Калашникова и в устье р. Белой»⁴². Очевидно, интересующий нас обычай отсекания головы (в действительности или символически — на рисунке) был связан с древними представлениями, присущими в прошлом обширному кругу неолитических культур. А. А. Формозов пишет: «С большой долей уверенности можно выделить пласт

³⁹ Там же, стр. 77.

⁴⁰ Отдельные черты сходства памятников томских культур с прибайкальскими неоднократно отмечались в археологической литературе. (А. П. Дульзон, Томский неолитический могильник, «Ученые записки Томского гос. пед. ин-та», XVII, 1958, стр. 316, 322, 323; В. И. Матюшенко, Самусьский могильник, «Труды Томского гос. университета», т. 150, 1961, стр. 52). С упомянутым ритуалом захоронений связаны; каменные рыбы, гарпуны, плечиковые тела, наконечники стрел с асимметричными жальцами и пр.

⁴¹ С. А. Федосеева, Древние культуры Верхнего Вилюя (автореферат диссертации на соискание ученой степени кандид. ист. наук), Новосибирск, 1964, стр. 5.

⁴² Там же, стр. 12.

рисунков бронзового века на Ангаре и Енисее. Это лоси и быки с отсеченными поперечной чертой головами, личины в трехрогом головном уборе, возможно, лодки и фантастические хищники»⁴³. В силу приведенных выше соображений мы не можем разделить уверенность А. А. Формозова в том, что изображения лосей и быков с отсеченными поперечной чертой головами относятся к пласту бронзового века. Вероятно, возникновение этого обычая восходит все же к неолитическому времени.

Подобного рода материалы дополнительно убеждают нас в том, что предложенная А. П. Окладниковым схема представляет собой закономерный итог существующего уровня знаний о наскальных изображениях Сибири. Если данная схема и будет когда-либо заменена другой, более совершенной, то это произойдет лишь после значительного накопления новых научных знаний и проведения конкретных исследований с соответствующей степенью овладения методикой научно-исследовательской работы, на соответствующем уровне научной генерализации.

S U M M A R Y

The author criticizes A. A. Formozov's article and supports the views of A. P. Okladnikov with regard to dating the Siberian petroglyphs. G. A. Pelikh reproaches A. A. Formozov with a predilection for details and with a typological approach; she recommends scientific generalization as a necessary condition of correct method in research work.

⁴³ А. А. Ф о р м о з о в, Указ. раб., стр. 81.

Л. А. Молчанова

ОРУДИЯ УБОРКИ ЗЕРНОВЫХ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ БЕЛОРУСОВ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

(МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОМУ АТЛАСУ)

В настоящее время в связи с развернувшейся во всех республиках Советского Союза работой над Историко-этнографическим атласом большое значение приобретают вопросы, затрагивающие различные стороны материальной культуры того или иного народа.

В данной статье характеризуются сельскохозяйственные орудия и постройки белорусов конца XIX — начала XX в., связанные с уборкой урожая, первичной обработкой, переработкой и хранением зерновых культур.

* * *

Обработка земли под посев и сам процесс сева считались у белорусов мужским делом; исключение составляли вдовы, не имевшие взрослых сыновей, — они сами вспахивали землю сохой. Жатва же была преимущественно женским занятием; мужчины брались за серп, как и женщины за соху, только при неблагоприятных семейных обстоятельствах.

Все зерновые культуры в Белоруссии жали серпом и лишь при плохом урожае либо большой засоренности поля некоторые культуры (ячмень, овес) косили косами, а гречиху на каменистых почвах рвали руками; горох обычно косили.

Древнейшее земледельческое орудие жатвы — серп, с его характерной изогнутой формой железного лезвия, равно как и его название, известно всем славянским народам. Серпы, употреблявшиеся у белорусов и других славянских народов, а также у соседей белорусов — латышей и литовцев Прибалтики, имели зазубренную режущую поверхность. Такие серпы издавна применялись в Европе. В северо-западных районах Польши, в Эстонии и Финляндии были гладкие серпы. По утверждению С. А. Токарева, область распространения гладких серпов занимала всю Центральную и Южную Европу¹. Гладкие серпы, в отличие от зазубренных, употреблялись преимущественно при резании травы, ссекании тростника, а не для жатвы зерновых; поэтому, по-видимому, и бытовали они главным образом на тех территориях, где от жатвы серпом перешли к уборке зерновых косой. Металлическое лезвие серпа насаживалось на короткую деревянную ручку и работать приходилось согнувшись.

В южных районах Белоруссии нередко наряду с серпами при уборке зерновых использовались обычные косы-литовки, около лезвия которых укрепляли грабельки. Косы с грабельками появились в Белоруссии, вероятно, под влиянием украинцев, так как в степных районах Украины косьба зерновых практиковалась довольно широко в XIX в.

При жатве серпом предварительно заготавливали «перевясло», которым связывали сноп. Для перевясла часто брали старую вымолоченную солому, складывали два пучка колосьями вместе и, сделав узел, клали на землю. Затем на это перевясло укладывали пучки сжатого хлеба. Жали правой рукой, а левой захватывали как можно больше стеблей ближе к корню, чтобы больше осталось соломы после молотбы. Для

¹ С. А. Токарев, О культурной общности восточнославянских народов, «Сов. этнография», 1954, № 2.

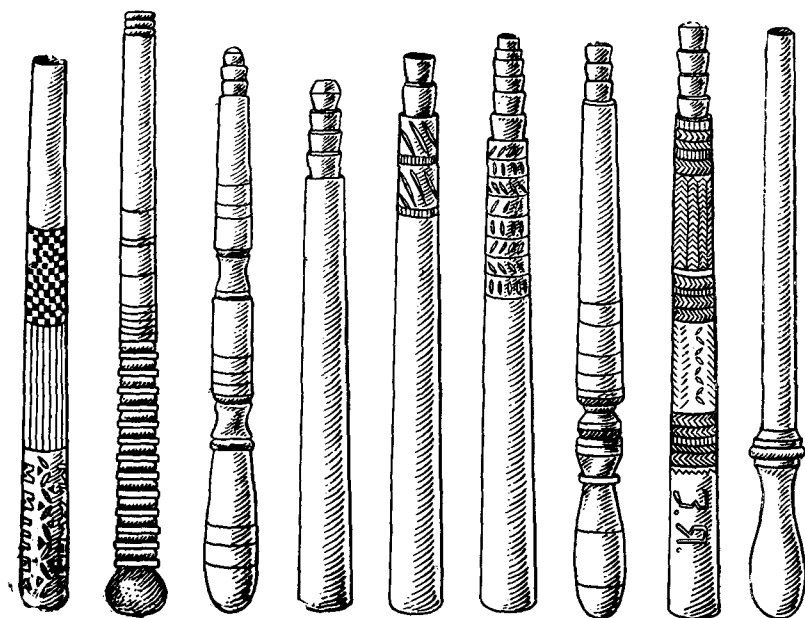

Рис. 1. Цурки-закрутки из Кобринского и Лунинецкого районов Брестской области

плотной увязки снопов в некоторых районах юго-западной Белоруссии употреблялась «цурка», «закрутэнь», «дзераво», «кныбель» — палочка длиною в 20—30 см с зазубринами на более тонком конце (рис. 1). Северная граница распространения цурки в Белоруссии проходит по линии Кобрин — Лунинец — Речица.

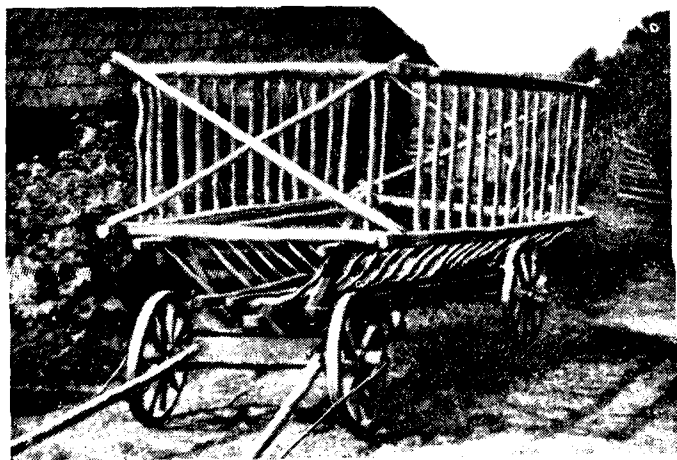

Рис. 2. Специальная повозка «мажары» для перевозки снопов (дер. Дятили Мядельского р-на Минской области).

Связанные перевязком ржаные снопы складывали по 10—15 штук в копы — «мэтлики» или «бабки». Несмотря на различные названия, общий вид зерновых коп был однотипен по всей Белоруссии. Снопы ставили на комель, прислоня колосьями друг к другу. Одним снопом накрывали остальные снопы сверху, ставя его комлем вверх, и он, как шапкой, накрывал верх бабки.

Уборку урожая начинали обычно с ячменя раннего посева. Сжатый ячмень лежал рядами на поле двое-трое суток; затем его связывали в снопы. Рожь, сжатая в стадии

восковой спелости, стяла в бабках 5—6 дней. После такой солнечно-воздушной сушки снопов в поле их свозили на специальных повозках («драбины», «мажары», «рэды») в гумно (рис. 2). Чтобы меньше было потерь зерна, снопы при перевозке складывали колосьями в середину и прижимали сверху длинной жердью — «рублем».

Климатические условия Белоруссии, обилие осадков привели к необходимости сооружения закрытых помещений как для обмолота зерна, так и для его просушки и хранения. Таким помещением было гумно, называемое также клуней («клуняй») или током («токам»). Термин «гумно» применительно к специальной постройке известен был в большей части Белоруссии. Только в пределах современной Витебской и северной части Минской областей господствующим был термин ток, а в юго-западных районах (Кобринском и Малоритском)

Брестской области — клуня². В местах, где постройку для молотбы называли током и клуней, термином гумно обозначали площадь около этих построек. Специальная постройка этого типа (гумно, ток, клуня) была необходимой принадлежностью каждого зажиточного и среднего крестьянского хозяйства. Для предохранения от пожаров ее ставили всегда вдали от жилья, за огородами. По своему внешнему виду и планировке гумна были довольно разнообразны. Большинство их — прямоугольные в плане; пяти-, шести-, восьмиугольные встречались лишь изредка в южных районах Белоруссии. Независимо от плана гумна, его крыша была чаще всего четырехскатной и крылась преимущественно соломой (рис. 3). Размеры гумен — около 10 м длины и 8 м ширины, а у более зажиточных крестьян — 21—25 м ширины и 57 м длины. Сруб в гумнах такого большого размера скреплялся рублеными углами с краев и столбами — «шулами» вдоль стен (рис. 4).

Строительная техника гумен долго оставалась архаичной. Крыша держалась на столбах — «сохах», поставленных внутри гумна в два ряда. В естественные развилки столбов горизонтально укладывались бревна, на них в двух-трех местах, в зависимости от размеров постройки, ставились козлы, а на козлы укладывалось бревно («соломя», «сволок»), служившее опорой крыши. На «соломя» вешали жерди — «кручча», другой конец которых покоился на верхних бревнах стены. В верхнем конце каждой жерди просверливалось отверстие, куда вбивался колышек, образуя род крюка. На «кручча» укладывали тонкие жерди — «латы», а на них — кровельный материал.

Посреди гумна выбивался глиняный ток для молотбы. Между «сохами» и боковыми стенами гумна отгораживали «засторонки» для снопов. Внутри гумна с боков иногда пристраивали длинные узкие навесы для хранения сена, соломы и половы.

В северо-восточных районах Белоруссии внутри гумна ставили примерно на расстоянии одного метра от задней стены специальные сушильни — «осети» («осець», «восець», «осетка») и «евнии» («еўня»).

Осеть — наиболее древний вид сушильни — представляла собой почти квадратный в плане (2×2, 2,5×2,5 м) сруб (рис. 5). Строилась осеть в два этажа, разделенных деревянным настилом: в нижней камере разводили костер — «цяпло» или ставили печь, а сверху помещали снопы для просушки. Тепло проходило снизу через отверстия в

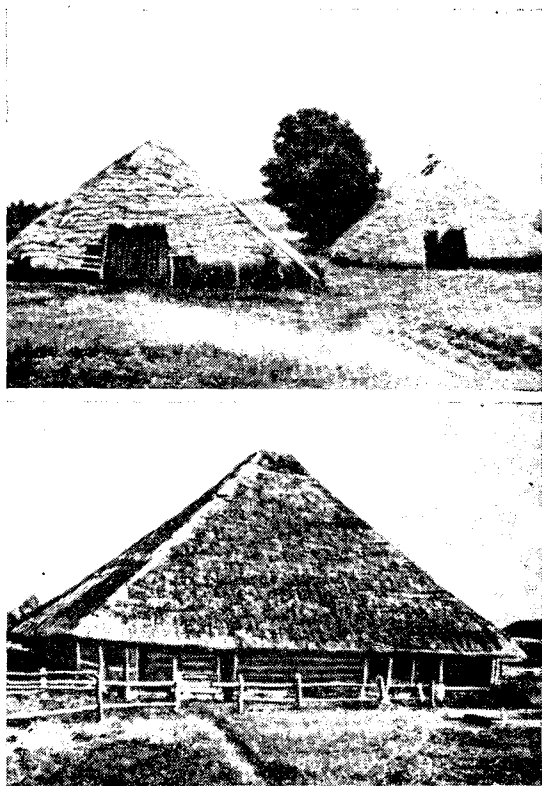

Рис. 3. Гумна с четырехскатными крышами для хранения и молотбы зерновых (дер. Мегуны Поставского р-на Витебской области).

² «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы», Мінск, 1963, карта 235.

настиле, сделанные около двух противоположных стен во всю их длину. Чтобы сухое зерно не сыпалось вниз, шели настила промазывали глиной. Для входа в осеть прорубали низенькую дверь, а сверху для посадки снопов прорезали окошко квадратной формы. Перед окном снаружи делали настил во всю длину стены, шириною около 70 см, на котором находился человек, подающий снопы в осеть. Снопы в осети ставились на колосники («цапки», «рэлки») — свободно перемещавшиеся жерди, которые укладывали на укрепленные в боковых стенах балки. При сушке в осетях постоянно поддерживали огонь, так как помещение не имело плотного покрытия и поэтому тепло в нем не задерживалось. Осети в Белоруссии встречались двух типов: верховые и ямные. Ямные осети, в которых печь или костер располагались на некотором углублении в грунте (иногда до метра глубины), были в южных районах Гомельской области (Брагинском, Хойникском, Речицком). В более северных районах (Могилевская область) углубления в нижней камере не делалось, здесь костер или печь находились на поверхности земли.

Во второй половине XIX в. двухэтажные осети стали вытесняться одноэтажными сушильнями — «евнями», которые по традиции в некоторых местах сохранили старое название осетей. Евня, как и осеть, ставилась внутри гумна. Это обычно невысокая срубная постройка с плотным бревенчатым потолком. Со стороны молотильного тока в ней прорубали невысокую дверь, а почти у самой земли — маленькое окошечко, через которое выгребали осыпавшееся при сушке зерно. В противоположной от двери стене также прорубали небольшое окно, в которое во время топки печи выходил дым. Внутри евни с правой или левой стороны от входа в углублении ставилась печь — каменка или глинобитная, площадью 1×1 или $1,5 \times 1,5$ м² и от 80 см до 1 м высотой. Печь топилась по-черному. На пространстве, не занятом печью, выбивали глинобитный ток или делали деревянный настил, промазанный глиной. Над этой площадкой укладывали жерди — «цапки» для установки снопов. Зачастую снопы ставили

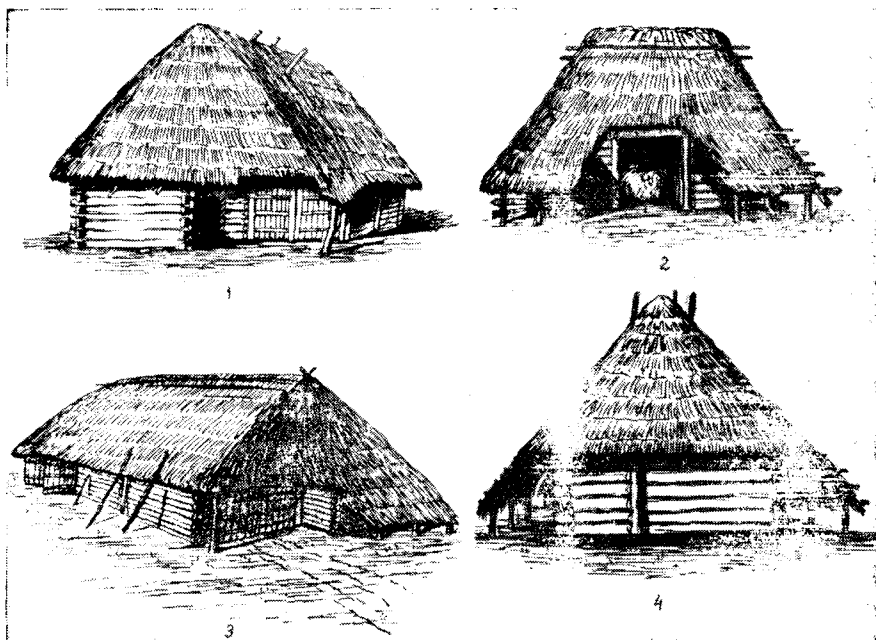

Рис. 4. Гумна для хранения и молотбы зерновых с боковыми пристройками: 1, 2 — клуня (дер. Близная Пружанского р-на Брестской области), 3, 4 — клуня (дер. Гудзки Кобринского р-на Брестской области)

и вдоль стен прямо на ток. Во избежание пожаров это пространство отгораживали от печи неплотной перегородкой из жердей или узких тесин. Над печью снопы, как правило, не ставили. При сушке в ене затрачивалось меньше топлива, так как в ней после того, как печь истоплена, закрывали плотно дверь и окна.

Евни в конце XIX в. были распространены главным образом в северо-восточных районах (Витебская и север Могилевской области). В начале XX в. они стали постепенно исчезать по мере введения механизированных молотилок, на которых мо-

лотили, как правило, «сыромолотом», поэтому и отпала необходимость в предварительном просушивании снопов.

В юго-западной Белоруссии вследствие более теплого климата, а также сложившейся здесь традиции довольствовались лишь солнечно-воздушной сушкой зерновых; снопы сохли или прямо на земле, или на специальных деревянных жердяных приспособлениях — «озеродах» («азяроды», «зяроды», «взяроды»), которые ставили обычно в пригуменях. При сооружении озерода вбивали в землю три-четыре толстых столба по одной линии, на расстоянии около 2 м один от другого. Во всех столбах на одном уровне просверливали или вырубали отверстия, в которые вставляли горизонтально жерди. На эти жерди (диаметром 10—15 см) укладывали снопы. В северных районах Белоруссии жердяные сооружения типа озеродов, называемые здесь переплотами, островками, остривьем, использовались преимущественно для просушки гороха, вики, клевера, картофельной ботвы; лишь в дождливую погоду на них просушивали зерновые перед огневой сушкой (рис. 6).

Область распространения жердяных озеродов идет широкой полосой по центральной Белоруссии, от ее южной границы до северной. На западе граница проходит по линии городов Лельчицы — Житковичи — Ганцевичи — Клецк — Несвиж — Столбцы — Ивенец — Ошмяны; на востоке — по правобережью Днепра и его притокам Друти и Березины. В западных районах (современные Гродненская и Брестская области) озероды были неизвестны. Здесь зерновые молотили «сыромолотом» — без специальной просушки — прямо с поля или из гумна. Неизвестны были озероды также в современной Могилевской области и в восточных районах Витебской и Гомельской областей, где зерновые перед молотью просушивали в специальных сушильнях (карта 1).

Кроме центральной и северной Белоруссии, жердяные сооружения типа озеродов известны также в северных областях у русских, в Прибалтике у литовцев и латышей и у многих других народов Европы.

Молотьбу белорусские крестьяне начинали обычно рано утром, задолго до рассвета. Когда с молотью совпадала уборка картофеля, широко практиковалась ночная молотьба — «окурки» при свете фонарей или лучины. При молотье ржаные снопы укладывали по середине тока в два ряда колосьями вместе так, чтобы один ряд немного захлестывал другой. Молотили обычно в два-три-четыре цепа; удобнее было последнее. В южных районах Белоруссии молотьба у зажиточных крестьян затягивалась иногда на всю зиму. В северных районах, где снопы сушили в осетях и евнях, все вымолачивали сразу же после уборки урожая независимо от степени зажиточности крестьянина.

Основное орудие молотьи — цеп — состоял из длинной гладко обструганной палки — «цапила», к которой с помощью ременной или веревочной привязки прикреплялась более короткая палка — «бичук», «бич» (рис. 7).

Если названия основных частей цепа в Белоруссии повсеместно были более или менее однородными, с незначительными фонетическими вариантами, то название привязки и сам способ соединения цапила с бичуком были весьма разнообразны. На севере Белоруссии (Витебская область) применялся способ, называемый «привязь», «привязка» — с помощью веревки: один конец ее укреплялся на вырезанной шейке цапила, а второй — в сквозном просверленном отверстии бичука. В Полоцком районе и в ряде других мест Витебской области использовалось так называемое двухпетлицовое вязание: веревочная «привязка» укреплялась в глубоких выемках — «зарезах» на концах цапила и бичука. Двухпетлицовое вязание широко известно также в Латвии и соседних с Белоруссией районах русских областей.

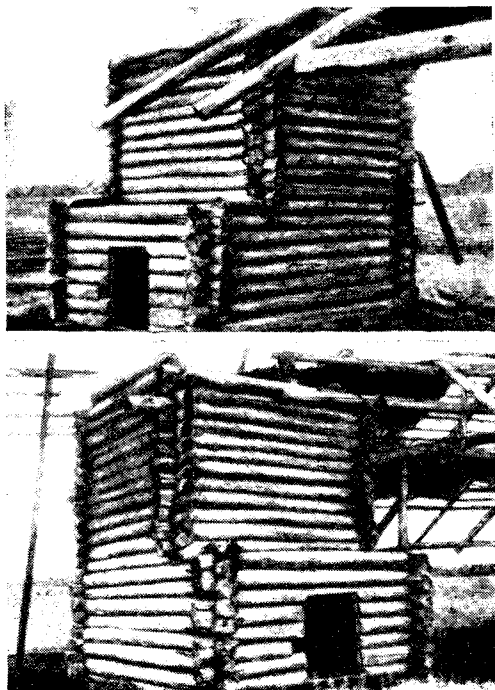

Рис. 5. Общий вид осети для просушки зерновых (дер. Большие хутора Краснопольского р-на Могилевской области)

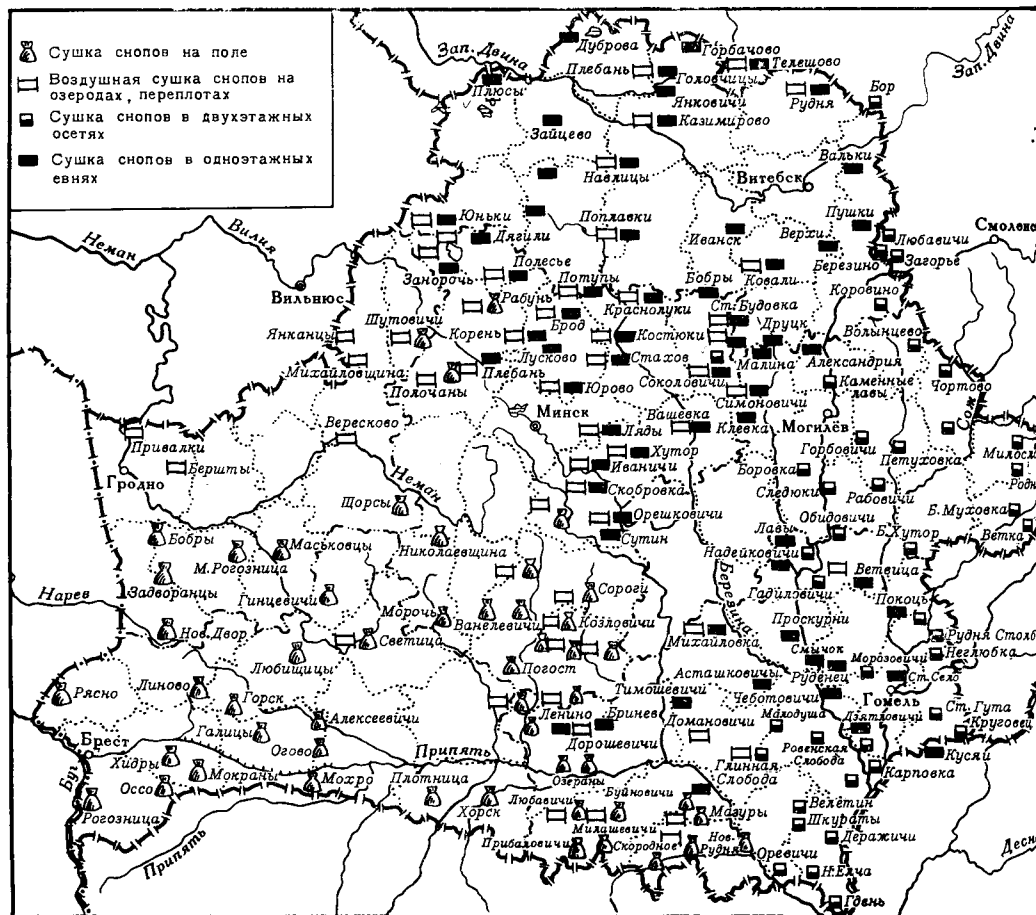
В центральных и южных районах Белоруссии чаще встречалась так называемая капицевая увязка, состоявшая из двух ременных петель, плотно прикрепленных к цапину и бичуку и соединенных ремной же привязкой. Капицевый способ крепления был наиболее распространенным у белорусов.

Долгое время в Белоруссии сохранялся старинный способ обмолачивания зерна обиванием, для чего сноп брали за комель и обивали колос о деревянный чурбан или угол какой-либо хозяйственной постройки (осети и пр.). В ряде районов Могилевской и Гомельской областей была специальная обивалка, сделанная из жердей в виде широкой лесенки, поставленной на землю под углом $35-40^\circ$ (рис. 8).

Механизированные молотилки в Белоруссии появились в 40-х годах XIX в., но лишь в помещичьих имениях. В крестьянских хозяйствах только во второй половине XIX в. стали применяться ручные и конные молотилки с приводом (рис. 9). Таких молотилок было всего одна-две на деревню, а иногда и волость. Их приобретали обычно не отдельные хозяева, а группа крестьян на паевых началах.

Наибольшее число молотилок, преимущественно с конным приводом, использовалось в крестьянских хозяйствах Минской губернии, наименьшее (и ручных, и конных) — в Гродненской.

В южных районах Белоруссии, где, как уже указывалось, молотыба затягивалась до зимы, зажиточные хозяева хранили необмолоченные снопы не только в закрытых гумнах, но также и в стогах (карта 2), которые ставили в ряд за гумнами в отдалении от построек. Хлебный стог складывали на плотном помосте — «подке», опирающемся на четыре дубовых столбика, высотой до 1 м. Столбики тщательно и гладко выскаб-

Карта 1. Распространение типов сушилок для зерновых культур в конце XIX в. (составлена по материалам экспедиций сектора этнографии Института искусствоведения, этнографии и фольклора Белорусской ССР)

ливали, чтобы по ним не могли лазить грызуны. Хранение хлебных злаков на свайных помостах характерно было для районов бассейна р. Припяти, в местах низменных, заливаемых паводком.

Закладку хлебного стога производил обыкновенно сам хозяин. Взобравшись на подок, он клал крестообразно четыре снопа на самой середине подка, колосьями внутрь, комлями наружу. Каждый новый ряд снопов несколько выдвигался над нижними

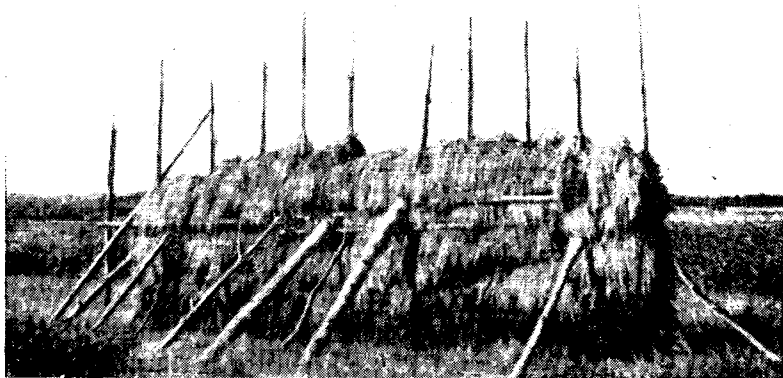
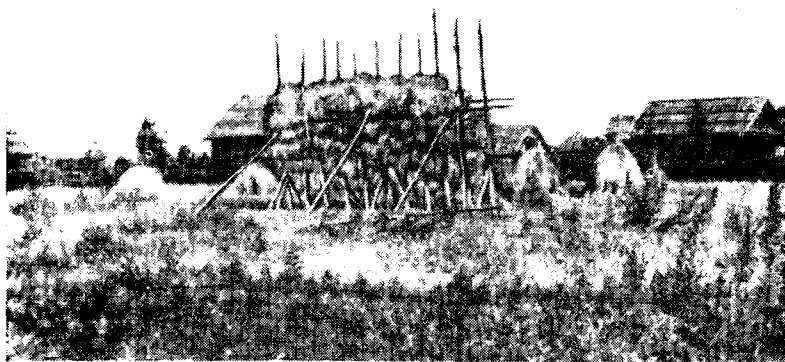

Рис. 6. Сушка снопов на «островках» (дер. Рудня Городокского р-на Витебской области)

так, что по мере увеличения высоты стога, он расширялся со всех сторон, и на середине высоты принимал самые широкие размеры, откуда кладку снопов постепенно сужали, сводя конусообразно кверху. Стог накрывали мягкой соломой или болотной сухой осенней травой. Чтобы такую крышу не развеял ветер, на нее накладывали 12—15 пар срубленных под корень тонких длинных березок, связанных верхушками попарно и закинутых на стог так, что связанные верхушки приходились на верх его, а комли свешивались по сторонам. Во избежание оползания соломы, в самую широкую часть стога втыкали тонкие палочки — «тычечки» толщиной в палец и длиной в 35—40 см на расстоянии 70 см одна от другой. «Хорошо сложенный стожок может простоять лет 30 и более, и мыши в него не проникнут, и хлеб «збожжа» не испортится от времени, главное — зерно не потеряет своей всхожести», — писал об этом способе хранения зерновых П. В. Шейн³.

Обмолоченное зерно обычно в тот же день начинали провеивать. Лишь беднейшая часть белорусского крестьянства, у которой постоянно не хватало зерна, употребляла

³ П. В. Шейн, Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, т. III, СПб., 1902, стр. 238.

в пищу хлеб из невеянного зерна. Провеивали вплоть до XX в. по старинке, с помощью ветра, простой или специальной совковой лопатой — «шуфлика́м», «веялка́й» с короткой ручкой (рис. 10). Эту работу выполняли чаще женщины, сидя на корточках или на низком чурбане; мужчины веяли, присев на одно колено.

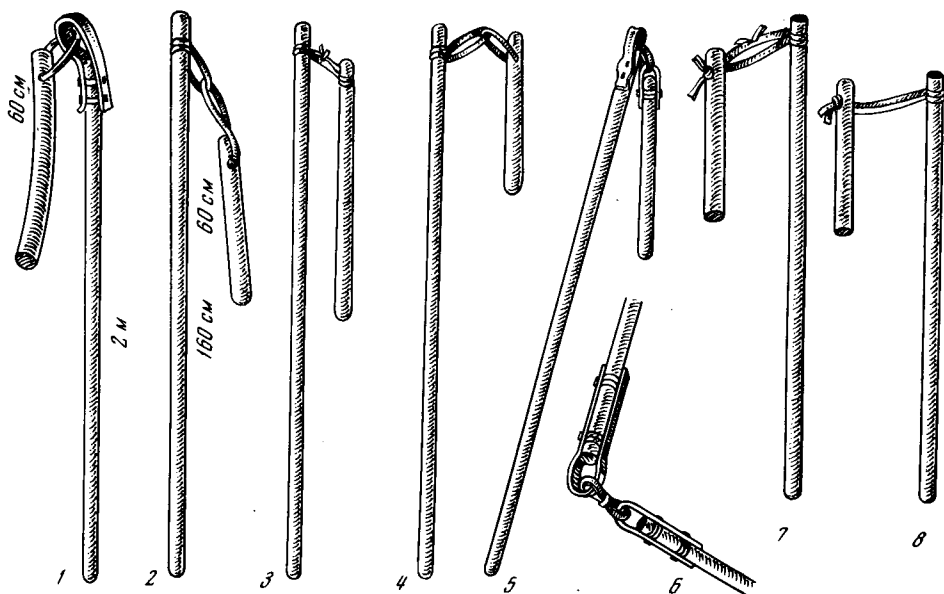

Рис. 7. Способы увязки цепов: 1 — цеп из дер. Гадиловичи Рогачевского р-на Гомельской области; 2 — цеп из дер. Полоница Кричевского р-на Могилевской области; 3 — цеп из дер. Мышковичи Кировского р-на Могилевской области; 4 — 8 — цепи из дер. Иванск Бешенковичского р-на Витебской области

Провеивали обычно в гумне неподалеку от открытых ворот, чтобы проникающий ветер относил плевую к середине гумна.

В помещичьих хозяйствах Белоруссии в XIX в. «почти у каждого помещика имела веялка»⁴. У крестьян же механизированные веялки — «арфы» в конце XIX —

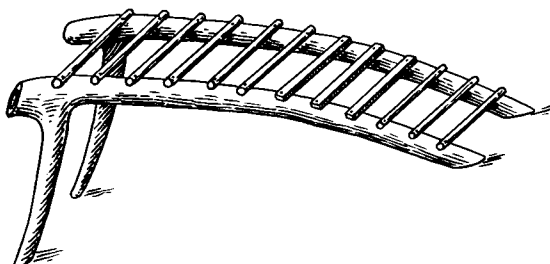

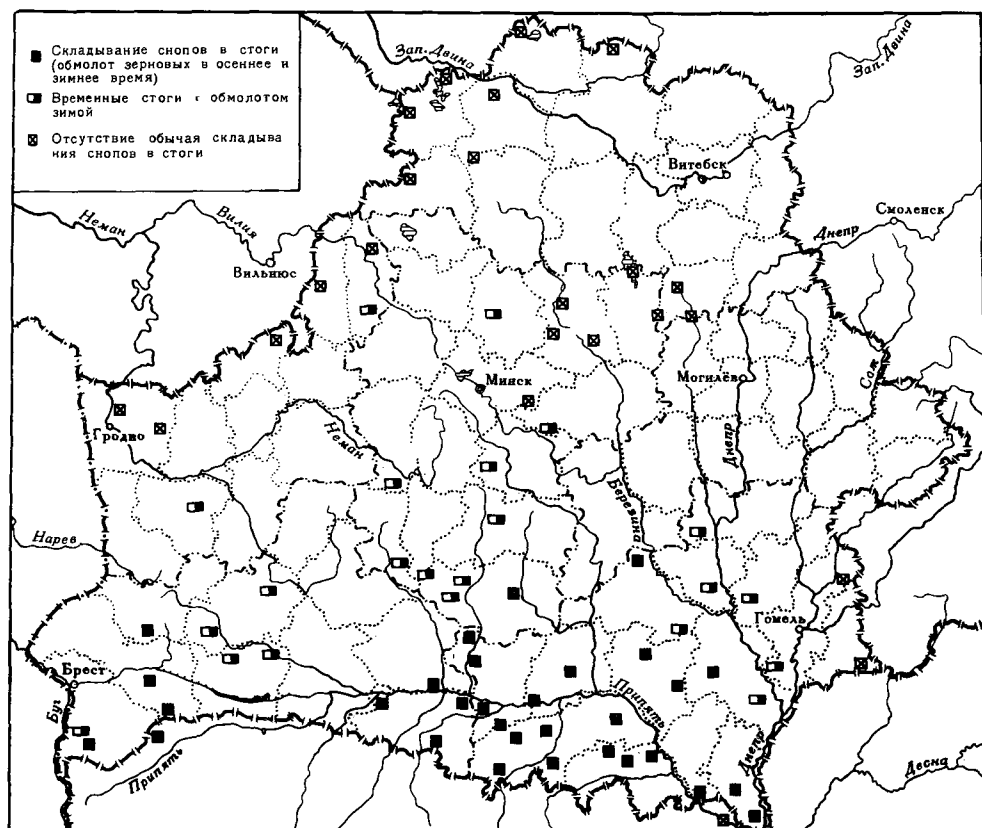
Рис. 8. Жердяная обивалка (дер. Гадиловичи Рогачевского р-на Гомельской области)

начале XX в. были только в самых зажиточных хозяйствах. В начале XX в. в Гродненской губернии, например, одна веялка приходилась на 763 десятины пахотной земли, в Минской — на 222 десятины. В Гродненской губернии на одну веялку приходилось 149 хозяйств⁵. Таким образом, в большинстве крестьянских хозяйств вплоть до XX в. господствовали старинные способы и орудия провеивания.

⁴ Н. Н. Улащик, Орудия производства и системы земледелия в помещичьих хозяйствах Литвы и Западной Белоруссии в период разложения феодально-крепостнического строя, «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы», М., 1961, стр. 177.

⁵ «Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 г.», СПб., 1913, стр. XXII—XXIII.

Провеянное зерно в XIX в. довольно часто хранили в специальных ямах⁶, которые, как сообщал П. Бобровский в середине XIX в., были высланы соломой и сверху прикрыты землею. «В этих ямах хлеб мог сохраняться по несколько лет без всякой порчи,— писал он,— но от присутствия мякины скоро тухнет и становится негодным к употреблению»⁷.

Карта 2. Складывание снопов в стоги (конец XIX — начало XX в.)

Хлебные ямы копали обычно где-либо недалеко от дома, в местах с глубоким залеганием глинистого слоя. Глубина ямы была от 2 до 4 м, стенки ее обкладывались берестой. Вход в яму, узкий от поверхности земли (35—45 см в диаметре), постепенно расширялся, образуя в разрезе как бы кувшин с узким горлышком. Хранение зерна в ямах Е. Р. Романов объяснял не только стремлением спасти его от пожаров, но и сравнительной легкостью устройства самих ям: «Деревя совершенно не требуется, что важно при недостатке лесных материалов»⁸. Яму с зерном сверху закрывали березовой корой, досками и засыпали землей. Хлебные ямы были неизвестны в полесских районах, где грунтовые воды подходили близко к поверхности земли.

⁶ Хранение зерна в ямах на белорусских землях с древности было весьма распространенным явлением. Об этом свидетельствуют археологические раскопки селищ и городищ, а также летописные указания на «житные ямы» («Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.», М., 1956, стр. 75). Из сообщения А. Гванини, относящегося к XVI в., мы узнаем, что белорусы и литовцы, собрав хлеба и обмолотив, сберегают их в ямах под землей, «старательно для этого вырытых в сокрытии лесов и внутри хорошо выложенных корою деревьев» (цит. по «Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах», Мінск, 1936, разд. III, № 29, стр. 136).

⁷ П. Бобровский. Гродненская губерния. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами ген. штаба, ч. II, СПб., 1863, стр. 40.

⁸ Е. Р. Романов, Белорусский сборник, вып. VIII, Вильно, 1912, стр. 22.

Характерная для белорусов грушеобразная форма ямы была широко распространена и за пределами Белоруссии. Ямы такой формы известны были, например, в североукраинских районах.

Во второй половине XIX в. хлебных ям уже почти не было, провяенное зерно повсеместно хранили, как правило, в специальных срубных постройках — «клетях», или

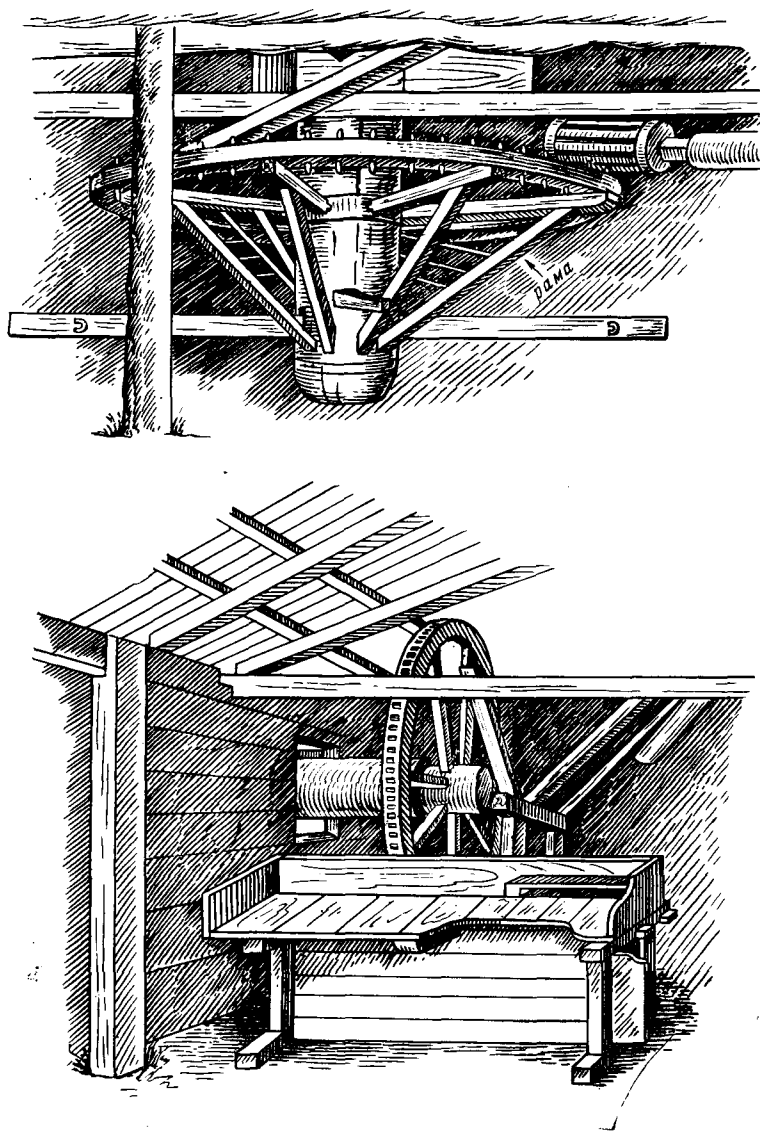

Рис. 9. Деревянные молотилки («малатарни») с приводом (дер. Городное Сголинского р-на Брестской области)

«свириках». Название «клеть» было характерно для восточной Белоруссии, где оно сосуществовало с термином «амбар». Термин «свиран» («свирень», «свирен», «свири», «свиринок») чаще всего употреблялся в западных белорусских областях⁹. Независимо от названия тип постройки на всей территории Белоруссии был относительно однообразным (рис. 11, 12).

⁹ «Дзялялекталагічны атлас беларускай мовы», карта 239.

Клеть и свирон ставили либо в одном комплексе с жилой хатой через сени от нее, либо, как и амбар, отдельно во дворе. В последнем случае ее старались построить поближе к хате, на виду.

Строили клеть основательно: во избежание сырости ее всегда ставили на фундаменте — деревянном («штандарах») или каменном (из булыжника), высотой 35—50 см.

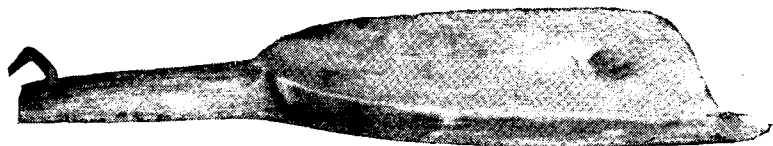

Рис. 10. Совковая лопата — «веялка» для ручного провеивания зерна (дер. Паре Пинского уезда). Пинский краеведческий музей

Рис. 11. Свирон (дер. Клевица Ошмянского р-на Гродненской области)

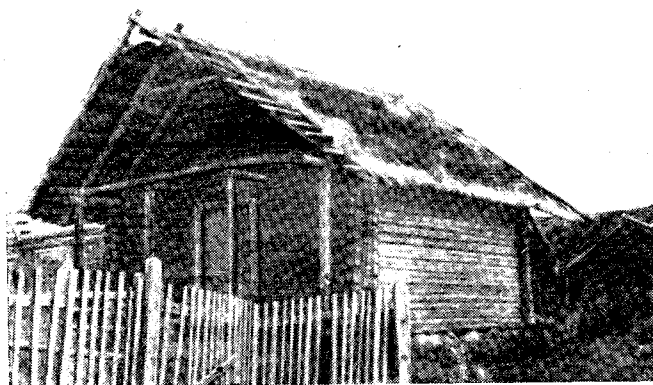

Рис. 12. Свирон (дер. Плебань Молодеченского р-на Минской области)

На фундаменте укладывали сначала основной венец и настилали пол — «мост», а затем ставили сруб, чаще квадратный в плане (4×4 м), высотой около 2 м. Сруб сооружали преимущественно из круглых бревен, которые хорошо пригоняли друг к другу. Нижние два венца сруба со стороны входа обычно выступали наружу и соединялись между

собой досками, образуя крыльцо — «ганак», «переклець», «прыклетнік». Над крыльцом делали навес, поддерживаемый двумя-четырьмя столбиками. Двухскатную, реже четырехскатную крышу покрывали досками, соломой или камышом. Потолок клали плоский дощатый или сводчатый бревенчатый (предпочитали последний как более прочный). Щели в досках пола заделывали планками и замазывали глиной. Невысокие двери сколачивали из массивных досок. Окон в клетях не прорубали.

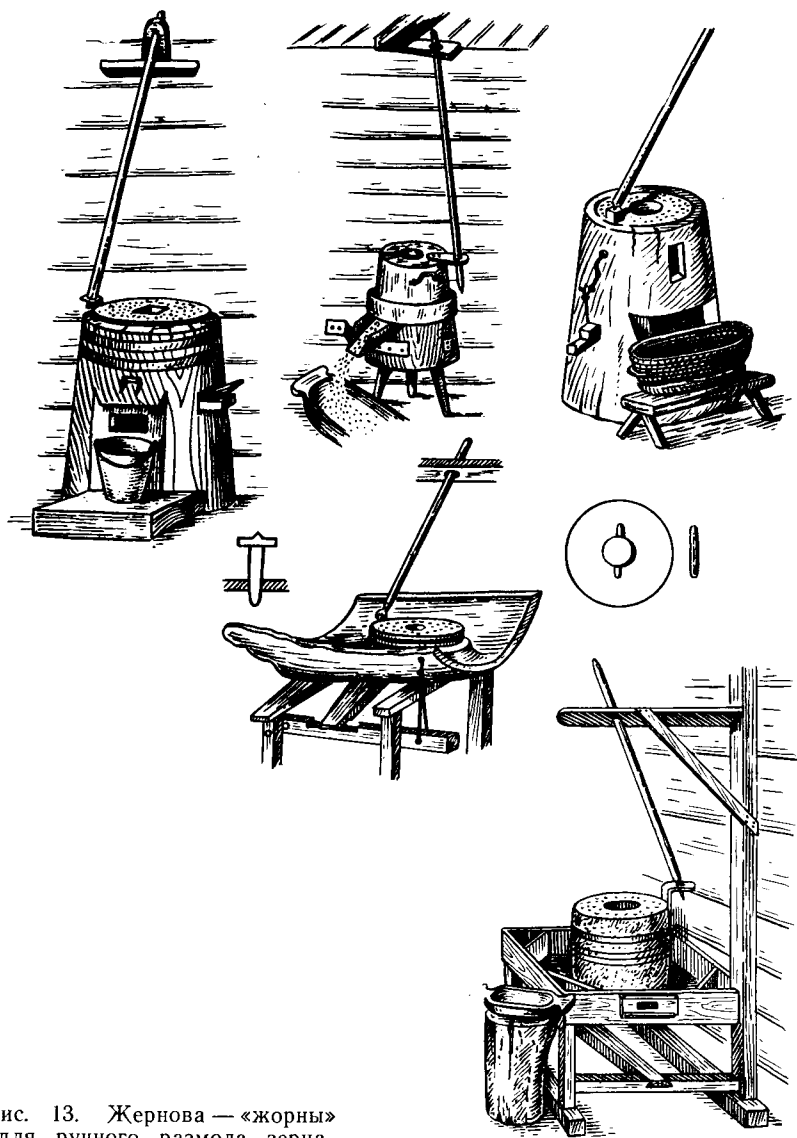

Рис. 13. Жернова — «жорны» для ручного размола зерна

Внутри клетей вдоль стен устраивали закрома — «засеки» или «оруды», разгороженные для разного вида зерновых. В Полесье, особенно в местах, где излишки зерновых хранились в стогах, в клетях часто не было засеков. Здесь зерно, муку и крупу для повседневного употребления ссыпали в специальные сосуды, которые ставили на полу клетей, а у крестьян-бедняков — нередко в сених. В белорусском Полесье для хранения зерна и муки широко использовались долбленные деревянные сосуды — «кадлубы», «калдубцы», а также плетеные из соломы — «саламянікі», различной формы и вместимости. Хранение муки в длинных деревянных ящиках — «скрынях», сбитых из досок, характерно для восточных областей Белоруссии. В северо-восточных областях Белоруссии, где зерно хранили в обмолоченном виде, зажиточные крестьяне строили и

клеть, и амбар. В таких случаях в засеки клетки сыпали рожь, ячмень, просо, гречиху, овес и пр. на текущий расход, а в амбаре хранили отборное зерно в запас и на посез.

Переработку зерна на муку или крупу проводили по мере надобности. Хотя в XIX в., как пишет П. Бобровский, в мельницах не было недостатка и они были «на всех

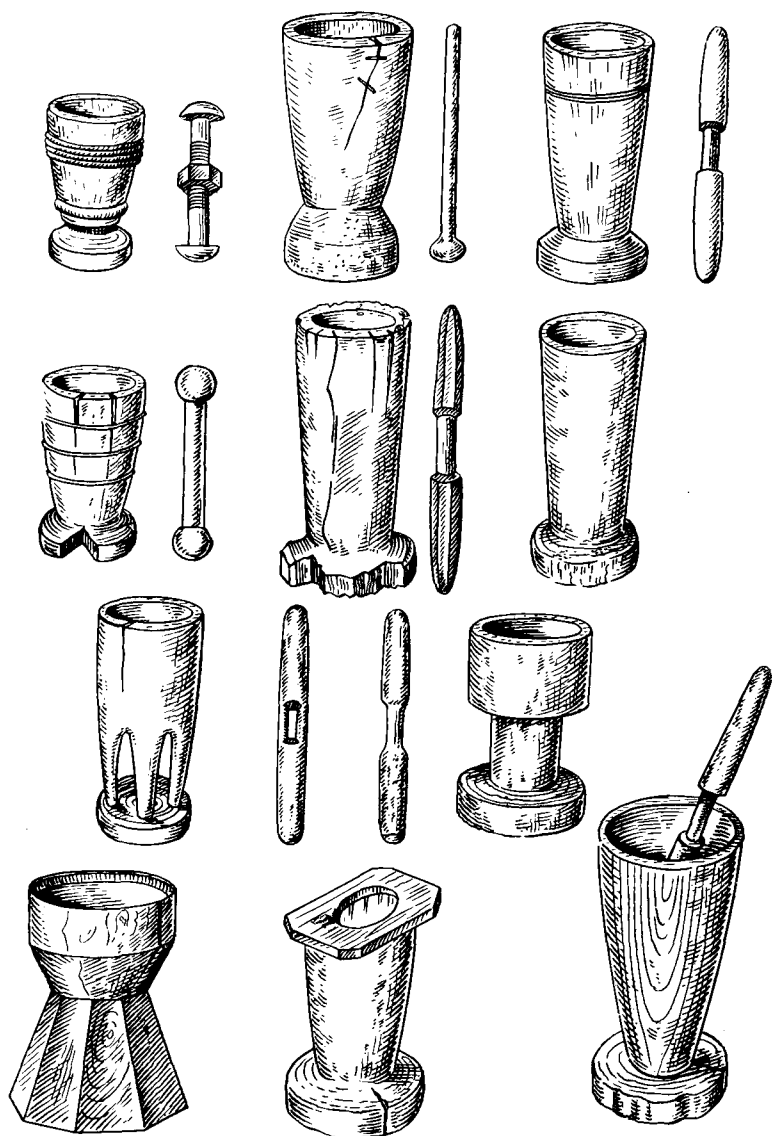

Рис. 14. Ступы

небольших речках, во всех городах и местечках»¹⁰, беднейшая часть крестьянства, однако, за неимением средств вынуждена была перерабатывать зерно в домашних условиях.

Почти во всех крестьянских хозяйствах имелись ручные мельницы — «жорны»; их можно было встретить еще в первые послереволюционные годы. Устройство рабочей части жерновов было однотипно для всей Белоруссии. Рабочая часть ротационных, вращательных жерновов состоит из двух камней (диаметром около 35 см, тол-

¹⁰ П. Бобровский, Указ. раб., стр. 72.

щиной 12 см): нижнего неподвижного и верхнего, вращающегося вокруг оси — железного вертикального стержня, пропущенного через центр нижнего камня. Стержень этот опирается на подвижную подставку и имеет деревянную ручку, с помощью которой и приводится в движение верхний камень. Зерно засыпается между камнями через отверстие диаметром в 10 см, пробитое в середине верхнего камня. Жернова имели довольно длинную деревянную ручку (более метра), верхний конец которой вращался в гнезде, пробитом в балке, специально для этого укрепленной над жерновами.

Рис. 15. Толчение проса в старинной ножной ступе (дер. Новолесье Малоритского р-на Брестской области)

С помощью жерновов получали муку мелкого помола и крупу. В первом случае камни непосредственно лежали один на другом, для получения же крупы их немного раздвигали с помощью «поперечки» — деревянной или металлической, положенной на верхний конец центрального стержня нижнего камня.

В некоторых лесных районах, где было мало природного камня, беднейшая часть крестьянства вместо камней использовала деревянные круги, в поверхность которых вбивали гвозди и кусочки железа.

При сравнительной однотипности принципа работы жерновов и устройства рабочей части, подставки под жернова устраивали весьма разнообразно, но всегда с таким расчетом, чтобы работать можно было стоя. Чаще всего подставка имела вид ящика, сколоченного из досок и укрепленного на четырех ножках: длина и ширина ящика — около 60 см, высота — 70—80 см. Встречались также в различных местах Белоруссии подставки другой формы: в виде корыта, выдолбленного улья и пр. (рис. 13).

Для получения крупы широко пользовались в домашних условиях ступою и толкачом. Ступы, как правило, выдалбливали из дерева крепких пород, а дно ступы и конец толкача нередко для прочности имели оковку. Наиболее распространенной была цилиндрическая форма ступ. Варианты этой основной формы были обусловлены искусством мастера, изготавливающего ступу (рис. 14).

Кроме ручных ступ, в ряде мест Белоруссии были ножные ступы. Последние в конце XIX — начале XX в. встречались sporadически (как и у украинцев, поляков, народов Прибалтики) преимущественно в южной Белоруссии. Они зафиксированы в дер. Новолесье и Ланской Малоритского района Брестской области¹¹, в дер. Бобры Мозырского района¹² и в ряде других мест¹³.

В районах бытования ножных ступ известны были и ручные ступы.

Ножная ступа у белорусов представляла собой четырехгранный чурбан высотой около 50—60 см с продолбленным чашеобразным углублением для засыпки зерна. Толкач укреплялся на длинном толстом брус-рычаге, который поднимался и опускался с помощью стоящего на нем человека (рис. 15). Работать на такой ступе было значительно легче, чем на ручной.

В ступах толкли на крупу овес, ячмень, просо, реже пшеницу. Зерно предварительно подсушивали на солнце, в русской печи или на печи. Ячмень во время толчения немного увлажняли, чтобы лучше снималась оболочка. Истолченный овес просеивали.

¹¹ Материалы этнографической экспедиции 1953 г. Института истории АН БССР.

¹² Н. И. Лебедева, Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР, М., 1929, стр. 34.

¹³ Находка ножной ступы при раскопках Минского замчища, датируемого XI—XIII вв., показывает, что это орудие в древности было распространено значительно шире, чем в XIX в.

вали через редкое решето. Ячмень после толчения опять немного просушивали и затем, как и просо, очищали встряхиванием — «пололи» в небольших деревянных корытах — «апалушках»; остатки ячменной кожуры смывали водой, затем крупу снова просушивали.

Помещики и зажиточные крестьяне все свое зерно перемалывали на мельницах и крупорушках. В Белоруссии в XIX в. известны были водяные, ветряные и конные

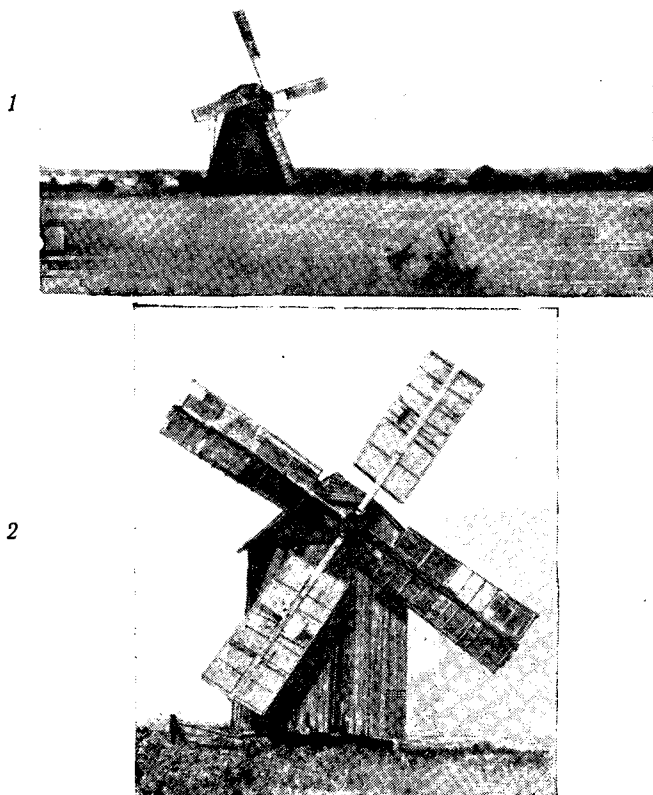

Рис. 16. Ветряные мельницы — «ветраки»: 1 — в дер. Шамово Мстиславского р-на Могилевской области; 2 — в дер. Качаловичи Несвижского р-на Минской области

мельницы. Мельницы водяные — «млыны» и ветряные — «ветраки» встречались повсеместно; нередко оба типа — в одной и той же местности. Мельницы, приводимые в движение лошадьми, строили значительно реже.

Ветряные мельницы ставили обычно где-либо за деревней, на открытом возвышенном месте. Наиболее широко по всей Белоруссии были распространены древние стержневые «ветраки», в которых вместе с крыльями по ветру поворачивался при работе весь корпус. Шатровые «ветраки», также весьма широко известные, представляли собой башневидное сооружение, установленное на бревенчатом срубе, чаще многоугольном в плане. Высота сооружения до «шапки» — верхней подвижной части — достигала 15 м, высота «шапки» — 2,5 м. Крылья (около 10 м длины, до 1 м ширины) прикреплялись к брусу «шалки». Под основание «шапки», регулирующей движение крыльев по ветру, приложены два поворотных бруса, вращающихся на поворотном колесе (рис. 16). «Ветраки» подобного устройства встречались в юго-восточных районах, а также в средней полосе Белоруссии, на Могилевщине. Очертить определенные границы распространения обоих типов пока не представляется возможным, так как материалы о мельницах весьма скудны.

Водяные мельницы — «млыны» сооружали у небольших речек и ручьев. Для водяных мельниц на реках устраивали плотины, падением воды с которых и приводились в движение мельничные колеса (рис. 17).

Рабочая часть ветряных и водяных мельниц была устроена по принципу жерновов, где вода и ветер заменили ручной труд.

* * *

Как показывают приведенные материалы, в сельскохозяйственном производстве белорусов в конце XIX — начале XX в. наряду с появлением новых орудий (механические веялки, молотилки и пр.) сохранялось много архаичного (первобытные ступы и жер-

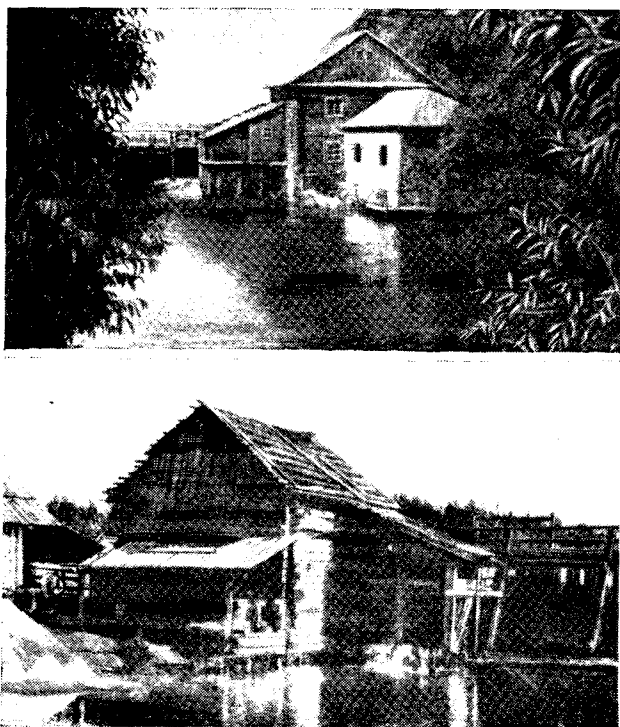

Рис. 17. Водяные мельницы — «млыны»: 1 — в дер. Гора Борисовского р-на, Минской области, 2 — в дер. Барань Минского р-на

нова). Это в равной мере касается и способов первичной обработки зерновых. Развивающийся во второй половине XIX в. капитализм способствовал прогрессу в сельскохозяйственном производстве преимущественно в крупных, помещичьих хозяйствах, тогда как многомиллионная масса крестьян продолжала пользоваться отсталыми способами и орудиями сельскохозяйственного производства.

Древние орудия уборки зерновых (серпы) и орудия для первичной обработки сельскохозяйственного сырья (цепы, веялки, ступы и пр.) были однотипны по всей Белоруссии. Различия в их устройстве и способе использования касались лишь второстепенных деталей. Значительные областные особенности наблюдаются в подготовке зерновых к обмолачиванию. В формировании этих особенностей земледельческого производства определенную роль сыграли климатические условия. Раннее наступление дождевого периода и зимних холодов в северных районах обусловили распространение огневых сушилок и оказали влияние на сроки обмолота; в целях экономии топлива было нецелесообразно оттягивать молотьбу до зимы. В юго-западных районах, где климат значительно теплее, лето продолжительнее, достаточно было солнечно-воздушной сушки зерновых и не было необходимости спешить с обмолотом, так как сухие снопы могли продолжительное время храниться под крышей, а также в стогах. Некоторые особенности земледельческого производства сформировались в определенной этнической среде, вместе с которой и распространились.

Земледельческая культура белорусов формировалась в тесном взаимодействии с культурой соседних народов (русских, украинцев, поляков, прибалтийских народов). В общей своей основе земледельческая культура белорусов тесно и многосторонне связана с культурой земледелия у русских и украинцев, причем это единство проявляется не только в пограничных областях, а гораздо шире, свидетельствуя о более глубоких генетических связях этих народов.

Л. Г. Гулиева

К ИЗУЧЕНИЮ ТОПОНИМИИ КУБАНИ

Изучение географических названий — топонимов — представляет большой интерес, поскольку, как отмечал А. Х. Востоков, — «они нередко многими тысячами лет переживают существование того народа, от коего первоначально изречены были. Например: сколь многие земли и города удержали еще и поныне, с небольшими только отменами, имена, данные им египтянами, финикиями и греками: между тем как они переменили уже двадцать раз и вид свой и место, и служили попеременно жительством двадцати разным племенам»¹.

В географических названиях, как новых, так и старых, могут отражаться различные явления, связанные с историей проживающего на данной территории народа, его языком, бытом, хозяйственной жизнью. Именно поэтому географические названия привлекаются при изучении вопросов истории и этнографии того или иного народа.

Следует отметить топонимические работы А. П. Дульзона², В. А. Никонова³, Б. А. Серебренникова⁴, В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева⁵, в которых вопросы расселения народов на той или иной территории решаются по материалам топонимии.

Топонимия Кубани несомненно представляет большой интерес. Она весьма сложна и при этом очень мало изучена.

Топонимия, особенно гидронимия, Кубани различна по времени возникновения, а в языковом отношении неоднородна, как неоднородно и население, заселявшее и заселяющее ныне данную территорию. В топонимии Кубани при наличии некоторых субстратных элементов четко выделяются три пласта: кавказский (адыгейский), тюркский и восточнославянский (украинский и русский). Как известно, адыги — аборигены Кубани, поэтому адыгейские географические названия составляют здесь древний топонимический пласт. Тюркские и, в особенности, восточнославянские топонимы относятся к более позднему времени.

Появление на Кубани топонимов восточнославянского происхождения тесно связано с русской колонизацией этого края в конце XVIII в., с переселением сюда русских и украинцев⁶. Однако первое упоминание о славянах на данной территории относится к более раннему периоду. Русские летописи упоминают об основании Свято-славом в X в. на Таманском полуострове Тмутараканского княжества со столицей Тмутаракань на месте древней Фанагории. Около 966 г. войско Святослава, разбив хазар и разрушив их столицу, двинулось на Северный Кавказ, где завоевало ясов и касогов, осетин и черкесов. Здесь было основано русское Тмутараканское княжество⁷.

Ко времени пребывания на Тамани русских князей некоторые исследователи относят название горы *Бориса* и *Глеба* на северо-западной стороне Ахтанизовского лимана (Таманский полуостров). О дальнейшей судьбе Тмутараканского княжества в летописях не упоминается. После поражения русских во главе с Игорем Святославичем на р. Каяле, они утратили влияние на Таманском полуострове. Половцы, а затем татары, монголы, ногайцы и другие несколько веков господствовали на Кубани.

¹ А. Востоков, Задача любителям этимологии, «Санкт-Петербургский вестник», 1812, ч. 1, стр. 205—206.

² А. П. Дульзон, Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимии, «Ученые записки Томского государственного педагогического института», 1960, т. 6; его же, Кетские топонимы Западной Сибири, «Ученые записки Томского государственного педагогического института», 1959, т. 18, и др.

³ В. А. Никонов, История освоения Среднего Поволжья по материалам топонимии, сб. «Историческая география», М., 1960.

⁴ Б. А. Серебренников, Волго-окская топонимика на территории Европейской части СССР, «Вопросы языкознания», 1955, № 6.

⁵ В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев, Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья, М., 1962.

⁶ Подробно о заселении Кубани см.: «Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани», гл. 1 — История заселения Кубани и современный этнический состав населения, М., 1967, стр. 17—36.

⁷ Очерки истории СССР, ч. 1 — IX—XIII вв. М., 1953, стр. 87—88.

Известно, что первые шаги проникновения России на Северный Кавказ относятся ко времени царствования Ивана IV, к 1551—1558 гг.⁸

В XVI в. в Предкавказье появились вольные казачьи городки, население которых составляли беглые крестьяне и холопы из центральных русских областей. С началом XVIII в. связаны сохранившиеся названия трех городков в низовьях Кубани: *Голубинский*, *Блудилевский* и *Чирянский*. Городки эти были построены восставшими донскими казаками, которые во главе с атаманом Некрасовым переселились на Кубань в 1708 г., но пробыли здесь недолго⁹. А название крепостей *Павловская* (ныне ст. Кавказская), *Александровская* (г. Усть-Лабинск), *Марьянская* (ниже г. Краснодара), *Благовещенская* (ныне г. Славянск-на-Кубани) связаны с пребыванием на Кубани А. В. Суворова во второй половине XVIII в.¹⁰

Планомерное заселение Кубани началось в конце XVIII в., когда для укрепления южных границ России на Кубань были переселены казаки Черноморского войска, бывшие запорожцы, и донские казаки. В последующий период население Кубани постоянно пополнялось как выходцами с Украины (Харьковской, Полтавской, Черниговской губерний), так и из различных губерний России (Тульской, Воронежской, Курской и др.). Интересно, что территории, занимаемые переселенцами, получали названия, часто совпадающие с наименованиями их прежних мест жительства, например названия первых по времени возникновения сорока куреней¹¹: *Корсинский*, *Мышастовский*, *Куцовский*, *Батуринский*, *Екатериновский*, *Кисляковский*, *Ивановский*, *Тимашовский*, *Полтавский*, *Пластуновский*, *Брюховецкий*, *Канеловский*, *Сергиевский*, *Динской*, *Крыловский*, *Каневский*, *Поповический*, *Васюринский*, *Незамаевский*, *Ирклиевский*, *Шербиновский*, *Шкуринский*, *Кореновский*, *Роговской*, *Калиболотский*, *Уманский*, *Деревяковский*, *Нижестеблевский*, *Вышестеблевский*, *Джерелевский*, *Переясловский*, *Минский*, *Титаровский*, *Леушковский*, *Величковский*, *Дядьковский*, *Медведовский*, *Плотнировский*, *Паиковский*, *Березанский*. Историк края П. П. Короленко пишет, что «тридцать восемь куреней были тех же самых названий, какие существовали в Запорожском войске, а два добавлены вновь, первый *Екатериновский* — в честь императрицы Екатерины, а последний *Березанский* — в воспоминание взятия черноморцами турецкой крепости Березани»¹². В последующий период число поселений (станций, хуторов) увеличивается.

Уже первые восточнославянские топонимы — названия станций, хуторов и др., возникшие в связи с колонизацией Кубани, позволяют выявить те признаки, которые формировали топонимическую систему данной территории. В основу наименований станций, например, легли в одних случаях названия полков, строивших их, в других — укреплений, редутов, в третьих — урочищ, рек и т. д. Так, например, на месте нынешней станции *Кавказской* был редут *Кавказский*, построенный *Кавказским* егерским полком, станция *Прочноокопская* получила свое название от крепости *Прочный окоп*, хутор *Романовский* был назван по посту *Романовскому*, и др.

Свои названия станции *Севастопольская*, *Смоленская*, *Саратовская*, *Тифлисская*, *Ставропольская* и др. получили по названию не соответствующих городов, как сейчас представляется, а полков, строивших эти станции, и затем и обосновавшихся в них (полки назывались по городам). Таким образом, связь названий станций и соответствующих городов опосредована.

Станции, а большей частью хутора получали свои названия по имени или прозвищу основателей их. Так, хутор *Лосев* основан казаком Дмитрием Федоровичем Лосевым в 1795 г. (ныне х. *Лосево* Кавказского р-на). Аналогично происхождение названий х. *Клюева*, ст. *Андрюки* и др.

Стремясь сохранить память о своих родных местах, переселенцы называли не только целые станции, но и части поселения прежними именами. Одна из частей станции *Надежной* называется *Полтавой*, центральная часть станции *Отважной*, заселенная в год ее основания выходцами с Дона, называется *Доном*, *Донцом* и др.¹³

⁸ Ф. Навозова, Краснодарский край, Краснодар, 1955, стр. 10.

⁹ Там же, стр. 11.

¹⁰ Там же, стр. 12.

¹¹ Первоначальные названия *курень*, *куренное поселение* указывали на связь новых поселений Кубани со старыми поселениями казаков в Запорожской Сечи. Однако вскоре в официальных документах вместо слова *курень* начинают употреблять *станции*, а *курень* и ныне бытует в разговорном языке, изменив свое значение: сейчас *курень* — это шалаш или землянка в поле, на кошу. См.: Е. Ф. Тарасенкова К вопросу о построении областного словаря русских говоров Краснодарского края. «Труды Краснодарского педагогического ин-та», вып. XXXI, Краснодар, 1963, стр. 62.

¹² П. П. Короленко, Черноморцы на Кубани, «Памятная книжка Кубанской области на 1876 год», Екатеринодар, 1876, стр. 129.

¹³ См.: М. Н. Шабалин, Русские говоры на юго-востоке Кубани (К вопросу о взаимодействии близкородственных языков), канд. дисс., М., 1952, стр. 6—7.

И. Бентковский в работе «Заселение западных предгорий Главного Кавказского хребта» приводит донесение графа Евдокимова главнокомандующему, в котором говорится, что новым станицам первоначально давались названия «по местным урочищам»¹⁴. Например: ст. *Псеменская* — при устье р. *Псемен*, притока р. *Лабы*, ст. *Айрюмская* — на р. *Айрюм*, притоке р. *Фарс*, ст. *Ирисская* — ниже устья *Ирис* и т. д.

В названиях станиц Предгорной полосы, в междуречье *Лабы* и *Урупа*, отразились особенности военной жизни, связанной с тем, что эти станицы находились близко от воинственно настроенных горских черкесских племен, например: ст. *Отважная*, *Надежная*, *Упорная*, *Бесстрашная*, *Сторожевая*, *Удобная*, *Передовая*, *Спокойная*, *Исправная* и др. Так, станица *Надежная* была окружена с одной стороны окопами, которые представляли надежную оборону от неприятеля. Этот признак и лег в основу названия. Станица *Удобная* по словам старожилов представляла очень удобную позицию по естественно-географическим условиям.

Именами предводителей казачества, атаманов, назван ряд населенных мест, например ст. *Чепегинская* носит фамилию атамана *Захара Алексеевича Чепеги*, и др.

Как видно, в названиях новых поселений на Кубани сохраняется определенная традиция: новые названия на Кубани возникают по моделям, существовавшим в родном говоре переселенцев.

Местные названия, бытовавшие до поселения русских и украинцев, адаптировались. Адаптация их выражалась в том, что чаще всего иноязычное название оформлялось с помощью русских словообразовательных формантов. Например, р. *Убин* — р. *Убинка*, р. *Псемен* — р. *Псеменка*, р. *Уль* — р. *Улька*, лиманы *Бейсугский*, *Ахтинзовский* и т. д.¹⁵ Все адаптированные иноязычные топонимы входят в состав восточнославянской топонимии Кубани и образуют в ней определенный слой.

В некоторых топонимах отразился этнический состав населения данной территории, что иногда помогает определить местное древнее население, его миграции. Однако В. А. Никонов предостерегает от некритичного подхода к таким топонимам: «Для этноисторической географии, — пишет он, — чаще всего некритично привлекают топонимы, в основе которых слышат этноним. На этом строят выводы о былом расселении народа, чье имя совпадает с основой топонима. Нередко эта мнимо этнонимическая основа оказывается лишь случайным совпадением»¹⁶.

В названиях некоторых рек и станиц Кубани действительно звучат этнонимы. Например, названия рек *Абазинка*, *Абхазка*, *Грузинка*, станиц *Абдзехская*, *Татарская*, *Темиргоевская*, *Бжедуховская*, с. *Молдаванка* и др. Некоторые из этих народов и в настоящее время населяют Кавказ и Кубань, и происхождение перечисленных географических названий от этнонимов представляется возможным.

Однако, как правильно отмечает В. А. Никонов, «в гуще сплошных поселений одной народности не могут возникнуть топонимы, в основе которых лежит этноним, если только их не дадут со стороны. Такие названия естественны только там, где этноним служит различительным признаком. Поэтому топонимы с этнонимной основой отмечают обычно не зону чистого этноса, а наоборот, пограничную полосу этнической чересполосицы. Этот топонимический парадокс — частный случай закона относительной негативности...»¹⁷.

В Закубанье есть, например, гидроним *Русская*. Известно, что в Закубанье в конце XVIII в. преобладало нерусское население. Появление гидронима *Русская* в иноязычной среде подтверждает наблюдение В. А. Никонова.

Еще А. И. Соболевский писал о топонимах, которые «вполне или почти вполне тождественны по звукам с названиями племен..., как Чудь (Владимирская губ.), Вель (Санкт-Петербургская губ.) ... подобные названия были даны поселениям не их основателями, а русскими соседями»¹⁸.

Таким образом, гидроним *Русская* не мог возникнуть в сплошной русской среде и не мог быть дан русским населением.

Другой пример. Село получило название *Молдаванское*, так как здесь вначале поселилось несколько десятков молдаванских семей. Это название могло быть дано русскими или другими (не молдаванами), так как в селе жили люди «более или менее отличные в этнографическом отношении от окрестного или славянского населения»¹⁹.

¹⁴ И. Бентковский, Заселение западных предгорий Главного Кавказского хребта, «Кубанский сборник», т. 1, Екатеринодар, 1883, стр. 12.

¹⁵ Отмечены и другие, более частные, случаи адаптации иноязычных топонимов, на которых мы не останавливаемся.

¹⁶ В. А. Никонов, Топонимика в историко-географической этнографии, М., 1964, стр. 1—2.

¹⁷ Там же, стр. 3.

¹⁸ А. И. Соболевский, Названия населенных мест и их значение для русской исторической этнографии, «Живая старина», вып. 4, СПб., 1883, стр. 437.

¹⁹ Там же.

Ряд топонимов Кубани связывают с определенными историческими событиями края, например названия речек *Первая Речка Кочеты*, *Вторая Речка Кочеты*, *Третья Речка Кочеты*, а также хуторов *Первая Речка Кочеты*, *Вторая Речка Кочеты* и *Третья Речка Кочеты* — с пребыванием на Кубани Суворова. Так, Г. Чучмай пишет: «В верховьях реки *Кочеты* долгое время находился главный суворовский лагерь. С вечера перед наступлением главнокомандующий Суворов отдавал своему войску приказ: по первым петухам (кочетам) вставать, по вторым — завтракать, а по третьим — выступать. С тех пор и стали говорить: пошли от «Кочетов» или: вернулись за провиантом на «Кочеты». Отсюда и речка, а потом и хутора получили название Кочетов»²⁰.

Факт пребывания А. В. Суворова на Кубани и его стоянка в верховьях этих рек не оспаривается. Однако представляется сомнительным такое толкование названия реки *Кочеты* (тем более, что в местном говоре Ново-Титаровского, Динского районов, где протекают эти реки, население в значении «петух» употребляет чаще слово *пивень*, а не *кочет*). В топонимии нередки случаи переосмысления. Непонятное с точки зрения какого-то, например русского, языка географическое название переосмысливается в понятное, т. е. «чуждым звукам придается такая форма, в которой бы они представляли уму какой-нибудь смысл, хотя бы и ни на чем не основанный»²¹.

Название *Кочеты* восходит к тюркскому и, возможно, является переосмыслением ногайского *коьш* (*коьч*) — «кочевье, лагерь, становище, место жительства кочевых народов»²² плюс формант — *ты* — «аффикс обладания, наличия признака атрибутивно-определяющих существительных»²³, характерный для кыпчакской группы тюркских языков, к которому относится и ногайский язык.

В пользу тюркского происхождения гидронима *Кочеты* говорят сохранившиеся варианты названия — *Кошты*, *Кочты*, а также такой немаловажный факт, как ударение на последнем слоге (*Кочеты́*, а в русском было бы *кочеты́*). Кстати, формант-*ты* весьма распространен в тюркской топонимии Кавказа²⁴, а также Средней Азии и Казахстана.

Переосмыслением являются и гидроним *Кукса* из тюркского *Коксу* («синяя вода, река»), и гидроним *Барсуки* и др. Правда, некоторые исследователи пытаются объяснить возникновение последнего тем, что в реке водились в изобилии барсуки. Однако, в действительности гидроним *Барсуки* — переосмысление тюркского названия *Барсоуклы*. Превращение гидронимов *Кочерген* в *Кочергу*, а *Сунс* в *Сун* также является ярким примером переосмысления.

Как видно из примеров в процессе переосмысления часто теряется связь географического названия с его прежним значением и даже с языком, на котором он первоначально возник.

²⁰ Г. Чучмай, Суворов на Кубани, «Кубань», 1963, № 3, стр. 43.

²¹ Я. К. Грот, Заметка о топографических названиях вообще, «Журнал Мин. нар. просв.», ч. 136, отд. 2, ноябрь, СПб., 1867, стр. 622.

²² См. Э. и В. Мурзаевы, Словарь местных географических терминов, М., 1959, стр. 118; «Ногайско-русский словарь». Под ред. Н. А. Баскакова, М., 1963.

²³ Н. А. Баскаков, Каракалпакский язык, ч. II, М., 1962.

²⁴ Д. Д. Пагирев, Алфавитный указатель к пятиверстной карте Кавказского края, кн. 30, Тифлис, 1913.

Л. В. Малиновский

ЖИЛИЩЕ НЕМЦЕВ-КОЛОНИСТОВ В СИБИРИ

Поселения немцев-колонистов начали возникать в Сибири в конце XIX в. Это были переселенцы с Южной Украины (главным образом из Херсонской, Таврической и Екатеринославской губерний) и с Нижней Волги. Они переселялись в Сибирь, а также в нынешний Северный и Восточный Казахстан, из старых немецких поселений, так называемых «колоний», возникших, в свою очередь, в конце XVIII — начале XIX в. в ходе иммиграции крестьян из германских княжеств — Вюртемберга, Бадена, Гессена, из Пруссии и т. д.¹ Это переселение производилось царским правительством (при Екатерине II, Павле I и Александре I) с целью заселения степей Южной России, откуда вытеснялись кочевые народы. Планомерно заселить эти степи русскими крестьянами не представлялось возможным: нельзя было удержать крепостного крестьянина на новом месте, в необжитой степи, не предоставляя ему в то же время личной свободы и экономических преимуществ по сравнению с другими помещичьими и даже государственными крестьянами, а это неизбежно привело бы к подрыву основ крепостнического порядка. Поэтому правительство в широких масштабах приглашало иностранных колонистов — немцев, французов, шведов, болгар, сербов и т. п. Однако больше всего было завербовано немцев, потому что раздробленная Германия с господствовавшей там жесточайшей феодальной эксплуатацией со стороны мелких и мельчайших князьков была незадолго до этого опустошена Семилетней войной. Не было недостатка в голодных и недовольных крестьянах, а также в мелких, земледельцах, развитие хозяйства которых сдерживалось феодальными рогатками.

Царское правительство предоставляло колонистам большие льготы: освобождение от рекрутчины, временное освобождение от налогов, большие наделы (до 60—65 десятин), долгосрочные кредиты и т. д.

Особенности землевладения и правовое положение немцев-колонистов, которые жили изолированно от окружающего русского и другого населения и не знали крепостного права, привели к ускоренному развитию капитализма в немецкой деревне. Развитие товарного зернового хозяйства (начиная с 1860-х годов) и усилившееся в связи с этим расслоение крестьянства вызвали широкое переселенческое движение. Особенно развилось оно в годы столыпинщины. Так, если первые немецкие поселки в степях Западной Сибири возникли около 1890 г., то большинство их было основано там (нынешний Алтайский край, Омская и Новосибирская области) в 1907—1909 гг.²

Переселившись в Сибирь, немецкие колонисты сохранили ряд своих локальных особенностей. Каждая группа продолжала говорить на своем диалекте, вывезенном их предками из феодальной Германии, придерживалась своей религии или секты. Браки заключались первоначально только внутри группы, колонисты придерживались установившегося в данной группе порядка землепользования, наследования земли и имущества и т. д.³ Поэтому немцы расселились в Сибири тоже отдельными, зачастую строго обособленными группами.

Искусственная изоляция немецких поселков от русских и украинских (некоторые законы царского правительства ограничивали общение немцев с русским населением, так как правительство и церковь опасались влияния немецкого сектантства на право-

¹ Исследуя в 1920-х годах немецкие колонии Украины и Крыма, советские лингвисты установили там наличие нижненемецкого, рейско-пфальцкого, гессенского, швабского, севернобаварского и других диалектов (см. В. М. Жирмунский, Этнографическая работа в немецких колониях Украины и Крыма, «Этнография», 1927, № 2, стр. 231—233).

² Из 57 немецких деревень Славгородского уезда только одна была основана в 1890 г., остальные — в 1907—1910 гг. («Deutscher Arbeiter- und Bauernkalender», М., 1924, S. 193—194).

³ В смешанных поселках в Сибири позднее наблюдалось смешение диалектов, образование общего разговорного языка данного селения, взаимный обмен традициями и т. п. Но эти процессы характерны для более позднего времени, они не могли происходить непосредственно при переселении.

славное русское население) плюс их естественная изоляция в сравнительно малонаселенных степях способствовали сохранению языковых и других особенностей отдельных групп вплоть до XX в. ⁴

В процессе переселения в Сибирь происходило иногда смешение этих мелких групп немецкого населения, в одном и том же немецком поселке селились немцы из разных мест. Примером такого поселения может служить с. Цветное Поле Чистоозерного района Новосибирской области, где вместе поселились переселенцы из Херсонской, Черниговской, Саратовской и других губерний ⁵. В с. Солнцецке Иссиль-Кульского района Омской области обосновались переселенцы преимущественно из Екатеринославской и Таврической губерний, а также из немецких колоний Оренбургской и Уфимской губерний (это было уже вторичное переселение).

Выравниванию местных и групповых особенностей мешали (тогда еще очень ярко выраженные) религиозные перегородки между отдельными группами. В то время как переселенцы с Нижней Волги и из некоторых местностей Юга были лютеранами (католиков среди них было сравнительно мало), большая часть переселенцев с Юга Европейской России были сектантами-меннонитами и баптистами различных толков. При этом, например, «меннониты церковной общины» селились отдельно («меннонитов братской общины», только к концу переселенческого движения появляются совместные поселения тех и других. Это становится понятным, если учесть, что классовые противоречия в немецкой деревне XIX в. выражались преимущественно религиозной форме, с образованием новых сект (например, «гюпферы», «братская община» и др.).

Так как в Западной Сибири преобладали переселенцы с Юга Европейской России, ко времени революции и гражданской войны на территории Славгородского уезда до 70% немецкого населения принадлежало к различным меннонитско-баптистским группам, в других местностях Западной Сибири они составляли до 50% немецкого населения.

Различия между отдельными группами колонистов не ограничивались областью религии, а глубоко проникали в экономику, быт и самосознание отдельных групп. Так, южнорусские меннониты не знали общинного землевладения русского типа (с переделами земли) и после переселения в Сибирь, получив землю подушно, настойчиво добивались и добились перехода на подворное владение землей ⁶. В противоположность им, волжские колонисты еще в начале XIX в. восприняли русскую систему землевладения ⁷. Соответственно на Юге, как и в Сибири, сильнее и свободнее развивался капитализм, шире применялась механизация в сельском хозяйстве, чаще использовался наемный труд и т. п.

Экономика, в свою очередь, влияла на быт, культурный уровень крестьянства и т. д. Так, грамотность в меннонитских деревнях и до революции была почти всеобщей ⁸, хотя и носила религиозный характер.

С языковыми и бытовыми особенностями связано и национальное самосознание отдельных групп немецкого населения. Немцы Советского Союза, на протяжении 200 лет не контактировавшие с группами населения в Германии одного с ними происхождения, не ощущают себя, естественно, членами единого национального целого. Их положение в этом отношении отличалось и прежде от положения, например, бывшего немецкого национального меньшинства в довоенной Польше, Чехословакии и т. д., гораздо теснее связанного с Германией. Правда, они называют себя «немцами» (Deutsche), но жителей Германии именovali и именуют «германцами» (Deutschländer). С другой стороны, меннониты часто, ссылаясь на свои языковые и бытовые особенности, считают себя не немцами, а «меннонитами по национальности» или даже голландцами ⁹. При создании немецких сельсоветов в Западной Сибири в 1920-е годы возникали даже затруднения при объединении немцев и «меннонитов» в общих административных единицах.

Учитывая все сказанное, попытаемся показать на материалах, собранных в 1963—1965 гг. в Новосибирской области (было обследовано восемь немецких деревень в

⁴ Эти особенности до сих пор сохраняются не только в Сибири, но и в немецких селах Западной Украины. См., например, В. И. Наулко, Современный этнический состав населения Украинской ССР, «Сов. этнография», 1963, № 5, стр. 55.

⁵ Воспоминания Боннета, жителя с. Цветное Поле, Гос. архив Новосибирской обл. (далее ГАНО), ф. 536, оп. 1, д. 2, л. 1.

⁶ «Deutscher Arbeiter- und Bauernkalender», S. 189.

⁷ D. Schmidt, Studien über die Geschichte der Wolga-Deutschen, Pokrowsk, 1930, S. 56.

⁸ ГАНО, ф. 47, оп. 1, д. 562, л. 21; подтверждается также материалами обследования немецких деревень Омской области и Алтайского края в 1965—1967 гг.

⁹ Такие заявления нам приходилось слышать в Татарском районе Новосибирской области и в Омской области еще в 1964—1965 гг.

различных районах), как развивалось в прошлом и как развивается теперь жилище немецких крестьян-колонистов в Сибири.

Мы выделяем жилище как предмет изучения в силу двух обстоятельств: во-первых, именно в Сибири (как, впрочем, и в Северном и Восточном Казахстане и на Южном Урале) сохранились поселения немцев-колонистов, основанные еще до революции. Во-вторых, именно жилище является наиболее устойчивым элементом материальной культуры в силу длительности его существования и пользования им. Так, если одежду немецких колонистов начала XX в. мы можем ныне изучать только по фотографиям, музейным экспонатам и воспоминаниям, то жилища первых поселенцев зачастую еще сохраняются в сибирских немецких деревнях (хотя они часто уже не используются под жилье или подверглись некоторой перестройке).

Прежде чем говорить о типе жилища немецких колонистов в Сибири, заметим, что немецкое крестьянское жилище претерпело значительные изменения уже при переселении немцев-иммигрантов из Германии в Россию в XVIII в. На это повлиял как характер местности (гористой в Юго-Западной Германии и равнинной в Южной России), так и, в первую очередь, скудость традиционного материала для немецких крестьянских домов — камня и леса — в южных степях. Во всяком случае, мы нигде не видим типичных для Германии крестьянских домов с внутренним двором (Hallenhaus), куда могли заезжать повозки, вокруг которого группировались жилые и производственные помещения и т. д. Типично расположение помещений «в линию» или «крестом». Первое встречается в Германии преимущественно у сорбов (лужичан)¹⁰ и в Восточной Германии, где тоже можно предположить славянское влияние¹¹. Линейное расположение помещений у фризов встречалось лишь в хозяйственных постройках, амбарах (Barg)¹². Трудно на основании имеющихся данных сделать вполне определенный вывод о влиянии славянских или фризских форм на жилище колонистов, так как этот вопрос осложняется неоднократными переселениями еще в пределах Германии. Крестообразное расположение помещений, типичное для кулацких домов начала XX в. и для большинства современных построек немцев-колхозников, распространилось, по-видимому, под позднейшим влиянием городской культуры¹³.

Значительную роль сыграли также строгие инструкции царских чиновников, предписывавших колонистам определенную планировку сел, расстановку домов и пр. Поэтому вместо типичной для Западной Германии кучевой формы поселения (Haufendorf) получалась линейная (Strassendorf), типичная для немецких деревень России¹⁴.

С другой стороны, немцы не восприняли русское крестьянское жилище (хотя царские чиновники и предоставляли им поначалу в отдельных случаях такие «казенные дома»¹⁵, а выработали свой собственный тип (или, скорее, типы) жилища, сочетая национальные традиции с имевшимся в степях строительным материалом. В постройках немецких поселенцев-колонистов в Сибири можно видеть, прежде всего, такие национальные особенности, как расположение дома по отношению к улице и его планировка, объединение всех помещений под одной крышей (в отличие от построек крестьянина-сибиряка), отсутствие типичной русской печи, своеобразная конструкция крыши в глинобитных домах, окраска потолка, конструкция и окраска пола, печей, наличие особых копилки в доме или вне его и т. д.

Так как постройки отдельных групп немцев-колонистов в Сибири отличаются своеобразными чертами, мы попытаемся показать на примерах типичные постройки для различных групп — меннонитов, переселенцев из Поволжья, выделить по возможности особенности построек для отдельных групп в немецкой деревне.

Материал собран нами при обследовании немецких деревень Новосибирской области. Возьмем типичное для Кулундинской степи село Орловка Купинского района. Основано оно в 1910 г. переселенцами из Таврической, Херсонской, Черниговской

¹⁰ W. Peßler, Handbuch der deutschen Volkskunde, B. 11, Potsdam, S. 239; «Meyers Neues Lexikon», B. I, «Bauernhaus», Leipzig, 1961, S. 561.

¹¹ «Meyers Konversations-Lexikon», 5. Auflage, Leipzig, 1897, B. II, S. 571. Fig. 7.

¹² W. Seedorf, Arbeitsbräuche in der Landwirtschaft, Potsdam, B. II.

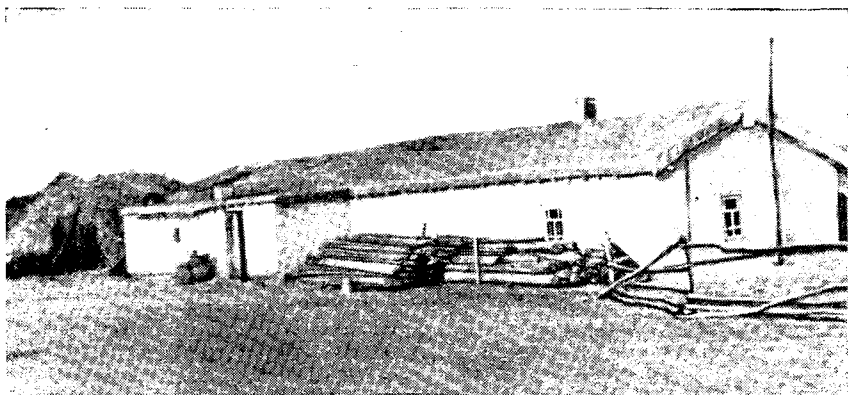
¹³ Вопрос о соотношении типов жилища колонистов с жилищем крестьян в Германии очень сложен, так как, например, группа меннонитов по пути в Сибирь переселялась не менее трех раз, оставаясь по 100—150 лет на каждом месте и испытывая различные влияния, вплоть до приобретения другого диалекта. Поэтому и В. М. Жирмунский в своей работе («Итоги и задачи диалектологического и этнографического изучения немецких поселений СССР», «Сов. этнография», 1933, № 2) очень осторожно подходит к этому вопросу. Это, несомненно, тема для особой работы.

¹⁴ См. там же, стр. 110.

¹⁵ Немцы называли их «Kronshäuser», т. е. «коронные дома», предоставленные царской властью и построенные по русскому или украинскому образцу. См. фотографию такого дома, построенного в 1810 г., в «Handbuch der Deutschen aus Russland» (Stuttgart, 1962, S. 40).

и Саратовской губерний, наиболее многочисленны и влиятельны были здесь меннониты с р. Молочной Таврической губ. (их было больше, их диалект был преобладающим).

В настоящее время сохраняется не только общая планировка села, но и отдельные постройки переселенческих времен, а также дома крестьян, построенные еще в доколхозный период. Характерны для этого села, как и для других немецких сел степной Сибири, дома двух типов.

а

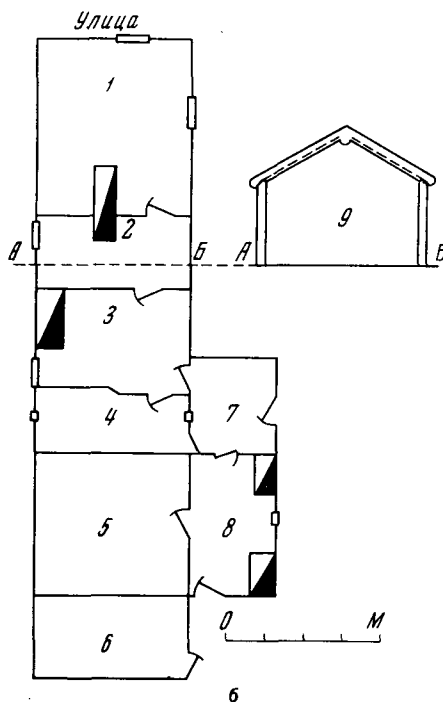

Рис. 1. Дом колхозницы Ш. Шютц в селе Орловка Купинского района. а — внешний вид; б — план: 1 — жилая комната, 2 — зимняя кухня, 3 — летняя кухня, 4 — кладовая, 5 — коровник, 6 — сеник (дровяник), 7 — пекарня (копильня), 8 — сени, 9 — разрез по А — Б

1. Глинобитный дом (в первые годы поселения в Сибири это были даже дома, сложенные из дерновых плит, так называемые «пластанки») с линейным расположением помещений, поставленный узким фронтоном к улице. Это так называемый фронтонный дом (Giebelhaus), широко распространенный в Германии; так расположено большинство двух- и трехэтажных домов даже в городской застройке средневековой Германии, не говоря о крестьянском жилище.

В типичном для первого периода заселения Сибири колонистском доме в один ряд (см. план на рис. 1) расположены последовательно жилая комната (Wohnstube), зимняя кухня (Winterküche), летняя кухня (Sommerküche), кладовая (Kammer), коровник (Stall) и сеник (дровяник) (Heuboden), причем сбоку пристраиваются только

подсобные помещения — пекарня-копильня (Backhaus) и сени (Vorhaus). В прежние времена у меннонитов сзади дома вместо маленького коровника на две-три головы скота строился более длинный коровник, за которым приставлялся еще сарай, для повозок и машин (Querscheune), расположенный, в отличие от прочих помещений, поперек оси дома. В настоящее время такие сараи нам обнаружить не удалось, они уже не нужны для хозяйства колхозника.

Общая длина обычной постройки, при ширине около 4 м, доходит до 16—18 м. Двускатная крыша объединена с потолком в единое перекрытие, покоящееся на одной матице (Durchzieher), целой или составной, проходящей через всю постройку или, по меньшей мере, через жилые помещения. Она опирается на переднюю и заднюю стены и на перегородки (в старых домах нередко ставятся дополнительные подпорки), а на нее опираются поперечные перекладины, выступающие внутри помещения в виде ребер перекрытия (Überleger). Потолок обмазывается глиной и белился, иногда покрывается узором (покраска напыском, на воде). Крыша большей частью дерновая или глинобитная, пол земляной, глинобитный.

Печь в таком доме, типичном для жилища бедного крестьянина, обычно ставилась вдоль дома между жилой комнатой (1) и кухней (2), в кухне имелся небольшой очаг (плита), а в жилой комнате — обогревающая ниша с котлом или плитой. Вторая печь расположена обычно в углу летней кухни (иногда вдоль, в центре дома, так же, как и первая), зимой этой печью не пользуются, отапливаются только два передних помещения. Отдельно в пристройке (или иногда на улице) расположены печи для выпечки хлеба и для копчения продуктов животноводства. В последнее время хлебная печь часто устраивается в зимней кухне, а на ней располагается плита либо ниша с плитой.

Боксовые пристройки, связанные дверями, дают возможность проходить в коровник и сеник, не выходя на улицу, иногда в сенях помещается и колодец, все это очень удобно для ухода за скотом зимой. Внутренние двери часто двустворчатые, со стеклами, наружные двери в кладовую, хлев и другие помещения — одностворчатые со щеколдами (Klinke), открывающимися как изнутри, так и снаружи (дверь захлопывается сама, открывается при нажатии на рычажок, торчащий снаружи над скобой). Двери большей частью окрашиваются в темный цвет (коричневый, «под дуб», теперь иногда зеленый). Толщина стен доходит до 80—90 см, для внутренних перегородок — до 60 см. Окна маленькие, размером около 50×60 см, так что при большой толщине наружных стен очень много света теряется в глубоких оконных нишах.

2. Саманный четырехкомнатный дом — типичная постройка богатого крестьянина-колониста. Здесь помещения расположены уже не последовательно, а «крестом», вокруг одной главной печи с очагом (плитой). Кроме того, могут быть другие печи с нишами или вмазанными котлами для дополнительного отопления, выпечки хлеба, приготовления кормов или перетопки сала. Помещения расположены таким образом (план на рис. 2), что в сторону улицы обращены две жилые комнаты, третья примыкает к ним сзади, так же как и кухня, выход из которой ведет в сени. Кладовая здесь большей частью уже не занимает всей ширины дома, на выходе приставляется иногда еще небольшое крыльцо. Вход в коровник и сеник (дровяник) — из сеней, что обеспечивает уход за скотом зимой без сооружения дополнительных пристроек. Окна в таких домах значительно шире и выше, чем в домах бедняков, внутренние двери — двустворчатые, потолки дощатые, плоские, крашены масляной краской, пол в жилой комнате деревянные (Bohlen), а в остальных — земляные (Lehmboden). В таком состоянии обследованный дом был до революции, в настоящее время полы настелены во всех комнатах, крыша перестроена по современному типу.

Мы показали типичные постройки этой деревни на примере двух домов — колхозницы Ш. Шютц (рис. 1) и колхозника Г. Зильбернагеля (рис. 2). Первый дом выстроен до революции, в 1924 г. к нему лишь была пристроена летняя кухня. Построен он по тому же типу, что и один из сохранившихся здесь домов первых переселенцев (ныне нежилое помещение колхозника Д. Геринга) — с последовательным расположением большинства помещений. В с. Орловка имеется 49 домов этого типа (7 из них уже нежилые).

Старых домов второго типа («крестовых») в Орловке 11, они еще не перестроены, описанный нами дом Зильбернагеля построен в 1909 г. По этому типу сооружают себе дома большинство колхозников местного колхоза им. Тельмана. К концу 1963 г. новых домов было построено 21, половина из них — четырехкомнатные, остальные — в две-три комнаты с кухней. Таков, например, саманный дом колхозника Д. Геринга, построенный в 1963 г. (план и фото на рис. 3) — к жилой комнате и кухне пристроены сзади летняя кухня и кладовая. Коровник и сеник-дровяник расположены отдельно от дома, но это не правило, а скорее исключение, вызванное тем, что при перестройке старого дома не стали ломать имевшиеся помещения, часто и в новых домах они приставляются вплотную к дому.

Если сопоставить площадь основного жилого помещения этого сравнительно скромного дома для небольшой семьи с дореволюционной мазанкой (дом Ш. Шютц),

то оказывается, что жилая площадь (отапливаемая зимой) здесь больше почти вдвое (26 и 50 м²), хотя и не достигает площади большого крестьянского дома старого типа, рассчитанного на большую семью (70 м²). Новый дом механизатора Екеля из совхоза «Советская Сибирь» того же района имеет, например, площадь 60 м² (рис. 4). Соотношение площади окон к площади пола (в %) таково: дом Шютц — 3,85; дом

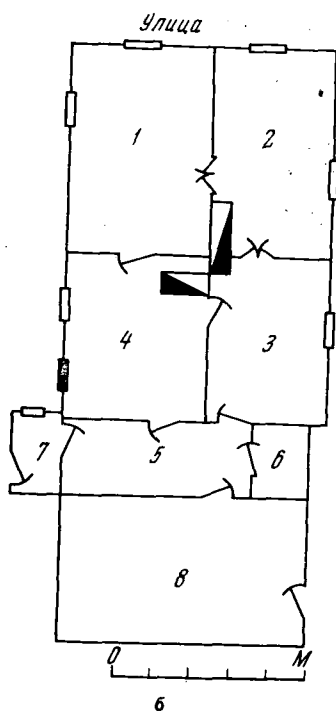
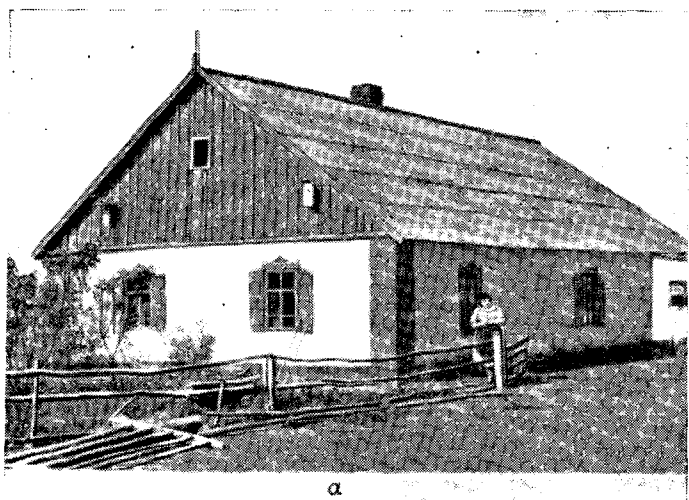

Рис. 2. Дом колхозника Г. Зильбернагеля в селе Орловка Купинского района, построенный в 1909 г., а — внешний вид; б — план. 1, 2, 3 — жилые комнаты, 4 — кухня, 5 — сени, 6 — кладовая, 7 — крыльцо, 8 — коровник и сеник (дровяник)

Зильбернагеля — 7,14; дом Геринга — 10, т. е. световая площадь нового дома в 2,5 раза больше, чем в мазанке, и в 1,5 раза больше, чем в старом доме зажиточного крестьянина (даже если не учитывать того, что окна в доме Зильбернагеля тоже после революции несколько увеличены).

Эти два типа домов представляются нам типичными для всех поселков немцев — переселенцев из Южной России, небольшие отступления в расположении печей и под-

собных помещений (справа или слева от основных) не меняют дела, типы домов весьма устойчивы. Как особую черту следует отметить роспись печей «под изразец» с разрисовкой каждого поля под линейку или по шаблону симметричными узорами.

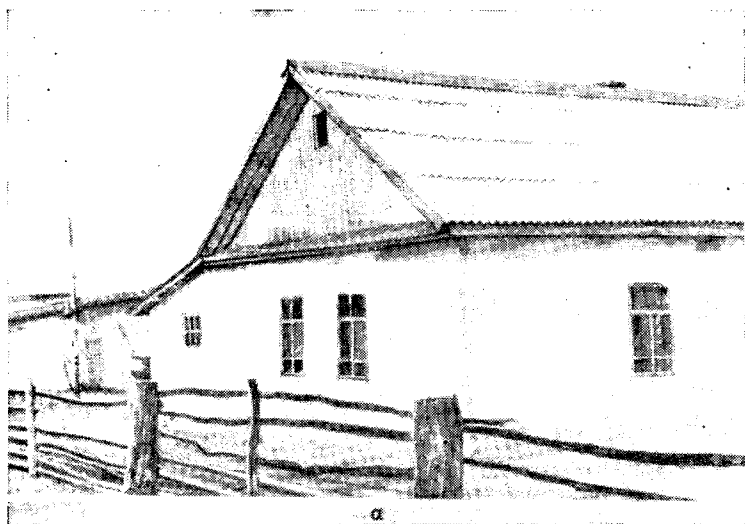
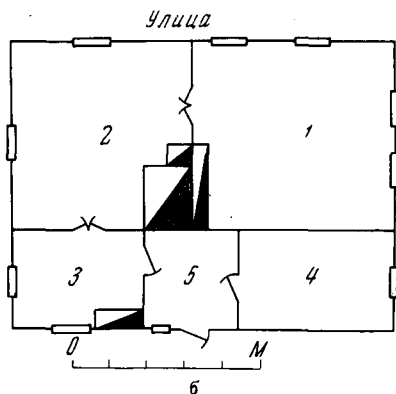

Рис. 3. Дом колхозника Д. Геринга, построенный в 1963 г. а — внешний вид; б — план: 1 — жилая комната, 2 — кухня, 3 — летняя кухня, 4 — кладовая, 5 — сени

Шаблоны складываются из бумаги и вырезаются ножницами, иногда, особенно в простенках, на стойках и пр. расписывают стену «волнами» или делают разноцветный напыск. Характерна также темная (черная или темно-коричневая) окраска нижней половины печей, плит, очагов. Печи с росписью распространены во многих немецких селах, но встречаются уже не часто. Расписанная печь может стоять без побелки около двух лет, но для росписи требуется много времени.

В новых домах немцев-колхозников печи различного типа нередко объединяются вместе; так, в доме Г. Екеля, кроме традиционной «немецкой» печи, имеется печь для выпечки хлеба, в шестке которой расположена небольшая плита. В доме Д. Геринга стенообразная немецкая печь с жаровыми нишами объединена в одно целое с хлебной печью и плитой, что придает ей внешнее сходство с русской печью, однако без характерного сводчатого устья, с иным расположением дымоходов и самой печи в доме.

Резко отличаются от этих двух типов дома переселенцев с Нижней Волги. Примером такого населенного пункта может служить с. Октябрьское Карусукского района Новосибирской области, заселенное в 1908—1912 гг. переселенцами из с. Кратска Камышинского уезда Саратовской губернии. Эти переселенцы были не только крестьянами-бедняками с нагорной стороны Волги, но и ткачами-надомниками. За редким исключением, здесь почти не видно домов фронтового типа, все дома расположены осью вдоль улицы. Окнами на улицу выходит не одно, а два помещения — жилая комната и кухня. Сзади пристроена летняя кухня, фактически обширная кухня-

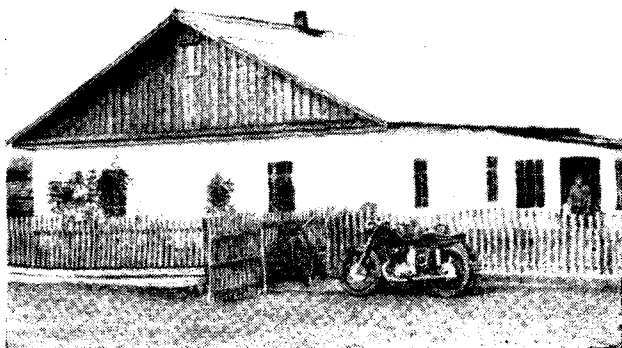

Рис. 4. Дом рабочего совхоза «Советская Сибирь»
Г. Екеля, построенный в 1957 г., Купинский район

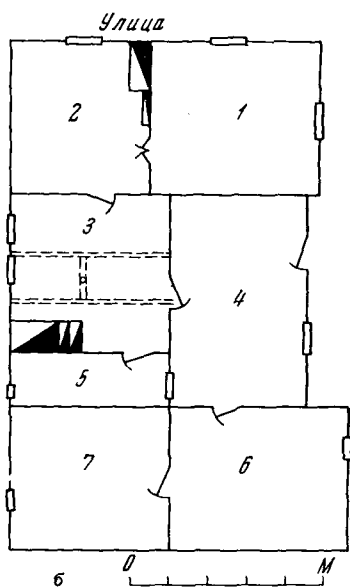
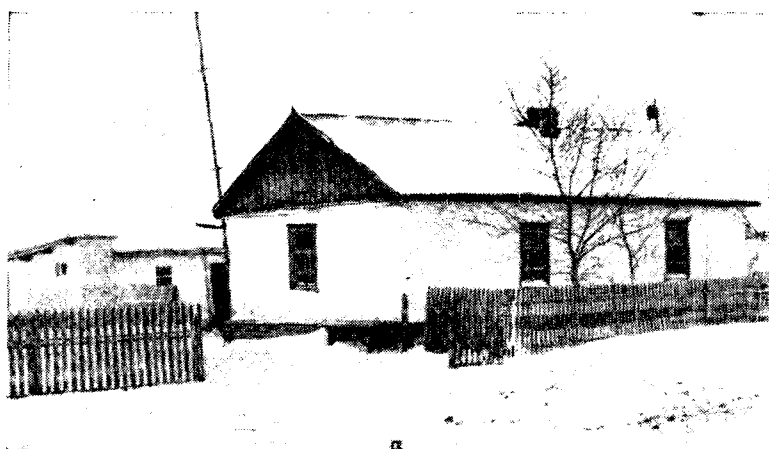

Рис. 5. Дом рабочего совхоза
Я. Шнайнера в селе Октябрь-
ское Карасукского района,
построенный в 1954 г. а — внеш-
ний вид; б — план; 1 — жилая
комната, 2 — кухня, 3 — кухня-
столовая, 4 — сени, 5 — кладо-
вая, 6 — коровник, 7 — сеник
(дровяник)

столовая и сени, за которыми расположены хозяйственные помещения (фото и план на рис. 5). В отличие от домов южных колонистов, здесь матицы направлены параллельно улице, в том числе и матицы в летней кухне, которые, ввиду значительных размеров помещения, дополнительно опираются на Т-образную подпорку.

Домов такого типа, как описанный нами дом тракториста совхоза Я. Шнайдера. в с. Октябрьском около 40%, современных четырехкомнатных домов II типа («крестовых») — 50% и глинобитных домов старого переселенческого типа — менее 10% (и эти дома поставлены не поперек, а вдоль улицы, планировка их, в основном, такая же, как и в доме Шнайдера). Следовательно, и здесь дом нового типа, «крестовый», с ростом благосостояния явно вытесняет более примитивные жилища прежнего периода.

Но и в современных постройках сохраняются определенные традиционные черты жилища немцев-колонистов, прежде всего планировка, окраска и конструкция отдельных элементов (например, двери, запоры). Так, в меннонитском селе Неудачино Татарского района все дома, кроме одного, перестроены, покрыты новыми крышами, в некоторых домах установлено водяное отопление, появились телевизоры и другие приметы современного быта. Но одновременно сохраняются такие типичные особенности построек, как врезанные в печи котлы, отдельные копильные и хлебные печи и т. п.

На строительство оказывают влияние не только современные образцы, оборудование и т. п., но и климатические условия Сибири. Так, если для с. Цветное Поле вплоть до 1930 г. были характерны дома «херсонского» типа, фронтонные, где ось постройки была перпендикулярна улице и тем самым направлению господствующих ветров (улицы этого села направлены с запада на восток), то сейчас таких домов осталось здесь не более 10%. Оказалось, что в условиях многоснежной Сибири, при открытом положении села в степи, такие дома были более подвержены снежным заносам, чем дома, расположенные вдоль направления ветров. Определенную роль сыграло, по-видимому, и то, что здесь уже были стоявшие «вдоль ветра» дома волжан, по их примеру и переселенцы с Юга при перестройке «повернули» свои дома. Это тем более показательно, что в расположенном неподалеку с. Орловка (см. выше) такого поворота не произошло, хотя улицы и там ориентированы в том же направлении.

Влияние характера строительного материала на национальные традиции лучше всего видно на примере с. Шенфельд Карасукского района Новосибирской области. которое почти полностью перестроено за последние годы. Так как это село представляет собой отделение совхоза, а рабочим на льготных условиях продавались разборные «финские» домики, большинство домов сооружено из готовых деталей и местные черты могли проявиться лишь в отделке, покраске и пр. Так, высота помещений, окон, конструкция дверей, потолков резко отличается от аналогичных элементов старых домов того же села. Лишь конструкция печей еще сохраняют местные черты (наличие жаровых ниш, темная окраска низа печи), ибо печи, естественно, строились местными мастерами. Даже традиционная окраска потолков в темный цвет здесь не сохранилась, она требует более ровных, строганных досок, а не тесовых потолков, предназначенных под штукатурку.

Само собой разумеется, что развитие жилища и всей культуры немцев-колонистов в Сибири идет параллельно общему подъему благосостояния и культуры сельского населения СССР в целом. Особенно ярко это проявлялось в период 1955—1958 гг., когда благодаря освоению целины и резкому росту доходов колхозов и совхозов в сибирской степи у жителей немецких деревень появилась возможность обновить свое жилище. Многие немецкие деревни (например, Гришковка в Славгородском районе Алтайского края, Ананьевка в Кулундинском районе того же края и т. д.) были заново перестроены. Старые глинобитные и саманные дома были снесены или превращены в подсобные помещения, как мы это видели в с. Орловка. Преобладающим становится дом современного типа, такой, как, например, дом механизатора Г. Екеля из совхоза «Советская Сибирь» Купинского района Новосибирской области (рис. 4).

Параллельно идет бурный процесс развития материальной культуры. В немецком селе широко распространились ныне не только сепаратор, швейная машина, велосипед, радиоприемник, но и мотоцикл, легковая автомашина, стиральная машина и телевизор.

Однако именно этот бурный рост культуры ставит перед этнографами задачу срочного изучения отживающих форм национальной материальной и духовной культуры со всеми ее местными особенностями. Мы попытались сделать это на ограниченном материале, собранном нами по жилищу немцев Западной Сибири. Перспективой на будущее остаются более широкие исследования (в том числе на Алтае и на Южном Урале) с последующей картографической разработкой, изучение отдельных элементов строительной техники и технологии сельского строительства, сопоставление их с материалами по истории крестьянского жилища в Германии и на Украине, изучение проблемы взаимного влияния традиций немцев, украинцев и русских на технику сельского строительства. Этот вопрос тем более актуален, что на протяжении всей истории немецких поселений в Сибири и Приуралье, насколько нам известно, не появлялось никаких исследований по этой теме.

Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль

БУДДИЙСКИЙ СЮЖЕТ В ЖИВОПИСИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

**(К ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЦЕНЫ ДАРОНОСЦЕВ
ИЗ АДЖИНА-ТЕПЕ)**

В идеологической и культурной жизни домусульманской Средней Азии, как показывают последние археологические открытия (а также исследования письменных источников и лингвистического материала), буддизм играл чрезвычайно важную роль. Более того, буддизм и связанные с ним (хотя далеко не всегда им обусловленные) явления в области литературы, науки, архитектуры и т. д. оказали значительное влияние на последующее развитие среднеазиатской цивилизации в эпоху средневековья, причем в очень широком диапазоне — от медицины или возникновения суфизма до генезиса таких архитектурных сооружений, как центральный мавзолей и четырехайванную планировку; внутри юго-восточной части находится двор, в северо-западной — ступа. Ступа окружена оградой, которая состоит (как это нередко бывало в буддийской раннесредневековой архитектуре) из коридоров, маленьких святилищ и двухчастных помещений (целла — святилище и примыкающий к ней айван с выходом в сторону ступы), расположенных в центре каждой стороны ограды. Айваны всех двухчастных помещений соединены между собой длинными коленчатыми коридорами. Из коридоров северо-западного фаса имеются проходы в шесть маленьких целл-святилищ, составляющих внешний ряд помещений. Эти целлы (к ним следует прибавить и центральную — седьмую — соответствующего двухчастного помещения) имели внутри постаменты для скульптурных изображений Будд и других персонажей буддийского пантеона или небольшие вотивные ступы. Часть этих помещений уже полностью расчищена, и из завала извлечены остатки скульптуры.

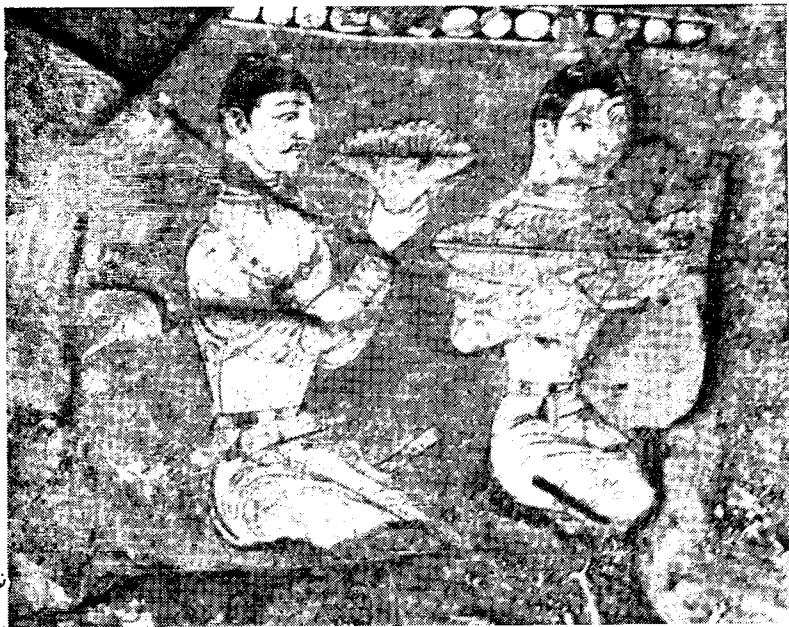
В Южном Таджикистане, начиная с 1960 г., проводятся раскопки буддийского монастыря Аджина-Тепе. Монастырь (он датируется VII — началом VIII в.) представляет собой два небольших (50×50 м) каре построек, примыкающих одно к другому и соединенных между собой проходом. Каждая из половин монастыря имеет четырехайванную планировку; внутри юго-восточной части находится двор, в северо-западной — ступа. Ступа окружена оградой, которая состоит (как это нередко бывало в буддийской раннесредневековой архитектуре) из коридоров, маленьких святилищ и двухчастных помещений (целла — святилище и примыкающий к ней айван с выходом в сторону ступы), расположенных в центре каждой стороны ограды. Айваны всех двухчастных помещений соединены между собой длинными коленчатыми коридорами. Из коридоров северо-западного фаса имеются проходы в шесть маленьких целл-святилищ, составляющих внешний ряд помещений. Эти целлы (к ним следует прибавить и центральную — седьмую — соответствующего двухчастного помещения) имели внутри постаменты для скульптурных изображений Будд и других персонажей буддийского пантеона или небольшие вотивные ступы. Часть этих помещений уже полностью расчищена, и из завала извлечены остатки скульптуры.

Важное место в художественном убранстве монастыря Аджина-Тепе занимала и живопись, покрывавшая, судя по остаткам, почти все стены помещений монастыря (за исключением так называемых келий) и внутреннюю поверхность сводчатых потолков коридоров. Под воздействием постоянного притока почвенных солей те фрагменты, что сохранились *in situ* на стене, сильно пострадали. Уцелели отдельные участки, по которым (и то не всегда) удастся лишь примерно наметить характер изображений. Лучше сохранились те фрагменты живописи, которые вместе со штукатуркой стены или свода упали на пол помещений, образовав над ним довольно рыхлый завал. Процесс «высадки» солей на поверхности росписи таких упавших кусков был ограничен размерами самого куска, и это в значительной степени спасало живописи от дальнейшей порчи.

В этой небольшой заметке невозможно дать полное представление о памятниках искусства, обнаруженных при раскопках Аджина-Тепе. Главная особенность их — в сочетании художественных черт местного (среднеазиатского) происхождения с традициями, сюжетами и изобразительными приемами, присущими памятникам буддийского искусства на огромной территории.

Ярким примером такого сочетания служит один из фрагментов настенной живописи с изображением культовой сцены, который был найден в узком проходе, ведущем из коридора XXVIII в угловое помещение XXXI, в завале под полом, у левой шкел проема. Ее размеры — 75×50 см. На фрагменте изображены две мужских фигуры в белых одеждах, сидящие на поджатых под себя прямых ногах (поза глубокого колена поклона). Фон изображения — красно-коричневый. По его полю разбросано несколько лепестков цветов. Слева композицию ограничивает изображение пучка цветов и нераспустившихся бутонов (лотос?).

По-видимому, фрагмент входил ранее в один из ярусов живописи на стене прохода. Сохранилась кайма, отделявшая его от вышележащего яруса изображений. Она состоит из цепочки белых овалов перлов, изображенных на узкой (3,4 см) черной ленте с белыми тонкими полосами по бокам. Нижний край композиции не сохранился, но (судя по расположению и величине фигур) общая высота яруса изображений составляла примерно 55—60 см (т. е. была чуть больше сохранившейся высоты).

Фрагмент настенной живописи из монастыря Аджина-Тепе

Обе фигуры на описываемом фрагменте примерно одинаковы по размеру (высота около 45 см), сидят (или стоят на коленях?) друг за другом и обращены вправо — в сторону помещения XXXI. Левая фигура почти полностью профильная; торс и голова правой фигуры несколько повернуты к зрителю. Согнутые ноги обеих фигур показаны в профиль, но немного сверху, так, что видно частично и левое бедро. Одевание типа глухого кафтана, свободное, покрывает все тело. Высокий ворот собран на шею тремя горизонтальными складками. Ткань на груди, на руках и на бедрах лежит свободно, подчеркивая позу и положение частей тела. В талии кафтан сильно перетянут поясом, собравшим одежду в мелкие вертикальные складки. Пояс довольно широкий, наборный, состоит из чередующихся черных и желтых пластин. Справа спереди к нему прикреплен кинжал в ножнах, подвешенный почти горизонтально с помощью двух колец (у правой фигуры) или двух пластин (у левой). У правой (от зрителя) фигуры на поясе, правее кинжала, имелось еще одно кольцо для подвешивания какого-то предмета (кошелька?). Кинжалы у обеих фигур одинаковой формы и размеров: слегка расширяющаяся у вершины желтая (золотая?) рукоятка имеет чуть скругленный переход к прямому перекрестью; ножны (как и пояс) наборные, украшенные «золотом» (желтые пластины). С левой стороны на поясе у обеих фигур подвешен меч. Система его подвески не видна; о нем самом можно судить только по рукояти меча, расположенной примерно посередине бедра. На росписи перекрестье изображено под углом к гладкой рукояти, но, видимо, это попытка передать прямое перекрестье в перспективе. Вдоль правого (т. е. обращенного к зрителю) бедра правой фигуры виден узкий и длинный предмет черного цвета. Изображает ли он рукоятку камчи или что-либо другое, судить трудно, так как далее фрагмент росписи обрывается. Об обуви мы можем судить по ее остаткам у правой фигуры — это черныш, мягкие, облегающие сапоги без каблука, типа современных ичигов.

Голова левой фигуры сохранилась более полно. Крупный с небольшой горбинкой нос, широко раскрытые глаза, тонкие губы, над которыми проходит узкая изогнутая ниточка усов, выступающий вперед подбородок.

Участок росписи с лицом второй фигуры поврежден, но в какой-то степени можно дополнить представление о физическом типе персонажей, так как лицо правой фигуры развернуто в три четверти. Как и у левой фигуры, глаза показаны почти правильным овалом, широко раскрыты, брови приподняты дугой, что придает в целом лицу выражение испуга или удивления.

Прическа у обоих персонажей примерно одинакова. Волосы низко опускаются и шее, а на лбу их нижняя граница примерно повторяет контур бровей; височная часть заострена «клинышком». На макушке левой фигуры волосы несколько приподняты образую приоткрытый выступ. Левая фигура украшений не имела, у правой — в ухе была продета серьга, состоящая из двух колец, соединенных между собой шариком перемычкой.

Каждый из персонажей держит двумя согнутыми в локте руками перед собой сосуд с «дарами». В руках левой фигуры — кубок конической формы с треугольными вырезами у верхнего края. Контур кубка довольно сложный: узкий в придонной части, он резко расширяется в верхней трети, так что напоминает широкую чашу с загнутым внутрь краем, поставленную на высокую ножку. Нижняя часть кубка скрыта рукой. Сосуд окрашен в серо-голубой цвет, которым могли передавать цвет серебра.

Правая фигура держит, прижав к груди, более крупный сосуд. По-видимому, это золотое (судя по окраске желтым) желобчатое блюдо. Верхний край его ограничен горизонтальным узким валиком, поддона не видно. Содержание сосудов передано весьма обобщенно — крупными пальметками с фестончатыми краями, на плоскости которых показаны «прожилки».

В среднеазиатской фресковой живописи такая сцена встречается впервые. Ее содержание и то, что фреска была найдена при раскопках буддийского культового сооружения, не оставляют сомнения, что перед нами изображение буддийской церемонии, связанной с поклонением и приношением даров. Расположение фрагмента в завале (возле стены и «лицом» вверх) позволяет с уверенностью реконструировать его первоначальное положение на стене прохода. При этом получается, что дарители обращены лицом в сторону помещения XXXI, раскопки которого не закончены. Соседние помещения в одном случае дали обилие обломков глиняной скульптуры, среди которых было несколько изображений Будд, а в другом — остатки небольшой ступы в центре помещения.

Обычай подношений святыням очень широко распространен в буддийском ритуале. Их могли делать богатые и бедные, знатные и простые люди, монахи и бодисатвы.

В качестве приношений допускались цветы, светильники, лица, украшения, одежда, земельные участки. Размеры подношений не ограничивались. Так, Сюань Цзан сообщает, что правитель Бамиана регулярно жертвует монастырю все ему принадлежащее: от своей жены и детей до государственных сокровищ, наконец, отдает храму самого себя, после чего министры и приближенные «выкупают» своего правителя¹.

Согласно буддийской традиции, Будда и сам принимал дары. Первым крупным даром был сад царя Бимбисары, и тогда же было установлено правило, позволяющее монахам принимать такие дары².

Поэтому сцены подношения даров стали широко распространенным сюжетом в буддийском изобразительном искусстве. По всей вероятности, они имели и «агитационное» значение: будучи изображенными в культовых местах, они как бы напоминали верующему о необходимости сделать вклад в пользу храма или монастырской общины.

Однако судя по легендам, некоторым из дошедших до нас историческим источникам, а также по сохранившимся памятникам искусства, наиболее распространенным даром были цветы. В цейлонской хронике Mahāvamsa (VI в. н. э.) рассказывается о царе Бхатикабхайя (по В. Гейгеру и В. Рахуле — 38—66 гг. н. э.), что он однажды принес в жертву ступе столько цветов, что она до самого верха оказалась ими покрытой³.

В индийских преданиях рассказывается о Будде Дипанкаре (Dīpankara) — наиболее раннем из 24 предшественников Будды. Когда Дипанкара объявил о своем намерении посетить один город, его правитель собрал все цветы для торжественной встречи.

¹ S. Beal, Buddhist records of the western world, vol. 1, London, 1906, pp. 51—52. См. также сообщение Хой Чао: W. Fuchs, Huei-ch'ao's Pilgerreise durch Nordwest-Indien und Zentral-Asien um 726, «Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Jahrgang 1938», Berlin, 1938, S. 445—446.

² Д. Чаттападхьяя, Локаята Даршана, История индийского материализма, М., 1961, стр. 502.

³ «The Mahāvamsa or the great chronicle of Ceylon. Transl. into English by W. Geiger», Colombo, 1950, p. 241. См. также И. П. Миннаев, Очерки Цейлона и Индии. Из путевых заметок русского, ч. 1, СПб., 1878, стр. 104; W. Rahula, History of buddhism in Ceylon, Colombo, 1956, pp. 274—275.

гостя. Юный аскет Сумедха (Sumedha), хотевший также поднести цветы, нигде не мог их найти. Наконец, он встретил девушку, у которой было несколько лотосов. Она отдала аскету пять цветов, но с условием, что во всех будущих воплощениях она будет его женой. С цветами аскет Сумедха приблизился к Будде Дипанкаре и бросил цветы к его ногам, но цветы не упали на землю, а образовали венок вокруг головы Дипанкары. Будда предсказал аскету, что в одном из своих будущих рождений тот станет Буддой Гаутамай⁴.

Как сообщается в одном хотано-сакском документе VIII—X вв., царю Канишке было передано пророчество Будды, что если он выстроит сангхараму вместе со ступой, то каждый, кто бросит к этой ступе даже один цветок, в будущем возродится среди богов⁵.

Последние два примера наглядно свидетельствуют о том, что буддисты рассматривали подношения как благочестивое деяние, которое со временем вознаграждалось.

Таковы легенды. Обратимся теперь к историческим фактам. По свидетельству Фа Сяня, правитель Хотана сам участвовал в буддийской церемонии, зажигая курительницы перед священными буддийскими изображениями и возлагая к ним цветы⁶. Этот же паломник сообщает, что в области Таксилы царь, министры и народ соперничают друг с другом в разбрасывании перед имевшимися там ступами цветов и возжигании светильников⁷.

Сходные данные он приводит и о других местах Индии. В биографии Сюань Цзана содержится такое любопытное для нас описание. Когда он посетил Кучу, буддийские монахи приветствовали его, а один из них вручил Сюань Цзану поднос, полный свежих цветов, а тот, в свою очередь, принес их в жертву изображениям Будды⁸. Сцена подношения верующими цветов Будде нашла отражение уже в гандхарском искусстве⁹ и была популярной и значительно позже¹⁰.

Об одном из храмов в Индии Фа Сянь сообщает чрезвычайно существенную подробность. Перед воротами этого храма каждое утро сидели продавцы цветов и курительниц, а тот, кто хотел сделать приношение, покупал их. «Правители многих областей также часто посылают посольства для того, чтобы принести жертвы»¹¹.

Что же подносят в качестве дара изображенные на фреске из Аджина-Тепе персонажи? Выше мы говорили, что художник передал «дары» весьма обобщенно — в виде крупных фестончатых лепестков с тонкими прожилками. Скорее всего, это цветы. Обратимся к фрескам аналогичного содержания, найденным в Восточном Туркестане и на Цейлоне.

В Турфане, например, по словам А. Грюнведеля, «в узких ходах, которые окружают средние кельи храмов и пещер, по бокам и на оборотной стороне стены украшались всегда изображениями легенды, которые рассказывают о приношениях какого-нибудь бодисатвы какому-то будде древних веков. Этот будда, может быть Кашьяпа или Дипанкара, принимает милостиво подарки — цветы или светильники, платье или украшение — и в то же время отвечает предсказанием бодисатве, когда он станет буд-

⁴ Так по санскритской версии. См.: N. C. Majumdar, A guide to the sculptures in the Indian Museum, pt. II, Delhi, 1937, pp. 30—33; H. Hargreaves, The Buddha story in stone, Calcutta, 1924, pp. 4—6. См. также A. Foucher, Etude sur l'iconographie bouddhique de l'Inde, I, Paris, 1900, p. 77. Палийскую версию см.: T. W. Rhys Davids, Buddhist birth-stories (Jataka tales), London — New York, 1925, pp. 82—III 4. По палийской версии (р. 97), Сумедха преподнес 8 пригоршней цветов, а четыреста тысяч (!) арахантов поднесли благовония и гирлянды, то же самое сделали девы и люди. В этой связи интересно изображение фигур деваты в восточнотуркестанской скульптуре — с ладонями, полными цветов. См.: A. Le Coq, Die buddistische Spätantike in Mittelasien, Pl. I — Die Plastik, Berlin, 1922, S. 26, Taf. 31/a, b; 36 (по-видимому, цветы были в руках и одной скульптуры с Аджина-Тепе).

⁵ H. W. Bailey, Viśa Samgrāma, «Asia Major», N. S., London, 1965, vol. XI, pt. 2.

⁶ Fa-Hsien, A record of the buddhist countries. Peking, 1957, p. 19. О пожертвовании принцем «в пользу Будды» наряду с прочими богатствами также разнообразных цветов сообщается в одном хотано-сакском тексте, см. H. W. Bailey, The profession of prince Tcūm-Thehi, «Indological studies in honour of W. Norman Brown», New Haven, 1962, pp. 19—20.

⁷ Fa-Hsien, Указ. раб., p. 27.

⁸ «The life of Hsuan-Tsang compiled by monk Hui-li», Peking, 1959, p. 38. О приношении верующими цветов к буддийским святыням см.: И. П. Миннаев, Указ. раб., стр. 73—96.

⁹ A. Foucher, L'art gréco-bouddhique du Gandhâra, I, Paris, 1905, fig. 139; H. Ingholt, Gandharan art in Pakistan, New York, 1957, fig. 101.

¹⁰ A. Foucher, Etude sur l'iconographie bouddhique de l'Inde, p. 77, сл.; «The way of the Buddha», Delhi — Bombay, s. d., fig. 55, 57, 66.

¹¹ Fa-Hsien, Указ. раб., pp. 30—31.

дой». Эти сцены называются «пранидха», «пранидхи» или «пранидхана»¹². В Восточном Туркестане — это сложные многочастные композиции, одним из элементов которых часто являлось изображение подношения коленопреклоненными персонажами сосудов с дарами (в том числе с цветами)¹³.

В этой связи необходимо сказать еще об одной буддийской церемонии, тесно связанной и переплетающейся с вышеописанной. Мы имеем в виду церемонию *Urasathā*, чрезвычайно подробно описанную буддийским паломником И Цзином (последняя четверть VII в. н. э.). Эта церемония связана с торжественной трапезой, сопровождаемой жертвоприношениями. Участники этой церемонии садятся близ основания священного изображения и простирают к нему сложенные руки и каждый молится иногда вслух. При этом они сидят на двух коленях таким образом, что «оба бедра поддерживают тело» (в переводе сказано, что этот способ коленопреклоненного сидения называется «монгольским», может быть следовало «тюркским»? — Б. Л. и Т. З.). Приносился в жертву светильники, разбрасываются цветы, зажигаются жертвенники, играет музыка, поют песни. Перед изображением Будды скапливается огромное количество цветов и светильников.

По одному из вариантов этой церемонии, на третий день перед изображением Будды стоят по 5 или по 10 девушек и несколько юношей. «Каждый из них несет жертвенник, или держит золотой сосуд для воды, лампу или некоторое количество прекрасных цветов или белую куропатку (или утку). Народ приносит и жертвует все виды туалетных принадлежностей, зеркала, футляры зеркалов и тому подобное — все подносится изображению Будды». В Тухара (Тохаристан) и Сули (Согд) эта церемония имеет свои особенности, о которых сообщается лишь то, что глава церемонии вначале жертвует балдахин из живых цветов¹⁴.

Чрезвычайно характерно подчеркивание источником особого положения коленопреклоненных ног — именно такое мы видим на изображении из Аджина-Тепе. Это склоняет нас к мысли, что художник — автор росписи — воссоздал один из моментов этой или аналогичной буддийской церемонии.

Сами цветы в живописи, связанной с буддизмом, изображаются различно: иногда реалистично, в других случаях (например, в Идикут-Шахри) очень схематично и условно, совершенно аналогично аджина-тепинским.

Манера изображения цветов на блюдах, которые несут служанки вслед за знатными дамами на фресках Сигирии (Цейлон)¹⁵, также чрезвычайно близка аджина-тепинской. Мы видим на фреске те же фестончатые лепестки с прожилками, только расположение их на блюде более живописное и выполнены они с большим изяществом и тщательностью, но с сохранением условности и обобщенности в передаче натуры. Очевидно, художники и не старались «выписывать» цветы, делать их похожими на какие-то конкретные образцы местной флоры (отсюда и сходство изображений цветов на фресках с весьма далеких друг от друга территорий — Цейлон, Южный Таджикистан, Восточный Туркестан). Их задачей было изобразить факт подношения его ценностью и самих жертвователей. В последнем художник должен был быть особенно точен, если фреска писалась по заказу какого-то конкретного лица и от него делалось изображаемое подношение.

Тем самым мы подошли к самому ценному, что дает нам этот фрагмент росписи из Аджина-Тепе — изображению жертвователей. Если вся живопись и скульптура этого монастыря, найденная до сих пор, целиком была связана с традиционными культовыми изображениями и сюжетами и персонажи их были выполнены в соответствии с канонами и требованиями религии, то здесь художник вынужден был отойти от привычных штампов и образов и показать жителей этой области. Эта задача требовала творческого подхода, и мы видим, как используя те же художественные приемы, художник оказывается довольно беспомощным, когда надо показать фигуру или отделить одну деталь в непривычном повороте или перспективе, как ему изменяет уверен-

¹² А. Грюнведель, Краткие заметки о буддийском искусстве в Турфане. СПб., 1908 («Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. XVIII), стр. 5.

¹³ A. Grünwedel, Bericht über archäologische Arbeiten in Idikutschari und Umgebung im Winter 1902—1903, München, 1905 (Abhandlungen d. Bayerischen Akademie d. Wissenschaften, I. Klasse, XXIV. Bd., I Abt.), Abb. 144, Taf. II/I, XVII; его же, *Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch Turkistan*, Berlin, 1912, S. 43, 184, 193, 209—210, 227, 239, 241 u. a., Figs. 265—266, 544—567 u. a.; E. Waldschmidt, *Gandhara. Kutscha. Turfan*, Leipzig, 1925, S. 37, Taf. 16.

¹⁴ I-Tsing, *A record of the Buddhist religion as practised in India and the Malay Archipelago* (A. D. 671—695). Transl. by J. Takakusu, Oxford, 1896, pp. 35—53. (относительно способа сидения см. стр. 42).

¹⁵ V. A. Smith, *A history of the art in India and Ceylon*, 3d ed., Bombay, s. a. pp. 99—100, pl. 90—91. A. K. Coomaraswamy, *History of Indian and Indonesian art*, London—Leipzig—New York, 1927, pl. LI.

ность и четкость линии в передаче земного, реального персонажа, деталей его одежды. Однако художник, несомненно, стремился точнее передать образы местных тохаристанцев в характерных для них костюмах, с тем оружием, которое они обычно носили. В какой-то степени мы можем доверять художнику и в правильности изображения физического типа тохаристанцев.

Судя по богатству оружия и дарам, перед нами — представители имущего класса Тохаристана — молодые воины — дихканы (чакиры?). Очень возможно, что они составляют свиту какой-то важной персоны (или персон)¹⁶. Тогда главная фигура (или фигуры) должна находиться где-то на продолжении фрагмента справа. В качестве близкой аналогии необходимо привлечь одну сцену в «пещере меченосцев» в Минг-Ой близ Кызыла. Здесь изображена группа из четырех стоящих, обращенных влево, знатных персонажей (А. Грюнведель называет их «изображениями жертвователей»). Перед ними, на коленях, обращенная вправо, меньшая по масштабу фигура слуги, держащего перед собой чашу с дарами. У слуги такой же пояс, как и у его господ, к нему подвешен кинжал, но остальные детали из-за разрушенности неясны, так же как из прорисовки и описания¹⁷ остается неизвестным, был ли здесь второй коленопреклоненный персонаж. По своей позе фигура слуги росписи в Минг-Ой чрезвычайно близка правой фигуре аджина-тепинской сцены. Вполне вероятно поэтому, что на Аджина-Тепе и в Минг-Ой при решении близкого сюжета использовалась близкая (или идентичная) и композиционная схема.

Уместно в связи с этой сценой также вспомнить «дароносцев» на Бамианской росписи (VI в. н. э.). Ее исследователи отмечали разные физические типы изображенных персонажей¹⁸. Л. И. Альбаум высказал мнение, что на этой сцене представлены «...народы, имеющие определенное отношение к буддизму, очевидно исповедующие его или признающие в какой-то мере догмы этой религии», причем некоторые из фигур он считает (на основании детального анализа костюма, украшений и т. д.) изображениями жителей северного Тохаристана¹⁹.

На наш взгляд, наблюдения Л. И. Альбаума во многом справедливы. Что же касается интерпретации бамианской росписи, то она становится ясной из вышеприведенного сообщения Фа Сюня о присылке правителями многих областей посольств к одной из тамошних буддийских святых для принесения пожертвований.

Интересные результаты дает сравнение персонажей аджина-тепинской росписи и фресок Балалык-Тепе, не имеющих ярко выраженной религиозной окраски. Обращает на себя внимание близость этнического типа, особенно очевидная для аджина-тепинской фигуры с лицом, повернутым в $\frac{3}{4}$. Достаточно сопоставить ее, например, с фигурой 13 первой группы западной стены Балалык-Тепе или с фигурами второй группы той же стены²⁰. Совпадают также такие признаки, как безбородость, детали прически — опущенная треугольником по средней линии лба «челка», клиновидная прядь возле уха. Одинакова форма ножен кинжалов и способ крепления их к поясу с помощью пластин, фасон обуви (ичиги). Сergyа в ухе правого персонажа нашей фрески аналогична сergyа в ухе слуги, (фигура № 17), изображенного на западной стене Балалык-Тепе²¹.

Наконец, поза фигур — сидящие на пятках коленями вперед — также встречается у некоторых персонажей живописи Балалык-Тепе (слуга на рис. 116, фиг. 24). Вместе с тем нельзя не отметить и ряд существенных различий. В первую очередь это относится к разнице в костюме (здесь нагдуху застегнутый кафтан, на балалыкской росписи — распахнутый, с отворотами; здесь рукава и штаны — в складках, на балалыкской росписи — гладкие). Видимо, эти различия определяются разным характером изображенных сцен (парадный пир и подношение даров) и тем, что здесь мы, может

¹⁶ Характерно, что на фресках из Сигирии подношения на блюдах несут служанки. Они идут позади своих патресс, у которых в руке только один цветок, и отличаются более скромными украшениями.

¹⁷ A. Grünwedel, *Alt buddhistische Kultstätten in Chinesisch Turkistan*, S. 56, Fig. 116. Ср. другой (значительно менее похожий) вариант этой сцены (также из Минг-Ой): A. Le Coq, *Die buddhistische Spätantike in Mittelasien*, Tl. III, Berlin, 1924, S. 27—28, Taf. 1.

¹⁸ A. Godard, V. Godard, I. Hackin, *Les antiquités bouddiques de Bamiyan*, Paris, 1928 (MДАFA, t. II), pp. 23—24, pl. XXIII, XXIV.

¹⁹ Л. И. Альбаум, Балалык-Тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана, Ташкент, 1960, стр. 169. Недавно М. Буссальи вновь подчеркнул связи живописи Балалык-Тепе и Бамиана, см.: M. Bussagli, *Painting of Central Asia*, Geneva, 1963, pp. 35—36.

²⁰ Л. И. Альбаум, Указ. раб., рис. 107, 109.

²¹ Л. И. Альбаум отметил для живописи Балалык-Тепе интересную деталь: сergyа имеются только у слуг и у женщин (стр. 168). Это наблюдение является еще одним доводом в пользу того, что аджина-тепинские «дароносцы» лишь спутники-слуги какой-то важной особы.

быть, имеем представителей разных сословий (аристократическая верхушка со слугами и воины). Тем самым мы получаем более полное представление о внешнем облике и костюме жителей Тохаристана. Следует отметить также различия в форме кубков и чаш в руках персонажей из Аджина-Тепе и Балалык-Тепе.

Что касается уровня художественного исполнения аджина-тепинских «даронцев», то он значительно уступает мастерству художника, выполнившего роспись в Балалык-Тепе. И дело тут не в иных приемах (они, по-видимому, очень близки) или уровне мастерства, а в специфике сюжета. Очевидно, аджина-тепинскому мастеру-специалисту (мастерам?) по культовой иконографии, блестяще справлявшемуся с традиционными буддийскими сюжетами (и это мы видим по сохранившимся остаткам живописи на Аджина-Тепе), «мирские» среднеазиатские персонажи удавались значительно слабее.

До недавнего времени буддийская живопись Средней Азии практически не была известна: небольшие фрагменты, найденные при раскопках буддийских памятников, не позволяли составить о ней ясное представление. Сейчас положение коренным образом переменилось. На Аджина-Тепе обнаружены многочисленные образцы настенной и плафонной буддийской живописи, в которой варьируются изображения Будды. Особое место занимает сцена, которой посвящена статья: здесь в культовой буддийской церемонии принимают участие светские персонажи. Изображение этой сцены конкретизирует наши представления относительно церемониальной стороны жизни среднеазиатских буддийских монастырей, демонстрирует иконографическую близость схем, столь широко отраженных в восточнотуркестанской буддийской живописи. Она показывает, и это еще более существенно, что буддийская живопись Средней Азии не была изолированным или чужеродным элементом, а находилась в теснейшей связи со всей среднеазиатской живописью, являясь ее неразрывной частью. Творцы буддийской живописи Средней Азии, погружаясь в мир буддийских образов и сюжетов, вместе с тем видели перед собой реальный мир тогдашней среднеазиатской действительности и создавали свои произведения, используя столь близкие им традиции среднеазиатской живописи.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

А. М. Хазанов

ЗАГАДОЧНАЯ КУВАДА

Франсиско Барреда, помощник губернатора Тукумана, раздраженно покусывал губу. Еще совсем недавно он уверял своего спутника, австрийского иезуита Мартина Добрицхоффера, что в деревне их ожидает торжественная встреча. Теперь же все выглядело так, как будто индейцев застали врасплох. Да к тому же и касик куда-то запропастился.

— Где Малакин? — обратился он к первому попавшемуся на глаза индейцу.

Тот начал что-то быстро отвечать, но знатный сеньор ничего не понял в потоке гортанных и щелкающих звуков. Знать местные наречия он считал излишней роскошью.

Иезуит, однако, заметно оживился. Он внимательно вслушивался в слова индейца, время от времени перебивая его и задавая вопросы.

— Вы отлично владеете языком абипонов, отец мой, — сказал испанец.

— Это помогает обращению их душ. Но вы только послушайте, что он говорит, — Добрицхоффер кивнул на индейца, переминавшегося с ноги на ногу возле лошадей непрошенных визитеров.

— Он уверяет, что касик не может выйти к нам, так как у него недавно родился ребенок. Якобы поэтому он лежит в постели, завернувшись во все имеющиеся в доме одеяла, и собирается провести так много дней. Можно подумать, что рожал он сам.

— Что за чушь! — сеньор Барреда наконец-то нашел на ком сорвать злость. — Я вижу, этот Малакин издевается над нами, принимая нас за болванов. Ну, если он забыл, с кем имеет дело, то сейчас я ему об этом напомним.

— Переведите ему, — Барреда указал на индейца. — Этот грязный касик должен немедленно предстать перед нами. Иначе ему не бывать больше в касиках. Или нет. Пойдемте лучше сами к нему и на месте разоблачим его ложь.

Всю дорогу до дома Малакина испанец возмущался, утверждая, что в жизни не встречал более наглой и вздорной лжи, призывал своего спутника в свидетели. Где это видано, чтобы мужчина вел себя, как женщина после родов. Иезуит о чем-то задумался, потом сказал:

— Нет, это похоже на правду. Много лет назад, когда в семинарии я изучал древнегреческий язык, я встречал нечто подобное у географа Страбона. Сознаюсь, тогда я подумал, что это просто басня. А ведь и

здесь, в Парагвае, братья по ордену говорили мне о таких случаях. И все же я никогда не думал, что смогу увидеть это своими глазами.

Касик вышел во двор им навстречу. Он шел, согнувшись и сторбнившись, как тяжело больной человек, всем своим видом изображая страданье. По-испански он понимал ровно столько, сколько Барреда по-аби-понски. Поэтому Добрицхоффер вновь выступил как переводчик.

— Почему ты не вышел нас встречать?

— Жена моя недавно родила, и я должен лежать в постели, хотя испытываю глубокое почтение к сеньору помощнику губернатора и Вам, отец мой.

И как ревностный сын церкви касик подошел под благословение.

— А почему, собственно, ты должен лежать в постели?

— Иначе мой ребенок может подвергнуться опасности.

— Но ведь ты же не мать?

— Причем тут мать? Это мой ребенок, и я должен вести себя так чтобы не причинить ему вреда.

Разговор о встрече явно зашел в тупик. Но заинтригованный иезуит продолжал расспросы.

— Сколько дней ты должен провести в постели?

— Сорок.

— А твоя жена, она что, тоже все это время не выходит из дома?

— Нет, она, как родит, возвращается к своим обычным занятиям.

— И ты полагаешь это справедливым?

— Конечно, отец мой. Ведь от этого ребенку не будет никакого вреда. И к тому же должен кто-то заниматься хозяйством.

Малакин говорил с видом человека, вынужденного повторять общеизвестные истины. На лжеца он во всяком случае никак не походил, иезуит был в этом твердо уверен. Хотя чем больше он расспрашивал, тем больше узнавал удивительного.

— Не только после рождения ребенка, но и во время беременности жены я должен быть очень осторожным, чтобы не причинить ему вреда. Теперь же я не смею переправляться через реку в прохладный день и не бреюсь, и не могу добывать мед, потому что пчелы могут искушать меня. Мне нельзя ездить на лошади, чтобы не устать и не вспотеть. Я не ем мяса, пью только воду и не нюхаю табак.

При последних словах заскучавший было Барреда заметно оживился:

— Сейчас я выведу этого плута на чистую воду. Я-то уж знаю, что ни к чему он так не пристрастен, даже к горячительным напиткам, как к табаку.

Испанец вынул из кармана украшенную вензелем табакерку.

— Переведите, что я его угощаю. Пусть берет сколько хочет.

Индеец отшатнулся. Его лицо не выражало ничего, кроме испуга.

— Вы же знаете, что мне нельзя сейчас нюхать табак. Это опасно для моего ребенка. И вообще, мне давно пора лечь. Позвольте мне удалиться.

Он низко поклонился и направился в сторону хижины, осторожно ступая по земле босыми ногами.

Возвращаясь в город, спутники молчали. Барреда думал о впечатлении, которое произведет его рассказ в лучших домах Сант-Яго, и мысли об этом заметно развеселили его и привели в хорошее расположение духа. Иезуит размышлял, как много еще предстоит поработать ему и его братьям по ордену, чтобы искоренить языческие суеверия, пустившие столь глубокие корни в душах индейцев.

Впоследствии он описал этот случай в книге с длинным, почти в три десятка слов, как это было принято в XVIII в., названием, которую со-

крашенно именуют «История абипонов»¹. Но он даже не предполагал, что сто лет спустя то, что ему довелось увидеть, привлечет к себе пристальное внимание ученых, что этот обычай будут описывать и изучать, а споры о его подлинном значении и смысле не затихнут до наших дней.

* * *

Первыми были греки. Подобно нашим современникам, они любили экзотику и с удовольствием читали про дикие «варварские» обычаи. Поэтому историк Диодор Сицилийский, живший в I в. н. э., не преминул упомянуть про жителей Корсики, что «одним из наиболее курьезных их обычаев является тот, который они соблюдают при рождении ребенка. Когда женщина становится матерью, она не тратит время на то, чтобы лежать в постели; зато ее муж будто бы становится беспомощным, ложится в постель..., причем о нем проявляется такая забота, как если бы он действительно страдал от боли».

О том же писал Страбон про кельтов Испании. У них женщины сразу же после родов укладывали в постель своих мужей и ухаживали за ними, сами будучи лишены элементарного ухода. Такие же обычаи, добавлял точный Страбон, существуют у фракийских и скифских племен.

Еще один писатель, Аполлоний Родосский, отмечал, что у тибаренов, живших на юго-восточном побережье Черного моря, «когда жены рожают детей своим мужьям, те ложатся в постель, кричат и хватаются за голову, а женщины балуют их вкусными блюдами и подчуют кушаньями, положенными для рожениц».

О рассказах древних писателей вспомнили только в новое время, когда путешественники и миссионеры, чиновники и торговцы в Азии, Африке и Америке обратили внимание на странные, дикие, на первый взгляд, обычаи, связанные с рождением ребенка. А в Европе ученые, сидя в своих кабинетах и библиотеках, сопоставили их отчеты, мемуары и заметки с тем, что они вычитали у древних, и заодно, согласно требованиям научной классификации, дали этим обычаям название — кувада.

Кувада — слово французское. В буквальном переводе оно означает вынашивание, высиживание. Этим словом в этнографии обозначается ряд правил и норм поведения, связанных с рождением ребенка. Объединяет их одна черта — все они относятся не к матери, а к отцу.

Эти правила требуют, чтобы отец перед рождением ребенка и определенное время после него избегал некоторых действий, не пользовался острыми орудиями, придерживался определенной диеты и вообще вел себя так, как будто он, а не жена носит ребенка в своем чреве и от его поведения зависит здоровье малыша. Нередко муж ложится в постель, стонами и криками изображая родовые боли, иногда специально переодевается в женское платье. После рождения ребенка, лежа в постели, муж получает лакомства и деликатесы, нянчит младенца, принимает поздравления от родных и друзей.

Зато роженица часто ведет себя не так, как ей положено: занята обычными делами в поле и дома, да вдобавок еще обслуживает супруга.

Но и доля мужа не всегда сладка. Иногда диета, которой он должен придерживаться, столь строга, что граничит с голоданием, а некоторые церемонии налагают на него физические испытания, мало чем отличающиеся от пыток.

¹ M. Dobrizhoffer, Historia de Abiponibus, Equestri Bellicosaque Natione, locupletata Copiosis Barbararum Gentium, Urbium, Fluminum, Ferarum, Amphibiorum, Insectorum, Plantarum aliarumque ejusdem Provinciae Proprietatum Observationibus, Vienna, 1784.

Особый интерес кувада вызывает потому, что является не изолированным обычаем, прослеживающимся лишь у одного или нескольких племен и народов. Кувада еще недавно была распространена во всех частях света и, следовательно, отвечала некогда важным потребностям общества на определенном этапе его развития.

В Америке кувада практиковалась почти повсюду — от Гренландии до Огненной Земли.

«В Гренландии, — пишет один очевидец, — мужья с рождением ребенка несколько недель воздерживаются от работы; они также не должны плавать в лодке и заниматься ремеслом»².

«В Калифорнии, — вторит ему другой, — когда у жены наступают роды, муж ложится в постель и там, стона и вздыхая, изображает все муки родовых схваток. Он лежит в ней несколько дней, и все это время с ним нянчатся и ухаживают за ним, будто он действительно страдает от боли»³.

«На Огненной Земле, — отмечает третий, — и отец и мать новорожденного, оба должны проявлять осторожность в пище, полагая, что некоторые виды ее вредны для здоровья ребенка. Они также соблюдают покой в течение недели или двух после родов»⁴.

Самые крайние формы кувада приняла у карибов — индейского населения Вест-Индских островов. Когда у них рождался ребенок, мать незамедлительно приступала к работе, отец же жаловался на недомогание, ложился в гамак и должен был придерживаться строжайшей диеты.

«Для меня удивительно, — писал один из наблюдателей, — как они (карибы. — А. Х.) вообще выдерживали так долго и не умирали. Потому что иногда они ничего не ели и не пили первые пять дней, а затем вплоть до десятого дня пили только ойюку — напиток не более питательный, чем пиво. Спустя десять дней разрешалось есть кассаву, воздерживаясь от всего остального в течение целого месяца»⁵.

Через сорок дней в дом родителей новорожденного собирались на празднество друзья и родственники. Начинали они с того, что рыбьими зубами глубоко расцарапывали отцу кожу, затем натирали его тело индейским перцем, после чего предавались веселью за счет хозяев.

Но и на этом дело не кончалось. После выздоровления отец еще шесть полных месяцев не употреблял в пищу мясо и рыбу, твердо веря, что иначе он причинит вред желудку ребенка и сделает его похожим на съеденных животных. Например, если отец съест черепаху, ребенок будет глухим и безмозглым и т. п.

В Азии кувада также еще совсем недавно была весьма распространенным явлением. Так, в Индии в XVIII—XIX вв. традиции кувады были сильны и живы. Еще в XI в. хорезмиец аль-Бируни лаконично писал о странных нравах индийцев: «Когда рождается ребенок, люди особое внимание уделяют не женщине, а мужчине». И семь-восемь веков спустя европейцы отмечали: «В Гуджарате, среди низших каст, жена приступает к работе сразу после родов, как будто ничего особенного не произошло. Считается, что ее слабость перешла к мужу, который ложится в постель, где его кормят лучшими, наиболее питательными блюдами»⁶.

² Н. Egede, A description of Greenland, showing the natural history, situation, boundaries and face of the country, London, 1745, p. 192.

³ Н. Н. Bancroft, Native races of the Pacific States of North America, London, 1875, vol. I, p. 391.

⁴ T. Bridges, Manners and customs of the Firelanders, London, 1866, p. 183.

⁵ E. B. Tylor, Researches into the early history of mankind, London, 1865, p. 288—289.

⁶ M. M. Williams, Religious life and thought in India, London, 1883, p. 229.

«В Траванкоре муж в течение семи дней после родов питается одними фруктами»⁷, в Ассаме он «не может уходить из деревни или выполнять какую-нибудь работу в течение шести дней, если ребенок мальчик, или пяти — если девочка»⁸, а в долине Брампутры он «ложится в постель на сорок дней после рождения ребенка, и в течение всего этого времени его кормят, как больного»⁹.

В Китае, у народа мяо, куваду первым из европейцев отметил Марко Поло. «Когда жена родит, вымоют ребенка, укутают в белье, муж тут же ложится в постель и ребенок с ним; лежит он сорок дней и встает только по нужде. Друзья и родные навещают его, остаются с ним, веселятся и утешают его. Делается это потому, что жена, говорят они, истомилась с ребенком во чреве, поэтому несправедливо ей мучиться еще сорок дней; и жена, как только родит, встает и начинает хозяйничать, да мужу в постели прислуживать»¹⁰.

На китайской гравюре XVIII в. из серии, посвященной обычаям и нравам мяо, изображен лежащий в постели и нянчащий ребенка муж, явно гордый своей ролью, и жена, почтительно несущая ему питье на подносе.

Иные проявления кувады наблюдались в прошлом на Камчатке у ительменов. В период беременности жены мужу запрещалось выполнять тяжелую или опасную работу из боязни, что это может повредить супруге и будущему ребенку.

Сподвижник Беринга Стеллер был свидетелем такого эпизода: «Тяжелые и болезненные роды длились три дня. Шаманы объявили, что виноват в этом муж женщины. Он в момент рождения ребенка мастерил сани и, по необходимости, придавал доскам изогнутую форму, сидя на своем колене»¹¹.

Обычай кувады у мяо (с китайской гравюры конца XVIII в.). Музей Виктории и Альберта, Лондон

⁷ S. Mateer, The Pariah caste in Travancore, «Journal of the Royal Asiatic Society», vol. XVI, London, 1884, p. 188.

⁸ T. C. Hodson, The Naga tribes of Manipur, London, 1911, p. 177.

⁹ L. A. Waddell, The tribes of the Brahmaputra valley, «Journal of the Asiatic Society of Bengal», vol. LXIX, Calcutta, 1901, p. 3.

¹⁰ Марко Поло, Путешествие, пер. И. П. Минаева, Л., 1940, стр. 137.

¹¹ G. W. Steller, Beschreibung an. der Lande Kamtschatka, Frankfurt, 1774. S. 351.

А на Никобарских островах в Индийском океане мужья после рождения ребенка в течение двух недель не должны были работать или готовить пищу. Иногда они считали целесообразным принять большие меры предосторожности и за несколько месяцев до родов вообще переставали работать или выполняли самую легкую работу. Считалось, что если отцы нарушат запрет, их дети будут подвержены припадкам. В случае болезни или смерти ребенка, вся вина будет возложена на отца.

Когда жена отравлялась рожать в специальную хижину, муж шел туда вместе с ней и находился там не менее месяца.

В прошлом веке один никобарец провел в молодости несколько лет в Бирме и стал смотреть на вещи более широко. Вынужденное безделье во время беременности супруги стало ему в тягость. От нечего делать он стал плести рыболовную сеть. Тесть и теща были возмущены бессердечием и жестокостью, с которыми он подвергал опасности жизнь жены и будущего ребенка.

На маленьких островках вдоль побережья Суматры отец также не должен делать ничего, что могло бы повредить будущему потомству, а это значит — воздерживаться от работы, не есть определенных видов пищи, соблюдать покой и т. д.

Проявления кувады отмечены в Малайе, у даяков Калимантана, на Филиппинских островах, на Новой Гвинее. Например, у некоторых племен в восточной части Новой Гвинеи оба супруга на всем протяжении беременности жены воздерживаются от одних и тех же блюд из-за боязни подвергнуть опасности жизнь будущего ребенка.

Широко была распространена кувада и в Меланезии. На Сан-Кристобале в течение двух-трех недель после рождения ребенка отец остерегался солнца, дождя и прохладного ветерка, дующего с речных долин. Он уклонялся также от всякой работы, особенно от переноски тяжестей. На Соломоновых островах не только будущая мать, но и ее муж не употребляли определенных сортов пищи и избегали тяжелой работы, полагая, что это повредит их ребенку. На островах Банкс после рождения ребенка им разрешалось есть лишь то, что можно давать младенцу. Кроме того, в течение долгого времени отцу запрещено было работать. На Новой Ирландии, когда женщина рожала, ее муж отправлялся в мужской дом. Там он ложился и изображал родовые муки, корчась от воображаемой боли. Это продолжалось вплоть до рождения ребенка.

Обычно считается, что в Австралии кувады не было. И все же у племени кайтиш, жившего в центральной части материка, имелся обычай, весьма сходный с отдельными проявлениями кувады. Когда у женщины начинались роды, отец ребенка уходил на три дня из стойбища. Причем он должен был снять пояс и плетеные браслеты. Считалось, что если на его теле в это время не будет никаких туго стянутых повязок, то тем самым он поможет жене.

В Африке кувада встречается сравнительно редко. Но у багезу муж в период беременности жены не должен взбираться на деревья, потому что, если он упадет, у жены может приключиться выкидыш. У динка, живущих в Экваториальной Африке, муж некоторое время до и после рождения ребенка должен находиться вблизи хижины и не есть определенные сорта мяса, чтобы не причинить ребенку вреда. Первые несколько дней после родов отец не покидает хижины, няньча младенца.

А в Катанге еще в XVIII в., по сообщениям миссионеров, отец ребенка с его рождением ложился на несколько дней в постель, возлагая на плечи жены заботы о своей персоне. У баконго муж во время родов распускал все узлы на одежде, ложился и за ним ухаживали, как за роженицей.

Один из путешественников по Нигерии был свидетелем того, как в деревню принесли мертвую гориллу. Немедленно все беременные женщины с мужьями поспешили уйти. Они уверяли, что стоит кому-нибудь из них взглянуть на животное, и им суждено родить обезьяну.

Даже в Европе прослеживаются весьма отчетливые пережитки кувады, а у басков даже в XIX в. с рождением ребенка отец незамедлительно ложился в постель и забирал к себе новорожденного.

В Сардинии еще сравнительно недавно муж обязан был есть те же блюда, что и беременная супруга, из одной тарелки с нею. Во Франции, в Беарни, рядом с рожаящей женщиной клали одежду мужа, чтобы ему передавалась вся боль деторождения. Нечто подобное наблюдалось и на маленьких немецких островках в Северном море. На крайнем севере Европы, в Лапландии, муж не должен был пользоваться острыми орудиями или вязать узлы, когда жена беременна.

Особенно много пережитков кувады отмечали в Англии. Уже в начале нашего века в Оксфордшире и Чешире верили в то, что болезненные последствия беременности могут передаваться мужу, и чем больше он страдает от боли, тем легче будут роды. Для этого надо только совершить специальный колдовской обряд.

В конце прошлого века в одном из округов Йоркшира, когда на свет появлялся незаконнорожденный ребенок, делом чести для девушки было скрыть имя его отца. Однако считалось, что отец ребенка в момент рождения будет испытывать сильные боли и не сможет заниматься обычными делами. Поэтому его легко могла узнать мать девушки: ей только надо было походить по домам и посмотреть, кто из мужчин находится в постели.

* * *

Пожалуй, ни один обычай не привлекал к себе внимания стольких исследователей, как кувада. Наиболее осторожные просто относили ее к числу нерешенных проблем. В начале века немецкий ученый Плосс резюмировал отношение ученых своего времени к подлинному смыслу кувады латинским словом *ignotum* — «мы не знаем». Лет через двадцать англичанин Даусон, посвятивший куваде специальную монографию, в которой собрал почти все известные о ней сведения, вынужден был повторить это слово как свой конечный вывод. А в 40-х годах советский ученый М. О. Косвен назвал куваду «загадочной».

Предлагались самые разнообразные объяснения обычая, подчас просто фантастические.

Миссионер Жозеф Лафито, например, увидел в куваде смутные воспоминания о первородном грехе, якобы сохранившиеся у отдельных народов, и тем самым подтверждение библейского учения.

В 1889 г. англичанин Томлинсон выдвинул «биологическую» гипотезу, как ни странно сначала поддержанную некоторыми этнографами. У первых млекопитающих, утверждал Томлинсон, оба пола имели молочные железы и совместно вскармливали детенышей. Вот и люди сохранили смутные воспоминания об этих временах в виде обычая кувады. С исторической точки зрения эта гипотеза полностью несостоятельна. Человечество не сохранило никаких воспоминаний о своих «обезьяньих» временах. Что уж тут говорить о том, что якобы было миллионы лет назад.

Солидный профессор прошлого века Макс Мюллер объяснял куваду тем, что в эпоху матриархата женщины, испытывая болезненные ощущения от беременности, всю вину возлагали на мужей. Почему? Да потому, что мужчины были несчастными, забытыми существами, всегда во

всем виноватыми. Вот они и предпочитали притвориться, что тоже страдают. В таком объяснении кувады, помимо превратных представлений об эпохе матриархата, мы встречаем простое невнимание к фактам. Как быть с теми проявлениями ее, когда женщины сразу же после родов начинали ухаживать за «больными» мужьями?

Существовало и противоположное мнение: куваду изобрели подчинившие себе женщин мужчины. Им просто хотелось полодырничать, вот они и придумали благовидный предлог. Трудно тогда, правда, объяснить сорокадневную голодовку у карибов.

Как тут не вспомнить Марко Поло, который изложил компромиссное объяснение кувады: она возникла из стремления к равному распределению обязанностей между супругами.

Согласно еще одному объяснению, женщины просто хотели, чтобы их мужья были рядом во время родов. К тому же они боялись, что представленные сами себе мужчины примутся за охоту, принесут слишком много добычи и женщины устанут от ее обработки. Поэтому вынужденные оставаться дома, мужчины слонялись без дела и в конце концов предпочли лечь в постель. Все это можно опровергнуть буквально одной фразой. Первобытные люди очень часто страдали от недоедания, но отнюдь не от избытка пищи.

Список предложенных объяснений кувады на этом не кончается, но его можно прервать без всякого ущерба. Все они были предложены еще в XIX в. и большой роли в науке не сыграли. Но в том же XIX в. были выдвинуты еще две гипотезы, которых с различными модификациями придерживаются все современные исследователи.

Первая, впервые предложенная в 1861 г. Бахофеном¹², была в дальнейшем поддержана и развита Тэйлором¹³ и многими другими учеными. Этого объяснения кувады придерживается в настоящее время большинство советских этнографов. Суть его сводится к следующему: зарождение кувады относится к переходному времени от матриархата к патриархату, когда отец стал предъявлять свои права на детей, до этого всецело принадлежавших матери и ее роду. Но старая традиция была очень живучей, и для того чтобы ее преодолеть, отцам пришлось совершать обряды, делающие их как бы второй матерью по отношению к ребенку. Поэтому не случайно у некоторых народов кувада является установленной обычаем формой, посредством которой отец признает ребенка своим.

Тэйлор дополнил объяснение Бахофена статистическими подсчетами, по которым выходило, что кувада встречается лишь у народов, уже перешедших к отцовскому роду. Тем самым оно получало дальнейшее подкрепление.

Гипотеза Бахофена — Тэйлора объясняет значительное число фактов, связанных с кувадой. Но у нее есть и уязвимые стороны. Как теперь выясняется, кувада прослеживается и у некоторых народов с материнским счетом родства, например у араваков, макушей и меланезийцев.

Кроме того, многие ее проявления трудно связать с подчеркиванием прав отца на ребенка. Когда у южноамериканских бороро отец принимает лекарство, если болен сын, а у кораванов (профессиональной касты плетельщиков корзин в Мадрасе) муж принимает лекарство вместо беременной супруги, когда в Африке муж не смеет взглянуть на гориллу из боязни, что жена родит обезьяну, а у ительменов и никобар-

¹² J. J. Bachofen, *Das Mutterrecht*, Stuttgart, 1861, S. 17, 225.

¹³ E. B. Tylor, *On a method of investigation of the development of institutions applied to laws of marriage and descent*, «*Journal of the Anthropological Institute*», vol. XXIII, London, 1889.

цев ему запрещено выполнять тяжелую работу, пока жена не разрешится от бремени — все это очень трудно связать с борьбой отцовского и материнского права.

Но зато это хорошо согласуется с магическими воззрениями, столь характерными для первобытного человечества и для народов, отставших в своем развитии. Согласно этим воззрениям, человек может сверхъестественным путем воздействовать на тот или иной материальный предмет или явление, чтобы добиться выгодного результата.

Предрассудки, связанные с магией, очень живучи. Не составляет исключения и магия родовспоможения. До сих пор во многих странах в некоторых слоях населения, чтобы облегчить и ускорить трудные роды, в доме отпирают и открывают все ящики, сундуки, замки, развязывают все узлы, иногда просят священника отворить царские врата в церкви. Все это связано с имитативной магией, с представлениями о том, что подобное вызывает подобное.

Такие наблюдения привели к заключению, что кувада отражает представления о магической связи, якобы существующей между мужем и женой и между отцом и ребенком. Таково второе распространенное объяснение кувады. Любопытно, что впервые оно было предложено все тем же Тэйлором¹⁴. Хотя впоследствии он от него отказался в пользу гипотезы Бахофена, это объяснение было полностью принято и развито Фрэзером¹⁵ и до сих пор преобладает среди зарубежных исследователей.

Фрэзер отрицал всякую связь между кувадой и переходом от матриархата к патриархату и выводил все ее проявления исключительно из магии. В самой куваде он увидел два совершенно различных обычая, связанных с деторождением, которые искусственно объединяются под одним термином. Первый касается диеты и правил поведения отца в период беременности его супруги и покоится на представлениях о связи, существующей между отцом и его еще не родившимся ребенком. Второй основан на вере в то, что родовые боли могут быть перенесены на мужа или любое другое лицо. При этом Фрэзер приводил в пример дажков Саравака, у которых знахари подражают роженице с целью помочь ей, и жителей Калимантана, которые верят, что родовые боли можно перенести на деревянную фигурку, изображающую мужчину.

Нетрудно заметить всю искусственность такого разделения. В реальной практике кувады оба обычая сплошь и рядом встречаются вместе. Муж соблюдает строгую диету и воздерживается от работы как до рождения ребенка, так и некоторое время после него и ложится в постель, когда жене приходит время рожать.

Но объяснять куваду в целом исключительно магией — значит игнорировать слишком большое количество фактов. Фрэзер фактически так и сделал, когда писал, что «предполагаемые претензии на деторождение со стороны отца выглядят как ошибка наблюдателей». На самом деле таких наблюдений слишком много, чтобы от них можно было отмахнуться.

Но и многое другое с позиций магической теории не объяснить, например, голодание и пытки, которым подвергаются отцы у карибов и в меньшей степени у некоторых других народов. Ведь согласно принципам симпатической магии, они должны передаться ребенку. Результат — прямо обратный тому, который выводится из априорных рассуждений.

¹⁴ E. B. Tylor, *Researches into the early history of mankind*, p. 287—297.

¹⁵ J. G. Frazer, *Totemism and exogamy*, London, 1910, vol. IV, p. 244—255.

Итак, создается затруднительное положение. Ни одна из двух наиболее широко распространенных гипотез не может объяснить всех фактов, связанных с кувадой. Вместе с тем каждая из них удовлетворительно объясняет некоторые стороны обычая. Может быть, истина находится где-то посередине, может быть, выход следует искать в сочетании сильных сторон обеих гипотез?

Даже те исследователи, которые всецело связывают куваду с правами отцовства, допускают в ней наличие определенных элементов магии. Так, С. А. Токарев недавно писал: «В отдельных случаях обычай типа кувады могут действительно включать в себя элементы магии: так обстоит дело, например, у южноамериканских бороро, где отец принимает лекарства, если болен его ребенок. Но в целом обычай кувады является вовсе не магическим: ритуал кувады есть лишь символический акт, закрепляющий права отца на ребенка, и с ним не связывается никаких представлений о сверхъестественном действии этого акта на ребенка»¹⁶.

Однако элементы магии присущи почти всем связанным с кувадой обычаям. Поэтому на практике зачастую бывает очень трудно отделить те ее стороны, которые закрепляют права отцовства, от тех, которые сопряжены с магией. Слишком тесно они оказываются переплетенными друг с другом. Поэтому куваду нельзя рассматривать узко, лишь как обычай, связанный с имитацией деторождения.

Например, среди некоторых племен Южной Индии «как только женщина почувствует родовые схватки, она сообщает об этом мужу, который снимает с нее часть одежды и надевает ее на себя. У себя на лбу он рисует тот знак, который обычно имеют женщины, затем удаляется в темную комнату, освещаемую лишь одной тусклой лампой, ложится в постель и укрывается одеялом. Когда рождается ребенок, его обмывают и кладут в кроватку возле отца. Укрепляющие блюда дают не матери, а отцу... Ему не позволяют вставать и по первому требованию приносят все необходимое»¹⁷. В этом случае не так-то просто отделить магию родовспоможения от стремления отца предстать в качестве второй матери.

Наконец, остается без объяснения, почему символический акт, закрепляющий права отцовства, принял сходные в разных частях света формы, которые присущи куваде. Случайность здесь надо исключить — обычай был распространен слишком широко.

Думается, что магия присуща куваде не в качестве позднего явления, дополнительно наложившегося на уже сформировавшийся обычай, а изначально.

Магия зародилась в глубочайшей древности, уже в палеолите, а тайна деторождения прояснилась для человека далеко не сразу. Например, австралийцы и даже более развитые жители Тробрианских островов в Меланезии, так же как и авуна в Западной Африке, не понимают подлинной роли и функции мужчин в зачатии.

Но даже когда причастие отца к рождению ребенка было осознано, его дальнейшая роль представлялась неясной. И в полном соответствии с законами магии стало казаться, что поведение отца, так же как и поведение матери, непосредственным образом влияет на судьбу ребенка, только что родившегося или еще находящегося во чреве. То, что было недопустимым для матери — тяжелая работа, некоторые виды пищи, простуда и болезнь, стало недопустимым и для отца. Не случайно же у

¹⁶ С. Н. Токарев, Сущность и происхождение магии, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. LI, М., 1959, стр. 16.

¹⁷ J. C a i n, Indian Antiquary, vol. III, Bombay, 1874, p. 151.

папуасов Новой Гвинеи, меланезийцев, некоторых африканских народов и других, подобные запреты распространяются на обоих супругов.

Заодно у некоторых народов стало недопустимым и то, что на самом деле было безвредным или нейтральным и для отца и для матери, но, согласно магическим воззрениям, могло привести к дурным результатам — употребление острых орудий и т. п.

Когда могли появиться такие запреты — сказать трудно. Скорее всего, их возникновение относится ко времени становления парной семьи, когда отец ребенка, фактический или, по крайней мере, признаваемый таковым, был уже известен¹⁸.

Но это еще не все. Отношения супругов, особенно в такой критический момент, как роды, тоже стали осмысливаться сквозь призму магии. Отсюда развитие магии родовспоможения, стремящейся облегчить роды или перенести боли на другое лицо, чаще всего на мужа. И вот австралиец из племени кайтиш снимает пояс и тугие повязки, а меланезиец с Новой Ирландии отправляется в мужской дом, где имитирует роды с целью помочь жене, так же, как это делают знахари у даяков Саравака.

Обычаи Новой Ирландии представляют особый интерес. Здесь мы, с одной стороны, встречаем мужа, притворяющегося, что он испытывает родовые боли, а с другой — не видим обычно следующего за этим подчеркнутого внимания к отцу ребенка, поздравлений, ухаживаний и т. д. Все это становится понятным, если мы вспомним, что на Новой Ирландии, как и в большей части Меланезии, существовал материнский род, а раз так, то у отца не было особых прав на ребенка.

Но зато эти обычаи наглядно показывают, как могли возникнуть те обычаи кувады, которые подчеркивают отцовские права на ребенка. Скорее всего, они связаны с переосмысливанием некоторых обрядов магии родовспоможения.

На первый план выступает желание мужа подчеркнуть свой приоритет и роль своей персоны в рождении ребенка, стремление оттеснить жену на задний план. И общественное мнение, олицетворенное в родных и друзьях, которые поздравляют и ухаживают за отцом, поддерживает его в этом стремлении.

Но старые представления о деторождении, пропитанные магией, по-прежнему существуют и по-прежнему соблюдаются накладываемые ими запреты. Именно потому обычаи кувады и принимают такую сложную, запутанную форму, что они отражают наслоения различных эпох и различных сторон общественного сознания.

Разумеется, все эти вопросы нуждаются в дальнейшем углубленном исследовании. Мы стремились лишь указать возможное направление поисков. Все же кажется очень вероятным, что именно в подобном сочетании двух гипотез лежит разгадка кувады¹⁹.

¹⁸ Ко времени перехода от группового брака к парному относил куваду В. К. Никольский, рассматривавший обычай как «последствие укрепления единобрачия» — см. В. К. Никольский, Детство человечества, М., 1950, стр. 95, 96; его же, Очерк первобытной культуры, М.—Пг., 1924, стр. 189.

¹⁹ Помимо указанной выше литературы, см. о куваде: L. H. Roth, On the signification of Couvade, «Journal of the Anthropological Institute», vol. XXII, London, 1893; St. Ciszewski, Kuwada, Studium etnologiczne, «Rozprawy Akademji Umiejetnosci, Wydzial historyczno-filozoficzny», seria II, t. 23 (48), Krakow, 1906; H. Kunike, Die Couvade oder das sogenannte Männerkindbelt, Haale, 1912; W. R. Dawson, The custom of couvade, Manchester, 1929.

К VIII МЕЖДУНАРОДНОМУ КОНГРЕССУ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ НАУК

С 3 по 10 сентября 1968 г. в столице Японии — Токио, а также в Киото и других городах этой страны будет проходить VIII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (VIII МКАЭН). Однако тематика конгресса гораздо шире, чем об этом можно было бы судить по его официальному названию. Помимо этнографов и антропологов Токийский конгресс, как и предыдущие конгрессы, привлечет также фольклористов, археологов (специализирующихся в области этногенетических проблем и истории культуры), философов, социологов, этногеографов, демографов, лингвистов и представителей других смежных с антропологией и этнографией наук.

Этнография и антропология — науки о народах и человеке — играют важную роль в укреплении дружбы и сотрудничества между людьми различной национальности и расовой принадлежности. Изучение культуры и быта народов, их этнической истории и национальных взаимоотношений помогает преодолевать существующую разобщенность и рознь между народами.

Значение антропологических и этнографических наук на современном этапе общественного развития очень возросло. Многие молодые государства, завоевавшие независимость, ныне определяют дальнейший путь своего национального, экономического и культурного развития. Немалую роль в решении этой задачи играет познание развивающихся народами прошлого своей страны, особенностей быта, изучение лучших национальных традиций. Прогрессивные ученые различных стран мира содействуют своими исследованиями более быстрой и успешной перестройке хозяйства и быта этих стран, подъему культуры. Изучение культуры своего народа, истории ее формирования и путей ее развития играет огромную роль в чрезвычайно важном для каждой нации процессе формирования национального самосознания, возрождения и расцвета национальной культуры.

В Советском Союзе значение этнографических и антропологических исследований на современном историческом этапе периода развернутого строительства коммунизма особенно велико в разработке важнейшей проблемы национальных взаимоотношений — процесса постепенного сближения социалистических наций. Не менее велика роль этнографической науки в разрешении проблем преобразования культуры и быта городского и сельского населения, постепенной ликвидации различий между городом и деревней, становления новой общесоветской культуры.

В середине прошлого столетия в ряде стран Европы появились антропологические и этнографические общества. Стали созываться также различные международные конгрессы, посвященные этим наукам. Так, более ста лет назад, в 1866 г., в Швейцарии состоялся Первый Международный конгресс по доисторической археологии и антропологии. Подобные конгрессы периодически созывались в разных странах (в том числе и в России) вплоть до первой мировой войны.

В последние десятилетия Международные конгрессы антропологических и этнографических наук созывались раз в четыре года.

Первый из них состоялся в 1934 г. в Лондоне, второй — в 1938 г. в Копенгагене, третий — в 1948 г. в Брюсселе (перерыв был связан со второй мировой войной), четвертый — в 1952 г. в Вене, пятый — в 1956 г. в Филадельфии, шестой — в 1960 г. в Париже, седьмой — в 1964 г. в Москве. В работе трех последних конгрессов активное участие приняла советская делегация.

Самый последний по времени проведения Московский конгресс был как по числу участников, так и по количеству заслушанных докладов наиболее крупным и представительным. В его работе приняли участие 1966 делегатов, в том числе 1044 советских ученых и 922 зарубежных исследователя из 56 государств всех частей света. На заседаниях секций и симпозиумов конгресса было заслушано 799 докладов и свыше 2000 выступлений (на Парижском конгрессе, проведенном в 1960 г., участвовало 825 человек и было заслушано 387 докладов). Многие страны были представлены на VII МКАЭН весьма многочисленными делегациями. Так, делегация США насчитывала

183 чел., Франции — 83 чел., Польши — 55 чел., ФРГ — 54 чел., ГДР — 53 чел., Чехословакии — 53 чел., Венгрии — 45 чел., Румынии — 40 чел., Дании — 40 чел., Японии — 36 чел. Следует также отметить, что на Московском конгрессе несравненно шире, чем на предыдущих конгрессах, были представлены ученые социалистических стран, а также ученые развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Московский конгресс, проводившийся по обширной программе и вызвавший к себе огромный интерес со стороны широкой мировой научной общественности, прошел на высоком научном уровне и засвидетельствовал возросший международный престиж советской науки. В нем участвовали практически все крупнейшие антропологи, этнографы и фольклористы мира. Несмотря на то, что на конгрессе собрались ученые разных научных направлений и высказывались различные точки зрения, подавляющее большинство делегатов придерживалось концепции прогрессивного развития общества (что, кстати, было характерно и для всех предыдущих конгрессов). Конгресс со всей очевидностью показал рост гуманистических тенденций в антропологических и этнографических исследованиях, что, в частности, проявилось в отчетливо выраженной антирасистской направленности многих докладов. Сразу же после конгресса состоялось совещание виднейших антропологов мира, созданное по инициативе ЮНЕСКО. На нем был разработан проект антропологических разделов декларации о расе и расовых предрассудках. Этот документ, как и сама декларация, принятая на совещании экспертов ЮНЕСКО в сентябре 1967 г., будет способствовать борьбе с расизмом в любом его проявлении и активно противодействовать использованию антропологических данных в целях расистской фальсификации науки.

Всего на Конгрессе работали 27 секций (5 — антропологических, 13 — по общим проблемам этнографии и смежных дисциплин, 8 — региональных, 1 — этнографического музееведения) и 17 симпозиумов. В центре внимания антропологических секций и симпозиумов Конгресса были важнейшие мировоззренческие проблемы современной антропологии, связанные с выявлением этапов эволюции человека, систематикой рас и расовым анализом. Советские ученые в своих докладах и выступлениях показали значение антропологического материала как исторического источника, продемонстрировали практическое применение антропологических методов в области профилактической медицины и гигиены, а также в различных отраслях народного хозяйства.

Успехи генетики и, в первую очередь, биохимической генетики, приведшие к расшифровке генетического кода, значительно расширили рамки антропологической науки, которая из морфологической дисциплины постепенно превратилась в науку, широко практикующую физиологические и биохимические методы исследования. Поэтому помимо докладов по классической антропологической тематике (соматология современных народов, палеоантропология и краниология), на Конгрессе было много докладов, посвященных анализу признаков с простой наследственной структурой (к ним относятся, в первую очередь, групповые факторы крови, одонтологические признаки, некоторые вкусовые реакции и т. д.).

Значительная часть докладов была посвящена проблеме использования антропологических данных в качестве исторического источника. Антропологическое изучение современных народов и исследования по палеоантропологии древних народов позволили воссоздать ранние этапы этнической истории многих народов мира.

На этнографических секциях и симпозиумах были рассмотрены проблемы этнического (в том числе и национального) развития народов мира, развития культуры и быта народов. Большое внимание было уделено также прикладному значению этнографических знаний. В отличие от прошлого, когда этнографы занимались в первую очередь выискиванием у каждого народа пережитков первобытности, архаичских черт, на Московском конгрессе задачи этнографической науки толковались гораздо шире. Этнографы с немалым интересом стали изучать современную проблематику, анализировать этнический аспект социально-экономических преобразований в мире.

Особое внимание на Конгрессе привлекли методологические вопросы. На симпозиуме «Учение Моргана о периодизации первобытного общества в свете современной этнографии» развернулась острая дискуссия по вопросу об общих закономерностях развития первобытного общества и значения классического труда Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Советские и прогрессивные зарубежные ученые на большом фактическом материале показали, что основные, принципиальные положения этого труда выдержали проверку временем и получили полное подтверждение в ходе развития науки о первобытном обществе. На секциях «Теория и методология», «Общественный строй и социальные институты», «Религиозные верования и мифология» был заслушан и обсужден ряд докладов, посвященных предмету и методу этнографии, выявлению характера исторических закономерностей, проблемам развития родового общества и его разложения. Были зачитаны также доклады по проблеме сущности и места сельской общины в историческом процессе, вопросам происхождения и ранних форм религии, о роли народных традиций и народного опыта на современном этапе и в будущем и т. д.

Постоянный совет Международного союза антропологических и этнографических наук и Японский Организационный комитет по проведению VIII МКАЭН при подго-

товке программы будущего Конгресса учли опыт успешно проведенного Московского конгресса. В апреле 1966 г. в Лондоне состоялась очередная сессия этого Постоянного совета (в ней участвовали и советские делегаты), которая утвердила структурную и научную программу VIII МКАЭН, а также наметила предварительное расписание его работы.

Предполагается, что на Конгрессе будут работать 23 секции:

А. Антропология:

1. Теория и методология.
2. Морфологическая антропология (общее и сравнительное изучение морфологических особенностей: вариации, адаптация, наследственность, рост, старение и т. д.
3. Физиологическая антропология (общее и сравнительное изучение функций поведения, включая биохимические исследования).
4. Палеоантропология и антропогенез (включая изучение приматов).
5. Антропология рас и популяций.
6. Генетика человека.
7. Прикладная антропология.
8. Медицинская антропология.
9. Приматология.

Б. Этнография:

1. Теория и методология; структура культуры. Терминология.
2. История культуры, этногенез и этническая история.
3. Социальная и политическая организация.
4. Социальные и культурные изменения; урбанизация.
5. Экономические исследования.
6. Религия, народные верования.
7. Мифы и сказки.
8. Народное искусство, музыка, хореография и театр.
9. Этнопсихологические исследования; образование.
10. Язык.
11. Технология и материальная культура; этноботаника и этнозоология.

В. История первобытного общества и археология.

Г. Демография.

Д. Музееведение.

На VIII МКАЭН будет организован 21 симпозиум:

1. Человек эпохи плейстоцена в Азии.
2. Одонтологические аспекты в эволюции и дифференциации человека.
3. Прямохождение и локомоции.
4. Селекция и дифференциальная плодовитость в человеческих популяциях.
5. Биохимический полиморфизм человека и его антропологическая основа.
6. Антропологические аспекты роста человека.
7. Экология в антропологических и этнографических науках (взаимоотношения: человек — культура — среда).
8. Социальная структура приматов.
9. Устное творчество в африканских обществах.
10. Религия и мораль.
11. Сравнительный анализ высокоразвитых обществ.
12. Динамика социально-культурных изменений в Юго-Восточной Азии.
13. Направленные социальные изменения в деревне.
14. Социальные изменения и психологическая адаптация.
15. а) Современные рубежи этнолингвистики;
б) Употребление почтительных форм речи.
16. Начатки земледелия и развитие цивилизации в Новом Свете.
17. Древние культурные связи в Северной Евразии и в северных районах Северной Америки.
18. Мегалитический комплекс.
19. Кочевничество в Евразии.
20. Народная культура Востока и Запада.
21. Этногенез японского народа.

Особые заседания будут посвящены проблемам изучения страны — хозяина VIII МКАЭН — Японии. Часть из них будет проходить в г. Саппоро, административном центре о. Хоккайдо. Японские ученые прочтут на этих заседаниях доклады по этнической истории Кюсю и по айнской проблеме. К чтению докладов по этим проблемам приглашаются и иностранные специалисты.

Предложенная научная программа может быть частично изменена в зависимости от интересов и заявок будущих участников Конгресса. Особенно это относится к симпозиумам, число которых может быть увеличено за счет рассмотрения различных

этнографических и антропологических проблем тех регионов земного шара, которые сейчас программой не охвачены.

При значительном совпадении программ VII и VIII МКАЭН имеются и существенные различия. Главное из них — отсутствие региональных секций (по мнению многих участников предыдущих конгрессов, наиболее важные доклады уходили в проблемные секции, а для региональных оставались лишь описательные или посвященные частным вопросам доклады).

Большие успехи антропологических наук за последнее четырехлетие вызвали необходимость резко увеличить число антропологических секций (девять вместо прежних пяти) и симпозиумов. В самостоятельных секциях будут ставиться доклады, посвященные вопросам теории и методологии, генетики человека, прикладной антропологии, медицинской антропологии и приматологии. Почти половина всех симпозиумов VIII МКАЭН будет посвящена наиболее новым перспективным направлениям в антропологии. На этнографических секциях и симпозиумах значительно шире будут представлены этносоциологические и этнопсихологические аспекты исследований.

Выше уже было упомянуто, что заседания Конгресса будут проходить не только в Токио. Это, несомненно, позволит ученым познакомиться с рядом научных учреждений и музеев, расширить контакты с японской научной общественностью. Намечаются экскурсии в различные районы страны. Наиболее интересны из них две. Маршрут первой, связанный со специальными японоведческими заседаниями, идет на север страны и включает места расселения айнов. Маршрут второй ведет на юг и включает посещение острова Кюсю, знаменитого важными археологическими памятниками эпохи неолита, энеолита и бронзы. Этнографы и антропологи смогут, хотя бы бегло, ознакомиться с повседневной жизнью населения в различных хозяйственных районах и климатических зонах Японии.

Подготовкой VIII МКАЭН в Советском Союзе занимается созданный Академией наук СССР рабочий Оргкомитет (председатель — директор Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, член-корреспондент АН СССР Ю. В. Бромлей), состоящий из 16 человек. В Академиях наук союзных республик созданы свои оргкомитеты или ячейки по подготовке к Конгрессу.

Япония — страна древней и весьма своеобразной культуры. Интерес к Конгрессу и к стране вызвал большой поток заявок от ученых всех союзных республик, Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Владивостока, Казани и других городов РСФСР. Тематика предложенных докладов весьма разнообразна, большинство их имеют теоретическое и практическое значение.

Антропологические доклады посвящены происхождению и развитию человека; темпам его эволюции в разные периоды; формированию и изменению отдельных антропологических признаков; приспособляемости организма к условиям естественной среды. Большое внимание уделяется выяснению взаимодействия биологических явлений социальной жизни; решение этой научной проблемы имеет важное значение для борьбы с попытками использовать данные антропологической науки для оправдания расизма. Советские антропологи предлагают также доклады по генетике человека.

В этнографических докладах, наряду с освещением проблем первобытного общества и исторической этнографии, рассматриваются современные этнические процессы в СССР и зарубежных странах, процессы развития и сближения социалистических наций СССР, изменения в социально-бытовом и культурном укладе народов нашей страны, в быте рабочих и колхозного крестьянства. Особое внимание уделено проблемам развития семьи, а также вопросам использования результатов этнографических (как и антропологических) исследований для практики социалистического строительства.

Приведем темы некоторых обобщающих докладов, предложенных учеными Советского Союза.

По антропологической тематике: Эволюция элементарной единицы популяции (дема) и ее антропологическое значение; закономерности изменчивости и корреляции антропологических признаков и принципы их изучения; антропологические аспекты физиологии высшей нервной деятельности и психологии; находки людей мустьерского времени на территории СССР и их значение для проблемы возникновения *Homo sapiens*; локомоция и орудийная функция приматов в связи с формированием кисти гоминид; этногенез народов Кавказа в свете данных антропологии; антропологические исследования в Афганистане; антропологический состав народов Украинской и Молдавской ССР и распределение некоторых антропологических признаков.

По этнографической тематике: Хозяйственно-культурные типы, историко-этнографические области, расовые группы и этнические общности; место военной демократии в истории общества; архаическая форма семейной общины; социальные и этнические аспекты исторической обусловленности систем родства; принципы и методы составления региональных историко-этнографических атласов в СССР; методология исследования влияния этно-культурных факторов на плодovitость; проблемы изучения совре-

менного быта рабочего класса Украины; опыт оседания кочевников-казахов в советское время; русские и советские ученые о проблеме айнов.

Этнографы и антропологи капиталистических стран в большинстве своем настроены прогрессивно. Значительный отклик во всем мире вызвало обращение съезда американских антропологов, состоявшегося в 1966 г., с протестом против войны во Вьетнаме. Следует думать, что и VIII МКАЭН внесет свою лепту в борьбу за мир и прогресс. Долг советских ученых — достойно подготовиться к VIII Международному конгрессу антропологических и этнографических наук и принять в нем самое активное участие.

С. И. Брук, Г. Г. Стратанович

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУРЫ И БЫТА НАСЕЛЕНИЯ КАРПАТ

В 1959 г. по инициативе чехословацких и польских ученых была создана Международная Карпатская Комиссия (МКК) для координации работ по изучению быта и культуры населения Карпат и прилегающих к ним областей. В Братиславе при Институте этнографии Словацкой Академии наук (САН) был тогда же учрежден секретариат комиссии во главе с Яном Подолаком.

Территория Карпат представляет собой единую хозяйственно-культурную зону. Для ученых, занимающихся исследованием культуры и быта населения Карпат в своей стране, ясна необходимость получения сопоставимого сравнительного материала, так как большинство проблем, связанных с этногенезом, национальной спецификой и т. д., может быть решено лишь совместными усилиями этнографов всех заинтересованных стран с привлечением представителей и других научных дисциплин.

Международная Карпатская Комиссия за период своего существования организовала ряд рабочих совещаний в разных странах Карпатской зоны. Состоялись и две конференции по проблеме изучения карпатского населения — в Кракове и в Москве во время работы VII Международного Конгресса антропологических и этнографических наук в 1964 г.

11—13 сентября 1967 г. в г. Смоленице под Братиславой состоялась третья конференция карпатоведов. Она была посвящена результатам исследований, проведенных в различных странах за последние три года. Главной темой обсуждения были этнические связи в Карпатах и прилегающих к ним областях.

По приглашению Международной Карпатской Комиссии и Института этнографии САН на конференцию съехались этнографы всех стран, в границы которых входят части Карпат: Чехословакия, Польша, Венгрия, Румыния, СССР. Приехали также этнографы и фольклористы из Болгарии и Югославии. Советский Союз представляла делегация в составе директора Института этнографии АН СССР Ю. В. Бромлея, директора Львовского музея Ю. Г. Гошко, Н. Н. Грацианской (Ин-т этнографии АН СССР) и Я. П. Прилипко (Ин-т искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР).

После приветствий, с которыми обратились к участникам конференции И. Горак и Я. Мяртан (ЧССР), на пленарном заседании 11 сентября выступили М. Гладыш, А. Кутшеба-Пойнарора (Польша), Я. Подолак, В. Фролец, В. Пражак (ЧССР), Б. Гунда (Венгрия), Н. Гавацци (Югославия), Х. Вакарельский (Болгария).

А. Кутшеба-Пойнарора и М. Гладыш в своих докладах ознакомили присутствующих с основными проблемами изучения народной культуры в польских Карпатах, широко развернувшегося в последние годы. А. Кутшеба-Пойнарора говорила о необходимости картографирования отдельных элементов культуры населения Карпат в целом, т. е. о планах создания Карпатского этнографического атласа силами ученых из стран — участников МКК. По ее мнению, одной из главных проблем будущих исследований могло бы быть соотношение традиционного и нового в культуре изучаемого населения.

Одним из центральных на конференции был доклад Я. Подолака «Некоторые проблемы сравнительного изучения народной культуры карпатских областей». Сопоставляя материалы о карпатском пастушестве, накопленные в разных странах, Я. Подолак четко отделил проблему происхождения карпатского типа отгонного скотоводства в Западных Карпатах и путей его проникновения от проблемы этнической принадлежности самого пастушеского населения, т. е. валахов. В формировании валахов, по данным Подолака, участвовало в основном местное население равнинных деревень фольклориста областей Карпат.

Вопрос о причинах возникновения общих черт в культуре населения Карпат и региональных особенностей в культуре отдельных народов может быть решен, по мне-

ию Подолака, после тщательного параллельного изучения каждого из этих народов карпатской зоны.

Б. Гунда, в противоположность Подолаку, в своем докладе «Проблемы культурной морфологии в Карпатах», предложил считать народную культуру населения Карпатской зоны единым организмом. В отличие от Фробениуса Б. Гунда понимает под термином «культурная морфология» структурные особенности культуры в динамической связи с её создателями. Свои выводы докладчик иллюстрировал собранными им на территории Карпат материалами, связанными с пастушеством, типами поселений, семейным бытом, духовной культурой и т. д.

М. Гаващи в докладе «По следам культурных влияний в области Карпат» пытался проследить общие черты в культуре балканских и карпатских народов.

Х. Вакарельский выступил с предложением начать работу по составлению словаря карпато-балканских этнографических терминов.

В. Фролец сделал доклад «Культурная общность и этнические связи в народной архитектуре карпато-балканского региона». Опираясь на собственные полевые материалы, он подчеркнул многие общие черты в постройках карпатских и балканских народов.

В. Пражак посвятил свое выступление проблеме развития карпатского народного жилища, связанного, по его мнению, с валашской колонизацией.

На пленарном заседании развернулась широкая дискуссия, в ходе которой обсуждались многие вопросы теории и методики исследований. Затрагивались общие проблемы формирования особенностей народной культуры и традиций, сохранения архаических черт в культуре горных, экономически отсталых областей, связей между скотоводством и земледелием и т. д. Много говорилось о валашской колонизации Западных Карпат, о карпато-балканских и карпато-паннонских связях, о будущих этнографических атласах и словарях.

12 сентября состоялись заседания существующих в составе МКК подкомиссий — высокогорного скотоводства и земледелия, поселений и народной архитектуры, народного прикладного искусства и ремесла, словесного и музыкально-танцевального фольклора. Здесь было прочитано 34 доклада.

В ходе заседаний подкомиссии по пастушеству и земледелию выяснилось, что именно эта проблематика в настоящее время лучше всего изучена. Появилась возможность делать более широкие обобщения на основе сравнительного материала из разных стран, собранного по единой программе. Сейчас можно говорить о начале нового этапа в работе подкомиссии, связанного с обработкой большого, хорошо сопоставимого материала, его картографированием и подготовкой исследований обобщающего характера.

В результате оживленной дискуссии было решено несколько расширить круг изучаемых подкомиссией проблем, включив туда вопросы духовной культуры и социальной организации. Предлагалось публиковать в тематических сборниках материалы о пастушестве в разных странах.

В подкомиссии поселений и народной архитектуры за последние годы также была проведена значительная работа. И здесь уже собран большой материал для обобщений. Для обсуждения на заседании были выдвинуты две темы: своеобразие народной архитектуры в Карпатах и создание карпатских скансенов — музеев на открытом воздухе.

Подробнейшим образом рассматривался вопрос о хранении и документации материалов по народному жилищу и хозяйственным постройкам. Представители Словацкого народного музея в г. Мартине предложили свой проект единой системы документации. Дискуссию вызвала проблема методов картографирования народных построек. Главное внимание решено было уделять развитию планировки дома, генезису отопительной системы и ее функциям. Подкомиссия рекомендовала также издать уже подобранную во многих странах библиографию по народной архитектуре Карпат.

В подкомиссии народного прикладного искусства и ремесел центральным был доклад Р. Рейнфуса (Польша) об основных проблемах в изучении народного искусства Карпатской зоны. Большим препятствием для успешной работы подкомиссии было недостаточное знакомство исследователей с фондами отдельных карпатских музеев по традиционному народному искусству. Было предложено попытаться опубликовать в ближайшее время или размножить на ротапринте каталоги собраний отдельных музеев по примеру Словацкого народного музея в г. Мартине.

В центре внимания фольклористов находилась историческая тематика. Однако обсуждались не только вопросы, связанные с указанной темой, но и наиболее актуальные проблемы современной фольклористики. Главной задачей на ближайшие годы было признано изучение збойничьего цикла фольклора. Первая антология народных сказаний о збойниках на словацкой и польской стороне Татр подготовлена к печати и выйдет в ближайшее время.

Работа по изучению музыкально-танцевального фольклора еще мало координируется. Только теперь решено выбрать несколько общих для музыковедов-карпатоведов

дов тем, первая из них — «Одземок, его музыкальная и хореографическая характеристика».

В заключение конференции состоялось заседание секретариата МКК, куда были приглашены все советские делегаты. О вступлении этнографов СССР в Международную Карпатскую Комиссию объявил Ю. В. Бромлей. По его же предложению было принято решение о вступлении МКК в Международное общество этнологии и фольклора.

На заседании было решено созвать следующую Карпатскую конференцию через три года. Польские делегаты предложили провести её в Польше. Были приняты также решения о публикации материалов, финансировании информационного органа МКК «Carpathica» и т. д.

После окончания конференции ее участники получили приглашение на экскурсию по скотоводческим (в прошлом) областям северо-западной и центральной Словакии. В течение пяти дней мы побывали в Тренчанской Теплице, Мартине, Жилине, Ружемберге, трех Ревуцах, Баньской Штиявице, Баньской Быстрице, Нитре. В качестве экскурсовода выступал Я. Подолак, генеральный секретарь МКК. Всем участникам конференции эта экскурсия дала очень много. Они познакомились со старыми центрами горной Словакии, связанными с валашской колонизацией, где отгонное скотоводство было главным занятием населения вплоть до сравнительно недавнего времени. Много удалось еще увидеть в поле, несмотря на то, что быстрый темп индустриализации горной Словакии стирает остатки традиционной пастушеской культуры. Изменился и социальный состав деревень: большинство деревенских жителей работает на промышленных предприятиях. Очень интересны были встречи с населением. Многие местные жители могли объясняться на разных языках, так как объездили в поисках работы почти все страны мира.

Хочется отметить прекрасную и четкую организацию конференции и экскурсий и поблагодарить за теплый прием и дружескую заботу словацких коллег Яна Мяртана, Божену Филову, Яна Подолака, Светозара Швевлака, Катарину Машкову и других устроителей конференции.

* * *

Участие советских делегатов в Карпатской конференции и вступление этнографов СССР в члены МКК имеет большое значение для укрепления международных научных связей. При изучении культуры населения украинских Карпат советские ученые в той же мере нуждаются в сравнительном материале по Карпатам в целом, что и ученые других заинтересованных стран.

Сотрудники Института этнографии АН СССР и Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР в ближайшие годы намереваются широко развернуть работу в Карпатах. Одной из главных задач, стоящих перед советскими этнографами-карпатооведами, будет исследование этнических процессов у национальных меньшинств Прикарпатья и Закарпатья (словаков, болгар, венгров, немцев), их культурных взаимоотношений с украинцами и молдаванами, перспектив их будущего развития и т. д.

Изучение культуры и быта населения Карпат в СССР носит комплексный характер: в нем участвуют историки, лингвисты, этнографы, фольклористы, антропологи, искусствоведы.

Для координации работ по изучению культуры и быта населения Карпат на нашей территории будет создан советский Национальный комитет. В него войдут представители научных учреждений РСФСР, Украины, Молдавии, заинтересованных в будущих исследованиях.

В конце февраля 1968 г. в Киеве в Институте искусствоведения, фольклора и этнографии состоялось совещание, посвященное плану работ в карпатских областях СССР на ближайшие годы. Ученые Москвы, Киева, Львова, Ужгорода, Кишинева рассказали о состоянии работ в Прикарпатских и Закарпатских областях.

Вступление советских ученых в МКК выдвинуло ряд тем, которые должны быть разработаны в ближайшее время. Особого внимания потребует изучение отгонного скотоводства и быта пастухов, народной архитектуры и т. д. по программам, предложенным МКК. Программы МКК должны будут учитываться и при составлении регионального Историко-этнографического атласа Украины, Белоруссии и Молдавии.

Н. Н. Грацианская

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ

Этнический и национальный облик каждого народа определяется прежде всего теми культурными традициями, которые живут в его общественном и семейном быту. Этими традициями данный народ отличается и сам себя отличает от других народов. Культурные традиции обычно связаны в той или иной степени с языком, который и сам по себе служит важной — иногда главной или даже единственной — меткой, отличающей один народ от других. Язык и культурная традиция — вместе или порознь — служат объективной опорой и обоснованием того национального или этнического самосознания, которое обычно принимается за критерий для отнесения каждого индивида к той или иной этнической группе. Нередко можно заметить, что любая этническая общность (народ, племя, нация) тем крепче держится за свои культурные — этнические, областные — традиции, чем она малочисленнее и чем больше угрожает ей опасность раствориться и ассимилироваться в более крупной этнической среде. Многочисленная и сильная нация, которой не грозит такая участь, обычно меньше дорожит своими старыми традициями, своими обычаями, своим этническим своеобразием, чем мелкая национальная группа, окруженная более сильными соседями.

К таким общим выводам приводят наблюдения над процессами этнического и культурного развития народов разных стран в наши дни. Но выводы эти пока еще, конечно, очень предположительные и предварительные; они нуждаются в очень строгой и повторной проверке и уточнении на материале новых и новых стран, как индустриально развитых, так и отсталых.

Такая задача стояла передо мной как главная цель этнографической поездки во Францию летом 1967 г. Эти же вопросы интересовали меня в предыдущую поездку — 1961 г. — в эту страну (совместно с Л. В. Покровской), а отчасти — в еще более раннюю поездку, в 1946 г. К сожалению, все три командировки во Францию были очень кратковременны — не более месяца каждая.

Франция — чрезвычайно благодарный, но и очень трудный объект этнографического изучения. Страна с богатейшим культурным прошлым, наследница вековых цивилизаций — от древне-кельтской и галло-римской до буржуазно-демократической цивилизации XIX века; страна, долгое время считавшаяся едва ли не культурным центром мира; страна с глубокими революционно-демократическими и социалистическими традициями; страна, давшая миру Вольтера и Гюго, Робеспьера и Жореса, Луи Пастера и Пьера Кюри... И в то же время страна, где в глухих деревнях до сих пор верят в колдунов, в нечистую силу, в чудесные исцеления... Страна, населенная одной из крупнейших наций в мире — французами, но где живут и менее известные, особенно неспециалистам, национальные меньшинства — бретонцы, баски, эльзасцы, корсиканцы, каталонцы, фламандцы, и совсем малоизвестные окситанцы.

Изучать такую страну этнографу нелегко. Но именно здесь можно найти наиболее убедительные факты, относящиеся к поставленному выше общему вопросу. Мои кратковременные поездки во Францию были, естественно, лишь скромной разведкой.

Сами французские этнографы сделали немало для изучения своей страны. Литература, посвященная фольклорно-этнографическому описанию отдельных провинций и местностей, отдельным сторонам культуры и быта населения, — очень велика. Достаточно сказать, что целых два солидных тома из капитального многотомного издания «Manuel de folklore français contemporain», составленного Арнольдом ван-Геннепом, заняты подробной библиографией этнографической и фольклорной литературы о Франции в целом и отдельных ее провинциях¹. Выходит множество фольклорно-этнографических и краеведческих журналов. Один обзор их мог бы составить содержание особой статьи.

Но и сами французские этнографы до недавнего времени недостаточно внимания обращали на проблемы, указанные выше: на вопросы современного бытования культурно-этнических традиций и вопросы этнической структуры населения. Только в последние годы замечается оживление интереса к этим проблемам².

1

Общезнаменитые — в строгом смысле слова — национально-культурные традиции обнаружить трудно: они, конечно, есть, но выявить их можно только путем широкого сравнительно-этнографического изучения, сопоставления с общенациональными традициями, скажем, итальянцев, немцев, англичан и др. Это относится и к области мате-

¹ Manuel de folklore français contemporain, par Arnould van Gennep, tt. III, IV, Paris, 1938.

² См., например: G. de Rohan-Csermak, La notion de complexe ethnique européenne («Ethnologia Europaea», 1967, № 1); егo же, Le problème de l'«ethnie» et la notion de «complexe ethnique européen» (ротапринт).

риальной культуры, и к семейным и общественным обычаям, и к народному творчеству, и к верованиям. Такое исследование еще никем не проделано, оно требует коллективных усилий (это одна из задач предпринимаемой сейчас большой международной работы по составлению общеевропейской историко-этнографического атласа)³.

Не считая церковных католических праздников — очень сходных в разных католических странах, — у французов отмечается мало общенациональных знаменательных дней. Мне довелось видеть (еще в 1946 г.) в Париже Первомайский праздник. Он отмечается, как известно, во многих странах, как праздник труда, — но у французов он выглядит, быть может, особо торжественно. Помимо массовой народной демонстрации, очень внушительного шествия со знаменами, плакатами, политическими лозунгами, характерен обычай продавать с благотворительной целью в этот день цветы ландыша на улицах, в газетных киосках и других местах. Вечером устраивается прекрасный фейерверк (*feux d'artifice*) в разных местах города.

Но собственно французский, общенациональный и самый торжественный праздник — это *Fête Nationale* 14 июля (день взятия народом Бастилии в 1789 г.). Отмечается он, конечно, во всей стране. Я имел возможность наблюдать его проведение в Париже: прекрасный военный парад на Елисейских полях при большом стечении народа, затем гуляние по улицам Парижа, вечером танцы под музыку и эстрадные выступления, устроенные на нескольких площадях, очень интересный фейерверк, — и это в сущности все. Каких-либо чисто народных элементов, не сводимых к официальному ритуалу, незаметно. Была попытка оживить и стилизовать праздник, введя в программу танцев революционную «карманьолу» в санкиюотских костюмах, — но эта попытка не удалась (танцевали твист и другие модные танцы), — о чем на другой день писали с грустным юмором в газетах. Праздник, хотя и стал общенародным, но этнического своеобразие не приобрел. Думается, что это объясняется не недавним сравнительно происхождением праздника (он установлен лишь с 1889 г.), а тем, что французский народ, видимо, не ощущает никакой угрозы потери своей национальной или этнической самостоятельности, и потому не создает дополнительных подпорок для нее в виде общенациональных культурных традиций и не в такой степени держится за старые. К числу общефранцузских — условно говоря — знаменательных дней и праздников относятся также дни весеннего карнавала (масленица, неделя перед Великим постом) с маскарадами, уличным весельем, на юге — с «битвой цветов» (*bataille de fleurs*); день памяти всех умерших, сросшийся с церковным праздником «всех святых» (1—2 ноября); день св. Екатерины (25 ноября) — покровительницы женских работ, — ставший праздником модисток и портних: «*les Catherinnettes*». Но большая часть обычаев, связанных с этими праздниками, почти вышла из употребления. В разговорах с парижанами о судьбе старых обычаев, народных праздников и танцев приходилось слышать ответы, что-де ничего этого не сохранилось. Конечно, подобные ответы принимать на веру безоговорочно тоже нельзя, но какая-то доля истины здесь есть.

Забвение традиционных обычаев и праздников в деревне французские этнографы склонны объяснять экономическими причинами, — постепенным сокращением мелкого крестьянского землевладения в основных зерновых районах Франции: коренное крестьянство вытесняется капиталистическим фермерством, и таким образом исчезают сами носители старых традиций.

Интересно, что эти традиционные праздники прочнее держатся в винодельческих районах, менее затронутых аграрным кризисом и сохранивших старое крестьянское и помещичье землевладение, например, в Бургундии, где производится, как известно, самые дорогие и высококачественные сорта французских вин.

Мне довелось присутствовать в ноябре 1961 г. при своеобразном празднике бургундских виноделов в городе Боне (Beaune) — некогда резиденции герцогов Бургундии, а ныне — столице бургундского виноделия. Праздник приурочен к традиционному сроку оптовой продажи вина. В городе, на площади, была устроена ярмарка с разными товарами для приезжающих из окрестностей виноделов. Весь город был украшен к празднику разукрашен — флагами, флажками, цветными фонариками, на площадях — карусели, в витринах магазинов, живописно декорированных, разные сувениры и прочие товары. На улицах множество гуляющего народа, настроение праздничное. Окрестные деревни — в некоторые я заезжал — почти пусты, все отправилось в город. Средоточие всего праздника — большой аукцион вин, происходивший в воскресенье 19 ноября. Накануне, в субботу, была устроена предварительная «дегустация» продаваемого вина: в большом зале «*Hôtel Dieu*», где стены были сплошь уставлены стеллажами с бутылками, образцами вин разных владельцев, посетители (покупщики и другие), заплатившие 5 франков за вход, могли бесплатно пробовать любой сорт вин; пробуют из особой металлической плоской чашечки с лунками, чтобы оценить вкус и цвет вина. Покупщики таким образом заранее выбирают товар. В воскресенье же происходит самый аукцион (*Vente aux enchères publiques*); он проходил в торжественной обстановке, под почетным председательством посла Великобритании, — ибо значи-

³ См.: С. И. Брук и С. А. Токарев, Проблемы составления европейского историко-этнографического атласа, «Сов. этнография», 1966, № 5.

тельная часть продаваемого вина экспортируется в Англию; в зале сидели рядами до 400 скупщиков, а за ними, отделенные барьером, простые зрители, публика — всего до тысячи человек. Пока аукционист выкликал и продавал партию за партией вина, — снаружи, на площади, на улицах, в кафе, шло веселье, шум, развлечения, продажа

Рис. 1. Дом в деревне Оберзеебах (Эльзас, июнь 1957 г.)

из киосков всякой всячины, громкие зазывания, и что самое интересное — выступления народных певцов (*chansonniers*) в традиционных национальных костюмах, исполнявших бургундские и другие французские народные песни под аккомпанемент старинных струнных инструментов (*la vielle* — нечто вроде украинской лиры). Музыка, пение и само зрелище были незабываемы! Вечером тот же посол Великобритании устроил торжественный банкет для почетных участников праздника.

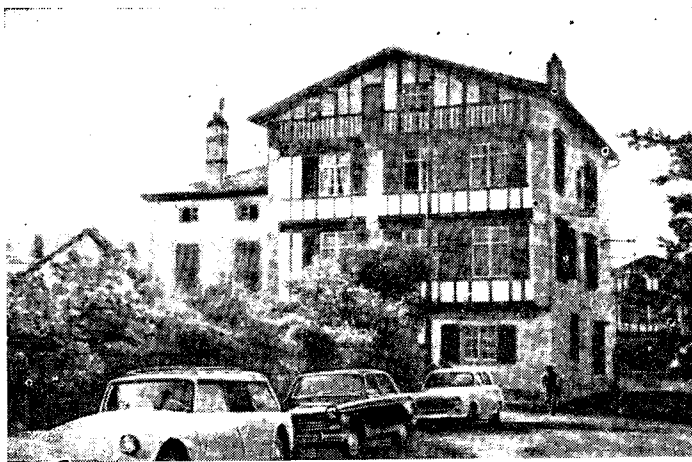

Рис. 2. Дом в деревне Юстариц (Страна Басков, июнь 1967 г.)

Весь этот праздник бургундских виноделов можно рассматривать как яркий образец своеобразного приспособления народных традиционных празднеств к условиям современного крупнокапиталистического хозяйства и мирового рынка. Эти аукционы вин происходят ежегодно уже более 100 лет, с 1859 года.

Но винодельческие районы составляют, как уже сказано, скорее исключение в общей картине затухания старинных обычаев.

Их вытесняют новые праздники и обычаи, постепенно становящиеся — в некоторых случаях — общенародными. Например, все более популярным, из года в год, ста-

новится во Франции день коммунистической газеты «Humanité», справляемый в сентябре в одном из рабочих предместий Парижа, куда съезжаются гости из разных коцов страны. Имеются и новые, постепенно все шире распространяющиеся среди французских обычаев, становящиеся тоже традицией: например, летние «кэмпинги», поездки на каникулы (vacances) к морю, в горы, движение «натуризма» и пр.; но во всем это мало собственно национального, — это явления более или менее общеевропейские. Характерен обычай проводить в свободное время долгие часы в кафе — в теплые дни за столиками, расставленными перед кафе на улице, — попивая вино, пиво, кофе. И этот обычай распространен во всех южноевропейских странах, и здесь мало собственно национального.

Совсем другое дело — культурные традиции, сохраняющиеся среди национальных меньшинств (и частью — среди обособленных областных групп самого французского населения). Здесь они держатся гораздо прочнее, и не только стихийно: их поддерживают сознательно, их развивают, расширяют, даже создают новые, но на старой культурно-этнической основе. Я имел возможность наблюдать проявление этих тенденций у эльзасцев, бретонцев и басков, а кое-какие сведения получил, еще об «окситанском» населении Южной Франции и о населении одного из районов Центрального Массива.

Здесь прочнее всего держатся и своеобразные особенности материальной культуры. Это легко заметить даже при кратковременном посещении. Традиционные постройки, не только в деревнях и на фермах, но в значительной степени и в городах, сразу бросаются в глаза. В Эльзасе это построенные рамной (клеточной, Fachwerk) техникой дома, сходные со среднемецкими («франконскими»). В Бретани — характерные гранитные, вытянутые в длину одноэтажные постройки с каминными трубами, выступающими наружу по обоим концам дома. В Стране Басков — огромные каменные «баскские» дома, трех-, четырехэтажные, отчасти близкие к «альпийскому» типу, обычно очень старые, — на многих есть даты, указывающие на XVII, даже на XVI век. Тем не менее они почти все выглядят как новые — свежоштукатурены, аккуратно покрашены. То же можно сказать и об эльзасских домах.

Можно думать, кстати, что и самое сохранение традиционных типов сельских построек есть в какой-то мере проявление сознательного стремления удержать своеобразие своей областной (этнической) культуры. По крайней мере, в Эльзасе есть любопытный обычай: общественно-культурные организации устраивают ежегодные конкурсы сельских домов, — и за лучшее содержание дома, за красивый, нарядный фасад хозяева дома получают премии. Обычай этот имеет, конечно, и вполне очевидный коммерческий смысл: привлечение туристов, для которых эти национальные районы служат излюбленными местами посещения.

Сохранились и элементы народной одежды, — хотя полный и нарядный «национальный» костюм надевают сейчас только в особые праздники, при выступлениях художественных ансамблей и пр. Одежда эта, впрочем, по своему происхождению может быть и вовсе не старинной: традиции шить и носить ее восходят вообще лишь к XIX веку (ведь в эпоху феодализма крестьянам запрещалось носить красивую, нарядную одежду). Отдельные части народной одежды — например, головные уборы в Бретани — носятся и в повседневном быту, особенно пожилыми женщинами.

Сохраняются кое-где мелкие крестьянские кустарно-ремесленные производства. Я видел гончарное производство в Эльзасе (дер. Обербетшдорф), изготовление кукол в национальных костюмах и тканей с вышивкой в Бретани (Пон л'Аббэ, где это теперь, правда, уже приняло фабричные размеры и капиталистическую форму), ручное ткачество там же (дер. Лекронан). В поездку 1961 г. мне довелось наблюдать ручное плетение корзин и изготовление деревянных «сабо» в деревне Валабрег (Прованс).

Другое выражение культурных этнических традиций — сохранение некоторых старинных обычаев, обрядов, поверий. Некоторые записи этого рода удалось сделать в названных выше областях Франции, но эти записи, конечно, очень отрывочны.

Однако сильнее и ярче всего приверженность к народным культурным традициям сказывается в национальных областях в устройстве фестивалей народного искусства. Это не старая традиция: в разных областях Франции подобные фестивали начали устраиваться после первой мировой войны, а после перерыва, вызванного второй мировой войной, возобновились и теперь с года на год расширяются и становятся все более популярными.

Мне удалось побывать на четырехдневном большом фестивале народного искусства в Кемпэре (Бретань) 20—23 июля.

Эти ежегодные фестивали (Grandes Fêtes de Cornouaille) справляются с 1923 года; с конца 50-х годов они начали принимать все более организованный вид и все большие размах. Заранее печатаются и распространяются рекламные проспекты-программы, из года в год все больше съезжаются участники и зрители — особенно, конечно, из разных районов Бретани, — приезжает все больше туристов из других стран. В 1967 году в Кемпэр собралось, по примерному подсчету, около 3 тысяч участников шестей в «национальных» костюмах, около тысячи музыкантов, много исполнителей

народных танцев и песен. Подавляющее большинство — из разных районов Бретани, но были и приглашенные ансамбли: из Тулузы («Окситанский балет»), из Болгарской Народной Республики (Ансамбль Болгарской Армии), из Мюнхена (ФРГ). Зрителей же собралось, по-видимому, тысяч 18. Город заранее был украшен нарядными плакатами, флагами, в магазинах продавались сувениры, так или иначе связанные с фестивалем, — особенно куклы в национальных нарядах. Сам фестиваль проходил в шестиях колонн участников в праздничных нарядах, военным строем, под оркестр (волыны, гобой, барабаны) по улицам города, в выступлениях ансамблей и отдельных исполнителей народных песен, танцев, инсценировок с эстрады на открытых площадях

Рис. 3. Шествие участников фестиваля (Кемпэр, июнь 1967 г.)

и пр.; состоялся конкурс музыкантов, было несколько лекций по истории бретонского языка и литературы. Самым торжественным оказался последний день фестиваля, воскресенье, начавшийся с «бретонской мессы» в соборе, — заполнившая его масса народа была почти вся в национальных костюмах. Затем состоялся торжественный обед для участников фестиваля (на несколько сот человек) и — заключительный акт — торжественное прохождение колонн демонстрантов в костюмах, со знаменами и под оркестр (свой у каждой колонны); многие участники демонстрации несли в руках эмблемы своего района или местной преобладающей отрасли хозяйства: пучки колосьев пшеницы, рыболовные сети, корзины с фруктами, камыш для плетения и пр. В этот же день жюри объявило результаты конкурса музыкантов и выбрана была «королева Корнуайля» (за лучший костюм и лучшее исполнение танца) — девушка, которая будет носить это почетное звание в течение года; «королеву» премировали также поездкой в Италию на артистические гастроли.

Хочется подчеркнуть три особенности в Бретонском фестивале. Во-первых, здесь не было резкой грани между исполнителями и зрителями: об этом говорят не только огромное количество участников шествий в костюмах, но и то, что, по крайней мере в первый вечер, при исполнении бретонских песен, музыки и танцев, публика, заполнившая площадь, сама активно принимала участие в действе, устраивая хороводные танцы; временами танцевала вся площадь, большими и маленькими хороводами. Во-вторых, выступления музыкантов, певцов и танцоров в глазах многочисленных зрителей и слушателей (в большинстве бретонцев) имели значение, видимо, не столько с артистической точки зрения, сколько как проявление национальных чувств: и участники и слушатели с равным восторгом аплодировали каждой песенке, каждому танцу (хотя для постороннего наблюдателя и то и другое представляло зачастую нечто монотонное, даже утомительное). В-третьих, наконец, все это публично демонстрируемое богатство народной бретонской культуры — особенно костюмы — отнюдь не обязательно представляет собой нечто древнее: напротив, бретонские «национальные» костюмы по своему происхождению, как уже говорилось, не старше XIX века, а наиболее нарядный и разнообразный вид они приобрели лишь в самые последние десятилетия. Видимо, вообще «национальные» особенности культуры вовсе не всегда составляют ее архаический слой: они могут быть и совсем новыми, могут создаваться и развиваться из наших глаз. Вывод для этнографической науки очень важный.

Большое общественное значение, придаваемое во Франции подобным фестивалям, видно, между прочим, и из того факта, что на описываемом корнуайльском празднике присутствовали, и даже руководили им, должностные лица — мэр города и др.; присут-

ствовал даже член правительства, министр г-н Мишле, сказавший приветственную речь на торжественном обеде.

Но не надо думать, что такие торжественные и парадные фестивали — единственная форма проявления народного искусства бретонцев: напротив, очень популярны у них и чисто местные праздники — вечеринки (Fest Noz по-бретонски) с выступлениями народных певцов и музыкантов, с танцами и весельем. Мне удалось побывать на таком местном празднике в ноябре 1961 г. в самой глуши Бретани, вдали от всяких

Рис. 4. Участник конкурса музыкантов (Кемпэр, июнь 1967 г.)

туристских маршрутов, в деревне Гломель. В каком-то большом пустом бараке — сарае (где бываю и киносеансы) собралось человек 150—200 разного возраста; они усердно отплясывали бретонские народные танцы под волынку и гобой, пели по очереди бретонские песни. Было очень весело.

Одновременно с многолюдным Fête de Cornouaille в июле 1967 г. происходил фестиваль местного искусства в Эльзасе. Я мог видеть там только подготовку к нему: в деревне Обернэ соорудили на площади большую эстраду — деревянный помост, вся деревня имела уже праздничный вид, висели плакаты, продавались сувениры... Однако размах празднества явно уступал бретонскому.

И почти в те же дни устраивались массовые зрелища и празднества в Стране Басков; но здесь программа была растянута на большой срок и децентрализована. В разных деревнях и городках устраивали демонстрацию национальной игры басков, называемой здесь испанским словом «пелота»⁴, устраивали корриды (бои быков) и «souisses de vaches» (сходное с корридой зрелище, но без умерщвления животного), представления «баскского балета». Мне довелось побывать на соревновании по «пелоте» в деревне Юстариц, где местная, лучшая во всей стране, команда победила своих противников. Своеобразная спортивная игра в мяч, практикуемая только у басков, считается одной из особенностей национальной культуры этого народа. Эта игра требует от участников необычайного мастерства (все мужчины-баски практикуются в ней с детства) и представляет в высшей степени увлекательное зрелище. Я видел также выступления «баскского балета». Значение всех этих демонстраций местной культуры, — очевидно, то же, как в Бретани, но масштаб меньше.

Великолепным было выступление «Окситанского балета», участвовавшего в Бретонском фестивале. Этот коллектив (около 40 человек), составленный более 10 лет тому назад под руководством талантливой артистки и певицы Франсуазы Даг, гастролирует успешно в разных странах. В выступлениях его сочетается профессиональное мастерство с чисто народной основой. Эта основа, кстати, очень заметно отличается от стиля бретонского народного искусства; вместо довольно монотонной и примитивной музыки и пляски здесь налицо богатое наследие высоко развитой средневековой провансальской культуры: сложная мелодика и гармония, утонченная ритмика, разнообразный состав инструментов (скрипка, la vielle и др.), блестящие танцы, театральчо-балетные инсценировки.

⁴ Pelota — мяч, шар (испан.).

Из сказанного выше видно, что вопрос о судьбе национальных (этнических) культурных традиций во Франции тесно связан с национальным составом ее населения, с его этнической структурой. По этой проблеме тоже удалось собрать некоторые данные.

Этнические процессы, наблюдаемые сейчас во Франции, имеют два аспекта. С одной стороны, происходит, и во все более ускоряющемся темпе, слияние областных групп собственно французского народа в монолитную французскую нацию. Этот процесс, заметно ускорившийся после Великой революции конца XVIII в., выражается сейчас в вытеснении местных говоров (patois) литературным французским языком (через школу, газеты, радио, литературу, военную службу), в перемешивании самого населения путем внутренних миграций, в ослаблении областного самосознания в пользу общенационального. С другой стороны, идет сложный процесс взаимодействия между собственно французской нацией и национальными меньшинствами, сохраняющимися за окрестками страны. Эти-то взаимоотношения и составляют то, что можно назвать «национальным вопросом».

Национальный вопрос во Франции, как известно, не стоит остро. Национальные меньшинства, занимающие окраины страны, — это эльзасцы (1,3 млн.), бретонцы (800 тыс. — 1,1 млн. по разным исчислениям), корсиканцы (св. 250 тыс.), каталонцы (ок. 200 тыс.), баски (130 тыс.), фламандцы (расчеты численности сильно расходятся, от 100 тыс. до 400 тыс.). Эти национальные меньшинства, сохраняющие свои языки, не обнаруживают заметных тенденций (если не говорить о мелких политических группах) ни сепаратистских, ни автономистских, и в подавляющем большинстве не противопоставляют себя французам. Помимо этих шести бесспорно самостоятельных национальностей, есть еще одно национальное меньшинство, которое, однако, далеко не всеми признается таковым: это «окситанцы», жители Южной Франции, говорящие на langue d'oc. Этот язык заметно отличается от французского, приближаясь к каталонскому, а частично и к испанскому.

Из этих национальных групп мне удалось, как уже сказано выше, повидать эльзасцев, бретонцев и басков, немного поговорить и с «окситанцами»; остались совсем незатронутыми каталонцы, корсиканцы и фламандцы. Меня интересовало, в первую очередь, этническое и национальное самосознание в этих местных национальных группах и в связи с этим — взаимоотношения языков и проблема двуязычия.

В отношении эльзасцев уже не раз отмечалось в литературе, что этот народ, говорящий на местном диалекте (точнее — двух диалектах — алеманском и франкском) немецкого языка, тем не менее тяготеет по своим симпатиям и политическому самосознанию больше к Франции, чем к Германии. Это объясняется прежде всего историческими судьбами Эльзаса, пограничной страны, переходившей не раз из рук в руки, но получившей демократические права от революционной Франции. Как обстоит дело с языком и национальным самосознанием эльзасцев сейчас?

Родным языком служат и сейчас, по крайней мере для подавляющего большинства населения — для крестьянства, — местные диалекты; жители называют свое наречие, когда говорят по-французски, «l'alsacien». Дети выучивают французский язык в большинстве случаев только в школе. Тем не менее все население знает французский язык, хотя некоторые лица старшего поколения знают его недостаточно⁵. Многие — но далеко не все — говорят и на литературном немецком языке (от которого местные диалекты сильно отличаются)⁶. Все названия улиц, вывески, дорожные надписи и пр. — французские (только вывески кафе нередко на двух языках). Местные газеты «Le Nouvel Alsacien» («Der Elsässer») и «Dernières Nouvelles d'Alsace» печатаются на двух языках: в каждом номере есть статьи на французском и на немецком (литературном) языках. В некоторых крестьянских домах я видел только немецкие книги. На местных диалектах литературы почти нет: по-видимому только один писатель — Роберт Вилль — печатает свои рассказы на диалекте. Интеллигенция в большинстве случаев воспитана на французской культуре и тяготеет к ней. Лишь небольшая кучка старых интеллигентов обнаруживает приверженность к немецкой литературе. Эти сведения сообщил мне директор Эльзасского музея с немецкой фамилией Henninger, ко-

⁵ По статистике 1926 г. французским языком пользовались, как обиходным (langue usuelle), из каждой тысячи человек в Нижнем Эльзасе 202 человека, в Верхнем Эльзасе — 225 чел. («Das Elsass von 1870—1932», B. IV, Colmar, 1938, стр. 199); с того времени число людей, употребляющих французский язык, конечно, значительно увеличилось.

⁶ По тем же данным 1926 г. немецким литературным языком пользовались, как обиходным — наряду с диалектом или с французским, — из каждой тысячи человек в Нижнем Эльзасе всего лишь 83 человека, в Верхнем Эльзасе — 71 человек; одним только немецким литературным языком — лишь 15 человек из тысячи в Нижнем Эльзасе и 8 человек в Верхнем Эльзасе (там же).

тую он, однако, произносит на французский лад — Эненжé, заверивший меня и своей личной горячей приверженности к французской культуре.

Насколько я успел узнать, эти различные национально-культурные симпатии переходят в политическую плоскость⁷, и говорить о каком-либо сепаратистском движении в Эльзасе сейчас, кажется, нет оснований.

Сложность этнических отношений в Эльзасе усугубляется вероисповедной рознью. Около трех четвертей населения там — католики, остальные — протестанты. Но и среди протестантов нет единства: есть лютеране и есть кальвинисты. Лютеранство сохранилось здесь от того времени, когда Эльзас принадлежал герцогам Вюртембергским. Кальвинизм — следствие связей с соседней Швейцарией. Большинство протестантов кальвинистов считает своим родным языком, видимо, французский, тогда как лютеране говорят на местных диалектах (эти сообщения я не успел проверить). Между приверженцами разных вероисповеданий, — которые живут по большей части в одних и тех же деревнях, — особой розни нет; однако смешанные (в вероисповедном отношении) браки все еще редки.

Несколько проще этнические и языковые отношения в Бретани, где религиозных различий нет (все католики), и где соперничают только два языка: французский и бретонский (язык кельтской группы, родственный уэльскому, гэльскому и ирландскому языкам Британских островов). Как известно, вековая борьба между бретонским и французским языками идет с неуклонным перевесом французского, — языка школы, высокой культуры и богатой литературы. Языковая граница неумолимо сдвигается все дальше к западу, проходя сейчас приблизительно с севера на юг по линии Сен-Брие — Ванн; к востоку от этой линии, в «Верхней Бретани», говорят уже только по-французски; да и к западу от нее, в «Нижней Бретани» — «Bretagne bretonnante», — бретонский языковой массив все более размывается изнутри.

Если в 80-х годах XIX в. Мопассан мог написать после своей поездки по Бретани, что там можно сутками ехать, не слыша ни одного французского слова, то теперь положение совсем иное. Благодаря французской школе и всем прочим формам культурного влияния французский язык понимают все или почти все⁸. Сами бретонцы (если не говорить о немногих интеллигентах — поклонниках бретонского языка) нередко смотрят на свой язык, как на мужицкую речь, не нужную образованному человеку. Характерный пример привел в разговоре со мной местный заслуженный деятель культуры, архитектор Жак Лашо (француз, давно живущий в Бретани): его домашняя работница, бретонка, с негодованием отказалась выполнить его просьбу — разговаривать с его детьми по-бретонски, чтобы они освоились с этим языком.

У бретонцев сохранились следы как бы ступенчатого этнического самосознания — наследие феодальной раздробленности. В пределах бретонской языковой территории выделяются 4 диалекта — корнуайльский, леонский, трегьерский и ваннский. Они соответствуют четырем епископствам и, очевидно, восходят истоками своими к древнему делению народа. В свою очередь, эти 4 языковые области делятся на более мелкие территориальные группы («*crays*»). Внешней приметой последних служат различия в национальных костюмах, особенно в женских головных уборах, — покойный этнограф Крестон, тщательно изучивший их, установил бытование 21 типа головных уборов в пределах Бретани; субъективным выражением того же служит областное (в известном смысле этническое) самосознание. Например, в юго-западной части полуострова выделяется область Бигудэн (с центром в Пон-л'Аббэ); жители ее, бигуданцы, считаются своеобразной этнической группой, они сами сознают свою земляческую солидарность. Но бигуданцы вместе с несколькими другими местными группами (длугастельцы, дуарненейцы и др.) входят в Корнуайльский округ, население которого, говорящее на своем диалекте, противопоставляет себя, например, леонцам (население северо-западной части полуострова) и другим областным группам. Это противопоставление проявлялось раньше, как мне говорили, в бытовых земляческих связях и в соперничестве землячеств в средних и высших учебных заведениях. Но при том все вместе считало себя, конечно, бретонцами, в отличие от собственно французов.

Национальное бретонское движение сравнительно слабо. Оно развивается на несколько течений. Одни стараются поддерживать и развивать то ценное, что есть в

⁷ Политических симпатий к Германии у эльзасцев никогда не было. В годы аннексии Эльзаса кайзеровской Германией (1870—1918) эльзасское население в подавляющем большинстве протестовало против нее, неизменно избирая в составе рейхстага депутатов — противников аннексии. После нацистского захвата Эльзаса, даже в момент апогея военных успехов гитлеровской Германии (июль 1942 г.) в Эльзасе насчитывалось официально всего 12 тысяч членов нацистской партии, да и из них к концу того же года многие были «гаулейтером» Вагнером исключены из партии как ненадежные элементы (Paul Séra nt, *La France des minorités*, Paris, 1965, p. 300).

⁸ По некоторым сведениям, есть до 12 тысяч бретонцев (вероятно, в большинстве пожилого возраста), не знающих французского языка, — против миллиона двуязычных (P. Séra nt, *Указ. раб.*, p. 149).

бретонской народной культуре,— отсюда устройство фестивалей (о которых уже была речь), культивирование национальной музыки, танца, народной одежды, прикладного искусства. Владелец большой мастерской в Пон л'Аббэ Анри Ле-Минор, где 150 работников изготавливают на продажу национальные ткани с вышивкой, кукол в национальных

Рис. 5. Ресторанчик в старинном бретонском крестьянском доме

Рис. 6. Хозяйка ресторана (Бретань)

нарядных костюмах, сознательно культивирует национальное бретонское искусство. Однако он ориентируется не на старину, не на архаику, а на рыночный спрос, на экономику, без чего, как он правильно полагает, невозможно сохранить национальное искусство.

Другие заботятся о сохранении и распространении бретонского языка — иначе, по их мнению, и вся национальная бретонская культура будет обречена на вымирание. С 1951 г. законом допущено преподавание в школе местных языков («Закон Диексона»), в том числе, значит, и бретонского, но лишь как факультативных предметов. Но фактически закон помогает мало: многие родители предпочитают, чтобы дети помогали им по хозяйству, чем тратили время на дополнительные школьные уроки бретонского языка (на это жаловался нам еще в 1961 г. учитель сельской школы в деревне Гломель, М. Мерсье). Ревнители родного языка — бретонские интеллигенты — не жалеют усилий, добиваясь улучшения законодательства о региональных языках, увеличения количества радио- и телепередач на бретонском языке (в настоящее время эти передачи разрешены только раз в неделю, по воскресеньям, по 1—1,5 минуты!). Это течение организационно возглавляется особой комиссией по культуре (Emgleo Breiz), входящей в общенациональный «Национальный совет защиты региональных языков и культуры». Эта Комиссия — один из главных ее деятелей А. Керавель, снабдивший меня обильными материалами по данному вопросу,— то и дело составляет докладные за-

писки на имя министра просвещения и разворачивает усиленную агитацию среди бретонского населения. В 1965 г. Комиссия распространила «Великую народную петицию» в защиту прав бретонского языка и культуры; под этой петицией к лету 1967 г. удалось собрать свыше 130 тысяч подписей. Но шансы бретонского языка на укреплении и даже на сохранение своих позиций все же, видимо, невелики.

Третье течение, наконец,—это очень небольшая группа экстремистов-сепаратистов, скомпрометировавшая себя, кстати, во времена немецко-фашистской оккупации сотрудничеством с гитлеровцами. Группа эта издает крикливо-националистическую газетку «L'Avenir de la Bretagne», где печатаются резкие нападки на централизаторскую политику Парижа, которая-де угрожает проглотить все провинции. Эта газета спекулирует на законном недовольстве бретонских крестьян и рыбаков неблагоприятными для них условиями рынка, демагогически кричит о растущей эмиграции бретонцев, о падении численности населения, несмотря на высокую рождаемость. Но сепаратисты, видимо, не пользуются популярностью в народе.

Экономическое положение Бретани в системе французского хозяйства действительно незавидно: жизненный уровень низок, депопуляция, вызванная непрекращающейся эмиграцией, растет, происходит даже дезиндустриализация Бретани, падение местного судохозяйства⁹. Но причиной этого служит, конечно, не национальная дискриминация, которой во Франции нет, а неблагоприятное географическое положение области и общины, присущие капитализму экономические противоречия.

Что касается басков, то у них национальное движение проявляется в тех же формах, что и в Бретани. Есть стремление сохранить и развить национально-культурные традиции: танцы, костюмы, национальную игру «пелота». Устраиваются фестивали. Богатейшие коллекции по баскской культуре содержит «Баскский музей» в Байонне. Забота о сохранении этого культурного наследства — наиболее здоровая и бесспорная струя в национальном движении.

Труднее что-либо сказать о языке. Загадочный язык басков, до сих пор никем из лингвистов удовлетворительно не классифицированный, держится крепко,—как в испанской, так и во французской части Страны Басков. Однако все баски двуязычны: икола — французская (в Испании — испанская), книг на баскском языке почти нет. Многие баски трехязычны: испанская граница почти открыта, и общение между французскими и испанскими басками оживленное.

Есть и здесь экстремистская националистическая группа, крайне малочисленная. Она издает с 1962 г. газетку «Epbata» (на французском языке). Лозунг этой группы — объединить все 7 баскских провинций (4 в Испании, 3 во Франции) в единое самостоятельное государство. Националисты хвастаются древностью своего языка и «расы»: будто бы «ученые доказали», что баскская «раса» существовала уже за 30 тысяч лет до н. э. (!).

Науке предстоит еще серьезно изучить вопрос о причинах стойкости таких языков, как баскский и бретонский, а также эльзасские диалекты, вопреки неблагоприятным историческим обстоятельствам. Видимо, стойкость эта вытекает из функции языка как средства поддерживать национальную обособленность,—ибо другую, первичную функцию всякого языка — как средства культурного общения людей — гораздо лучше выполняет во всех этих районах французский язык, который все знают.

Вероятно, это же надо сказать и об окситанском языке (лангдок). Этот язык часто называют «провансальским», но это неточно: Прованс — это только одна из южно-французских провинций, расположенная в низовьях Роны (города Экс, Арль, Авиньон и др.), а провансальское наречие, наряду с верхне- и нижне-лангдокским, гасконским, лимузенским, овернским, входит в более широкую языковую общность — «окситанский язык» (langue d'oc).

Этот язык — точнее, совокупность южнофранцузских наречий — есть наследие раннесредневековой эпохи, когда юг Франции, Лангдок, представлял собой, экономически и культурно, наиболее развитую часть не только собственно Франции, но, пожалуй, и всей Западной Европы: там были богатые торгово-ремесленные города, связанные с прочими средиземноморскими странами, чем с северной Францией; там в XII в. расцвета замечательная поэзия «трубадуров», слагающих свои лирические песни на родном «провансальском» языке. Эти песни и стихи трубадуров послужили тогда образцом поэтического творчества для всех стран Западной Европы. Язык их — langue d'oc в отличие от langue d'oïl Северной Франции — первым из всех романских языков получил литературную обработку. Однако после страшного военного разгрома Лангдока северофранцузскими рыцарями (1229 г.) и последующего объединения всей Франции вокруг Парижа (XV—XVI вв.) Лангдок потерял свое прежнее экономическое и культурное преобладание, и «провансальский» язык опустился до уровня местного наречия, постепенно все более вытесняемого официальным французским языком.

Когда же в начале XIX в. развернулись по всей Европе национальные движения, — стали делаться и в Южной Франции попытки возродить богатый средневековый язык

⁹ См.: P. Sérant, Указ. раб., p. 141.

трубадуrow. И именно на основе местного наречия нижней Роны (Авиньон, Арль) выработан был — в особенности усилиями местных патриотов, «фелибров» — провансальский литературный язык; он получил блестящую литературную форму в произведениях выдающегося провансальского поэта Фредерика Мистрала (1830—1914). Может быть, именно поэтому понятие «провансальский язык» стало вновь употребляться в более широком смысле, охватывающем всю южную Францию.

По словам руководителей «Окситанского балета», культурные деятели Тулузы и всего Лангдока поддерживают дружественные связи с «фелибрами» Прованса. По литературе, однако, известно, что между культурно-национальными организациями Лангдока и Прованса есть соперничество и разногласия, — прежде всего по вопросу о провансальском литературном языке: лангдокцы его не принимают, пытаются выработать литературную форму «окситанского» языка на более широкой диалектальной основе¹⁰. В университетах (Тулуза, Монпелье) преподается литературный лангдокский язык. В 1945 г. в Тулузе действует «Институт Окситанских исследований» (Institut d'études occitanes)¹¹. Вопрос о взаимоотношениях «окситанского» и «провансальского» движений требует дальнейшего изучения.

Существует, кстати, и небольшая националистическая группа, добивающаяся политической автономии для районов окситанского языка, т. е. фактически для всей южной Франции; группу возглавляет Франсуа Фонтан. Но никто не принимает эту программу всерьез.

По сравнению с другими областными языками Франции лангдокский (провансальский) язык в последнее время обнаруживает значительно меньшую стойкость: он все более уступает место французскому. В городах южной Франции по-французски говорят теперь не только в общественных местах, но и дома; окситанский язык сохраняется преимущественно в деревне.

3.

За кратковременную поездку невозможно составить себе полное представление о современном состоянии этнографии во Франции. Но дополнив знакомство с французской этнографической литературой непосредственными впечатлениями и сведениями, полученными из бесед, я попытаюсь коротко обрисовать его общую картину.

Этнографическая деятельность во Франции сильно централизована: большинство этнографов работает в институтах, музеях, вузах Парижа, в Париже выходит и почти вся этнографическая (как и вообще научная) литература. Большую роль в организации планомерной научной работы (в том числе и по этнографии) играет «Национальный Центр научных исследований» (Centre Nationale des Etudes Scientifiques, CNES), с его уполномоченными на местах. В провинции очагами этнографической работы служат лишь некоторые университеты и отчасти этнографические и краеведческие музеи. Впрочем, в музеях ведется главным образом собирательская работа; больше того, — почти все коллекции в провинциальных музеях старые, и музеи лишь хранят и экспонируют их; собственно научная деятельность музеев слаба. Это я заключаю на основании ознакомления во время последней поездки с музеями в Страсбурге, Кемпэре, Байонне, а в прежнюю поездку (1961 г.) — с музеями в Боне, Арле, Ренне, Сан-Мало, Сен-Бриё. Лишь изредка встречаются в экспозиции провинциальных музеев попытки что-то обобщить, картографировать распространение и типы каких-либо явлений (типы сельскохозяйственных орудий, одежды и пр.); притом и все немногочисленные карты подобного рода (Страсбург, Кемпэр) сделаны давно. Научный персонал музея состоит обычно из одного человека (директор, хранитель); иногда — как в Арле — один директор на несколько музеев; прочий персонал — технические сотрудники, вахтеры, сторожа. Есть музеи с этнографическими коллекциями, где этнографов среди сотрудников нет совсем. Полевую работу на местах чаще ведут приезжие парижские этнографы. Такая крайняя централизация научной деятельности — конечно, отрицательное явление.

За последние годы начало вводиться преподавание этнографии (этнологии) в провинциальных университетах. Сейчас читаются курсы этнологии (местами вместе с социологией) в университетах Лиона, Бордо, Страсбурга, Монпелье, Нанта.

В Париже ведется большая и плодотворная научная этнографическая работа. Главные очаги ее — музеи: Musée des arts et traditions populaires (АТР) по этнографии Франции, и Musée de l'homme по этнографии других стран. Кроме того, этнографы читают курсы и ведут научную работу в вузах: Sorbonne, Collège de France, École Pratique des Hautes Études, Université Catholique.

Парижские музеи проводят серьезную собирательскую и научную полевую работу. Я успел больше познакомиться с деятельностью АТР.

¹⁰ См. Charles Camproix, Histoire de la littérature occitane, Paris, 1953, p. 216—217 и др.

¹¹ Он издает свои «Ежегодники» на французском языке («Les Annales de l'I. E. O.») и на местном языке литературный журнал.

Этот музей до сих пор находится в свернутом состоянии. Его этнографические коллекции, очень богатые, хранятся в подвальном помещении левого крыла большого дворца Шайо, где в экспозиционных залах выставлены экспонаты (муляжи) музея средневекового искусства Франции: прекрасные памятники архитектуры и скульптуры. В правом же крыле помещается Музей Человека. Собственного помещения АТР пока не имеет. Но в этом году заканчивается строительство нового обширного 11-этажного здания музея в Булонском лесу, на западной окраине Парижа. Два очень поместительных нижних этажа предназначены под экспозицию (основная экспозиционная площадь — 2324 кв. м.), остальные этажи — под научные кабинеты, лаборатории, хранилища, библиотеку, фототеку, архив и другие вспомогательные учреждения. План организации музея в новом здании разработан весьма тщательно. Официальное его открытие было намечено на конец 1968 г., но отложено на 1969 г.

СобираТЕЛЬСКАЯ и научная полевая работа музея очень велика. Правда, после смерти бывшего руководителя музея, Арнольда ван-Геннепа, прекратилось систематическое собирание экспонатов по материальной культуре со всей Франции, но огромная составленная тогда картотека по народной архитектуре (поселения и постройки) — 1.425 карточек с описаниями построек, покрывающими большую часть Франции, хранится в архиве музея. Сейчас же главное содержание полевой работы музея — изучение народной музыки, танца, фольклора. Под руководством госпожи Клоди Марсель-Дюбуа отдел музыкальной этнографии (Département d'ethnomusicologie) собрал и продолжает собирать огромную коллекцию записей народной музыки. При отделе имеется прекрасно оборудованная современными приборами лаборатория. Печатаются специальные труды и статьи по музыкальной этнографии. Изучением народного танца занимается Жан-Мишель Гильшер: он вел эту работу в Бретани, в Стране Басков, теперь заканчивает сбор материала в южной части Оверни (Обрак). Фольклор изучает Донасьен Лоран, — главным образом в Бретани.

Самое интересное в полевой работе Музея за последние годы — это большая комплексная («кооперативная», как ее называют во Франции) экспедиция в район Обрака. Экспедиция начала работать в 1963 г. и в настоящее время работы уже заканчиваются. В ней участвуют этнографы, социологи, экономисты, агрономы, лингвисты, искусствоведы — всего несколько десятков человек, в том числе крупные ученые. Руководит экспедицией Постоянная комиссия — в составе А. Леруа-Гурана, Ж.-А. Ривьера, А. Феля (университет в Клермон-Ферране), Корнеля Жеста и Клоди Марсель-Дюбуа. Район исследования выбран из-за его захолустности и архаичности быта, основанного на горно-скотоводческом полукочевом хозяйстве. Обрак — часть этнографической области Руэрг, в свою очередь составляющей южную окраину Оверни (Центральный Массив); но руэрги сейчас не любят, когда их смешивают с овернянами (к которым в Париже установилось пренебрежительно-ироническое отношение), называют себя Rouergats. Здесь сохранилось много традиционных архаических черт в хозяйстве, быту, культуре. Изучение этих реликтовых черт — главная задача экспедиции.

Результаты выполненной работы очень велики; они сейчас обрабатываются и частично уже обработаны. Уже представлено 25 научных монографий, общим объемом более 2 тыс. страниц¹², сделано около 9 тыс. фотоснимков, заснято свыше 17 тысяч метров киноплёнки (что соответствует 20 часам демонстрации), записано 450 магнитофонных лент и пр. Из намеченных к монтажу 13 кинофильмов два уже готовы (оба они были показаны): «Предание о чёрте, вселившемся в козла» и «Молотба хлеба»; оба фильма очень интересны.

* * *

Я намеренно не коснулся здесь другого крупного раздела французской этнографической науки: этнографического изучения внеевропейских стран. В этой области достижения французской науки огромны, но они могли бы быть темой отдельной статьи. Особого рассмотрения заслуживают и теоретические труды французских этнографов («этнологов», как там чаще говорят) и социологов, за последние годы создавших в высшей степени интересные — пусть и спорные — концепции истории человеческой культуры. Достаточно назвать замечательные работы Андре Леруа-Гурана, парадоксальные, но интересные сочинения Клода Леви-Строса, оригинальные обобщения Жана Казнёва, Марселя Маже, Андре Одрикура, историко-социологические труды марксистов-африканистов Сюре-Канала, Годелье, не говоря о многих других. Эта тема, однако, вышла за рамки моих задач во время поездок во Францию, — как выходит она и за рамки этой статьи.

¹² В том числе монографии: об экономике Обрака (Шарль Парэн), о происхождении горно-кочевом скотоводстве в Руэрге (Жак Буске), о верованиях и обычаях (Анри Гроль), о народной музыке (Клоди Марсель-Дюбуа), о народных танцах (Жан-Мишель Гильшер), монографическое описание общины Севейрак и общины Мерле (Филипп Саган), монографическое описание общины Камбус (А. Дюран-Тюллу) и др. Все вместе будет публиковаться в общей серии «L'homme des buirons» (слово «buirop» означает хижину и сыроварню горного пастуха).

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Völkerkunde für jedermann. Leipzig, 1967, 436 S.

«Этнография для всех» — это книга, подготовленная большим коллективом сотрудников Института этнологии и сравнительной социологии права им. Юлиуса Липса при Лейпцигском университете им. Карла Маркса. Авторы не ставили своей целью создать учебное пособие. Их книга — научно-популярный труд, который должен дать самым широким массам читателей наиболее общее представление о предмете и задачах этнографии и конкретные справочные сведения о всех сколько-нибудь значительных народах Земли. Книга издана картографическим издательством «Герман Гаак», поэтому оформление ее своеобразно. Очень большое место в ней занимают карты и картосхемы. Кроме того, она богато иллюстрирована, причем помимо многочисленных цветных и черно-белых фотографий имеется множество штриховых рисунков. Эти три типа иллюстраций — карты, фотографии и штриховые рисунки различаются по приданной им информативной нагрузке. Карты, вполне естественно, отражают прежде всего этнический состав отдельных территорий, затем плотность населения, историю этих территорий, сложение и дальнейшую участь государства, места битв и восстаний, направления переселений, походов, торговых путей, а также очень подробную историю географического и этнографического изучения. В этом отношении ценность данного издания особенно велика, потому что мало где еще можно найти собранные воедино маршруты почти всех значительных экспедиций и путешествий вплоть до конца XIX в.

Многочисленные фотографии, производящие прекрасное впечатление благодаря превосходному качеству печати, главным образом должны давать общее представление об этническом типе — физическом облике и национальном костюме крупнейших описанных народов, обычно с наиболее типичным природно-хозяйственным фоном. Подписи к этим фотографиям довольно лаконичны.

Совсем иное назначение имеют штриховые рисунки в тексте. Как правило, небольшие, вынесенные на поля, это, главным образом, изображения отдельных предметов материальной культуры, схемы и планы жилищ, а иногда даже очень удачные художественные графические пересказы сведений источников об обрядах, трудовых процессах и т. д. Подписи к ним нередко довольно развернуты. Таким образом, при лаконичности основного текста большое внимание уделено тому, чтобы карты, фотографии, рисунки и подписи к рисункам не дублировали бы, а дополняли бы текст и друг друга. О насыщенности этой книги информацией ником образом нельзя судить только по тексту, потому что графические материалы едва ли не удваивают эту информацию.

Примерно одну четверть книги занимают общие сведения, остальной объем занят региональными описаниями, дополненными кратким глоссарием важнейших этнографических понятий (к сожалению, чересчур кратким и поэтому отбор терминов получился несколько случайным), статистическими сведениями по народам мира и постраничным указателем.

Статистические данные и этнические карты почерпнуты главным образом из советских публикаций, прежде всего из «Атласа народов мира». Особого внимания заслуживает вводная часть. Она определяет предмет и задачи этнографии, ее место в системе наук, дает краткий очерк развития этнографических знаний.

Особые разделы посвящены обзору различных сторон или аспектов культуры, а также общей истории культурного развития человечества. В книге не используются и не упоминаются понятие хозяйственно-культурного типа в том виде, как оно разработано в советской этнографической школе, но рассматриваемые здесь «формы хозяйства» по существу довольно близко им соответствуют.

Хочется более подробно разобрать разделы о сторонах культуры, об этапах развития культуры и о формах хозяйства. Авторы выделяют следующие аспекты культуры: хозяйственный, социальный, религиозный, материальный, правовой и художественный. Под хозяйственной стороной культуры понимается производство, распределение, обращение и потребление продукта. К социальной сфере, по мнению авторов, относятся формы родственной организации, территориальной организации и управления обществом. Явно искусственно оторваны от этой сферы правовые нормы. Что касается материаль-

ной культуры, то она трактуется как материальная часть всех указанных подразделов (производства и потребления). Социальный аспект культуры в сфере материальной культуры представлен только военным оружием и геральдическими аксессуарами, а религиозный — культовыми предметами. И, наконец, эти же предметы, как считают авторы, могут быть объектом рассмотрения в художественном отношении.

Нельзя не заметить, что в данной классификации четкость, в которой особенно нуждается массовый читатель, достигается ценой несколько схематичного упрощения и порой и искусственного разрыва тесно связанных явлений.

Этапы развития культуры в целом авторы стремятся осветить с марксистских позиций, сжато, но довольно четко. По отдельным деталям изложения можно, однако, высказать некоторые замечания. Подытоживающая схема состоит из пяти основных этапов — нижнего палеолита, мезолита, неолита и эпохи металла. Конечно, такое деление как впрочем и любое другое деление, довольно условно и спорно. Особенно сомнителна правомерность выделения мезолита в этап первого таксономического порядка, тогда как крайне важная грань между бронзой и железом фактически игнорируется. Еще более спорно разделение биологической истории человека на три этапа, соответствующие нижнему палеолиту, верхнему палеолиту, и наконец, мезолиту и всем последующим периодам. При таком делении в общий первый этап попадают и архантропы (питекантропы), и палеоантропы (неандертальцы), а сапиентные люди, неантропы, разделяются на два хронологических подвидов, каждый из которых по сути дела приравнивается по таксономической значимости к первому этапу.

Формы хозяйства описаны достаточно подробно. Последовательно проведено понятие деления присваивающего и производящего хозяйства, но, к сожалению, недостаточно отчетливо выражена мысль о независимом возникновении в сходных условиях одинаковых форм хозяйства. Для присваивающего хозяйства приведены три конкретных подробных примера, все из жизни североамериканских индейцев: западные шoshоны как охотники и собиратели, береговые сэлши как рыболовы и оджибве оз. Нетт как собиратели урожая дикого риса. При этом надо отметить, что в общем отделе и региональном отделе, чтобы не было повторений, во многих местах сделаны отсылки. Различные формы земледелия и кочевого скотоводства также продемонстрированы на разных конкретных примерах: подсечно-огневое земледелие у майя, суходольное рисосеяние у данов Западной Африки и у ибанов Саравака. Особенно ценно, что эти примеры сопровождаются очень наглядными и точными диаграммами годичного хозяйственного цикла, наложенного на климатический цикл. К сожалению, по более развитым формам хозяйства такие диаграммы отсутствуют и примеры менее конкретны (диаграммы и изложения адекватны еще только по масаям Восточной Африки и пигмеям Южного Камеруна).

Региональный раздел состоит из следующих больших глав: Европа, СССР, Азия, Африка, Океания, Австралия, Северная Америка, Центральная Америка и область Анд, Южная Америка к востоку от Анд (включая Антилские острова). Пропорциональность, таксономическая равноценность и удачность границ такого деления довольно спорны: если уж Америка поделена на три области, то и Азию (даже за вычетом территории СССР), а может быть, и Африку следовало бы разделить на две — три области. Но это деление не имеет столь уж большого значения, потому что вводные абзацы к каждой главе очень кратки или вообще отсутствуют, а изложение ведется по более мелким областям, за малыми исключениями совпадающим с основными бесспорными этнографическими провинциями (историко-этнографическими областями).

К сожалению, это изложение не всегда безупречно. В особенности в главах, посвященных народам СССР, иногда приводятся сведения, устаревшие или даже вовсе неверные; что заставляет сделать вывод, что авторы недостаточно знакомы с советской этнографической литературой.

Отсутствие библиографии — тоже определенный недостаток, так как не только не дает возможности судить об основной использованной литературе, но и затрудняет для заинтересованного читателя дальнейшее углубление и расширение своих знаний.

Наряду с отмеченными существенными недостатками следует подчеркнуть неоспоримые достоинства этой книги. Дух сочувствия к отсталым и угнетенным народам мира, враждебность к колониальной и классовой эксплуатации, уважение к вкладу каждого народа в культурную сокровищницу человечества объединяют статьи разных авторов. Нужно иметь в виду и колоссальную трудность поставленной задачи — изложить и сжато и общедоступно столь огромный объем теоретических и конкретных сведений, уместить все проблемы этнографической науки и все народы мира в книгу небольшого объема и формата. Авторы следует поздравить с успешным выполнением этой задачи. «Этнография для всех» бесспорно завоевывает популярность у широких масс немецких читателей, а для специалистов всех стран она представляет интересный опыт, который необходимо освоить, критически усовершенствовать и развить дальше в новых популярных изданиях. Вряд ли было бы целесообразно переводить эту книгу на русский язык, поскольку, в частности, специфика изложения, преимущественное внимание к тем

или иным народам, формам культуры, отдельным исследователям довольно конкретно рассчитаны именно на немецкого читателя. Однако было бы очень желательно появление аналогичной книги в СССР на русском языке, в которой был бы учтен, с одной стороны, и положительный, и отрицательный опыт рецензируемой здесь работы, а с другой — опыт значительно более академичной и дидактичной пятитомной серии «Очерков общей этнографии».

С. А. Арутюнов

ТРУДЫ СЛАВИСТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ФOLKЛОРИСТОВ

Вышел в свет комплект номеров польского журнала «Литература Людова», где опубликованы материалы первой специальной конференции, посвященной проблемам славянской фольклористики¹. Конференция была созвана в Варшаве в мае 1966 г. по инициативе редакции названного журнала и организована отделом фольклора Института литературоведческих исследований Польской академии наук при содействии Министерства культуры и искусства. В конференции приняли участие многочисленные деятели польских научных и культурно-просветительных учреждений — фольклористы, этнографы, музыковеды, лингвисты, работники музеев и журналов, а также гости из всех других славянских земель — РСФСР, БССР, УССР, Болгарии, Чехословакии, Югославии и представитель лужицких сербов (ГДР).

Материалам конференции предпослана небольшая редакционная статья, содержащая список докладчиков и тематику докладов, а также резюмирующая дискуссию по основным проблемам (предмет фольклористики, понятие «современный фольклор», судьбы фольклора в новых исторических условиях, принципы фольклористической текстологии, организация специального Института фольклора, издание международного фольклористического журнала и др.).

Первая часть трудов конференции содержит доклады польских ученых. Она открывается докладом акад. Юлиана Кшижановского «Фольклористическая текстология». Автор дает историографический обзор публикаций польского фольклора. Научное издание фольклорных текстов начато польскими диалектологами (Л. Малиновским, К. Нитше, Ф. Лоренцом), однако их принципы уже не удовлетворяют требованиям собственной фольклористической текстологии. По мнению Ю. Кшижановского, фольклорист должен быть прежде всего литературоведом, имеющим диалектологическую и этнографическую подготовку и владеющим современными методами записи. Доклад Ю. Кшижановского насыщен примерами из опыта современной мировой фольклористической текстологии и содержит полемические мысли, в частности вызванные докладом К. В. Чистова по проблемам текстологии на V съезде славистов.

К сожалению, текст другого доклада Ю. Кшижановского «Состояние исследований и потребности польской фольклористики», которым открывалась сама конференция и который вызвал большой интерес у ее участников, в трудах конференции не опубликован, а лишь изложен в форме тезисов.

В докладе Ришарда Гурского «Исследования по истории польской фольклористики» формулируются некоторые теоретические проблемы создания историографического труда, а также дается обзор основных фактов из истории изучения польского фольклора. Доклад этот связан с подготовкой к изданию отделом фольклора Института литературоведческих исследований «Истории польской фольклористики».

Большой интерес для советских фольклористов представляет доклад Станислава Сьвирко «Полевые исследования современного польского фольклора в 1945—1965 годах». Автор детально охарактеризовал собирательскую работу в Народной Польше разными учреждениями, особенно подробно осветил состояние фольклора в землях, возвращенных Польше после Второй мировой войны. Современным фольклором докладчик считает все бытующие в наше время виды анонимного народного творчества — как традиционные жанры, так и партизанский фольклор и современный рабочий фольклор.

Юзеф Лигенза в докладе «Основные направления изменений в народных повествованиях» всесторонне проанализировал тенденции в развитии традиционной народной прозы, вызванные миграционным движением сельского населения после второй мировой войны и новыми социальными и культурными условиями жизни в возвращенных Польше районах (Силезия). Этот доклад содержит большой материал для размышлений над судьбами традиционного фольклора.

В докладе Юзефа Буршты «Новые тома собрания Онара Кольберга на фольклористический источник» охарактеризованы вагны неизданные до сих пор и подготовленные

¹ «Konferencja folklorystyki słowiańskiej w Warszawie, Cz. I. Prace polskie», «Literatura Ludowa», 1966, NN 4—6; «Konferencja folklorystyki słowiańskiej w Warszawie, Cz. II. Prace zagraniczne», «Literatura Ludowa», 1967, NN 1—3.

к печати материалы, завершающие грандиозное (70 с лишним томов) издание на дия выдающегося польского фольклориста. Особый интерес для советской науч общественности представляет известие, что в новых томах найдут место материалы, собранные на территории Западной Украины и Западной Белоруссии. Специаль том посвящается также этнографии славян (Сербии, Хорватии, Словении, Слова Чехии, лужичанам).

Чеслав Калужны в докладе «Фольклор и его распространение в культурно-про тительной деятельности в Польше» охарактеризовал большую работу профессиона ных и самодеятельных коллективов народной песни и танца по использованию и паганде фольклора разных областей Польши. Статистические данные, приводимые ладчиком, доказывают, что фольклор остается живой и развивающейся час современной национальной культуры.

В докладе Хелены Капелусь «Исследования сказок и преданий в Польше» содер жится обстоятельный обзор соответствующей научной литературы XX века, особенно послевоенных лет. Автор высоко оценивает двухтомный указатель Ю. Кшижановского «Народная польская сказка в систематическом расположении», а также ряд научных сборников народной прозы.

Ришард Войцеховски в докладе «Польская народная песня в сборниках и обра ботках XIX и XX веков» охарактеризовал историю и современное состояние собрания и издания одного из наиболее популярных видов польского фольклора, отметив одно временно недостатки в научном изучении песни. Докладчик проинформировал об ис следованиях в этом направлении, осуществляемых в настоящее время.

Доклад Марии Знамеровской-Прюфферовой «К проблеме рыбацкого фольклора в Польше», построенный на большом этнографическом материале, всесторонне харак теризует уникальную и исчезающую область народной культуры.

Сообщение Станислава Сьвирко «Издание новой книги польских пословиц» знако мит с подготовкой четырехтомного свода, первый том которого должен выйти в свет в 1968 году.

Кроме докладов, прочитанных на конференции, в первую часть трудов включено сообщение Ванды Помянговской (принявшей участие в дискуссии и выступившей в защиту тезиса о современном фольклоре) о новой эпической песне, рассказывающей о землетрясении в Скопле (публикуется текст на сербско-хорватском языке и его пере вод на польский).

Во второй части трудов собраны доклады фольклористов, приехавших в Польшу из других стран. Открывается она обзором «Славистическая проблематика в работах русских фольклористов», сделанным автором этих строк. За ним следуют доклады И. В. Соломевича «Белорусская фольклористика XIX и XX веков» и А. В. Юзвенко «Основные проблемы современной украинской фольклористики».

Доклад Петра Динекова «Фольклористические исследования в Болгарии» харак теризует основные достижения послевоенной науки. Докладчик отмечает, что современ ная болгарская фольклористика продолжает лучшие традиции школы И. Шишманова и М. Арnaudова, усваивая вместе с тем марксистскую методологию, в основном ис пользуя опыт советской фольклористики. Докладчик охарактеризовал основные изда ния текстов и проблематику специальных исследований.

Милюк Матичетов в содержательном докладе «Что делают фольклористы в Юго славии» развернул впечатляющую картину всесторонней и активной деятельности фоль клористов Сербии, Хорватии, Словении и Македонии в послевоенные десятилетия. Этот доклад содержит весьма ценную библиографическую информацию об изучении всех видов фольклора народов Югославии.

Доклады чехословацких фольклористов Веры Гашпариковой и Яромира Еха, к со жалению, ограничены проблемами изучения прозаических жанров и не освещают больших достижений фольклористики послевоенной Чехословакии в целом. Вера Гаш парикова сделала специальное сообщение о разработке в Словакии каталога мотивов збойничьих легенд и преданий, познакомив читателей с «Проектом классификации» этих мотивов в словацком фольклоре. Яромир Ех обобщил плодотворные результаты работы соотечественников в докладе «Основные направления исследований народной прозы в Чехословакии».

Пауль Недо в докладе «Состояние исследований и основные проблемы лужицкой фольклористики» освещает историю изучения фольклора лужицких сербов в XIX веке и особенно обстоятельно информирует об успехах в этой области после второй миро вой войны. Доклад этот представляет особый интерес в силу специфических условий развития национальной культуры самого малочисленного славянского народа.

В последнем номере журнала «Литература Людова», кроме материалов слависти ческой конференции, публикуются: статья белорусской фольклористики Л. Аксамито вой-Малаш «Пионер славянской фольклористики Зорян Доленга-Ходаковский», ре цензия Хелены Капелусь на книгу Э. В. Померанцевой «Судьбы русской сказки», ре цензия Д. Жебровской на «Словарь кашубских диалектов» Б. Сыхты и информация литовского фольклориста А. Йонинаса о конференции прибалтийских фольклористов в Вильнюсе, в которой приняли также участие специалисты из Москвы, Ленинграда и Минска.

Конференция фольклористов в Варшаве и издание ее материалов — заметное событие в международной научной жизни. Выход в свет комплекта номеров «Литературы Людовой» с этими материалами совпал с десятой годовщиной польского фольклористического журнала. Тем самым, наряду с недавно изданным «Словарем польского фольклора», журнал убедительно демонстрирует возрождение польской фольклористики, понесшей большие потери в годы второй мировой войны.

В. Е. Гусев

НАРОДЫ СССР

У. Х. Шалекенов. *Казахи низовьев Аму-Дарьи (К истории взаимоотношений народов Каракалпакии в XVIII—XX вв.)*. Ташкент, 1966, стр. 335.

Рецензируемая монография У. Х. Шалекенова посвящена малоизученной этнографической группе казахов, проживающей в Кара-Калпакской АССР. В ней автор последовательно, по историческим этапам, начиная с XVIII в. прослеживает взаимоотношения приаральских кочевников-казахов с оседло-земледельческими народами, населявшими Хорезмский оазис.

Задача У. Х. Шалекенова — выявить исторические причины формирования тесных экономических и культурно-бытовых взаимосвязей между этими народами и казахским населением, истоки установившихся между ними в многонациональной социалистической Каракалпакии отношений дружбы и всестороннего сотрудничества.

Рецензируемая книга является итогом многолетних исследований автора, проведенных в низовьях Аму-Дарьи во всех районах обитания казахов в Кара-Калпакской АССР. В основу ее положены богатые этнографические материалы, собранные во время экспедиционных исследований, а также не менее интересные и ценные материалы, извлеченные автором из литературных и архивных источников.

Книга имеет вполне определенную научную идейно-политическую направленность; она освещает историю национальных взаимоотношений и пути осуществления ленинской национальной политики в Каракалпакии.

Монография состоит из введения, пяти глав, кратких выводов и библиографии.

В первой главе рассматривается территория расселения приаральских казахов, исследуются причины поселения их в пределах Хивинского ханства. Казахи издавна жили в Приаралье. Низовья Сыр-Дарьи, Кувандарья, Жанадарья, Кызылкумы и плато Устьюрт, граничившие с северо-восточными и северо-западными территориями Хивинского ханства, отличались природными условиями, очень благоприятными для кочевого скотоводства. Далее автор освещает политические события; он показывает, как в результате наступательной политики хивинских ханов в XIX в. многие казахские племена Младшего жуза были ими покорены и расселены на территории Хивинского ханства.

Автор правильно отмечает, что после присоединения правобережья Аму-Дарьи к России трудящиеся узбеки, каракалпаки, казахи, туркмены и другие народы приобщились к экономике и культуре России и к революционной борьбе против ханов и царизма. Во второй главе рассматривается тип хозяйства казахов низовьев Аму-Дарьи. Большая часть этой главы характеризует постепенное изменение хозяйства и образа жизни кочевников-казахов в новой естественно-географической и этнографической среде оседлых и полuosедлых народов после их переселения в пределы Хивинского ханства. По данным автора, узбеки и каракалпаки передали казахскому населению свой богатый опыт ведения земледельческого хозяйства, основанного на искусственном орошении. Однако, как отмечает У. Х. Шалекенов, в дореволюционный период земледелие у казахов низовьев Аму-Дарьи сочеталось с кочевым и полукочевым скотоводством. Автор говорит и о том, что казахи еще задолго до присоединения к России занимались рыболовством в низовьях Сыр-Дарьи и на Аральском море; впоследствии, под влиянием русских рыбопромышленников этот промысел получил значительное развитие.

Достаточное внимание уделено в работе различным домашним промыслам, ремеслам и торговле, которые имели немаловажное значение в хозяйстве и жизни казахов.

Таким образом, до победы Великой Октябрьской социалистической революции у казахов исследуемой территории экстенсивное земледелие сочеталось со скотоводством, рыболовством, ремеслом, торговлей и различными промыслами, но в целом экономическая эффективность хозяйства оставалась крайне низкой.

В третьей главе автор на основании многочисленных источников и материалов исследует степень участия казахов, как и других народов Советской Каракалпакии, в создании и развитии социалистической промышленности, сельского хозяйства и культуры. В этой связи очень важными являются собранные и использованные им полевые и архивные материалы, которые дают ясное представление о современном состоянии экономики и об уровне культуры народов Каракалпакии.

Особый интерес представляет четвертая глава, посвященная характеристике материальной культуры и семейно-брачных отношений казахов низовьев Аму-Дарьи. На основе большого фактического материала У. Х. Шалекенов рассматривает историю поселений и жилищ казахов исследуемой территории. Казахи-кочевники жили небольшими родовыми аулами, в войлочных юртах. Осевшие казахские феодалы, по примеру каракалпаков и узбеков, строили себе укрепленные усадьбы и крепости — «кала»; руины некоторых из них сохранились по сей день. После присоединения территории Каракалпакии к России, в результате прекращения набегов со стороны воинственных туркменских племен, усиливается процесс оседания казахов и отпадает необходимость в строительстве укреплений.

Распространяются разные виды оседлого жилища. Казахи стали строить не только землянки и примитивные камышевые и глинобитные жилища, но и дома узбекского типа. Хорошо описана в книге традиционная казахская юрта; автор прослеживает все особенности ее у казахов низовьев Аму-Дарьи, в том числе некоторые черты, сложившиеся под влиянием соседних туркмен и каракалпаков.

Победа Октябрьской революции, коллективизация сельского хозяйства окончательно ликвидировали социально-экономическое неравенство среди казахов Каракалпакии. Вместо разбросанных зимовок в годы Советской власти появились крупные колхозные и совхозные поселки с современными благоустроенными жилыми и общественными постройками. С большой тщательностью излагая процесс преобразования культуры казахского аула, автор не забывает и о трудностях, за преодоление которых пришлось немало бороться советским людям.

Формы традиционной национальной одежды казахов низовьев Аму-Дарьи были обусловлены в основном их кочевым скотоводческим бытом и господствовавшим натуральным хозяйством. В результате постоянного общения с оседлыми народами (каракалпаками, узбеками, туркменами) этого района, как утверждает автор, произошли изменения и в комплексе национальной одежды казахов. Последующие изменения в одежде были непосредственно связаны с усилением влияния российского рынка; фабричная ткань постепенно вытесняла из быта казахов домотканый материал. Появились новые виды одежды. Иным стал и покрой одежды казахов. В годы Советской власти казахская национальная одежда снова подвергается сильным изменениям. Этот раздел главы иллюстрирован чертежами и рисунками.

Автор рассматривает также в этой главе пищу казахов низовьев Аму-Дарьи и приходит к выводу, что она стала во многом сходной с пищей оседлых земледельцев: мясо-молочные блюда в быту амударьинских казахов отошли на второй план, уступая место различным растительным видам пищи. Отмечается, например, что казахи низовьев Аму-Дарьи не изготавливают традиционной колбасы из конины — «казы» и не готовят из кобыльего молока кумыс (стр. 237). У. Х. Шалекенов правильно отмечает также, что прежние кожаные, войлочные и деревянные виды утвари, удобные для кочевой жизни, постепенно стали заменяться гончарной посудой, а с приходом русских у казахского населения широко распространилась фарфоровая и металлическая посуда. В настоящее время прежняя утварь казахов уже почти не встречается.

Таким образом, на основе богатого этнографического материала исследователь воссоздает прошлый и характеризует современный быт казахов, сопоставляя его с бытом каракалпаков, узбеков и туркмен.

В этой же главе значительное место уделяется вопросам семьи и брака у казахов, рассматриваются права и обязанности членов патриархально-феодальной семьи, где власть отца и мужа была неограниченной. Бесправное положение женщин-казашек в семье, калым, формы брака и семьи, многоженство, вопросы экзогамии, рождение и воспитание детей и связанные с этим обряды и народные обычаи, влияние ислама на семейный быт в прошлом и другие стороны жизни казахов получили в основном правдивую, хотя и очень краткую характеристику.

Автор рассматривает также вопрос о раскрепощении женщины и важные преобразования в семейно-брачных отношениях казахов после победы Великого Октября.

Последняя, пятая глава посвящена духовной культуре казахов, отличавшейся раньше крайней отсталостью. Ислам, по данным У. Х. Шалекенова, гораздо сильнее распространялся у осевших казахов низовьев Аму-Дарьи, чем у кочевых. В XIX — начале XX в. казахское население, по примеру своих узбекских и каракалпакских соседей, среди которых ислам укоренился намного раньше и прочнее, стало интенсивно строить мечети, медресе и мектебы. Окончившие мектебы могли поступить в высшие духовные учебные заведения — медресе, которые являлись очагами средневековой реакционной идеологии. Выпускники медресе назначались на различные духовные должности — муфтиев, казиев, ахунов и т. д., но не всем детям удавалось учиться даже в мектебах, так как для большинства казахского населения плата за обучение была не под силу.

Автор книги правильно освещает политику царизма, тормозившего развитие народного образования в Туркестанском крае. Во второй части главы, на основе архивных данных подробно рассматриваются мероприятия Коммунистической партии и Советской власти, направленные на ликвидацию неграмотности, развитие сети школ,

техникумов, высших учебных заведений, научных и культурных учреждений: хорошо показаны все те достижения в области культуры, науки, искусства, которые обеспечила народам Каракалпакии социалистическая революция.

В целом, монография У. Х. Шалекенова заслуживает высокой оценки. В ней впервые вводится в научный оборот много нового исторического, экономического и этнографического материала.

Следует отметить, однако, что книга не лишена и некоторых недостатков. На наш взгляд, работа охватывает слишком большой круг вопросов политической истории, слишком много тем историко-этнографического порядка; поэтому автор не имел возможности для достаточно глубокого анализа отдельных явлений народной жизни как прошлой, так и современной. Это относится, в частности, к разделам, посвященным семейному быту и духовной культуре. В последней главе за счет других тем, касающихся духовной культуры, чрезмерно большое место уделено вопросам народного образования.

Встречаются в книге также мелкие этнографические неточности. Вот некоторые из них: автор отмечает, что из бараньей шкуры (овчины) казахи изготавливают головные уборы кулакшин (стр. 230) и шьют женские шубы «ишик» (стр. 233). Между тем эти вещи изготавливаются из мерлушки (елтири) или же из шкуры четырехмесячного, еще ни разу не стриженного ягненка (марка); эти шкурки называются «сенсен». Шкуры же взрослых овец, неоднократно подвергавшихся стрижке, используются в казахском быту только для изготовления тулупов — «тон».

Казахское национальное блюдо «ет» (мясо по-казахски) У. Х. Шалекенов называет «бешмармаком» (стр. 236); видимо, он не задумался над происхождением этого названия, не являющегося казахским термином.

Причину отсутствия кумыса у казахов исследуемой территории автор объясняет тем, что «в дельтовых районах нет условий для стойлового содержания кобыл» (стр. 237). Всем известно, что кумысный сезон падает на три летних месяца (июнь, июль и август), когда не требуется стойлового содержания дойных кобыл. Другое дело, что в силу природно-климатических условий данного района вообще невозможно было здесь разводиться лошадям. В другом разделе книги У. Х. Шалекенов пишет, что «старуха не давала роженице лежать в удобном положении, а обвязывала ее веревкой и подтягивала вверх так, чтобы она стояла на коленях. В результате роженицы часто умирали» (стр. 241). Тут автор снова допускает неточность: во-первых, роженицу никогда не «обвязывали» и не «подтягивали вверх», а натягивали в юрте или комнате веревку, чтобы роженица, опираясь на нее грудью, могла стоять на коленях: во-вторых, не потому, что не давали роженицам лежать в удобном положении, они часто умирали, действительно причиной этого были другие явления, главным образом антисанитария и отсутствие медицинской помощи при трудных родах.

В день приезда невесты в дом жениха, по народному обычаю, не бахсы знакомит ее с родственниками жениха, как это говорит автор (стр. 247), а рядовой смекалистый джигит, знающий церемониал «беташара». Присутствие при этом бахсы было даже нежелательным.

По случаю рождения ребенка, пишет автор, состоятельные родители приглашали своих односельчан и близких на «той» с щедрым угощением. Этот вечер назывался «шилдекана» (стр. 248). Однако это не совсем верно: на шилдекана собирались не по приглашению, а по своей воле; это не был «той», и поэтому не только состоятельные родители, а все без исключения принимали гостей, явившихся на шилдекана, согласно древним народным обычаям. Шилдекана длился всю ночь, а иногда — до трех ночей, и смысл его заключался в том, чтобы уберечь новорожденного от злых духов. Настоящий «той» по случаю новорожденного обычно устраивался после шилдекана, притом только днем. «Той» действительно сопровождался обильным угощением, различными видами игр, борьбой и даже конными состязаниями. На «той» обычно заранее приглашали не только односельчан, но и жителей соседних аулов.

К замечаниям более общего характера следует отнести то, что автор, на наш взгляд, недостаточно внимания уделил общеказахстанской этнографической литературе, появившейся в последние годы.

В библиографии книги встречаются неточности. Для такой крупной монографии историко-этнографического плана явно недостаточно иллюстрационного материала.

Однако эти недостатки несколько не снижают высокой оценки книги. В целом монография У. Х. Шалекенова безусловно заслуживает одобрения и является весомым вкладом в этнографическую науку. Эта книга будет полезным литературным источником для специалистов других общественных наук.

Х. Аргынбаев, Е. Дильмухамедов

Ю. А. Савватеев. *Рисунки на скалах*. Петрозаводск, 1967, 156 стр., библиография.

Карельские петроглифы привлекают внимание исследователей уже более ста лет. Однако лишь в советскую эпоху их поиски и изучение были поставлены на вполне серьезную научную основу. До 1926 г. было известно лишь одно скопление наскальных рисунков — на восточном берегу Онежского озера (Бесов Нос). Но уже в 1926 А. М. Линецкий в устье р. Выг нашел новые рисунки: спустя десять лет там же обнаружил еще одно скопление В. И. Равдонина, а совсем недавно несколько групп петроглифов отыскал молодой петрозаводский археолог Ю. А. Савватеев.

О петроглифах Карелии написано немало. Выяснить их возраст и происхождение, понять их смысл, установить содержание, определить этническую принадлежность историко-культурное значение пытались многие — А. М. Тальгрэн и А. Я. Брюс, А. М. Линецкий и В. И. Равдонина и другие ученые. Их трудами заложены основы исследования наскальных изображений, определены важные направления их изучения. Вместе с тем недостаток самого материала, скудость иных археологических данных не позволяли в ту пору радикально решить эти вопросы. Петроглифы должны исследоваться дальше — с разных сторон и разными методами.

Кажется вполне оправданным, что к этим задачам обратился Ю. А. Савватеев — исследователь, уже известный археологам и этнографам по публикациям ряда специальных работ. Раскопки памятников неолита и раннего металла в низовьях р. Выг, которые он ведет ряд лет, прямо привели его к проблемам, для которых изучение петроглифов становится первоочередной задачей.

Книга Ю. А. Савватеева не решает всех задач, связанных с петроглифами, и не только из-за объективных трудностей исследования, но и по причине своих жанровых особенностей: книга преследует по преимуществу популяризаторские цели. Вместе с тем она написана знатоком предмета и настолько основательно, что затрагивает актуальные проблемы, над которыми работают исследователи. Нет никакого сомнения в том, что работа может послужить руководством для всякого, кто сейчас приступает к изучению петроглифов.

В книге Ю. А. Савватеева подробно описаны памятники древнего искусства, расположенные как на скалистых мысах восточного берега Онежского озера, так и в Белом море, интересно рассказано о недавних новых открытиях крупных скоплений скальных гравюр, содержание изложена история их изучения, четко обрисован круг основных проблем их современного исследования.

Наиболее существенным вкладом Ю. А. Савватеева как исследователя карельских петроглифов следует признать удовлетворительное решение им вопроса о датировке петроглифов. Дело в том, что значительная часть вновь открытых рисунков оказалась перекрытой культурным слоем древнего поселения, которое датируется концом II тыс. до н. э. В сочетании с другими данными этот факт выглядит как фундаментальный аргумент в пользу отнесения петроглифов к числу памятников эпохи развитого северного неолита и бронзового века.

Это позволяет, с одной стороны, более органично вписать памятники в исторический контекст и определить их действительное место и связь с другими синхронными археологическими данными, а с другой — с большей строгостью, чем до сих пор, использовать сами рисунки и их композиции как источник сведений и свидетельств о культуре и быте населения древней Карелии.

Не станем перечислять других достоинств работы Ю. А. Савватеева, они очевидны, и читатели легко заметят их сами. Скажем лишь о вдумчивой научной осторожности автора, о его разумной неторопливости, о старании избежать скороспелых и недоказанных выводов. Но и отдавая в этом должное автору, хочется еще раз призвать его быть трижды осторожным, особенно в том, что касается «чтения», «расшифровки» петроглифов: немало уже было попыток столь свободного «чтения», при котором свобода превращалась в произвол. Следует помнить, что петроглифы — это памятники не письменности, а первобытной культуры, которой свойственны нерасчлененность, синкретизм. Их чтение (в прямом смысле этого слова) вообще невозможно. Вернее говорить об их истолковании, понимании, интерпретации.

Обращаясь теперь к общей оценке книги Ю. А. Савватеева, можно сказать, что она удалась. В этом заслуга прежде всего автора, но, кроме того, и тех, кто помогал ему в работе: художника Б. Н. Новожилова, фотографа С. А. Краева, участников археологических экспедиций (автор напрасно не упомянул о них в своей книге), а также редактора Д. И. Шехтер.

В. В. Пименов

Ю. Б. Стракач. *Народные традиции и подготовка современных промыслово-сельскохозяйственных кадров. Таежные и тундровые районы Сибири*. Новосибирск, 1966, 147 стр. с илл.

На огромных пространствах Сибири, в основном в зоне северной тайги и тундры, живут и трудятся малые народы Севера — чукчи, коряки, юкагиры, иганасаны, долганы, эвенки и др. Они занимаются традиционным промыслово-оленьеводческим хозяйством, определяющим их своеобразное место в межобластном разделении труда.

Общезвестна всесторонняя отсталость малых народов в недалеком прошлом. За пятьдесят лет Советской власти многое сделано, чтобы эта отсталость была ликвидирована. Подверглись реконструктивным изменениям и техническому перевооружению оленеводство, охотничий и морской зверобойный промыслы, рыболовство. Отрасли, которые раньше не имели товарного значения, приобрели его. На Севере появились занятия, неизвестные прежде аборигенам: клеточное звероводство, разведение крупного рогатого скота и лошадей, огородничество.

Внедрение нового не означает, что все старое должно быть отвергнуто. Сохранились многие рациональные приемы ведения традиционных отраслей хозяйства, ими успешно пользуются оленеводы, охотники, рыбаки. Веками накопленный опыт помогает нынешним колхозникам и рабочим совхозов, промхозов добиваться высоких показателей в оленеводстве (увеличение поголовья), добыче пушнины и рыбы.

Вместе с тем в процессе преодоления исторической отсталости малых народов Севера наметилось известное противоречие между ростом культуры и потребностями производства в районах тайги и тундры. Создалось парадоксальное положение: чем шире и глубже проникала в среду коренного населения грамотность и культура, тем ошутимее испытывало северное хозяйство нужду в молодых квалифицированных кадрах оленеводов, охотников, рыбаков. Дело в том, что, как правило, молодежь из народов Севера неохотно участвует в традиционных занятиях, нередко сопряженных с длительным отрывом от поселка, неудобствами в быту, с большими затратами физического труда.

Доля вины лежит и на общеобразовательной школе, которая оторвана от потребностей местного хозяйства; обучение строится без учета того, что прежде всего нужно знать и уметь юноше или девушке, живущим на Крайнем Севере. Почти с самого рождения дети народов Севера попадают в заботливые руки государства: и в яслях, и в детских садах, и в школах-интернатах, и в институтах их содержат на полном государственном обеспечении. В тайге и тундре они почти не бывают и, закончив учебу, мало чем могут помочь своему колхозу или совхозу: они не обладают навыками ориентировки, умением хорошо ходить на лыжах местного типа, управляться с оленями или ездовыми собаками, не говоря уже об искусстве читать следы зверей, метко стрелять, отыскивать потерянных оленей и т. д., т. е. всего того, без чего жизнь на Севере все еще невозможна. Факты свидетельствуют о том, что в оленеводстве заняты, как правило, пожилые люди, лучшими охотниками также являются люди старшего поколения, которые нигде не учились.

Есть ли выход из создавшегося положения? Видимо, есть. Об этом свидетельствует книга научного сотрудника Сибирского отделения Академии наук СССР Ю. Б. Стракача «Народные традиции и подготовка современных промыслово-сельскохозяйственных кадров». Эта работа полезна не только тем, что ставит проблему, о которой мы говорили выше; она указывает и пути ее решения. Больше того, книга Ю. Б. Стракача сама может служить практическим пособием для тех, кто откликнется на призыв автора: в ней в виде приложений даны примерные программы ознакомления учащихся общеобразовательных школ на Севере с навыками в области промыслово-оленьеводческого хозяйства с учетом специфики различных районов. Работа Ю. Б. Стракача — первый опыт подобного предметно-практического подхода к названной теме, имеющей не только «культурное» (в плане этническом), но и общегосударственное (в плане народнохозяйственном) значение.

Книга состоит из четырех глав, введения и заключения (о приложениях мы уже говорили). Первая глава знакомит читателя с историей социалистических преобразований на Севере и показывает значение промыслово-оленьеводческого хозяйства для экономики страны. Достаточно указать, что еще в 1960 г. в Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском, Таймырском, Эвенкийском, Чукотском и Корякском национальных округах было заготовлено пушнины почти на 6,5 млн. рублей, рыбы и морского зверя около 120 тыс. т, мяса около 92 тыс. т (в том числе оленьего — около 80 тыс. т), оленьих шкур — 223 тыс. штук (см. таблицу на стр. 12).

Автор останавливается на некоторых ошибочных тенденциях развития северной экономики в предвоенный и частично послевоенный периоды, когда задачи по освоению Севера ставились без учета его природных и этнических особенностей (стр. 10). Ю. Б. Стракач с цифрами в руках показывает, что в Сибири за последние годы «отмечено не только снижение мастерства, но также сокращение числа охотников» (стр. 15) и, добавим, пастухов-оленьеводов высокой квалификации и рыбаков.

Глава вторая посвящена способам передачи истари существующих у народов Севера производственных навыков, которые автор вслед за В. И. Иохельсоном именует «народной школой воспитания». На широком этнографическом материале Ю. Б. Стракач прослеживает эти способы у различных народов. Судя по приведенным данным, передача подрастающему поколению полезных навыков осуществлялась раньше в процессе промысловой деятельности семьи. Автор вводит своеобразную периодизацию традиционной подготовки, которую проходит ребенок, прежде чем стать полноценным участником трудового коллектива. Он выделяет периоды: 1 — «подготовительный», заканчивающийся примерно в 10-летнем возрасте; 2 — «переход-

ный», охватывающий возраст 10—12 лет (в это время мальчики овладевают навыками пользования средствами транспорта и огнестрельным оружием, а девочки — искусством шитья) и 3 — «завершающий», или «основной», когда из подростков вырабатываются квалифицированные мастера своего дела. Рассмотрению этого последнего периода посвящена третья глава.

В работе справедливо отмечено, что в прошлом третий период не был ясно выражен: повседневное участие подростка в труде взрослых протекало постепенно: ролю мастерство молодого работника и увеличивалась требовательность старших по отношению к нему. Ю. Б. Стракач очень удачно, как нам кажется, подметил то малозаметное обстоятельство, что основной отсев учащихся из школ на Севере приходится на возраст 12—15 лет, когда заканчивается «переходный» период и подростки начинают привлекать самостоятельную трудовую деятельность (стр. 70).

Автор раскрывает практику бригадного ученичества, принятую во многих колхозах и совхозах Севера для того, чтобы поднять производственную квалификацию таких примкнувших к производству подростков. Тут нет и не может быть общепринятых педагогических канонов: педагог — это только старший товарищ по бригаде, опытный пастух, рыбак или охотник. Но старательному любознательному ученику общение с таким мастером может дать очень много. В сущности обучение было и раньше, только оно не было оформлено в «систему» и производилось при иных обстоятельствах, в иной социальной обстановке.

Ю. Б. Стракач не идеализирует «народную школу», он видит ее недостатки — низкий технический уровень «педагогов», исключающий возможность делиться опытом по части управления существующей промысловой техникой (например, лодочными моторами), а также известный консерватизм охотников, предпочитающих пользоваться старыми, традиционными средствами промысла, отчасти именно в силу слабой технической подготовки.

Признавая важность и необходимость «народной школы», автор подчеркивает, что при подготовке кадров промысловиков «следует обеспечить параллельно начальное научно-техническое обучение молодежи» (стр. 85). Но одна только школа «бригадного ученичества» не в состоянии решить проблемы подготовки кадров для промыслово-оленьеводческого хозяйства. Вопрос упирается в нечто новое, что связано с общим ростом благосостояния и культуры в нашей стране, — в создание для оленеводов, охотников, рыбаков таких производственных и бытовых условий, чтобы труд приносил им и материальное, и моральное удовлетворение, чтобы, находясь в оленьей стаде или на отдаленных промысловых участках, они не чувствовали себя оторванными от коллектива, семьи и культурного обслуживания. Сейчас на Севере широко дебатированы вопросы, связанные с применением вертолетов, вездеходов, улучшением культурно-бытовых условий жизни пастухов, охотников, рыбаков. К сожалению, автор не затронул эту важную тему.

Четвертая глава книги «Некоторые вопросы профессиональной ориентации в 8-летней общеобразовательной школе тасежных и тундровых районов» содержит изложение материалов, касающихся политехнизации обучения в школах применительно к районам Севера. В этой главе содержится ряд практических рекомендаций школам и дошкольным детским учреждениям по внедрению традиционного производственного обучения. Ю. Б. Стракач отмечает, что «детским садам и отчасти начальным школам по срокам и задачам в основном соответствует подготовительный этап традиционного трудового воспитания» (стр. 115), и советует на этом этапе основное внимание уделять физическому развитию детей. В начальной школе следует, по его мнению, обучать детей местным средствам передвижения (лыжи, олени и собачьи упряжки). В 5—8 классах средней школы рекомендуется организовать подготовку учащихся так, чтобы по окончании восьмилетки они могли сразу принять участие в производственной жизни колхоза или совхоза. Ю. Б. Стракач разработал «Перечень трудовых навыков и знаний, последовательность их приобретения по этнографическим данным», из которого учителю видно, «что надо уметь» и «что надо знать» ребенку определенного возраста в зависимости от «сезона и характера занятий» (стр. 117). В целом мысль автора, на наш взгляд, абсолютно правильная, сводится к тому, что главным звеном в подготовке подрастающего поколения к производительному труду должна стать восьмилетняя школа (стр. 122).

Достоинством рецензируемой книги безусловно является тщательность ее авторской и редакторской отделки, но это достоинство порой перерастает в недостаток: скрупулезность автора не имеет границ. Текст пестрит ссылками на литературу даже там, где в этом нет никакой надобности. Например, фразу «Социалистическая революция открыла новую страницу в истории малых народов Сибири» автор снабжает сноской: «Подробные эти вопросы освещены в академических изданиях: «Народы Сибири», М.—Л., 1956; «История Сибири» (готовится к печати Сибирским отделением АН СССР) и в ряде отдельных работ» (стр. 105).

К недостаткам можно отнести и несколько устаревшие цифровые данные (1960—1962 гг.). Есть в книге и элемент нарочитости. «Во время разговоров (взрослых, беседующих о промыслах. — В. Т.) неизменно присутствуют дети», сообщает автор (стр.

38), не допуская, что дети свою учебу в «школе традиционного воспитания» могут вполне по-детски прервать игрой. То же можно сказать о фразе: «Нередко народные сказители встречаются с молодежью и в дневное время — *между делом*» (там же; здесь и выше выделено нами. — В. Т.). Есть в книге места, могущие ввести неискушенного читателя в заблуждение. Ю. Б. Стракач пишет, что опытные пастухи учат новичков «дополнять основной „ягельный“ стол оленей грибами или опавшими листьями, сохраняющимися под снегом, древесными лишайниками и т. п.» (стр. 87). Интересно, как новички будут это делать, учитывая, что, во-первых, олени сами добывают и разнообразят свой «стол» и что, во-вторых, ни грибов, ни опавших листьев под снегом не видно?

Эти замечания не умаляют общего значения книги Ю. Б. Стракача, которая, повторяем, является не только ценным исследованием оригинального жанра, но и полезным практическим пособием для учителей и работников народного образования в районах Севера.

В. А. Туголуков

Русский фольклор. Библиографический указатель, 1917—1944, Л., 1966, 683 стр.

Русский фольклор. Библиографический указатель, 1960—1965, Л., 1967, 539 стр.

Составила М. Я. Мельц. Под редакцией А. М. Астаховой и С. П. Луппова. Изд. Института русской литературы (Пушкинский Дом) и Библиотеки Академии наук СССР.

Рецензируемые тома представляют собой продолжение библиографии, первый выпуск которой вышел в 1961 г. и охватывал публикации 1945—1959 гг. Он получил многочисленные отклики как в СССР, так и за рубежом¹. Второй выпуск, изданный в 1966 г. и включающий публикации 1917—1944 гг., также неоднократно рецензировался². Рецензенты единодушно отмечают высокие достоинства этих изданий: максимальную полноту, четкость и продуманность библиографической системы, которая не только отвечает специфике предмета, но и позволяет легко, быстро и уверенно ориентироваться в огромном, сложном и разнообразном материале. Этому способствует и система отсылок. Под каждой рубрикой указаны те работы, которые полностью или в наибольшей степени соответствуют заголовку. Но некоторые издания имеют сложный состав и кроме основных вопросов рассматривают ряд других. Есть многожанровые сборники. Они выделены под заглавием «Сборники текстов разных жанров». Сборники одножанровые показаны под рубриками соответствующих жанров. Но чисто жанровый признак составителями или авторами часто не выдерживается полностью. Такие издания помещены под теми рубриками, которые для них являются основными, но, кроме того, в конце каждого раздела даны отсылки к сборникам иных жанров и к работам, в которых содержатся некоторые материалы по жанру, показанному в заголовках. Например, сборники пословиц даны в разделе пословиц, но в конце этого раздела путем ссылок на соответствующие номера названы многочисленные и разнообразные труды, также содержащие пословицы. Такая система значительно облегчает работу исследователя.

При всем единообразии системы, пронизывающей все три тома этой библиографии, последние два тома во многом отличаются от первого: они обнаруживают стремление автора к совершенствованию и детализации системы. Возрастающее с каждым годом количество публикаций требует все более дифференцированной системы подачи. Если в период 1917—1944 гг. в среднем на один год приходится 147 названий, то за период 1945—1959 гг. их было 193, а за последние шесть лет (1960—1965 гг.) на один год падает уже 687 названий. Всего в трех томах содержится 12 168 названий. Эти цифры свидетельствуют о стремительном росте научного и общественного интереса к народному творчеству, но они же значительно усложняют

¹ См. рецензии А. Д. Соймонова («Сов. библиография», 1961, № 6 (70), стр. 67—68), Д. Молдавского («Вечерний Ленинград», 1961, № 265, 10 ноября), Э. В. Померанцевой («Вопросы литературы», 1962, № 3, стр. 233—234), Н. Ф. Бабушкина (в кн.: «О марксистско-ленинских основах народно-поэтического творчества», Томск, 1963, стр. 15), В. Я. Пропа («Сов. этнография», 1962, № 2, стр. 156—158), К. И. Шафрановского («Библиотечно-библиографическая информация библиотек АН СССР и АН союзных республик», 1962, стр. 75—85), S. Haltsonen («Virittäjä», Helsinki, 1961, No. 4, pp. 421—422), рец. в «Slavia orientalis», Warszawa, 1962, No. 1, p. 123, E. Hexelschneider («Deutsches Jahrbuch für Volkskunde», 1963, Bd. 9, S. 424—425), L. Mandoki («Acta ethnographica», Budapest, 1965, t. XIV, Fasc. 3—4, pp. 414—415), S. Gerald («Journal of International Folkmusic Council», London, 1963, vol. 15, p. 113).

² См. рецензии Б. Таровского («Книжное обозрение», 1966, № 32, стр. 10), Б. Н. Путилова («Сов. библиография», 1967, № 1 (101), стр. 46—51), Б. Ховратовича («В мире книг», 1967, № 1, стр. 47), A. Fochi («Revista de etnografie și folclor», București, 1967, № 2, pp. 158—162).

работу библиографа. М. Я. Мельц с честью вышла из этих затруднений. Сравнив систему подачи материала в первом и последующих двух томах, мы видим, что многих случаях разделы разбиты на более дробные подразделы. Например, послови и поговорки в первом издании охватывали три раздела, в последнем издании их по былинам и баллады давались вместе, теперь они разделены: три раздела отведены былинам, два — балладам. Таких примеров можно бы привести больше. Многие замечания сформулированы точнее и лучше продуманы. Введены новые разделы. Особно расширен раздел, посвященный науке о фольклоре. Здесь также в некоторых случаях увеличено число подразделов, появились и новые разделы («Текстология фольклора», «Лингвистическое изучение русского фольклора», «Изучение русского фольклора за рубежом» и др.). Охват материала гораздо шире, чем в первом томе. Об этом можно судить уже по оглавлению, которое в первом издании занимает полных 2,5 стр., а в последнем — полных 4 стр. В заключение хочется еще раз подчеркнуть тщательность и продуманность всей работы составителя.

В. Я. Пропп

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

P. Nedo. *Grundriss der sorbischen Volksdichtung*, Bautzen, 1966, 284 S.

Сравнительно недавно в Германской Демократической Республике опубликованы очерки, посвященные фольклору лужицких сербов, т. е. сорбов, по принятой в западноевропейской науке и в современном быту терминологии. Автор этих очерков — известный этнограф и фольклорист проф. Павел Недо, шестидесятилетие которого будет отмечаться в этом году. Книга эта отнюдь не случайность на исследовательском пути ее автора. Уже первая его еще студенческая работа, опубликованная в 1931 г., была посвящена песням сорбов. С того времени он неустанно работает в области сорбской этнографии и фольклора, одновременно отдавая много сил созданию сорбского этнографического музея в Бауцене.

Исследовательская работа не является для Павла Недо самоцелью, а идет у него параллельно с большой просветительской и общественной деятельностью. Падение фашизма застало его в концентрационном лагере, куда он был заключен по обвинению в государственной измене из-за контактов с той частью интеллигенции в славянских странах, которая симпатизировала сорбам. В первые послевоенные годы Павел Недо целиком уходит в ответственную организационную работу и только в 1951 г. снова возвращается к научным занятиям, становится доцентом, а затем профессором немецкой и сорбской этнографии и директором сорбского института при университете им. Карла Маркса в Лейпциге. С 1964 г. он работает профессором этнографии в университете им. Гумбольдта в Берлине.

В своих исследованиях Павел Недо уделяет особое внимание немецко-славянским культурным взаимодействиям и с исключительной энергией способствует развитию современной этнографии и фольклористики.

Огромной заслугой его является издание атласа сорбского народного костюма, монографии, посвященной сорбской народной сказке и, наконец очерков сорбского фольклора. Последняя работа как бы подводит итог тому, что сделано наукой в этой области.

«Очерк сорбской народной поэзии» включает в себе три основных раздела. В вводной части даны основные сведения о социальной и этнической истории сорбов, указаны причины и раскрыт характер их двуязычия, дана общая характеристика сорбского фольклора, рассмотрено влияние на него письменности и литературного языка. Завершается этот раздел очерком истории сорбской фольклористики.

Второй раздел посвящен сорбскому фольклору эпохи позднего феодализма. В этом разделе рассмотрены основные жанры сорбского фольклора: 1) заговоры, загадки, пословицы, 2) обрядовый фольклор, 3) народные предания, 4) народные сказки, 5) народные шванки, 6) народные песни, 7) детский фольклор.

Главы, посвященные отдельным жанрам сорбского фольклора, построены не единообразно. В одних рассмотрена история собирания и изучения жанра, в других нет; в одних дано определение жанра, в других нет; в одних проведен анализ поэтических средств, в других нет; в одних уделено внимание исполнителем, в других нет и т. п. Подобный разнобой в построении отдельных глав не случаен, он объясняется состоянием науки, тем, что в «Очерках» Павел Недо подводит итог тому, что сделано до настоящего времени как им самим, так и другими исследователями в изучении сорбского фольклора.

Третий раздел книги посвящен сорбскому фольклору эпохи капитализма (1850–1945 гг.). В нем рассмотрено воздействие на фольклор развития капитализма в деревне, а также воздействие фольклора на сорбскую литературу XIX—XX вв.

В «Заключении» освещено значение для сорбского фольклора социалистической культурной революции.

В приложении к книге дана обширная библиография.

Очерки Павла Недо, написанные на большом материале, с учетом всей предшествовавшей собирательской и исследовательской работы, дают яркое представление об истории, характере, составе и условиях бытования сорбского фольклора.

Общие положения, высказанные П. Недо и положенные в основу его книги, не вызывают возражений. Хочется поспорить лишь с некоторыми из высказанных им определений.

Например, давая определение предания как жанра, П. Недо пишет: «Народная сага, согласно общепринятому определению,— повествование о поступках мифологических или демонических персонажей и о столкновении человека со сверхъестественными силами» (стр. 114). Таким образом, в понятие предания включаются только мифологические и суеверные мемораты и фабулаты. Против такого суженного истолкования этого жанра, которое характерно для некоторой части современной западноевропейской науки, неоднократно возражал ряд исследователей (Гизела Бурде-Шнейдевинд, К. В. Чистов и др.). Поскольку сам П. Недо включает в раздел преданий не только мифологические, но и исторические предания, он сам же расширяет представление о термине «предание» и опровергает свое же определение.

Нельзя согласиться и с определением сказки, которое П. Недо дает (стр. 147) вслед за акад. Ю. М. Соколовым: «Под народной сказкой в широком смысле этого слова мы разумеем устно-поэтический рассказ фантастического, авантюрно-новеллистического и бытового характера». Определение это не вскрывает жанровых отличий сказки от предания, легенды, былички и настольно широко, что может быть применено к любому виду народной прозы. В данном случае оно особенно неуместно, поскольку Павел Недо тут же дает самостоятельный раздел, посвященный шванку.

Несколько удивляет объединение в одном разделе таких разных жанров, как заговоры, загадки и пословицы. Если автор не хотел по каким-либо соображениям дать самостоятельную главу, посвященную каждому из этих жанров, можно было объединить в одну главу загадки и пословицы, имеющие некоторые общие черты, заговоры же отнести к обрядовому фольклору.

Высказанные нами соображения ни в коей мере не снижают высокую оценку труда профессора Недо. Книга его, написанная на исключительно большом материале, с незаурядным знанием предмета, блещет тонкостью анализа, отличается глубоким историзмом. Это подлинно научный, крупный вклад в дело пропаганды сорбского народно-поэтического творчества, т. е. в дело, которому Павел Недо отдал многие годы своей жизни, которым он занимается с увлечением ученого и страстностью агитатора.

Недаром эта книга вышла своего читателя и заслужила многочисленные восторженные отзывы исследователей и любителей народной поэзии, друзей сорбского народа.

Э. В. Померанцева

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Наоэ Хиродзи. *Тюоку-но миндзокугаку*. (Этнография Китая), Токио, 1967, 309 стр. (на япон. яз.)

Автор книги Наоэ Хиродзи — профессор Токийского педагогического института, лауреат премии им. Янагида Кунио, присуждаемой в Японии за труды в области этнографии, складывавшейся и фольклора. Как отмечает автор в предисловии, именно исследования Янагида в свое время пробудили в нем интерес к этнографической науке.

Здесь следует заметить, что японский термин «этнография» (миндзокугаку) в иероглифической передаче имеет два варианта, один из которых может быть переведен как «наука об этносах», другой — как «наука о народных обычаях». Нетрудно видеть, что оба эти понятия соотносятся между собою примерно так же, как *Völkerkunde* и *Volkskunde* в немецкой терминологии (объясняется это тем, что современная этнография складывалась в Японии под значительным влиянием немецкой этнографической школы). Янагида был одним из крупнейших представителей второго направления в японской этнографии. Согласно концепции, проповедовавшейся им и его последователями, задачи этнографического исследования заключаются в изучении различных сторон традиционного народного быта — обычаев, верований, устного творчества. Но если сам Янагида и его ученики занимались в основном исследованиями в области японской этнографии, то Наоэ Хиродзи стал одним из первых японских ученых, обратившихся к этнографическому изучению китайцев. Пройдя курс истории Востока в Университете Токио, Наоэ закончил его в 1941 г. Через год он получил предложение принять участие в социологической экспедиции в провинцию Шаньси (Северный Китай), а затем занял должность доцента при Университете Фучжэнь в Пекине. Разнообразный полевой материал, собранный Наоэ за время пятилетнего пребывания в Китае, и лег в основу его исследований в области различных сторон культуры и быта китайцев.

Рецензируемая книга (13-й том в серии «Этнография и фольклор», публикуемой книгоиздательством Ивасаки) представляет собой сборник статей и очерков, написан-

ных Наоэ в 1942—1966 гг. Большая часть их была в разное время опубликована в японских и китайских периодических изданиях, а некоторые — подготовлены специально для сборника. Тематически статьи сгруппированы в пять разделов.

Первый раздел посвящен устному народному творчеству китайцев. Помимо публикации образов северокайтайского фольклора, преимущественно волшебных сказок записанных автором в пров. Хэбэй и Шаньси, здесь дается также краткий анализ их жанровых и стилистических особенностей. Автор, как правило, тщательно фиксирует различные варианты одного и того же сюжета, в то же время предостерегая от недо-статочно обоснованных сопоставлений (см. некоторые сходные сюжеты в китайском японском и французском фольклоре, стр. 45). В этом смысле весьма характерен интерес Наоэ к социальным условиям бытования тех или иных мотивов, к их связи с особенностями общественного быта.

Второй раздел сборника посвящен анализу традиционных праздников и связанных с ними поверий. Тема эта в целом довольно хорошо изучена в синологической литературе. И тем не менее очерки Наоэ читаются с большим интересом: его острый взгляд неизменно фиксирует малоизвестные, но оказывающиеся существенными детали, а об разность характеристик делает его описания яркими и запоминающимися. Несомненный интерес представляет стремление автора проследить местные особенности в ритуале традиционных празднеств (стр. 86), которые нередко описываются как некий единый комплекс, свойственный будто бы в равной мере всем китайцам¹.

Третий раздел книги, с нашей точки зрения, представляет наибольшую ценность. Здесь рассматриваются разнообразные вопросы, связанные с судьбами традиционных форм общественной организации в китайской деревне 40-х годов. Одна из статей этого раздела посвящена вопросу о структуре семьи и системе наследования. Проблема семейной организации китайцев давно уже привлекала внимание японских историков (среди них следует отметить Като Дзёкен, Морохаси Таудззи, Мория Мицуо, Ниид: Нобору и др.). Однако эти авторы основывались преимущественно на данных письменных источников, тогда как Наоэ Хироэки впервые привлекает материалы этносоциологических обследований, проводившихся в 30—40-х гг. экспедициями Пекинского университета, а также результаты своих собственных полевых наблюдений. Автор убедительно показывает, что вопреки распространенному мнению о широком бытовании в Китае различных форм большесемейной организации, в сельских районах на севере страны абсолютно господствующей является малая семья (средняя численность крестьянских семей в пров. Шаньси — 5,75 чел., в Хэбэе — 5,80 чел. и т. д.). Рассматривая немногочисленные примеры существования большесемейных коллективов, Наоэ полагает, что их структуру нельзя связывать с пережиточными формами «древней большой семьи», так как это — вторичное явление, обусловленное конкретными социальными условиями новейшего времени (стр. 159). Автор подробно останавливается на вопросе о разделе семьи, функции ее главы, рассматривает этимологию терминов, связанных с семейной организацией.

В следующей статье того же раздела Наоэ выступает против другого распространенного представления о китайской деревне первой половины нашего столетия. Автор показывает, что несмотря на преобладание на севере Китая мелких и средних сельских поселений, местоположение которых способствует их изолированности, деревня тем не менее тесно связана с городом. Эта связь обеспечивается, помимо всего прочего, благодаря различным категориям «традиционных посредников» — странствующих кузнецов и других ремесленников, корабельников, народных сказителей и т. д. (стр. 175—190).

В четвертый раздел книги включены три переработанных отчета о полевых исследованиях в окрестностях Пекина, близ Ваньпина (пров. Хэбэй) и Цзинани (пров. Шаньдун).

Наконец, пятый раздел носит историографический характер — он посвящен истории изучения фольклора в Китае. Автор подробно рассказывает о возникновении в 1922—1923 гг. «Фольклорного общества» и «Общества по изучению народных обычаев», об основанных в это время периодических изданиях, о важнейших этнографических работах китайских ученых. К сожалению, в этом интересном обзоре не учтены статьи, опубликованные Вэй Цзянь-гуном, Гу Цзе-ганом, Жун Чжао-цзу в связи с 40-й годовщиной основания еженедельника «Гэяо»². В последней части этого раздела, посвященной изучению устного народного творчества китайцев после создания КНР, автор стремится дать объективную оценку этому новому этапу в развитии китайской фольклористики. Наоэ правильно отмечает, что с победой народной революции в Китае были созданы условия для организации массовых исследований в области «неписанной истории народной жизни» (стр. 291). Успехи китайских ученых в деле широкого развертывания работы по собиранию и изучению фольклора китайцев и других народов Китая действительно значительны, и Наоэ совершенно прав, когда дает им весьма высокую оценку. Но в то же время японский этнограф сетует на то, что в КНР

¹ Этот недостаток в какой-то мере свойствен и разделу о семейных и общественных праздниках китайцев в томе «Народы Восточной Азии», М., 1965, стр. 296—297.

² См. журнал «Миньцзянь вэньсюэ», 1962, № 6, стр. 124—147 (на кит. яз.).

уделялось слишком много внимания выявлению и публикации различного рода фольклорных материалов, связанных с политической историей страны нового и новейшего времени. Автор с явным сожалением говорит о том, что в КНР специалисты не занимаются изучением этнографии и фольклора в «их чистом виде» (стр. 291). Наоз, по-видимому, не замечает, что его собственная книга убедительно показывает, что в наше время исследователь культуры и быта народов не может абстрагироваться от политических проблем современности, даже если он сознательно стремится к этому. Так, на первый взгляд, может показаться, что работы Наоэ Хиродзи, посвященные традиционным аспектам быта и культуры, целиком обращены в прошлое и далеки от сегодняшнего дня в жизни китайского народа. Однако это не так. Именно сегодня исследования Наоэ звучат злободневно и остро. Как известно, одна из официальных задач «культурной революции» в Китае заключается в уничтожении «четырех проявлений старой действительности» (идеология, культура, нравы, привычки). Основное содержание данной книги,— пишет автор в предисловии (стр. 3),— связано как раз с этими четырьмя аспектами, которые, с точки зрения хунвэйбинов, подлежат безоговорочному искоренению. Но совершенно очевидно, что развитие культуры не мыслимо вне ее преемственности. Огульное истребление «старого» есть ни что иное, как отрицание культуры,— с этим мнением японского ученого нельзя не согласиться.

В целом книга Наоэ Хиродзи, написанная на большом оригинальном материале и проникнутая чувством уважения к народу — творцу культуры, несомненно привлечет внимание как специалиста-синолога, так и всякого, кто интересуется этнографией китайцев. Указатель, приложенный к сборнику, помогает читателю ориентироваться в разноплановом и многообразном содержании книги. Следовало бы отметить, что издание выполнено с большим полиграфическим вкусом, если бы это не было вообще характерно для большинства современных японских научных публикаций.

М. В. Крюков

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Lilly de Jongh Osborne. *Indian crafts of Guatemala and El Salvador*. Norman, Oklahoma, 1965, 280 p., ill.

Лилли Осборн родилась и прожила всю свою жизнь в Латинской Америке, преимущественно в Гватемале и соседнем Сальвадоре. Известны многие работы Лилли Осборн по истории и этнографии этих двух стран¹. Рецензируемая книга посвящена индейским ручным ремеслам Гватемалы и Сальвадора и содержит богатый фактический материал, собранный автором за время многочисленных путешествий в труднодоступные индейские районы этих двух латиноамериканских государств.

Предисловие к труду Лилли Осборн написал крупнейший знаток письменности и истории индейцев майя Э. Томпсон. Он высоко оценивает эту работу и отмечает большие трудности, с которыми автору пришлось столкнуться при собирании материала.

Исследовательница прекрасно знает историю, культуру и обычаи древних насельников Гватемалы. В настоящее время, в отличие от Сальвадора, где индейцы составляют только около 10% населения, в Гватемале приблизительно 55% жителей — индейцы². Вследствие этого основное внимание в книге уделено именно гватемальским индейцам и их ремеслу.

Рецензируемая книга делится на две основные части, первая из которых посвящена преимущественно качеству и производству одежды, а вторая знакомит читателя с остальными индейскими ремеслами. Несоразмерность этих частей (первая из них охватывает одиннадцать глав из девятнадцати) объясняется, по-видимому, тем, что, во-первых, ткачество в этих странах до наших дней остается у индейцев ведущим ремеслом, распространенным повсеместно, и, во-вторых, тем, что автор является крупнейшим знатоком текстиля Гватемалы.

Во введении к I главе автор останавливается на вопросах численности, размещения и языковой классификации индейцев. На наш взгляд, рассмотрение этих вопросов совершенно необходимо, принимая во внимание крайне сложный этнический состав Гватемалы. Более одной трети населения страны не говорит по-испански, а объясняется на одном из шестнадцати индейских языков³. Иное дело в Сальвадоре, где почти все индейцы говорят по-испански. Естественно поэтому, что в Гватемале наряду

¹ Помимо множества статей, Лилли Осборн написала несколько больших работ, посвященных этнографии Гватемалы и Сальвадора: *Textiles of Guatemala*, New Orleans, 1935; *Four keys to El Salvador*, New York, 1956; *Así es Guatemala*, 1960; *Four keys to Guatemala* (with V. Kelsey). New York, 1961.

² N. Whetten, *Guatemala. The land and the people*. New Haven, 1961, p. 44.

³ N. Whetten. Указ. паб., стр. 54; E. Thompson, *The Maya hieroglyphic writing*, Washington, 1950, p. 16.

с сохранением языка глубже и устойчивей традиции предков. Корни такой устойчивости в языковом и культурном отношении нужно искать не только в обособленности и труднодоступности индейских горных районов, но также и в доколумбовой истории и специфике колонизации Гватемалы.

В первой главе дается яркое описание жизни современных индейцев, начиная с различных форм поселения и кончая церковными праздниками в индейских общинах.

Главы II—XII посвящены подробнейшему и разностороннему анализу текстильного производства. Во второй главе речь идет о происхождении традиционной одежды. Однако не со всеми предположениями автора можно согласиться. Так, например, Лилли Осборн считает, что современный «газовый уипиль» (тонкая женская тканая блузка) является усовершенствованным вариантом накидок из комариных сеток, которые насаждались миссионерами в XVII в. среди индейских женщин, до того ходивших с обнаженной грудью. Э. Томпсон справедливо сомневается в правильности этой гипотезы (стр. XII).

В главе подробно описаны все части индейского костюма, а в конце книги прилагается 82 цветных таблицы. Эти таблицы дают великолепное представление о разнообразии костюмов индейцев Гватемалы. Одежда в соседних селениях настолько различается, что можно без преувеличения сказать: каждая индейская деревня Гватемалы имеет свой собственный костюм.

Третья глава рассказывает об основных материалах, используемых для изготовления текстиля, — хлопке, шерсти и шелке. Для выделки «шелковых» тканей пользовались — по сообщениям древних хроник — шелковистыми нитями особых пауков-гусениц. Интересны страницы, рассказывающие о древности хлопка. Если хлопок своеобразная шелковая нить были известны еще в древности, то шерсть была впервые завезена из Перу в 1528 году королевским казначеем Франсиско де Кастельяносом, то есть уже после испанского завоевания.

Четвертая глава посвящена крашению и красящим веществам. Индейцы с давних пор умеют получать краски из растений, произрастающих в их странах. Велико разнообразие оттенков и цветов — малиновый, красный, голубой, черный, коричневый, желтый, зеленый, — доступных индейским женщинам. В этой же главе говорится о методах крашения и стирки тканых изделий и производстве мыла.

В пятой главе описаны различные виды ткацких станков Гватемалы и Сальвадора. Женщины ткут на традиционных индейских ручных станках, мужчины — на больших деревянных ткацких станах, ввезенных испанцами.

Шестая глава знакомит читателя с процессом ткачества и выделки различных видов тканей. Индейские женщины — искусные ткачихи. «Уипили», похожие на тюлевые или «газовые», делают женщины селения Кобан. Красивее всех вытканы большие шерстяные покрывала, мягкие и пушистые, чаще всего белые, украшенные пестрыми рядами фигурок, — их делают в горном селении Момостенанго. Шерсть для их изготовления моют в естественных горячих источниках и затем мнут до нужной мягкости и ворсистости.

В седьмой главе автор рассказывает о вышивках и украшениях, о прекрасных многоцветных узорах на тканях, о ручной вышивке на одежде, о браслетах, бусах и ожерельях из кораллов и монет.

В главе VIII речь идет о традиционных узорах и символах, большинство которых имеет древнее ритуальное происхождение. Такими, например, являются изображения змеи, ягуара, двуглавого орла, дерева, птицы кетсали, солнца и др. Есть изображения, привнесенные извне позднее, например, изображение лошади появилось уже после испанского завоевания.

Орнамент на одежде и сейчас очень часто имеет определенное значение. В Гватемале, например, полосы из материи изображают мансовые поля, пестрые пятна — зерно, изображение солнца означает творческую силу и т. п. До испанского завоевания каждый цвет также символизировал определенное понятие. Например, желтый цвет — это цвет манса, то есть богатства; красный — крови, жизни, веселья; синий — знак владык и их родов.

В IX—X главах автор подробно рассказывает об обуви и головных уборах. XI глава знакомит с некоторыми индейскими элементами в одежде населения смешанного испано-индейского происхождения, в детской одежде, а также с костюмами для религиозных церемоний. Здесь же рассказывается о различных одеялах и накидках.

В XII главе исследовательница пытается проследить связи между происхождением различных обычаев и обрядов индейцев и происхождением костюмов, рассказывает о церемониях и танцах. Этой главой завершается первая часть книги.

Во второй части рассказывается о других ремеслах индейцев Гватемалы и Сальвадора. XIII глава книги знакомит читателя с изготовлением изделий из растительного волокна — веревок, мешковины, сетей, гамаков, седельных сумок и т. п.; XIV глава — с плетением циновок, XV — с плетением шляп и поделками из соломы; XVI — с изготовлением корзин. В XVII главе речь идет о производстве керамики, в XVIII главе рассказывается о расписных тыквенных сосудах-калебасах. Достоинством этих глав, в отличие от первой части, является то, что ремесла Гватемалы и Сальвадора рас-

смаатриваются параллельно в обеих странах. Особенно интересны страницы, посвященные керамике и калебасам. Можно только пожалеть, что описания эти кратки, по сравнению со скрупулезным исследованием текстильного производства.

Гончарный труд в этих странах является чисто женской работой. Индианки делают посуду без помощи гончарного круга, налепом, затем обжигают их. После обжига женщины разрисовывают свои изделия.

Большого искусства достигли индейцы в разрисовке тыквенных сосудов, которые делаются одноцветными и яркораскрашенными, гравированными разными узорами и черными, с выгравированными на них символами.

XIX, заключительная, глава книги открывается рассказом о признанных центрах отдельных ремесел. В одних областях это гончарство, в других — ткачество, в третьих — плетение изделий из соломы, в четвертых — вяза из шерсти. Превосходные корзины, например, изготавливаются в трех городах — Сан Мартин Хилотепек, Итсапа и Паррамос; лучшие веревочные изделия — Сан Себастьян Уеуетенанго, а самые прочные и красивые кувшины для воды покупают в селении Риналь.

Последние страницы своей книги Лилли Осборн посвящает очень волнующему ее вопросу. С каждым годом прекрасное искусство народных умельцев все больше становится достоянием прошлого. С горечью говорит исследовательница о сокращении числа ремесленников.

Различные посредники, знакомые с приемами капиталистической торговли, захватывают в свои руки сбыт изделий ремесленников, открывая так называемые «рабочие магазины», куда индеец приносит свою продукцию и получает взамен деньги или просто нужный ему городской товар. Цены, которые устанавливают в этих магазинах, так низки, что изготовление изделий, связанное с долгими часами тяжелого ручного труда, становится просто невыгодным. Временное увеличение спроса на иностранном рынке также отражается на качестве изделий индейцев.

Чтобы сделать побольше изделий и получше заработать, ремесленники начинают ускорять процесс производства, употреблять анилиновые красители вместо натуральных, изображать на изделиях псевдоиндейские узоры, заменяя ими традиционные. Это относится не только к тканям, но и к изделиям других ремесел, например, корзины изменяются так, что становятся превосходной имитацией иностранных образцов и т. д.

Кроме того, поток дешевых фабричных изделий проникает в индейский быт. Теперь уже чаще встречается в индейских селениях европейская одежда, а в Сальвадоре осталось едва ли 5—6 деревень, где традиционная индейская одежда сохранилась полностью.

Необходимо отметить великолепный глоссарий, прилагаемый к книге, в котором приводятся все индейские названия, встречающиеся в работе, и каждому дается подробное объяснение. Кроме того, книга снабжена предметным указателем и подробной библиографией. К сожалению, в работе отсутствует ссылочный аппарат, что значительно снижает ее достоинство.

В заключение хочется сказать, что книгу Лилли Осборн отличает удивительная теплота, с которой говорится об индейском народном искусстве и о самих индейцах, об их многовековой истории и традициях. Мало найдется книг, где бы так ярко было представлено все многогранное и высокохудожественное творчество индейских ремесленников.

Книга Лилли Осборн — большой вклад в дело изучения ремесел индейцев Гватемалы и Сальвадора. Это ценное научное и справочное пособие для специалистов и всех, кто интересуется индейским народным искусством.

Т. В. Петрова

G. G. Manizer. *A expedição do acadêmico Langsdorff no Brasil (1821—1828)*. Tradução de russo por Oswaldo Peralva. São Paulo, 1967, 244 p.

Бразильское издательство «Компания Эдитера Насьонал» выпустило в серии «Бразилиана» перевод на португальский язык очерка Генриха Манизера «Экспедиция академика Лангсдорфа в Бразилию».

«Эта книга, — пишет редактор бразильского издания Америко Жакобина Лакомбе, — является первой из серии работ, которые на основе богатейшего наследия создавали и создают русские ученые, продолжатели дела своего великого соотечественника».

Как известно, Г. И. Лангсдорф, действительный член Российской Академии наук и первый генеральный консул России в Бразилии, основной целью своей жизни считал проведение большой русской комплексной экспедиции во внутренние районы Бразилии. Получив необходимые субсидии от русского правительства, Лангсдорф в 1821 г. возглавил широкое исследование многих ближних и дальних провинций страны, которое трагически оборвалось в 1828 г. в «зеленом аду» Амазонии. «Отважное начинание, — пишет Лакомбе, — сопровождалось смертями, исчезновениями и болезнями. Венцом всех несчастий явилось тяжкое заболевание ученого и дипломата — он сошел с ума» (стр. 11).

Прямым следствием печального исхода первой русской экспедиции в Бразилию было то, что о ней попросту забыли. Более ста лет пролежали в архивах драгоценные документы экспедиции, эти молчаливые свидетели равнодушия царского правительства ва к подвигу русской науки.

«Единственным известным сообщением об экспедиции Лангсдорфа долгое время была статья Эржюля Флоранса (художника, участвовавшего в экспедиции), опубликованная в переводе с французского на португальский язык виконтом де Тауна в «Ревиста до Институту Историко Бразилейро», — продолжает Лакомбе, — оригинальный французский текст появился в нескольких номерах журнала «Научного общества Сан-Пауло» в 1905 г. В немецком журнале «Глобус» Карл фон ден Штайне опубликовал несколько отрывков с иллюстрациями» (стр. 11).

В России имя Лангсдорфа пребывало в безвестности, пока молодой петербургский ученый Генрих Манизер не отправился в 1914 г. вместе с группой своих коллег в Южную Америку и не открыл его заново для науки. Познакомившись в Рио с дневником Эржюля Флоранса, Манизер написал очерк о путешествиях Лангсдорфа, отдав тем самым «запоздалый долг академии забытому ее члену» (стр. 30).

Работа Манизера, позволившая также установить происхождение многих коллекций, хранящихся в русских музеях; обнаружение в 1930 г. полевых дневников экспедиции в одном из ленинградских архивов; исследования Н. Г. Шпринцин, Б. Н. Комиссарова и ряда других советских латиноамериканистов воссоздают одну из самых ярких страниц истории бразильско-русских научных связей.

Перевод очерка Манизера на португальский язык осуществлен с издания 1948 г. подготовленного к печати покойной Н. Г. Шпринцин. В кратком введении к бразильскому изданию, к сожалению, практически ничего не говорится о работах советских исследователей над материалами первой русской экспедиции в Бразилию, появившихся за последние 20 лет.

В результате некоторые неточности, допущенные Манизером, опиравшимся только на материалы Флоранса, не были исправлены редактором бразильского издания. Правда, во «Введении» указывается, что обширный материал по экспедиции, хранящийся в АН СССР, «явился объектом новых работ, которые, возможно, также будут опубликованы в нашей серии «Бразилиана» (стр. 12).

Сам факт опубликования очерка Манизера бесспорно свидетельствует о большом интересе бразильской научной общественности к личности акад. Лангсдорфа, стоявшего у самых истоков бразильско-русских научных связей. Об этом интересе свидетельствуют и двукратное посещение нашей страны профессором университета в Сан-Салвадоре Клементе Мария да Силва Нигра, ознакомившимся с материалами советских архивов, и прибытие в СССР в 1965 г. бразильской культурной миссии во главе с известным журналистом и директором треста «Диариос Асосиадос» Асизом Шатобрианом. Члены этой миссии также знакомились с материалами экспедиции Лангсдорфа.

Надо заметить, что этим посещениям предшествовала большая работа по популяризации материалов экспедиции и исследований советских латиноамериканистов по данному вопросу, проделанная агентством печати «Новости». В результате этого в Бразилии стали появляться статьи об экспедиции Лангсдорфа и о работах советских латиноамериканистов, а в конце 1964 г. один из крупнейших бразильских иллюстрированных журналов «О Крузейро» поместил обширный репортаж о материалах экспедиции Лангсдорфа, хранящихся в советских архивах.

Выход в свет очерка Манизера в блестящем переводе Освальдо Пералвы, под общей редакцией д-ра Эрберта Балдуса, представляет собой значительное событие, как бы завершающее начальный этап ознакомления бразильской общественности с историей первой русской экспедиции в Бразилию и бразильско-русских научных связей вообще.

В. И. Похвалин

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

H. R. Friis (ed.). *The Pacific basin. A history of its geographical exploration*. New York, 1967 (Special publication of the American Geographical Society, № 38), 457 p.

Замысел этого сводного труда по истории открытий и исследований Тихого океана зародился на одном из симпозиумов X Тихоокеанского конгресса, состоявшегося в Голулуу осенью 1961 г. Участник конгресса сотрудник Картографического архива США Х. Р. Фрииз разработал план большого коллективного труда по истории географического освоения тихоокеанского бассейна и прилек к его составлению видных американских, английских, советских, канадских и японских специалистов.

Под редакцией Х. Р. Фрииза и при активной поддержке Американского географического общества эта коллективная летопись тихоокеанских открытий и исследований была подготовлена к печати и вышла в свет в 1967 г.

Подготовка книги к изданию заняла без малого шесть лет — срок не столь уж долгий, если учесть, что в ее создании участвовали 14 специалистов из пяти стран.

Соавторы этого сводного труда — ученые различного профиля; различны круг их интересов, мировоззрение и методология. Естественно поэтому, что между смежными главами-статьями заметны зазоры, а сами статьи отличаются друг от друга и по своей методике, и по глубине и широте охвата материала, и по трактовке общих и частных проблем истории тихоокеанских открытий. Следует, однако, отметить, что композиция книги весьма удачна и соответствует требованиям программы, намеченной в дни X Тихоокеанского конгресса. Книга открывается тремя статьями вводного характера, которые призваны дать общие представления о географической обстановке бассейна и основных путях развития техники географических исследований. Далее следуют десять глав, в которых излагается история открытий и исследований, совершенных обитателями Океании и мореплавателями Китая, Японии, Испании, Португалии, Голландии, России, Франции, Англии и США. Завершается книга главой об открытиях и исследованиях XX в. и заключением, в котором рассматриваются проблемы влияния географических открытий в тихоокеанском бассейне на европейскую культуру.

Примечания и библиографические ссылки образуют особый раздел и по объему немногим уступают основному тексту. В этом разделе содержатся ссылки на 4000 публикаций различного рода, и для специалиста он представляет, быть может, даже больший интерес, чем основные главы.

Работа построена по «эстафетному» принципу: эстафета открытий и исследований переходит от «мореплавателей солнечного восхода» и австралийских аборигенов к различным народам Азии, Европы и Америки. Подобный метод изложения оправдан, поскольку на страницах книги авторы выступают в качестве представителей народов, которые в те или иные времена внесли свою лепту в историю тихоокеанских открытий и исследований. Однако «эстафетный» принцип нарушает хронологическую последовательность событий и порой искажает общую картину исторического процесса. Особенно это заметно в главах, посвященных французским (автор Р. Дж. Гарри, Канада) и английским (автор Р. И. Раггз, Канада) открытиям, которые часто совершались одновременно и взаимосвязанно в силу общности причин, определявших ход и направление заморской экспансии Франции и Англии.

Искусственный разрыв между «французской» и «английской» главами привел, в частности, к тому, что описание плаваний Джемса Кука оказалось совершенно оторванным от раздела, посвященного Л. А. Бугенвилю. Точно так же ничем не связанными предстали экспедиции Н. Бодена и М. Флиндерса.

Последний пароксизм испанской географической активности в 1770—1780-х гг. необъясним без соответствующего экскурса в историю англо-испанских отношений. Между тем, автор «испанской» главы — Д. Д. Бранд (США), касаясь экспедиций Боэнеча в Восточную Полинезию и двенадцатикратных испанских плаваний к северо-западным берегам Америки, лишь вскользь говорит об одновременной британской экспансии в южных морях и в северной части Тихого океана, а в главе об английских открытиях и исследованиях об одновременных испанских экспедициях не упоминается совершенно.

Редактор книги Х. Р. Фринз в своем кратком предисловии особо подчеркнул, что перед авторами ставились две задачи: выявить и оценить узловые моменты в истории наиболее значительных открытий и насколько возможно полно зафиксировать их ход. Думается, что обе эти задачи могут быть успешно разрешены лишь в рамках много томной серии книг, посвященных тихоокеанским открытиям и исследованиям. Стремление же к наиболее полной фиксации знаменательных событий в истории тихоокеанских открытий привело к тому, что некоторые главы (в частности XI и XII, посвященные французским и английским открытиям и исследованиям) приобрели характер инвентарных списков. Сухие перечни экспедиций не дают, однако, представления о их научных итогах и значимости исследований, проведенных в тихоокеанском бассейне.

В рамках журнальной рецензии невозможно дать развернутую оценку всем главам книги. Тем не менее хотелось бы подробнее охарактеризовать те из них, которые, на наш взгляд, представляют наибольший интерес для читателей «Советской этнографии». Во вводной части книги внимания заслуживает лишь третья глава, посвященная проблемам картографии и принадлежащая виднейшему английскому картографу Р. А. Скелтону. Обзорная же характеристика географической обстановки тихоокеанского бассейна, данная У. Л. Томасом (США), чересчур схематична, а глава, отведенная навигационной истории (автор ее Н. Дж. Тровер, США), представляет собой экстракт из широко известных трудов Э. Банбери, Дж. Роуза и Е. Тейлор, причем автор неправомерно много места отводит мореходному искусству античных времен и раннего средневековья.

Р. А. Скелтон, вскользь касаясь картографии античной эпохи, особое внимание уделяет затем портоланам и картам мира XIV—XV вв. Переходя непосредственно к тихоокеанскому бассейну, он подчеркивает особенности, характерные для первых испанских карт послемагеллановского времени — карт Нуньо Гарсиа де Терено (1522—1525 гг.) и Дьогю Рибейры, первого картографа знаменитой севильской Торго-

вой Палаты (1525—1532 гг.), в которых нашли отражение экспансионистские планы испанской короны, основанные на весьма произвольном толковании условий Тордесильяского договора 1494 г.

К сожалению, Р. А. Скелтон почти не затрагивает проблемы Terra Australis — мифической Южной Земли, лже-материка, который отнюдь не только в силу античных традиций неизменно показывался на картах мира XVI, XVII и первой половины XVIII вв. Зато чрезвычайно интересен тот раздел статьи, в котором речь идет о голландских картах Тихого океана XVII в. В частности, Р. А. Скелтон уделяет много места работам гениального голландского картографа Хесселя Герритса, оказавшим большое влияние на мореплавателей эпохи Тасмана. В заключительных разделах статьи дается сжатая и четкая характеристика тихоокеанской картографии XVIII и XIX вв. Жаль, однако, что в этом разделе забыты работы выдающихся русских мореплавателей XIX в. и не приводятся ссылки на труды И. Ф. Крузенштерна, О. Е. Коцебу, Ф. Ф. Беллинсгаузена, К. С. Старицкого и С. О. Макарова.

Четвертая глава — «Географические представления тихоокеанских народов», написанная Г. Л. Льютуэйтом (США), представляет наибольший интерес для этнографов-океанистов.

Ее автор, опираясь на данные многочисленных источников (записки европейских мореплавателей XVIII и первой половины XIX в., специальные работы по истории мореплавания, исследования океанийского фольклора и т. д.), составил весьма содержательный обзор, который дает отчетливое представление о мореходном искусстве полинезийцев и микронезийцев и о мореходных навыках обитателей Меланезии и австралийских аборигенов. Льютуэйт подвел итоги бурной дискуссии, в которую в конце 1950-х — начале 1960-х гг., сразу же после выхода первого издания книги новозеландского историка Э. Шарпа, втянулись десятки этнографов, историков, географов и представителей навигационной науки.

Как известно, Э. Шарп, скептически оценивая мореходные возможности древних океанийцев, высказал предположение, будто Полинезия была заселена в ходе случайных и непреднамеренных плаваний¹. Ряд видных океанистов, в частности К. П. Эмори, Р. Саттс, Г. Х. Хейен, Дж. Фрэнкел, Г. С. Парсонсон, Р. Дафф и др., подвергли гипотезу Э. Шарпа всесторонней критике². С 1957 по 1966 г. новозеландский журнал «Journal of the Polynesian Society» был ареной горячих выступлений противников и сторонников Э. Шарпа, причем в ходе этой дискуссии сам ее виновник частично пересмотрел и несколько смягчил свой первоначальные суждения и выводы. Г. Р. Льютуэйт в весьма объективных тонах излагает ход этой многолетней дискуссии, уделяя внимание характеристике тех источников, на которых основываются оппоненты Э. Шарпа (показания мореплавателей XVIII и первой половины XIX в., полинезийские фольклорные традиции, анализ возможностей океанических транспортных средств и данные о течениях и ветрах в южной половине Тихого океана). В целом, Г. Р. Льютуэйт ставит под сомнение возможность сквозных непреднамеренных плаваний. Считая, что Э. Шарп чрезмерно сузил географический кругозор океанийцев (во втором издании своей книги Э. Шарп высказал предположение, что двухсторонние постоянные связи были невозможны между островами, удаленными друг от друга на расстояние свыше 300—360 миль), Льютуэйт все же приходит к выводу, что «в ту пору, когда европейские корабли впервые показались в водах Океании, несомненно, многие области еще жили во взаимном неведении (mutual ignorance)». И далее он намечает границы эти замкнутых ареалов, отделяя Новую Зеландию от всех прочих островов Полинезии и называя в качестве изолированных ареалов Микронезию, остров Мангарева и остров Пасхи. Правда, автор не исключает возможности эпизодических контактов между островами Западной Полинезии и цепочкой островов Гилберта, а также восточными архипелагами Меланезии.

Г. Р. Льютуэйт намеренно ограничивает рамки своей статьи и почти не касается ни проблемы происхождения народов Меланезии, Микронезии и Полинезии, ни вопроса о последовательности заселения островных групп Океании, хотя именно в последние годы археологические и лингвистические исследования позволили установить даты по-

¹ A. Sharp, *Ancient voyagers in the Pacific*, London, 1957; его же, *Ancient voyagers in Polynesia*, Sydney, London, Melbourne, Wellington, 1963.

² К. Р. Эмори, *The origin of the Hawaiians*, «Journal of the Polynesian Society» vol. 68, № 1, 1959; R. Suggs, *The island civilizations of Polynesia*, New York, 1960; его же, *Methodological problems for «accidental voyagers»*, «Journal of the Polynesian Society», vol. 70, № 4, 1961; G. H. Heyen, *Primitive navigation in the Pacific*, «Memoirs of the Polynesian Society», № 34, 1963; J. P. Frankel, *Polynesian migration voyages; accidental or purposeful*, «American Anthropologist», vol. 65, 1963, pp. 1125—1127; G. S. Parsonson, *The settlement of Oceania: an examination of the accidental voyage theory*, «Journal of the Polynesian Society», vol. 71, № 3, 1962; R. Duff, *Pacific adzes and migrations (a reply to Andrew Sharp)*, «Journal of the Polynesian Society» vol. 69, № 2, 1960.

следовательного продвижения океанийских мигрантов от архипелага Тонга к Таити и Маркизским островам и от последних к Гавайям, острову Пасхи и Новой Зеландии.

Г. Р. Льютуэйт не отрицает возможности древних связей между перуанским побережьем и самыми восточными островами Полинезии, но он отдает предпочтение гипотезам Р. Сагса и Т. Бартеля, которые корни цивилизации острова Пасхи ищут на Маркизских островах и на островах Общества.

Нам представляется, что статья Г. Р. Льютуэйта интересна и ценна прежде всего как обзор проблем, непосредственно связанных с шарповской дискуссией. Соображения же его о замкнутых и полужамкнутых ареалах локальных океанийских культур представляются весьма спорными и недостаточно подкрепляются данными современных археологических, этнографических и лингвистических исследований.

В пятой главе, посвященной китайским географическим открытиям и исследованиям, ее автор Чжоу Минь-си (США) придерживается, в отличие от некоторых своих гонконгских коллег, связывающих с именем китайского флотоводца XV в. Чжэн Хэ открытие австралийского материка, вполне реалистических взглядов относительно деятельности этого мореплавателя. Отмечая, что Чжэн Хэ в четвертой (1413—1415 гг.) и пятой (1417—1419 гг.) своих экспедициях дошел до восточных берегов Африки³, автор не приписывает ему открытий на берегах пятого материка, хотя и ссылается на гонконгскую гипотезу, о которой выше шла речь⁴, Чжоу Минь-си справедливо указывает, что до XVI в. в пределах Тихого океана в сферу китайских географических представлений входили лишь моря, омывающие берега Китая, Японии и главных островов Малайского архипелага (Калимантана, Явы и Суматры).

Шестая глава (автор Нобуо Мурога, Япония), характеризующая японские открытия и исследования в Тихом океане, посвящена в значительной своей части исследованиям XVII—XVIII вв. и начала XIX в. Особенно интересны описания экспедиций в район Сахалина и Курильских островов. Автор отмечает, что только в конце XVIII в. северная граница японской сферы географических представлений передвинулась с острова Хоккайдо к Сахалину. Контур Сахалина впервые появились в очертах, близких к современному, на японских картах, составленных в ходе экспедиции японских мореплавателей Мамии Риндзо и Мацуды Дендзюро (1808—1809 гг.). Эти мореплаватели установили, что Сахалин узким проливом отделяется от материка.

Автор приводит сведения о японских плаваниях к островам Рюкю (известных в Японии с VII в.) и указывает, что острова Бонин были открыты японским мореплавателем Огасаварой Садайори в 1593 г.

В статье отдается должное вкладу русских мореплавателей в исследования морей и земель северо-западной части Тихого океана.

Главы седьмая и восьмая, в которых Д. Д. Бранд (США) дает обзорную характеристику испанских и португальских открытий и исследований, содержат обильную информацию о всех сколько-нибудь значительных экспедициях XVI—XVIII вв. Правда, автор не приводит данных, которые могли бы дополнить исчерпывающие обзоры испанских открытий в Океании Дж. Биглехола и Э. Шарпа⁵ или работы Г. Р. Вагнера, посвященные испанским исследованиям западных берегов Северной Америки⁶, но в целом сводки Д. Д. Бранда весьма содержательны и ценны прежде всего потому, что охватывают весь тихоокеанский бассейн. Интересны данные о типах испанских кораблей и испанских навигационных методах XVI—XVII вв.

К сожалению, гораздо более слабой представляется девятая глава (автор Я. О. М. Брук, США), в которой излагается история голландских открытий и исследований. По объему информации она уступает соответствующим разделам общих руководств по истории географических открытий и не дает представления о навигационных приемах голландских мореплавателей, голландской картографии XVII в. и чрезвычайно интенсивном ходе голландской экспансии в южной и северной частях Тихого океана.

Между экспедициями Тасмана и Роггевена (а они отделены почти восьмидесятилетним промежутком времени) зияет в статье необъяснимая лакуна. Не дана идентификация островов архипелага Туамоту, открытых Роггевеном.

Очень содержательна небольшая по объему десятая глава о русских открытиях и исследованиях, написанная специально для рецензируемого издания Д. М. Лебедевым и В. И. Грековым (СССР), чьи труды в этой области известны широкому кругу советских географов, этнографов и историков.

³ Судя по мемориальным надписям самого Чжэн Хэ, он достиг Африки в ходе пятой и шестой экспедиций, даты которых приходятся соответственно на 1417—1419 гг. и 1421—1422 гг. (Я. Свет, За кормой сто тысяч ли, М., 1960; его же, Дальние плаванья китайских мореходов в первой половине XV в., «Вопросы истории естествознания и техники», вып. 3, М., 1957).

⁴ Вэй Цзюй-сянь, Китайское открытие Австралии, Гонконг, 1960 (на кит. яз.).

⁵ J. Beaglehole. The exploration of the Pacific, London, 1947; A. Sharp, The discovery of the Pacific Islands, Oxford, 1960.

⁶ H. R. Wagner, The cartography of the northwest coast of America to the year 1800, Berkeley, 1937, vol. I—II.

Читателям, не владеющим русским языком (а именно на них и рассчитана книга), этот краткий обзор русских открытий и исследований в Тихом океане дает отчетливое представление о важнейших русских экспедициях, их характере и результатах их деятельности.

В статье приводятся сведения о походах Москвитина и Пояркова, историческом плавании Семена Дежнева и Федота Алексеева Попова, камчатских изысканиях Атласова, и эти сведения о первых русских открытиях и исследованиях берегов Тихого океана сопровождаются краткой справкой об основных картографических источниках XVII и начала XVIII в. Далее характеризуются первая и вторая Камчатские экспедиции, причем подробно описывается плавание Беринга и Чирикова 1741 г. и отмечается, насколько значительное влияние оно оказало на русскую картографию середины XVIII в. Касаясь экспедиций послеберинговского периода, авторы подчеркивают значение алеутских плаваний русских промышленников и открытий и исследований Креницына и Левашева, Шелехова, Прибылова, Сарычева и Биллинга.

Необходимый минимум информации содержится в следующем разделе статьи, посвященном русским кругосветным плаваниям первой половины XIX в. Авторы, описывая плавания Крузенштерна и Лисянского, Головинна, Коцебу, Беллинсгаузена и Лазарева, Васильева и Шишмарева, Литке, Гagemейстера, Хромченко, Шанца, приводят не только данные об открытиях, совершенных в ходе этих экспедиций, но и о результатах научных исследований первой половины XIX в. в Океании и в северной части Тихого океана.

В заключительной части статьи приводятся данные о работах К. С. Старицкого и М. Онаневича в Охотском, Японском, Желтом и Восточно-Китайском морях и об океанографических исследованиях, осуществленных в северной половине Тихого океана С. О. Макаровым.

К сожалению, в статье не упоминаются исследования М. Кумани и В. В. Благодарова у берегов Новой Гвинеи в 1871—1873 гг., связанные с первым путешествием на этот остров Н. Н. Миклухо-Маклая.

В целом, материалы статьи Д. М. Лебедева и В. И. Грекова бесспорно позволяют ввести в круг представлений зарубежных читателей наиболее существенные сведения о русских открытиях и исследованиях XVII—XIX вв. в Тихом океане.

Следующие две главы, посвященные французским и английским исследованиям, по своему характеру приближаются к «стандартным» тихоокеанским разделам общих руководств по истории открытий. Думается, что недавно вышедшие в свет издания материалов первого и второго плаваний Кука с великолепными вводными статьями Дж. Биглехола и новейшая сводка по истории французских открытий в Тихом океане Дж. Данмора⁷ могли бы дать авторам этих глав основу для более содержательного обзора французских и английских открытий и исследований XVII—XVIII вв.

Значительно больший интерес представляет тринадцатая глава (американские географические открытия и исследования), написанная К. Дж. Бертраном (США). Автор приводит много ценных данных об экспедиции Ч. Уилкса (1838—1842 гг.) и северо-тихоокеанской экспедиции К. Ринггольда (1852—1854 гг.), а также об американских океанографических исследованиях и работах по геодезической съемке западных берегов Северной Америки, проведенных во второй половине XIX в.

Четырнадцатая глава, объектом которой являются океанографические исследования в Тихом океане, проведенные в XX в., построена ее автором вице-адмиралом Х. А. Каро (США), не по хронологическому, а по «отраслевому» принципу: за разделом «Исследования по биологии моря» следуют разделы, посвященные морским геологическим, геофизическим, метеорологическим исследованиям, из-за чего в статье много повторений, и очень трудно составить цельное представление о ходе работ по изучению тихоокеанской акватории и тихоокеанского дна. Автор особое внимание уделяет американским исследованиям, но сообщает и об океанографических экспедициях, организованных другими странами. В частности, хотя и очень кратко, описываются итоги работ, проведенных на «Витязе», «Оби», «Воейкове» и «Шокальском». К сожалению, автор не приводит данных о новых геологических открытиях и чрезвычайно интересных геофизических исследованиях, которыми ознаменовался 34-й рейс «Витязя» в 1961 г. Отсутствуют также сведения о новых советских и американских батиметрических картах, подготовленных в 1963—1966 гг.

Таким образом, статья представляется несколько устаревшей, что значительно снижает ее ценность. Ведь наиболее интересны свежие данные об океанографических исследованиях, размах которых возрастает с каждым годом.

У. Е. Уошберн (США), автор пятнадцатой, последней главы, оценивает европейскую экспансию в тихоокеанском бассейне лишь в плане ее влияния на культуру стран Западной Европы. Правда, касаясь раннего, испанского периода тихоокеанских открытий, автор отмечает, что «основным мотивом, которым европейцы руководствовались,

⁷ J. Dunmore, *French explorers in the Pacific*, vol. I, 1965. Автор одиннадцатой главы, в которой идет речь о французских открытиях в Тихом океане, на эту книгу не ссылается вообще.

продвигаясь... к Тихому океану, было желание обрести движимое богатство — золото...» (стр. 323). Однако чуть ниже У. Е. Уошберн утверждает, будто во времена Кука и его последователей насильственные методы не считались совместимыми с традициями европейской цивилизации.

«Изделия тихоокеанских мастеров уже не отвергались с презрением и не уничтожались, а общественный строй [в странах Тихого океана.— Я. С.] не ниспровергался безжалостным образом. Напротив, культурное достоинство народов ~~этого~~ ареала все в большей и большей степени обращало на себя внимание художников и ученых...». Весьма возможно, что в XVIII и в XIX вв. художники и ученые обладали большей любознательностью, чем в XVI столетии. Но ведь именно в XIX в. безжалостно истреблены были тасманийцы, уничтожено было 9/10 коренного населения Австралии и был разрушен общественный строй народов Океании, а цветущие острова южных морей стали колониями Франции, Англии, Германии и США.

Уже не только золото, но и копра, сахар, лес, земные плоды океанийских островов стали разновидностями «движимого богатства», а с традициями европейской цивилизации вполне уживались те достойные Кортеса и Писарро методы, с помощью которых очищались от «туземцев» благодатные земли Австралии и Новой Зеландии. И поскольку У. Е. Уошберн упомянул о мотивах заморской экспансии, ему бы следовало, хотя бы вскользь, коснуться и некоторых, отнюдь не мирных, ее аспектов применительно к эпохе наивысшего расцвета колониализма.

Следует, впрочем, отметить, что и в тех разделах статьи, где речь идет не о мотивах заморской экспансии, а о ее непосредственном влиянии на географическую мысль, философию, литературу и искусство Европы, автор ограничивается неопределенными суждениями о характере этого влияния. Не конкретны даже его прямые ссылки на Дефо и Свифта. Читатель из статьи У. Е. Уошберна так и не узнает, что замысел «Робинзона Крузо» навеян был реальными приключениями одного из участников пиратских рейдов в Тихий океан и что страна Бромдингенг и земля гуингмов лежат именно в этом океане...

Подводя итоги, отметим, что несмотря на известную «неспетость» сборника и включение в него не вполне доработанных статей, издание его, несомненно, следует расценивать как явление значительное.

Широкий круг специалистов, чьи интересы связаны с проблемами Тихого океана, с выходом в свет этой книги получили ценное справочное пособие, которое сохранит свое значение на долгие годы.

Я. М. Свет

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО НАРОДАМ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА *

Абдулхамидов А. Из истории орошаемого земледелия в зоне Соха. «Обществ. науки в Узбекистане», 1967, № 9, с. 48—49.

Абдурахимов М. Заметки о переводах узбекских пословиц. «Звезда Востока», 1966, № 9, с. 170—173.

Абдылдаев М. Синкретизм пережитков доисламских и исламских верований киргизов. (На материале Кирг. ССР). Фрунзе, 1967. 22 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. философ. наук. (АН Кирг. ССР. Отд-ние обществ. наук).

Абидов Т. Театр масхарабозов Хорезма. Ташкент, 1967. 20 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. искусствоведения. (Ин-т искусствоведения им. Хамзы Хаким-заде Ниязи). Список работ автора: с. 18—20.

Авазов М. Санитарно-демографические процессы населения г. Душанбе. Фрагмент дисс. «Здравоохранение Таджикистана», 1966, № 5, с. 30—32.

Авдеев Л. М. Наши враги — религия, знахарство и табибизм. Ташкент, «Медицина», 1967. 20 с. с илл. (М-во здравоохранения УзССР. Респ. дом сан. просвещения. ЦК О-ва Красного Полумесяца). Книга вышла на русск. и узб. яз.

Аведова Н. А. Искусство оформления узбекских музыкальных инструментов. Ташкент, «Ташкент», 1966. 95 с. с илл. (М-во культуры Уз. ССР. Ин-т искусствознания им. Хамзы. Творчество нар. мастеров Узбекистана). Резюме на англ. и франц. яз.

Аведова Н. А. Радости и огорчения Кадырджана Хайдарова. (О творчестве резчика по дереву). «Звезда Востока», 1966, № 4, с. 186—189.

Агаджанов С. Г. Средневековые этимологические названия «туркмен». — В кн.: Всесоюзн. совещание по этногенезу туркменского народа. Тезисы докладов и научных сообщений. 23—25 февраля 1967 г. Ашхабад, 1967, с. 21—23.

* В связи с тем, что часть литературы, печатаемой на местах, попадает в центральные библиотеки со значительным опозданием, библиографические списки, публикуемые в журнале, не охватывают всей литературы за предыдущий год. Имеющиеся пробелы будут восполнены в следующем списке по этому региону. — *Ред.*

Агзамходжаев Т. Подземные каменные наусы около г. Ангрен. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 7, 1966, с. 104—111.

Айдаров Г. 125 лет со дня рождения В. Томсена. «Изв. АН КазССР». Серия обществ., 1967, № 3, с. 106—108. На каз. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Айтбаев М. Т. Северная Киргизия. (Историко-этногр. исследование). Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1967. 49 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктор историч. наук. (Тбил. гос. ун-т).

Айтмамбетов Д. О. Культура киргизского народа во второй половине XIX начале XX в. Фрунзе, «Илим», 1967. 309 с. с илл. (АН КиргССР. Ин-т истории). Библиогр.: с. 288—308.

Алаев О. Кто такой Ясави? [О проповеднике ислама в Средней Азии Ахмад Ясави]. «Наука и религия», 1967, № 5, с. 38—40.

Алексеев В. П. Краниологические материалы к этногенезу турменского народа.—В кн.: Всесоюз. совещание по этногенезу туркменского народа. Тезисы докладов и научных сообщений. 23—25 февраля 1967 г. Ашхабад, 1967, с. 8—9.

Алимбаев М. Метрическая система казахских пословиц и поговорок. «Изв. А КазССР». Серия обществ., 1966, № 6, с. 63—78.

Алимухамедов А. Сущность попыток приспособления обрядов и обычаев ислама к современным условиям. (На материалах Узбекистана). Ташкент, 1967. 17 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. философ. наук. (АН УзССР. Ин-т философии и права).

Аманалиев Б. Из истории религии и свободомыслия в Киргизии. Фрунзе, «Кыргызстан», 1967. 110 с. На кирг. яз.

Амантыев О. Некоторые данные о Туркменистане первой четверти XVIII в. в описании Мухаммеда Казима. [С публикацией отрывков из 1-го т. «Наме-йи аламар-йи Надири»]. «Изв. АН ТуркмССР». Серия обществ. наук, 1966, № 4, с. 30—38. Библиогр.: с. 38.

Аминова Р. Х. [Рец.]: Новые книги о социалистическом строительстве в Казахстане. [1] Дахшлейгер Г. Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921—1929 гг.). Алма-Ата, 1965; 2) Елагин А. С. Социалистическое строительство в Казахстане в годы гражданской войны (1918—1920 гг.). Алма-Ата, 1966]. «Вопросы истории», 1967, № 6, с. 162—165.

Аравин П. В. Народный кюйши даулеткерей и казахская домбровая музыка XIX века. М., 1967. 25 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. искусствоведения. (Ин-т истории искусств). Список работ авт.: с. 24—25.

Аравин П. В. Строение кульминаций в казахских кюях. «Изв. АН КазССР». Серия обществ., 1966, № 4, с. 58—67. Резюме на каз. яз.

Аргынбаев Х. и Басин В. Я. [Рец.]: Масанов Э. А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966. 320 с. «Сов. этнография», 1967, № 5, с. 186—188.

Аристанбеков С. Некоторые характерные особенности религиозных пережитков. Фрунзе, «Кыргызстан», 1965. 48 с. (Б-чка атеста). На киргиз. яз.

Аннаклычев Ш. Некоторые вопросы современной семьи и семейных отношений туркменских рабочих. «Изв. АН ТуркмССР». Серия обществ. наук, 1966, № 4, с. 24—29. Библиогр.: с. 29.

Артыков А. А. Сущность модернизации идеологии ислама. Ташкент, «Фан», 1966. 72 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора философ. наук. (Ташк. политех. ин-т. АН УзССР. Ин-т философии и права). Список работ автора: с. 71—72.

Аскаров С. Фольклорные традиции в узбекской советской поэзии двадцатых годов. Ташкент, 1966. 28 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук. (АН УзССР. Ин-т языка и литературы).

Асылбеков М. [Рец.]: Достойный вклад в науку. [1] Муканов С. Лучезарные звезды; 2) Древняя культура Центрального Казахстана. (Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. О.). «Изв. АН КазССР». Серия обществ., 1967, № 3, с. 104—106.

Атагарриев Е. Средневековое городище Шехр-Ислам (Языр). (Историко-археол. очерк). М., 1967. 21 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. (Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Ист. фак. Кафедра археологии). Список работ авт. в конце текста.

Атакарриев Е. Немеркнущая красота. (О памятниках декоративно-прикладного искусства античности и сред. веков, найденных Южно-Туркменист. археол. комплексной экспедицией). «Памятники Туркменистана», 1966, № 2, с. 24—27.

Атаниязов С. Некоторые замечания к транскрипции географических названий Туркменистана. «Изв. АН ТуркмССР». Серия обществ. наук, 1966, № 5, с. 81—84. Библиогр.: 5 назв.

Атаниязов С. Топонимика Юго-Восточного Туркменистана. Ашхабад, 1966. 22 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. философ. наук (АН ТуркмССР. Отд-ние обществ. наук).

Атаниязов С. [Рец.]: Ценная работа по топонимике Средней Азии. [Хасанов Х.

- Урта Осиё жой номлари тарихидан. Тошкент, «Фан», 1965. 81 с.]. «Изв. АН ТуркмССР». Серия обществ. наук, 1966, № 4, с. 94—95.
- Ахметова М., Сафонова С. С. и Семенюк Г. И. Чокан Валиханов. (Аннотированный указатель литературы). Алма-Ата, «Казахстан», 1967. 217 с.; 1 л. портр. (Гос. респ. б-ка Каз. ССР. им. А. С. Пушкина). На каз. и рус. яз.
- Ахраров И. Глиняная головка с согдийской надписью с Афрасиаба. «Сов. археология», 1967, № 4, с. 293—294.
- Ахтамов А. Некоторые вопросы дальнейшего подъема культуры села. «Обществ. науки в Узбекистане», 1966, № 11, с. 8—12. Резюме на узб. яз.
- Бадамхатан С. Дархаты. (Историко-этногр. исследование). М., 1967. 15 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. (Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Кафедра этнографии). Список работ автора в конце текста.
- Басилов В. Н. К вопросу о происхождении туркменских овлятов.— В кн.: Тезисы докладов на конференции молодых научных сотрудников и аспирантов «Этническая история и современное национальное развитие народов мира». Февраль 1967 г. М., 1967, с. 4—7. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).
- Басилов В. Н. Пережитки доисламских верований в мусульманском культе святых. (На материалах Туркмении). М., 1967. 20 с. Автореферат. дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).
- Баскаков Н. А. Три рунические надписи из с. Мендур-Соккон Горно-Алтайской автономной области. «Сов. этнография», 1966, № 6, с. 79—83. Библиогр. в подстроч. примеч.
- Бахметова Г. Возрастно-половая структура населения г. Ашхабада. (По материалам переписи населения 1959 г.). «Изв. АН ТуркмССР». Серия обществ. наук, 1966, № 4, с. 52—56 с табл. Библиогр.: с. 56.
- Бегалиев С. К вопросу о поэтике эпоса «Манас». «Изв. АН КиргССР», 1966, № 3, с. 10—16.
- Бекмаханов Е. Б. Очерки истории Казахстана XIX в. Алма-Ата, «Мектеп», 1966. 191 с. с илл. Библиогр.: с. 187—190.
- Рец.: Валиханов Г. и Нурканов А. Очерки истории. «Парт. жизнь Казахстана», 1966, № 11, с. 72—73.
- Бекмуратова А. Т. Семейно-бытовой уклад каракалпаков в прошлом и задача преодоления его вредных пережитков. М., 1967. 22 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).
- Беленицкий А. М. Древний Пенджикент — раннефеодальный город Средней Азии. Л., 1967. 31 с. Доклад на соискание учен. степени доктора историч. наук. (АН СССР. Ин-т археологии). Библиогр.: с. 30—31.
- Бердоговаров К. Б. и Этинген Л. Е. Научная конференция морфологов Казахстана. [Алма-Ата. Сент. 1966 г.]. «Архив анатомии, гистологии и эмбриологии», т. 52, вып. 5, 1967, с. 111—113.
- Бердыев О. «Архив» земли раскрывает тайны. [По материалам археол. исследований в Южн. Туркменистане]. «Памятники Туркменистана», 1966, № 1, с. 26—30.
- Бертельс А. и Бакоев М. Алфавитный каталог рукописей, обнаруженных в Горно-Бадахшанской автономной области экспедицией 1959—1963 гг. Под ред. и с предисл. Б. Г. Гафурова и А. М. Мирзоева. М., «Наука», 1967. 120 с. с илл. (АН СССР. Ин-т народов Азии ТаджССР. Отд. востоковедения и письм. наследия). Резюме на англ. яз.
- Библиография Киргизии. В 4-х т. Фрунзе, 1966. (М-во культуры КиргССР. Гос. респ. б-ка КиргССР им. Н. Г. Чернышевского. Отд. нац. библиографии).
- Т. 3. Вып. 4. Уласовец Г. Н., Смирнов Л. И. и Качаев А. В. Наука. Культура. Просвещение. Печать. Библиотечное дело. Культпросвет работа. Здравоохранение и медицина Киргизии. (1946—1955). Указатель литературы. 262 с.
- Т. 3. Вып. 6. Зволева В. П. Литература. Искусство. (1946—1955). Указатель литературы. 317 с.
- Библиография изданий АН Киргизской ССР. 1962—1964 гг. Сост. Л. М. Эрман, М. М. Баженова, Э. Г. Абзильдинова. Фрунзе, «Илим», 1966. 155 с. (АН КиргССР. Центр. науч. б-ка).
- Бижанов Е. Ширван-кала — специализированное поселение горнорабочих-ремесленников. [По археол. данным]. «Вестн. Каракалп. филиала АН УзССР», 1966, № 3, с. 96—98.
- Бижанов М. Дневник М. Тевкелева как источник по истории Казахстана. «Изв. АН КазССР». Серия обществ., 1967, № 4, с. 83—87. Библиогр. в подстроч. примеч.
- Бирюзовый ларец. Сказки. Собрали и записали М. Афзалов, Х. Расулов, З. Хусайнова. Пер. с узб. Сост. М. Шевурдин. Илл.: А. Циглинцев. Ташкент, Изд-во худож. лит., 1967. 343 с. с илл. (Узб. нар. творчество. Т. 5).
- Битенева Н. М. Взаимообогатение и сближение национальных культур народов Средней Азии и Казахстана с культурами братских советских народов. (1959—

1965 г.), М., «Мысль», 1967. 16 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степ. канд. историч. наук. (Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Кафедра истории советского-ва).

Большаков О. Г. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX-XI вв. «Эпиграфика Востока», 17, 1966, с. 54—62.

Борозна Н. Г. Социалистические преобразования в хозяйстве и быте узбекских дурменных долины Кафирнигана и Бабатагских гор. М., 1966. 22 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).

Бретаницкий Л. С. Михаил Михайлович Дьяконов. (К шестидесятилетию со дня рождения). «Народы Азии и Африки», 1967, № 3, с. 188—191 с портр.

Ванке А. И., Вараксин В. Н. и Шлаин Э. М. О подвижности населения Ташкента. «Строительство и архитектура Узбекистана», 1966, № 3, с. 37—39.

Васильева Г. П. Этнические компоненты в составе туркменского народа по данным этнографии. — В кн.: Всесоюз. совещание по этногенезу туркменского народа. Тезисы докладов и научных сообщений. 23—25 февраля 1967 г. Ашхабад, 1967, с. 9—11.

Вафаев О. К. вопросу дальнейшего улучшения социально-бытовых условий жизни женщин [в республике]. «Обществ. науки в Узбекистане», 1967, № 9, с. 34—37.

Винников Я. Р. К этнической истории туркменского населения Средней Азии. Дарьи. — В кн.: Всесоюз. совещание по этногенезу туркменского народа. Тезисы докладов и научных сообщений. 23—25 февраля 1967 г. Ашхабад, 1967, с. 23—24.

Винников Я. Р. Новое в семейном быту колхозников Туркменистана. «Сов. этнография», 1967, № 6, с. 32—41. Резюме на англ. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Виноградов А. В. и Итина М. А. К 60-летию Сергея Павловича Толстова [Этнограф и археолог]. «Сов. археология», 1967, № 1, с. 111—114 с портр.

Волкова Т. М. Морфологические особенности горцев Западного Памира. «Вопросы антропологии», вып. 24, 1966, с. 101—112. Библиогр.: 23 назв.

Волшебный рубин. Сказки. Собраны и записаны М. Афзаловым и др. Пер. с узб. Илл.: А. Циглинец. Сост. М. Швердин. Ташкент, Изд-во худож. лит., 1967. 347 с с илл. (Узб. нар. творчество).

Вороновский Д. Г. «Весы настроений» (К истокам восточной фармакопей). «Обществ. науки в Узбекистане», 1966, № 10, с. 41—43.

Всесоюзное совещание по этногенезу туркменского народа. Ашхабад. 23—25 февраля 1967. Тезисы докладов и научных сообщений. Ашхабад, «Илим», 1967. 34 с. (АН ТуркмССР. Ин-т истории им. Ш. Батырова).

Гафарова М. К. Особенности формирования духовного облика женщин Советского Востока в период строительства социализма и перехода к коммунизму. М., 1967. 39 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора философ. наук. (Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Философ. фак.). Список работ автора: с. 39.

Гинзбург В. В. Задачи антропологического изучения туркменского народа. — В кн.: Всесоюз. совещание по этногенезу туркменского народа. Тезисы докладов и научных сообщений. 23—25 февраля 1967 г. Ашхабад, 1967, с. 7.

Горбунова Н. Раскопки древних поселений в Фергане. [1963—1964 гг.]. «Сообщения Гос. Эрмитажа», 27, 1966, с. 85—86.

Григорьева Н. М. Дерматоглифика некоторых народов Средней Азии. «Вопросы антропологии», вып. 25, 1967, с. 90—97. Библиогр.: 10 назв.

Грязнов М. П. и Кляшторный С. Г. Надпись или олень? (По поводу одной публикации). (В связи со статьей А. С. Аманжолова «Древнетюркская руническая надпись из Прииртышья» в журн. «Народы Азии и Африки», 1965, № 3). «Народы Азии и Африки», 1966, № 2, с. 131—133.

Губаев А. Г. Новый памятник сасанидского времени в Южном Туркменистане [По материалам раскопок замка Ак-депе]. «Сов. археология», 1967, № 1, с. 262—266.

Губаев А. Г. Поселения сасанидского времени в Южном Туркменистане. J 1967. 15 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. (А СССР. Ин-т археологии. Ленингр. отд-ние).

Гудкова А. В. Кердерская культура (VII—XI вв.) Северного Хорезма и ее значение для изучения этнической истории огузо-туркменских племен. — В кн.: Всесоюз. совещание по этногенезу туркменского народа. Тезисы докладов и научных сообщений. 23—25 февраля 1967 г. Ашхабад, 1967, с. 20—21.

Гудкова А. В. и Лившиц В. А. Новые хорезмийские надписи из некрополя. Ток-калы и проблема «хорезмийского эры». «Вестн. Каракалп. филиала АН УзССР», 1967, № 1, с. 3—19. Резюме на узб. яз.

Давлетов Ж. Современный быт животноводов на отгонном пастбище Аспатай. «Вестник каракалпакского филиала АН УзССР», 1967, № 2, с. 73—76 с карт. Резюме на каракалп. яз.

Дадабаева О. Лекарственные растения Северного Таджикистана. Душанба, 1967. 19 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. биол. наук. (А Тадж. ССР. Отд-ние биол. наук).

Дахшлейгер Г. Ф. Из опыта строительства социализма в Казахстане и Средней Азии (к социализму минуя капитализм). «Изв. АН КазССР». Серия обществ., 1966, № 4, с. 3—13. Резюме на каз. яз.

Дахшлейгер Г. Ф. Проблемы национально-государственного строительства Советского Казахстана в современной исторической литературе. (К 50-летию Великого Октября). «Изв. АН КазССР». Серия обществ., 1967, № 4, с. 3—16. Резюме на каз. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Демидов С. К вопросу об овлятских группах у туркмен. (Материалы предварительного этнографического изучения).— В кн.: Всесоюз. совещание по этногенезу туркменского народа. Тезисы докладов и научных сообщений. 23—25 февраля 1967 г. Ашхабад, 1967, с. 33—34.

Джабаров М. О некоторых причинах живучести религии ислама и пути их преодоления. (На материалах Таджикистана). М., 1967. 18 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. философ. наук. (Ин-т философии АН СССР).

Джаббар оглы Матназар и Матнияз кизи Разия. Каракуз айим. Гулрух парн. Дастаны. Записали, подгот. к печати и вступит. статью написали Н. С. Сабуров и М. Мурадов. Ташкент, «Фан», 1967. 65 с. (АН УзССР. Ин-т яз. и литературы им. А. С. Пушкина. Узб. нар. дастаны). На узб. яз.

Джабаров И. Вера, традиции, нравы. Ташкент, Объединен. изд-во ЦК КП Узбекистана, 1967. 39 с. (О-во «Знание» УзССР, № 45). На узб. яз.

Джабаров И. Социологические исследования религиозно-бытовых пережитков и атеистическое воспитание масс. «Коммунист Узбекистана», 1967, № 5, с. 75—81.

Джамолов К. К вопросу о торговых путях, связывавших Среднюю Азию с Россией в XVII веке. «Труды Тадж. ун-та». Серия историч. наук, вып. 2, 1966, с. 271—299. Библиогр.: 74 назв.

Джебраилова А. Мечты сбываются. (Об организации нар. ун-та гигиены и быта в колхозе им. Ахунбабаева Избасканского р-на Андижанской обл.). «Наука и религия», 1967, № 1, с. 28—31.

Джикиев А. Народные предания о происхождении туркмен.— В кн.: Всесоюз. совещание по этногенезу туркменского народа. Тезисы докладов и научных сообщений. 23—25 февраля 1967 г. Ашхабад, 1967, с. 16—17.

Джулумбетова Г. А. Танцы народов Средней Азии и Казахстана. [Описания]. Сост. Г. А. Джулумбетова. Алма-Ата, «Казахстан», 1967. 102 с. с илл. и нот. (Каз. Совет профсоюзов. Респ. дом худож. самодеятельности).

Джумагулов Ч. Сиро-тюркские (несторианские) памятники в Киргизии. [К изучению элементов сиро-тюрк. яз. на надгробии Пишпекского кладбища]. «Изв. АН Кирг. ССР», 1967, № 3, с. 82—91.

Джураева Р. С. Борьба за раскрепощение женщин Бухары (1921—1926). «Обществ. науки в Узбекистане», 1967, № 7, с. 51—53.

Документы архива хивинских ханов по истории и этнографии каракалпаков. Подбор документов, введ., пер., примеч. и указатели Ю. Э. Брегея. М., «Наука», 1967. 539 с. с факс. (АН СССР. Ин-т народов Азии. АН УзССР. Каракалп. филиал). Библиогр. в примеч.: с 331—333.

Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. (Сборник статей. Отв. ред. П. Н. Кожемяко). Фрунзе, «Илим», 1967. 133 с. с илл. (АН Кирг. ССР. Ин-т истории).

Дресвянская Г. Я. Каменные бусы с городищ Старого Мерва. «Труды Ташк. ун-та», вып. 295, 1966, с. 56—65.

Дьявол и бедняк. Сказки, легенды, юмор. Подгот. к печати и авт. вступит. статьи Н. Шукуров. Илл.: Б. С. Брагин. Ашхабад, «Туркменистан», 1967. 171 с. с илл. На туркм. яз.

Егани А. А. «Каранда» как социальная категория. [К истории аграрных отношений в Средней Азии]. «Народы Азии и Африки», 1966, № 6, с. 106—113. Библиогр. в подстроч. примеч.

Еренов А. Великий Октябрь и решение земельного вопроса в Казахстане. [1917—1928 гг.] «Вестн. АН КазССР», 1967, № 10, с. 3—10. [К 50-летию Советской власти]. Резюме на каз. яз.

Есбергенов Х. А. и Ягодин В. Н. Некоторые итоги изучения мазара Шамун-наби. «Вестн. Каракалп. филиала АН УзССР», 1966, № 4, с. 48—54. Резюме на каракалп. яз.

Жармухамедов М. Жанровые особенности айтыса. «Изв. АН КазССР». Серия обществ., 1967, № 3, с. 35—44. Резюме на каз. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Жданко Т. А. Международное значение исторического опыта перехода кочевников на оседлость в Средней Азии и Казахстане (в связи с работой в СССР семинара МОТ по проблеме оседания кочевников). [Сент. 1966 г.]. «Сов. этнография», 1967, № 4, с. 3—24. Резюме на англ. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Жданко Т. А., Рапопорт Ю. А. и Чебоксаров Н. Н. Сергей Павлович Толстов. (К 60-летию со дня рождения). «Сов. этнография», 1967, № 1, с. 130—138.

Желание Ходжи Насреддина. Узб. анекдоты. Собрал и подгот. к изд. Я. Джураев. Илл.: В. Кайдалов. Ташкент, «Еш гвардия», 1966. 43 с. с илл. На узб. яз.

- Заднепровский Ю. А. Тюркские памятники в Фергане. [VI—VIII вв.] «См археология», 1967, № 1, с. 270—274. Библиогр. в подстроч. примеч.
- Зажичкая Т. Уста Умар. [О худож.-керамисте У. Джуракулове]. «Звезда Востока», 1967, № 1, с. 167—172 с портр.
- Зарифов Х. Юбилей ученого-музыковеда. [К 70-летию Юнуса Раджабова (Юн. Раджаби)]. «Обществ. науки в Узбекистане», 1967, № 9, с. 60—61 с портр.
- Зезенкова В. Я. Краниологические материалы Маргианы.— В кн.: Всесоюз. с. вешание по этногенезу туркменского народа. Тезисы докладов и научных сообщений 23—25 февраля 1967 г. Ашхабад, 1967, с. 27—28.
- Зинин С. И. О микротопонимии Ташкента. «Обществ. науки в Узбекистане» 1967, № 2, с. 55—57.
- Зотов В. Д. Социалистические преобразования в Средней Азии и религиозный вопрос. «Вопросы философии», 1967, № 11, с. 60—68.
- Зуев Ю. А. Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков. Алма-Ата, 1967. 18 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. (Ин-т истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР).
- Иерусалимская А. А. К вопросу о связях Согды с Византией и Египтом. (Об одной уникальной ткани из северокавказского могильника Мошевая Балка). «Народы Азии и Африки», 1967, № 3, с. 119—126 с илл. Библиогр. в подстроч. примеч.
- Из узбекского фольклора. Собрал и обработал М. Абдурахимов. «Звезда Востока», 1966, № 8, с. 50—52.
- Ильясов А. И., Каррыев А. Қ. и Росляков А. А. Историческая наука в Туркменистане за годы Советской власти. «Изв. АН ТуркмССР». Серия обществ. наук, 1967, № 5, с. 52—66.
- Ильясов С. И. Семейные отношения в Киргизии в конце XIX — начале XX вв. Фрунзе, 1966. 60 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора историч. наук. (АН КиргССР. Ин-т истории).
- Ильясова Т. Культурная революция и преодоление пережитков прошлого в семейно-бытовых отношениях. (На материалах ТуркмССР). М., 1967. 16 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. философ. наук. (Гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Философ. фак. Кафедра истории марксистско-ленинской философии).
- Иманалиев К. и Мукамбаев Ж. У памирских-караатегинских киргизов. (Историко-этногр., лингвист. и фольклорные сведения). Фрунзе, «Кыргызстан», 1966 211 с. На кирг. яз.
- Ирбутаев И. Д. О некоторых чертах пережитков религиозного сознания в Узбекистане и путях их преодоления. Ташкент, 1967. 21 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. философ. наук. (Ташк. гос. ун-т им. В. И. Ленина).
- Ислам шаир Назар оглы. Эрали Шерали. Дастан. Подгот. к печати и послесл. написал Т. Мирзоев. Ташкент, «Фан», 1967. 198 с. (АН УзССР, Ин-т яз. и литературы им. А. С. Пушкина. Узб. нар. дастаны). На узб. яз.
- Исмагулов О. Краниологические материалы к антропологии ранних кочевников Среднего Прииртышья. «Изв. АН КазССР». Серия обществ., 1967, № 3, с. 61—71 с табл. Резюме на каз. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.
- Исследование и реставрация памятников архитектуры Узбекистана. Сборник статей. Отв. ред. И. Е. Плетнев. Ташкент, «Фан», 1966. 41 с. с илл. (М-во культуры УзССР. Спец. науч.-реставрац. проектно-сметное бюро).
- Итина М. А. О месте тазабагыбской культуры среди культур степной бронзы. «Сов. этнография», 1967, № 2, с. 62—79 с илл. Резюме на англ. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.
- Ишанов А. И. [Рец.]: Книги по истории государств кочевых узбеков. [Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. М., «Наука», 1965. 196 с.] «Обществ. науки в Узбекистане», 1966, № 11, с. 41—42.
- К изучению некоторых полезных дикорастущих сорных и культурных растений Узбекистана. Сборник статей. Отв. ред. С. М. Худайкулов. Ташкент, «Фан», 1966. 126 с. с илл. (М-во высш. и сред. спец. образования УзССР. Ташк. гос. пед. ин-т им. Низами. Учен. записки. Т. 63). Библиогр. в конце статей.
- Кадыров А. Приспособленчество духовенства ислама. Душанбе, «Ирфон», 1966. 47 с. На тадж. яз.
- Кадырова Т. К изучению идеологии народных движений в Средней Азии VIII—IX веков. «Обществ. науки в Узбекистане», 1967, № 4, с. 41—46. Библиогр. в подстроч. примеч. Резюме на узб. яз.
- Казиев А. Ю. Об орнаменталистике художественной рукописи. [Из истории миниатюрной живописи Средней Азии]. «Доклады АН АзССР», т. 22, № 7, 1966, с. 78—82. Резюме на азербайдж. яз.
- Кайдаров А. Т. Встреча уйгуроведов в Москве. «Известия АН КазССР». Серия обществ., 1966, № 4, с. 93—96.
- Калонтаров Я. И. Взаимосвязи устного творчества таджикского и узбекского

народов. «Изв. АН ТаджССР». Отд.-ние обществ. наук, 1967, № 2 (48), с. 73—83. Библиогр. в подстроч. примеч. Резюме на тадж. яз.

Камалов С. Выдающийся исследователь истории народов Средней Азии. [К 60-летию со дня рождения С. П. Толстова]. «Вестн. Каракалп. филиала АН УзССР», 1967, № 4, с. 103—106 с портр.

Камалов С. К. и Шаниязов К. Ш. [Рец.]: Книга по истории взаимоотношений народов низовьев Аму-Дарьи. [Шалекенов У. Х. Казахи низовьев Аму-Дарьи. (Ж истории взаимоотношений народов Каракалпакии в XVIII—XX вв.). Ташкент, «Фан», 1966. 335 с.]. «Обществ. науки в Узбекистане», 1967, № 2, с. 61—62.

Камалов С. К. Социально-экономическое и политическое положение каракалпаков в XVIII—XIX веках. Ташкент, 1967. 40 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора историч. наук. (Каракалп. филиал АН УзССР. Ин-т истории, яз. и литературы им. Н. Давкараева). Список работ автора: с. 39—40.

Каппаров Д. А. и Черняк В. А. О причинах и условиях живучести религиозных пережитков. [На материалах Средней Азии и Казахстана]. «Вопросы филологии», 1967, № 6, с. 65—72.

Караев Г. Ислам и доисламские культы. «Наука и религия», 1967, № 4, с. 46—49.

Караев Г. Суннет. Нужен ли этот обряд? «Наука и религия», 1966, № 12, с. 64—66.

Караев О. Древние енисейские киргизы в исторических источниках. «Изв. АН КиргССР», 1967, № 1, с. 78—84.

Каракеев К. К. и Шерстобитов В. П. Октябрьская революция и решение национального вопроса в Киргизстане. «Изв. АН КиргССР», 1967, № 2, с. 3—15.

Каррыев А. К., Росляков А. А. и Агаджанов С. Г. Проблемы этногенеза туркменского народа в исторической литературе.— В кн.: Всесоюзн. совещание по этногенезу туркменского народа. Тезисы докладов и научных сообщений. 23—25 февраля 1967 г. Ашхабад, 1967, с. 3—4.

Каррыев А. Вступая в новоегодье. [Задачи Респ. добровольного о-ва охраны памятников истории и культуры. Туркм. ССР]. «Памятники Туркменистана», 1966, № 2, с. 3—4.

Каррыев Б. А. Литература и фольклор как источник для изучения этногенеза туркменского народа.— В кн.: Всесоюзн. совещание по этногенезу туркменского народа. Тезисы докладов и научных сообщений. 23—25 февраля 1967 г. Ашхабад, 1967, с. 7—8.

Каррыев Б. А. Эпическое сотворчество братских народов. «Изв. АН Туркм. ССР». Серия обществ. наук, 1967, № 3, с. 56—63. Библиогр.: с. 63.

Касабов Г. А. Первые законы о браке и семье Туркменской ССР и их роль в становлении и укреплении семьи. «Уч. зап. Туркменского ун-та», № 43, 1966, с. 107—119.

Касабов Г. А. Создание и развитие брачно-семейного законодательства Туркменской ССР. Ашхабад, 1966. 24 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. юрид. наук. (Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Юрид. фак.).

Каскабасов С. А. Некоторые особенности казахской волшебной сказки. «Изв. АН КазССР». Серия обществ., 1967, № 5, с. 79—89. Резюме на каз. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Кафанова Л. Согд.: 5 минут на часах истории. [О находке и расшифровке древнейших согдийских рукописей. VII—VIII вв.]. «Знание — сила», 1966, № 7, с. 22—25 с илл.

Киргизская ССР в 1961 году. Указатель литературы. Сост. Е. Новиченко. Фрунзе, 1966. 583 с. (М-во культуры Кирг. ССР. Гос. респ. б-ка Кирг. ССР им. Н. Г. Чернышевского. Отд. нац. библиографии).

Кисляков Н. А. Проблемы семьи и брака в работах советских этнографов. (По материалам Средней Азии и Казахстана). «Сов. этнография», 1967, № 5, с. 92—104. Резюме на англ. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Кияткина Т. П. К антропологии кочевого населения Южного Туркменистана в античное время.— В кн.: Всесоюзн. совещание по этногенезу туркменского народа. Тезисы докладов и научных сообщений. 23—25 февраля 1967 г. Ашхабад, 1967, с. 17—18.

Клычев А. Благородные цели. [О деятельности и задачах Респ. о-ва охраны памятников истории и культуры Туркм. ССР]. «Памятники Туркменистана», 1966, № 1, с. 3—4.

Клычев А. Челекен. [Краткий историко-этногр. и природоведческий очерк]. Ашхабад, «Туркменистан». 1966. 166 с.: 10 л. илл. и карт. На туркм. яз.

Кнопов Б. И. Всесоюзная научная конференция в Самарканде. [О конференции на тему «Великий Октябрь и переход ранее слабо развитых стран к социализму, минуя стадию капитализма». Май 1967 г.]. «Обществ. науки в Узбекистане», 1967, № 7, с. 64—65.

Ковбас М. С. Е. Е. Романовская как исследователь узбекской народной музыки. М., 1967. 18 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. искусств. (Ин-т истории искусств).

Кожоналиев С. К. Суд и уголовное обычное право киргизов до Октябрьской революции (1850—1917 гг.). Алма-Ата, 1967. 18 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. юрид. наук. (Каз. гос. ун-т им. С. М. Кирова. Юрид. фак. Каз. ф-ра советского уголовного права).

Козенкова В. И. Новый источник для изучения связей Византии и Средней Азии. [Андр. индикации XII—XIII вв.]. «Сов. археология», 1967, № 1, с. 266—270. Библиогр. в подстроч. примеч.

Койчубаев Е. и Максимова А. Г. О топониме Чардара. «Изв. АН КазССР. Серия обществ.», 1967, № 5, с. 93—94.

Кокин Л. Массон, сын Массона. [Об археологах М. Е. Массоне и В. М. Массоне]. «Огонек», 1967, № 11, с. 16—17.

Константинов О. А. Особенности расселения в советской Средней Азии. «Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та», т. 279, 1966, с. 128—152. Библиогр.: 70 назв.

Корнева Л. М. и Тутлис Т. Е. Красиво, торжественно, памятно... [О новых гражд. обрядах и праздниках]. Фрунзе, «Кыргызстан», 1966. 50 с. (М-во культуры КиргССР. Респ. науч.-метод. кабинет культ.-просвет. работы). На кирг. яз.

Короглы Х. [Рец.]: Калонтаров Я. И. Таджикские пословицы и поговорки: аналогии с русскими. Душанбе, «Ирфон», 1965. 534 с. «Народы Азии и Африки», 1967, № 5, с. 221—222.

Косбергенов Р. К. и Гудкова А. В. [Рец.]: Шалеменов У. Х. Казахские легенды Аму-Дарьи. К истории взаимоотношений народов Каракалпакии в XVIII—XX вв. «Вестн. Каракалп. филиала АН УзССР», 1966, № 3, с. 101—103.

Кудайбергенов К. Киргизские советские народные песни. Фрунзе, «Илим басмасы», 1966. 130 с. (АН КиргССР. Ин-т яз. и литературы). На кирг. яз.

Кудышев О. К. [Рец.]: Сарсенбаев Н. Обычай и традиции в развитии. Алма-Ата, «Казахстан», 1965. 325 с. «Вопросы философии», 1967, № 4, с. 168.

Кулиев А. Значение терминов родства для изучения этногенеза туркменского народа. — В кн.: Всесоюз. совещание по этногенезу туркменского народа. Тезисы докладов и научных сообщений. 23—25 февраля 1967 г. Ашхабад, 1967, с. 26—27.

Кулиев А. О некоторых терминах родства в туркменском языке. «Изв. АН ТуркмССР». Серия обществ. наук, 1967, № 3, с. 80—82. Библиогр.: с. 82.

Культура и быт казахского колхозного аула. Отв. ред. А. Х. Маргулан и В. В. Востров. Алма-Ата, «Наука», 1967. 303 с. с илл.; 5 л. илл. (АН КазССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова). Авт. глав: Р. Б. Сулейменов, Э. А. Маманов, Х. А. Аргынбаев и др.

Рец.: Исаков Г. М. «Изв. АН КазССР». Серия обществ., 1967, № 2, с. 82—84.

Кунакова Л. З. Земельно-водная реформа в Узбекистане. (1925—1929 гг.) Отв. ред. Х. Ш. Иноятов. Фрунзе, «Мектеп», 1967, 300 с. (М-во нар. хоз-ва Кирг. ССР. Ошский гос. пед. ин-т). Библиогр. обзор: с. 8—21.

Кучкаров З. Хасанхон. Дастан. Подгот. к печати и авт. вступит. статьи М. Мирзаева. Ташкент, «Фан», 1967. 73 с. (АН УзССР. Ин-т языка и литературы им. А. С. Пушкина. Узб. нар. дастаны). На узб. яз.

✓ Кшибеков Д. Еще раз об азиатском способе производства. «Изв. АН КазССР». Серия обществ., 1967, № 1, с. 3—13. Резюме на каз. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сыр-Дарьи в первом тысячелетии н. э. М., 1967. 20 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).

✓ Лившиц В. А. Памятники хорезмийской письменности и эры Древнего Хорезма. М., 1967. 15 с. (Международный конгресс востоковедов, 27-й. Чикаго, 1967. Советская делегация. Доклады советской делегации). Библиогр. в примеч.: с. 11—15. На англ. яз.

Лобачева Н. П. О формировании новой свадебной обрядности у народов Узбекистана. «Сов. этнография», 1967, № 2, с. 15—25. Резюме на англ. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Лунин Б. В. Библиографический указатель литературы по археологии, истории этнографии, философии и праву Узбекистана, вышедшей в свет в 1965 году. «Обществ. науки в Узбекистане», 1966, № 12, с. 44—55; 1967, № 1, с. 43—67.

Лунин Б. В. Жизнь и труды востоковеда-тюрколога П. А. Фалева. (К 45-летию со дня смерти). «Обществ. науки в Узбекистане», 1967, № 9, с. 43—48 с портр. Библиогр. в подстроч. примеч.

Лунин Б. В. И. Ленин и народы Средней Азии. Ташкент, «Узбекистан», 1967. 248 с. Библиогр.: с. 226—246.

Лунин Б. В. Ориенталист-туркестановед Евгений Федорович Каль. (1863—1891) «Труды Ташк. ун-та», вып. 295, 1966, с. 106—124.

Маанаев Э. Д. Новые обряды и безрелигиозные праздники в народный быт Фрунзе, «Кыргызстан», 1966. 32 с. На кирг. яз.

Маньолов Ю. П. Сосуды-оссуарии из Южного Хорезма. «Вестн. Каракалп. филиала АН УзССР», 1967, № 1, с. 96—98.

Маррафиев С. Крепость Навканда. [Ура-Тюбинский р-н Тадж. ССР]. «Сообщ. Респ. объединен. музея ист.-краевед. и изобразит. искусств», вып. 4, 1966, с. 107—129.

Маргулан А. Х. Доисламская архитектура Казахстана. М., 1967. 15 с. (Международный конгресс востоковедов, 27-й. Чикаго, 1967. Советская делегация. Доклады советской делегации). На англ. яз.

Маргулан А. Х. Чокан Валиханов по отзывам русских современников. «Вопросы истории», 1967, № 4, с. 33—46. Библиогр. в подстроч. примеч.

Маргулан А. Х. Ч. Ч. Валиханов по отзывам русских и западноевропейских ученых. [Ученый-просветитель. 1837—1865]. «Вестн. АН КазССР», 1966, № 10, с. 16—41. Резюме на каз. яз.

Марущенко А. А. Этногенез туркмен по данным народного изобразительного искусства.—В кн.: Всесоюз. совещание по этногенезу туркменского народа. Тезисы докладов и научных сообщений. 23—25 февраля 1967 г. Ашхабад, 1967, с. 11—12.

Массон М. Е. 20 лет работы ЮТАКЭ. [Южно-Туркменистанская археол. комплексная экспедиция]. «Памятники Туркменистана», 1966, № 2, с. 5—8.

Массон М. Е. Еще о средневековых памятниках деревянной резной архитектуры из верховьев Зеравшана. «Обществ. науки в Узбекистане», 1967, № 3, с. 20—25 с илл. Резюме на узб. яз.

Массон М. Е. Факты и мысли об охране памятников истории и культуры. «Памятники Туркменистана», 1966, № 1, с. 5—10.

Махмудов Н. Земледелие и аграрные отношения в Средней Азии в XIV—XV вв. Отв. ред. А. М. Беленицкий. Душанбе, «Дониш», 1966. 129 с. (АН ТаджССР. Ин-т истории им. Ахмада Дониша). Библиогр. в примеч.: с. 113—128.

Машарипова Ш. Из истории борьбы за раскрепощение женщин Хорезма. «Обществ. науки в Узбекистане», 1967, № 8, с. 48—50.

Мершиев М. С. К истории возникновения и развития оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Алма-Ата, 1967. 20 с. Автореферат. дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. (АН КазССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова).

Мершиев М. С. Поселение Чоль-Тобе в северных предгорьях Киргизского Алатау. «Вестн. АН КазССР», 1966, № 12, с. 69—73.

Мешкерис В. А. Коллекция терракот Музея истории АН УзССР. «Изв. АН ТаджССР». Отд-ние обществ. наук, 1967, № 1 (47), с. 80—94 с илл. Библиогр. в подстроч. примеч. Резюме на тадж. яз.

Микульская Е. Узоры народных мастеров. [По материалам Выставки декоративно-прикладного искусства Казахстана. Алма-Ата. Дек. 1966 г.—янв. 1967 г.]. «Простор», 1967, № 3, с. 112—115.

Моджеев Я. Развитие брачно-семейных отношений в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму. [По материалам Туркм. ССР]. «Изв. АН ТуркмССР». Серия обществ. наук, 1967, № 3, с. 12—18 с табл. Библиогр.: с. 18.

Моминов Т. Консервативная сущность традиций ислама и их критика. (По материалам УзССР). Ташкент, 1967. 18 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. философ. наук. (Ташк. политех. ин-т. Кафедра философии. АН УзССР. Ин-т философии и права).

Музапаров Ш. Культура и быт узбеков-нефтяников Ферганской долины. (Ист.-этногр. очерк). Ташкент, «Фан», 1967. 26 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. (АН УзССР. Ин-т истории и археологии).

Музапаров Ш. Семья и семейный быт рабочих-нефтяников Ферганской долины. (По полевым этногр. материалам). «Обществ. науки в Узбекистане», 1967, № 5, с. 39—41.

Муллаев М. М. Происхождение и реакционная сущность шарията. Под ред. С. А. Раджабова. Душанбе, «Ирфон», 1967. 187 с. с илл. (М-во нар. образования ТаджССР. Тадж. гос. ун-т им. В. И. Ленина).

Мурадов М. В поисках народных творений. [Об узб. фольклоре]. Ташкент, «Фан», 1967. 65 с. На узб. яз.

Мурадов М. и Мирзаева М. Ученый-фольклорист. [Х. Зарифов]. «Обществ. науки в Узбекистане», 1967, № 5, с. 55.

Мурзаев Э. [Рец.]: О происхождении названия «Нукус». [Абдимуратов К. О происхождении названия «Нукус». К истории города. Вестн. Каракалп. филиала АН УзССР, 1965, № 1]. «Вестн. Каракалп. филиала АН УзССР», 1967, № 2, с. 103—104.

Мухамеджанов А. Р. Древнее канализационное сооружение в Ташкенте. «Обществ. науки в Узбекистане», 1967, № 5, с. 45—46 с илл.

Мухамеджанов А. Р. [Рец.]: Монография о первобытной культуре в низовьях Зарафшана. [Гулямов А. Г., Исламов У. и Аскарлов А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент, «Фан», 1966. 268 с.]. «Обществ. науки в Узбекистане», 1967, № 3, с. 48—50.

Мухамедова Р. Г. и Ниязклычев К. Всесоюзное совещание, посвященное этногенезу туркменского народа. [Ашхабад. Февр. 1967 г.]. «Изв. АН ТуркмССР». Серия обществ. наук, 1967, № 3, с. 97—100.

Мухамедова З. Б. К этимологии слов типа «боюнса». «Изв. АН ТуркмССР». Серия обществ. наук, 1966, № 4, с. 80—81. Библиогр.: с. 81.

Наджимов Г. Марксизм-ленинизм о народных традициях. [К вопросу о роли нар. традиций в коммунист. строительстве в УзССР]. «Коммунист Узбекистана», 1967, № 3, с. 41—48.

Нарджигитов Р. Культура и быт села. «Парт. жизнь» (Ташкент), 1966, № 3, с. 58—62.

Негматов Н. К истории музыкального искусства таджиков в IX—X вв. «Сообщ. Респ. объединен. музея ист.-краевед. и изобразит. искусств» (Душанбе), вып. 4, 1966, с. 141—149. Библиогр. в подстроч. примеч.

Негматов Н. и Марафиев С. Выдающийся классик таджикского искусства Содирхон. [К биогр. певца-музыканта]. «Сообщ. Респ. объедин. музея ист.-краевед. и изобразит. искусств» (Душанбе), вып. 4, 1966, с. 150—169. Библиогр. в подстроч. примеч.

Негматов Н. Ходжент во второй половине 19 и начале 20 в. (Вопросы реконструкции города, количество и этнический состав населения). «Изв. АН ТаджССР». Отд.-ние обществ. наук, 1967, № 1 (47), с. 39—53 с илл. Библиогр. в подстроч. примеч. Резюме на тадж. яз.

Ниязклычев К. К вопросу о земледелии у туркмен Северо-Восточного Хорезма в конце XIX—начале XX в. «Изв. АН ТуркмССР». Серия обществ. наук, 1966, № 6, с. 13—20. Библиогр.: 5 назв.

Ниязклычев К. Этнические связи туркмен-човдуров с народами дешти-кыпчака (по данным материальной культуры).— В кн.: Всесоюзн. совещание по этногенезу туркменского народа. Тезисы докладов и научных сообщений. 23—25 февр. 1967 г., Ашхабад, 1967, с. 32—33.

Новая литература по народам Средней Азии и Казахстана. Сост. Р. В. Каменецкая. «Сов. этнография», 1967, № 2, с. 195—202.

Новые советские обряды. (В помощь клубным работникам). Ленинабад, 1966. 22 с. Сост.: А. Азимов и А. Хан. (Упр. культ.-просвет. учреждений М-ва культуры ТаджССР. Межрайон. дом нар. творчества. (Клубный отдел). Посвящается 50-летию Советской власти). На тадж. яз.

Нурмухамедов Н. Будды Тамгалытаса. [Атрибуция наскальных изображений Будды на территории Казахстана и Киргизии. К культуре каз. народа]. «Простор», 1967, № 8, с. 98—99.

Нурмухамедов Н. Древности Казахстана. [Памятники материальной культуры народов Сред. Азии]. «Декоративное искусство СССР», 1967, № 11, с. 27—30.

Нусупбеков А. Великий Октябрь и консолидация казахского народа в социалистическую нацию. [Доклад на науч. сессии отд.-ния обществ. наук АН КазССР «Октябрьская революция—поворотный пункт в исторических судьбах казахского народа». Июнь 1967 г.]. «Изв. АН КазССР». Серия обществ., 1967, № 5, с. 16—24. Резюме на каз. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Оразбаев Х. О. Из истории возникновения и развития города Темир-тау. «Изв. АН КазССР». Серия обществ., 1967, № 5, с. 54—60. Библиогр. в подстроч. примеч.

Оразов О. Города средневековья. [О памятниках материальной культуры]. «Памятники Туркменистана», 1966, № 1, с. 20—25.

Орозалиев К. К. и Будянский Д. М. Международный семинар по проблеме перехода кочевго населения на оседлый образ жизни. [Москва. Сент. 1966 г.]. «Изв. КиргССР», 1967, № 1, с. 92—94.

Очерк по туркменскому народному творчеству. Ред. коллегия: Т. Дурдыев и др. Ашхабад, «Илим», 1967. 271 с. (АН ТуркмССР. Ин-т языка и литературы им. Махтумкули). На туркм. яз.

Пачос М. К. К изучению стен городища Афрасиаб. [Самарканд]. «Сов. археология», 1967, с. 60—73.

Перевозчиков И. В. Антропологический тип «кенкольцев». «Вопр. антропологии», вып. 25, 1967, с. 130—139. Библиогр.: 19 назв.

Песни пламенных лет. Нар. песни. 1941—1945. Сост., подгот. к печати и вступит. статью написал Н. Камалов. Нукус, «Каракалпакия», 1966. 50 с. На каракалп. яз.

Петрушевский И. П. К истории христианства в Средней Азии. «Палестин. сб.», вып. 15, 1966, с. 141—147. Резюме на англ. яз.

Пирназаров А. Режиссура в народном (площадном) театре. «Вестн. Каракалп. филнала АН УзССР», 1966, № 4, с. 68—72. Резюме на каракалп. яз.

Плоских В. М. Сведения о киргизах в русских источниках XVIII века. «Изв. АН КиргССР», 1967, № 3, с. 74—81.

По жасмину из каждого цветника. [Из фольклора разных районов Таджикистана]. Сост. А. Назарова и Р. Ширинова. Душанбе, «Ирфон», 1966. 380 с. с илл. (АН Тадж. ССР. Ин-т яз. и литературы им. Рудаки). На тадж. яз.

Подольский Н. Л. О классификации наскальных изображений Саймалы-Таш Ферганского хребта. «Докл. вост. комиссии Геогр. о-ва СССР», вып. 3, 1966 с. 24—41.

Поляков С. П. Сергей Павлович Толстов. [Археолог. К 60-летию со дня рождения]. «Вестн. Моск. ун-та». История, 1967, № 1, с. 91—95 с портр.

Поляков С. П. Современные погребальные сооружения туркмен Западной Туркмении. «Вестн. Моск. ун-та». История, 1967, № 1, с. 82—90 с илл. Библиогр. в подстроч. примеч.

Поляков С. П. Этнические связи населения восточного побережья Каспийского моря в XIII—XIV веках. — В кн.: Всесоюз. совещание по этногенезу туркменск. народа. Тезисы докладов и научных сообщений. 23—25 февр. 1967 г. Ашхабад, 1967, с. 30—31.

Пулатов У. История изучения Чил-Худжры. [Археол. памятник Сев. Таджикистана]. «Сообщ. Респ. объединен. музея ист.-краевед. и изобразит. искусств» (Душанбе), вып. 4, 1966, с. 59—79. Библиогр. в подстроч. примеч.

Пути преодоления религиозных пережитков. Сборник статей. Под ред. М. Р. Рахимова и М. Р. Маджидова. Душанбе, «Дониш», 1967. 128 с. (АН ТаджССР. Отд. философии). На тадж. яз.

Рапопорт Ю. А. Хорезмийские оссуарии. (Из истории религии древнего Хорезма). М., 1967. 27 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая). Список работ авт.: с. 26—27.

Рассказывают в народе: Орел с оливковой веткой. — Санташ. — Бурана. — Рыбачье. — Ласточка. [Кирг. нар. легенды]. Собрал и записал Д. Брудный. Илл.: А. Хайов. «Огонек», 1967, № 38, с. 22—23.

Рассудова Р. Я. К истории общинных отношений в Зеравшанской долине конца XIX — начала XX в. (По полевым материалам автора). — В кн. Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Ин-та этнографии АН СССР (Лен. отд-ние) за 1966 г. 11—13 апреля 1967 г. Л., 1967, с. 44—46.

Расцвет национального образа жизни в Советском Узбекистане. Ташкент, Комис. при Междунар. лиге эсперантистов Советского Узбекистана, 1967. 25 с. (Узб. о-во дружбы и культурной связи с зарубежными странами. К 50-летию Великой Октябрьской соц. революции). На эсперанто яз.

Рахимов А. Р. К вопросу о пережитках прошлого в сознании колхозного крестьянства таджикской деревни и пути их преодоления. «Уч. зап. Кулябского пед. ин-та», вып. 5, 1966, с. 39—55.

Рахимов А. Таджикская деревня на пути к коммунизму. Душанбе, «Ирфон», 1966. 92 с. На тадж. яз.

Рахманов А. Сведения об огузах в туркменском варианте эпоса «Горкут-ата». — В кн.: Всесоюз. совещание по этногенезу туркменского народа. Тезисы докладов и научных сообщений. 23—25 февр. 1967 г. Ашхабад, 1967, с. 12—14.

Рекомендации по проведению новых обрядов и праздников. Сост.: Г. Леонтьев. Ташкент, 1966. 52 с. (М-во культуры УзССР. Респ. науч.-метод. кабинет по клубной работе).

Религия, свободомыслие, атеизм. Сборник статей. Отв. ред. Б. Аманалиев. Фрунзе, «Илим», 1967. 96 с. (АН КиргССР. Ин-т философии и права).

Розенфельд А. З. Обзор новых изданий по таджикскому фольклору. «Сов. этнография», 1967, № 4, с. 166—170.

Рузиев М. А. Искусство таджикской резьбы по дереву. (Конец XIX — начало XX в.). Душанбе, 1967. 13 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. ист.-исследовед. наук. (Акад. художеств СССР. НИИ теории и истории изобразит. искусств).

Рысиназаров Н. Антропологическая характеристика черепов из могильника Ток-ла. (Раскопки 1960—1962 гг.) «Вестн. Каракалп. филиала АН УзССР», 1966, № 3, с. 13—25. Резюме на каракалп. яз.

Сабиров А. Развитие и взаимные культурные связи народов Хорезма и Каракалпакии. (1921—1927). «Вестн. Каракалп. филиала АН УзССР», 1967, № 1, с. 72—77. [К 50-летию Советской власти]. Резюме на узб. яз.

Сабиров К. Таджикская социалистическая нация — детище Октября. Спецредактор А. Я. Вишневский. Душанбе, «Ирфон», 1967. 288 с.

Сабиров Р. О «лечении» больных лжетабибами в Хорезмском оазисе. «Вестн. Каракалп. филиала АН УзССР», 1967, № 2, с. 106—108.

Сайдов Х. О научной конференции в г. Самарканде. [Всесоюз. науч. конференция на тему «Великий Октябрь и переход ранее слабо развитых стран к социализму, минуя стадию капитализма». Май 1967 г.]. «Вопр. истории КПСС», 1967, № 7, с. 152—153.

Сайко Э. В. История технологии керамического ремесла Средней Азии VIII—II вв. Отв. ред. А. И. Августиник. Душанбе, 1966. 211 с. с илл. (АН Тадж. ССР. Ин-т истории им. А. Дониша).

Саламзаде А. Ляtif Керимов. [О работах в области коврового искусства К 60-летию со дня рождения]. «Декоративное искусство СССР», 1967, № 7, с. 108 с. с илл.; 1 л. илл. (АН СССР. Ин-т археологии. Серия «Из истории мировой культуры»). Библиогр.: с. 107.

Сарияниди В. И. и Усманова З. И. Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции двадцать лет. «Сов. археология», 1967, № 1, с. 314—3. Библиогр.: «Основные работы по материалам ЮТАКЭ» 18 назв.

Саурова Г. И. Истоки и пути развития современного туркменского ковроделения. (Акад. художеств. СССР. НИИ теории и истории изобразит. искусств).

Саурова Г. Туркменский ковер. [О ковровом искусстве]. «Памятники Таджикистана», 1966, № 1, с. 31—32.

Свидетели древней культуры. Сборник науч.-попул. статей. Под ред. А. Х. Мугулана. Алма-Ата, «Казахстан», 1966. 212 с. с илл. На каз. яз.

Семенова М. И. Миграционные связи и занятость населения Карагандинской области в отраслях народного хозяйства. «Вопр. географии Казахстана», вып. 13, № 1, с. 67—77.

Сенигова Т. Н. К вопросу о генезисе культуры Семиречья (VI в. до н. э. — XII в. н. э.). «Вестн. АН КазССР», 1967, № 4, с. 69—76.

Советский Киргизстан за 40 лет. (1926—1966). Стат. сборник. Фрунзе, «Кыргизстан», 1966. 160 с.; 10 л. илл. (ЦСУ при Совете Министров Кирг. ССР).

Соколова А. Узбекские тюбетейки. [Об искусстве вышивки]. «Декоративное искусство СССР», 1966, № 11, с. 36.

Сорокин С. С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы. «Археологический сб. Гос. Эрмитажа», вып. 8, 1966, с. 39—60. Библиогр. в примеч.: с. 59—

Сугуйлинь Хахазы и Мафучэнь Мамазы. Пережитки среди дунского населения и пути их преодоления. Фрунзе, «Кыргызстан», 1966. 55 с. (АН КССР. Отд. тюркологии и дунгановедения. Б-чка атеиста). На дунган. яз.

Сулейманова Т. Древнее ислам. [О преодолении религ. предрассудков. Письма из Октябрьского р-на Ташкента. С предисл. ред.] Письмо 1, 2, 3. «Наука и религия», 1966, № 1, с. 10—14 с илл.; № 2, с. 15—16 с илл.; № 3, с. 62—64 с илл.

Сулейманова Т. Опыт жизни. [О борьбе с религ. пережитками в Каракалп. АССР]. «Наука и религия», 1966, № 11, с. 40—42.

Сулейменов Р. Б. и Бисенов Х. И. Социалистический путь культурного прогресса отсталых народов. (История строительства советской культуры Казахстана. 1917—1965 гг.). Алма-Ата, «Наука», 1967. 424 с.

Таджики Каратегина и Дарваза. Под ред. Н. А. Кислякова и А. К. Писарчик. Вып. 1. Душанбе, «Дониш», 1966. 379 с. с илл.; 2 л. табл. и карт. (АН Тадж. ССР. Ин-т истории им. А. Дониша). Библиогр. в примеч.: с. 311—332.

Татыбаев С. Расцвет каракалпакской социалистической нации. «Коммунист Узбекистана», 1967, № 8, с. 32—39. [К 50-летию Советской власти].

Ташбаева Т. Х. О системе ведения хозяйства крупных землевладельцев в Узбекистане конца XIX — начала XX века. (На этногр. материале). «Обществ. науки Узбекистана», 1966, № 11, с. 30—33. Библиогр. в подстроч. примеч.

Ташходжаев Ш. С. Художественная поливная керамика Самарканда IX — начала XIII вв. Ташкент, «Фан», 1967. 155 с. с илл.: 12 л. илл. (М-во культуры УзССР. Ин-т искусствознания им. Хамзы).

Тилавов Б. Поэтика таджикских народных пословиц и поговорок. Под ред. Л. Н. Демидчик. Душанбе, «Дониш», 1967, 123 с. (АН ТаджССР. Ин-т яз. и литературы им. Рудаки). Библиогр.: с. 95—122.

Тойшибаева С. О малоисследованных лиро-эпических поэмах. «Изв. АН КазССР». Серия обществ., 1967, № 4, с. 67—73. На каз. яз.

Толстова Л. С. Этнографическая группа «митан» в составе узбеков Самаркандской области. (К вопросам этногенеза). «Вестн. Каракалп. филиала АН УзССР», 1967, № 4, с. 54—59. Резюме на каракалп. яз.

Трофимова Т. А. Население Южной Туркмении эпохи неолита, энеолита, бронзы по данным палеоантропологии. — В кн.: Всесоюз. совещание по этногенезу туркменского народа. Тезисы докладов и сообщений. 23—25 февр. 1967 г. Ашхабад, 1967, с. 14—15.

Туркменский юмор. Сборник. Пер. с туркм. О. Довлетовой и Н. Желниной. Предисл. Б. А. Каррыева. Пер. с рус. И. Жарылгапов, Алма-Ата, «Жазушы», 1966. 183 с. с илл. На каз. яз.

Тысяча и один смех. Вост. нар. анекдоты. Пер. с узб. Г. Изимбетов. Нукус, «Каракалпакия», 1966. 136 с. с илл. На каракалп. яз.

Уметалиева Д. Т. Киргизский ворсовый ковер. Фрунзе, «Илим», 1966. 74 с. с илл.; 12 л. илл. (АН КиргССР. Ин-т философии и права).

Усманов М. А. [Ред.]: Великие ученые Средней Азии и Казахстана. VIII—XIX вв. Под ред. К. Бесембиева и И. Сатбаева. Алма-Ата, «Казахстан», 1965. 240 с. «Народы Азии и Африки», 1967, № 2, с. 204—207.

Усманов М. А. Первоначальный ислам и его социально-классовый характер. Ташкент, Объединен. изд-во ЦК КП Узбекистана, 1967. 38 с. (О-во «Знание» УзССР. № 53). На узб. яз.

Усманова З. И. Виноградовавилли конца XVIII — первой половины XIX в. на городище Анау. «Изв. АН ТуркмССР». Серия обществ. наук, 1966, № 6, с. 21—27. Библиогр.: 23 назв.

Утемисов А. Туслик Арал Балыкшыларынын революцияга Дейинчи хожалык Озгешелиги. «Вестн. Каракалп. филиала АН УзССР», 1966, № 3, с. 90—94. Резюме на рус. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Файзиев Т. Документ о даче в приданое рабов и рабынь в Бухаре. «Обществ. науки в Узбекистане», 1967, № 9, с. 56—57. На узб. яз.

Хайитметов А. Алишер Навои об эстетике творчества народных умельцев. К 525-летию со дня рождения. «Обществ. науки в Узбекистане», 1967, № 4, с. 47—50. Резюме на узб. яз.

Хамраев М. Расцвет культуры уйгурского народа. Алма-Ата, «Казахстан», 1967. 199 с. с илл.

Хафиз Таныш Бухари. Абдулламамэ. Шарафнамэи шахи. Историч. источник по истории народов Средней Азии XVI в. Под ред. Я. Г. Гулямова. Подгот. к печати и предисл. Б. А. Ахмедова. Т. 1. Ташкент, «Фан», 1966. 399 с. (АН УзССР. Ин-т востоковедения им. Абу Рейхана Бируни). Библиогр.: с. 387—393. На узб. яз.

Хидоят Г. А. Джефри Уилер переписывает историю Советской Средней Азии. «Вопросы истории», 1967, № 12, с. 21—35. Библиогр. в подстроч. примеч., 57 назв.

Ходжайов Т. К. Краниология населения Миздахкана в IX—XII вв. н. э. «Вестн. Каракалп. филиала АН УзССР», 1967, № 2, с. 59—65 с табл. Библиогр. в подстроч. примеч. Резюме на каракалп. яз.

Ходжайов Т. К. О преднамеренной деформации головы у народов Средней Азии в древности. «Вестн. Каракалп. филиала АН УзССР», 1966, № 4, с. 60—67. Резюме на каракалп. яз.

Ходжайов Т. К. Формирование антропологического типа населения Южного Приаралья (Миздахкан). Л., 1967. 12 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. (Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Ин-т истории, яз. и литературы им. Н. Довкараева Каракалп. филиала АН УзССР).

Хромов А. Л. Общая лингвистическая характеристика топонимии и микропопонимии Ягноба. «Изв. АН ТаджССР». Отд-ние обществ. наук, 1966, № 3, с. 83—87. Резюме на тадж. яз.

Худайбердыев Д. К. Антропологии туркмен-ата. — В кн.: Всесоюзн. совещание по этногенезу туркменского народа. Тезисы докладов и научных сообщений. 23—25 февр. 1967 г. Ашхабад, 1967, с. 18.

Цалкин В. И. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. М., «Наука», 1966. 159 с. с илл. и карт. (АН СССР. Ин-т археологии. Материалы и исследования по археологии СССР. № 135).

Чехович О. Д. Бухарский вакф XIII века. (Предварительное сообщение). «Народы Азии и Африки», 1967, № 3, с. 74—82. Библиогр. в подстроч. примеч.

Шарифли М. Х. [Рец.]: Монография по истории аграрных отношений в Средней Азии XV—XIX веков. [Абдураимов М. А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI — первой половине XIX века. Т. 1. Ташкент, «Фан», 1966. 370 с.]. «Обществ. науки в Узбекистане», 1967, № 8, с. 64—65.

Шевченко Э. М. и Лейви Д. С. Библиография библиографий Таджикистана. За 1920—1964 гг. Душанбе, «Дониш», 1966. 167 с. (АН ТаджССР. Центр. науч. б-ка).

Шейхзаде Э. Ткани Востока. [О коллекции вост. тканей сред. веков, собр. М. А. Власовым и С. И. Власовой]. «Декоративное искусство СССР», 1967, № 7, с. 48—49.

Шералиев М. Духовенство в новой маске. Душанбе, «Ирфон», 1966. 32 с. На тадж. яз.

Ширинбаев Ш. Беседа о религиозных культурах. Ташкент, Объединен. изд-во ЦК КП Узбекистана, 1966. 38 с. (О-во «Знание» УзССР. № 42). На узб. яз.

Шишкин В. А. Афрасиаб — сокровищница древней культуры. Ташкент, «Фан», 1966. 34 с. с илл. (Знания — сила). На узб. яз.

Шишкина Г. В. Два острака из Самарканда. «Обществ. науки в Узбекистане», 1966, № 10, с. 43—45 с илл.

Шутова В. Н. Реакционная сущность идеологии и деятельности секты истинно православных христиан странствующих. (На материалах Казахстана). Томск, Изд-во Томского ун-та, 1967. 20 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. философ. наук. (Томский гос. ун-т им. В. В. Куйбышева).

Язбердыев А. Состояние библиографии по истории Туркмении. «Изв. АН Туркм. ССР». Серия обществ. наук, 1967, № 3, с. 86—89. Библиогр.: с. 88—89.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ КУШНЕР (КНЫШЕВ)

1889—1968

14 марта после тяжелой болезни, длившейся более десяти лет, скончался старый большевик, крупный историк и этнограф, доктор исторических наук профессор Павел Иванович Кушнер. Мы потеряли любимого и уважаемого старшего товарища, человека высокой принципиальности и честности, большого, разностороннего ученого.

Павел Иванович родился в 1889 г. в г. Гродно, где отец его, И. Г. Кнышев, был мировым судьей. Еще в 1905 г., шестнадцатилетним юношей-гимназистом П. И. Кушнер неразрывно связал свою жизнь с революцией, вступил в Ленинскую партию — РСДРП (большевиков). Подпольная революционная работа, аресты, которым несколько раз подвергало его царское правительство, не позволили ему продолжать образование, и лишь гораздо позже Павел Иванович окончил общественно-юридическое отделение Народного университета им. Шанявского в Москве.

Активно участвовал П. И. Кушнер в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. В феврале 1917 г. он был членом Временного революционного комитета г. Москвы, а затем — членом исполкома Московского Совета рабочих депутатов. В дни Октября П. И. Кушнер — член Московского военно-революционного комитета.

В январе 1919 г. он добровольцем ушел на фронт гражданской войны, оставив работу в Наркомтруде, членом коллегий которого был. П. И. Кушнер вел пропагандистскую работу в частях Красной Армии, был комиссаром, его назначали на ответственные посты: в начале 1920 г. — начальником политуправления Туркестанского фронта (в то же время он был председателем Ташкентского городского комитета РКП(б), членом Туркестанского ЦИК и ЦК КП(б) Туркестана), затем — членом Реввоенсовета X (Кавказской) армии.

После демобилизации (в конце 1921 г.) П. И. Кушнер с увлечением занялся преподаванием и научной работой. Он — профессор Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, заведующий кафедрой истории развития общественных форм, автор ряда научных статей и нескольких книг. С 1929 по 1931 г. Павел Иванович — вновь на ведущей агитационно-пропагандистской работе (редактор газеты «Красная Татария», член редколлегии «Рабочей газеты» и «Рабочей Москвы»), а в 1931—1935 гг. — ответственный работник Наркомвнешторга; его направили торгпредом в Литву, затем — в Норвегию.

К научной и научно-организационной работе П. И. Кушнер вернулся только в 1935 г. Он — заместитель председателя Комитета по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР, научный руководитель (заместитель директора) Музея народов СССР, редактор исторической редакции Госполитиздата. С 1944 г. П. И. Кушнер работал в Институте этнографии АН СССР, руководя сектором этнической картографии и статистики, а затем Восточнославянским сектором.

Как исследователя, Павла Ивановича всегда привлекали наиболее актуальные и сложные, мало разработанные проблемы, для решения которых он умел находить оригинальные и точные методы.

Прежде всего, поражает огромный диапазон научных теоретических интересов П. И. Кушнера — от вопросов происхождения человека и ранних форм общественной организации до проблем социалистического переустройства семьи; от методики определения этнических границ до изучения докапиталистических пережитков у народов нашей страны. Все эти вопросы составляли в разные периоды научной деятельности П. И. Кушнера предмет его глубокого, сосредоточенного изучения. Он умел откликаться на широкие общественные запросы, не жертвуя в то же время своими личными научными интересами.

В 1920-е гг., когда обнаружилась настоятельная потребность разработки и популяризации учения о становлении человеческого общества и развитии ранних форм общественной организации, П. И. Кушнер оказался одним из пионеров в этой области науки. Созданная им книга «Очерк развития общественных форм» (1924 г.) была едва ли не первой марксистской трактовкой этих вопросов. Она на долгие годы стала настольной книгой историков, этнографов, археологов. Сочетая глубину научной разработки вопросов с четкостью и доходчивостью изложения, эта книга стала и одним из первых учебников по обществоведению, выдержала 7 изданий и была переведена на многие иностранные языки. За ней последовало «Первобытное и родовое общество» (1925 г.) — попытка создать своего рода антологию новейших научных материалов по тем же проблемам.

Историко-этнографическая монография П. И. Кушнера «Горная Киргизия» (1929 г.) не только явилась одним из первых советских монографических исследований определенной области, но и дала толчок к явно назревшей тогда научной дискуссии о трактовке специфики социального строя кочевых народов (родовой строй? переход от родового строя к классовому обществу? своеобразный вариант феодализма?). Разгорелась острая полемика, в ходе которой высказывались самые различные точки зрения. Вопрос о социальной природе «манапства», которому в значительной своей части была посвящена книга П. И. Кушнера, оказался лишь одним из многих весьма сложных вопросов этого рода, возникающих при изучении социального строя кочевых и полукочевых народов. Нельзя сказать, что эти вопросы решены вполне и в наши дни.

Когда в конце второй мировой войны остро встал вопрос о новых, более справедливых границах в Европе, потребовалось изучение этнических границ и смешанных в этническом отношении территорий. Павел Иванович стал самым активным участником этой большой работы. Начав с изучения Сувалкской области, он исследовал более широкий вопрос о литовской этнографической территории, а затем дал общую методическую разработку проблемы определения этнической территории и ее границ. С уверенностью можно сказать, что ни в советской, ни в зарубежной литературе до сих пор нет труда, где методика научного определения этнических границ была бы изложена с такой обстоятельностью и убедительностью, как в капитальной работе П. И. Кушнера «Этнические территории и этнические границы» (1951 г.). Ее принципы и сейчас лежат в основе этнографического картографирования в нашей стране. И одной из первых общих этнических карт, составленных в соответствии с этой методикой, была разработанная под руководством П. И. Кушнера «Карта народов СССР».

В конце 1940 гг. перед этнографами была поставлена проблема изучения социалистических преобразований в жизни народов Советского Союза. И здесь П. И. Кушнер оказался одним из ученых, возглавивших исследование современной культуры и быта народов СССР, в особенности — русских. Он разрабатывает проблематику и методику этнографического изучения современности, в частности современной семьи. Возглавляя координационную комиссию по исследованию современной семьи, объединившую усилия многих научных учреждений, Павел Иванович разработал типовую программу изучения семьи и семейного быта и посемейную анкету, которые легли в основу дальнейших исследований во всех республиках СССР.

П. И. Кушнер руководил исследованиями культуры и быта современного крестьянства. Если к занятиям этнографией его привел, как мы видели, сначала интерес к проблемам, которые принято называть проблемами общей этнографии, то со временем Павел Иванович стал заниматься и конкретными явлениями материальной и духовной культуры, принимать участие в полевой этнографической работе. Большое значение для постановки дальнейших исследований имела предпринятая под его руководством рекогносцировочная экспедиция, целью которой был выбор объекта для стационарных исследований сельского населения. Выдвинутый П. И. Кушнером принцип выбора среднего наиболее типичного объекта позволил в дальнейшем остановиться на рядовом селении Тамбовской области, монографическое исследование о котором — «Село Вирятно в прошлом и настоящем» — выполненное коллективом сотрудников под редакцией и при непосредственном авторском участии П. И. Кушнера, получило широкий резонанс как в советской, так и в зарубежной научной литературе.

Много внимания и сил отдал Павел Иванович созданию историко-этнографического атласа «Русские». Им разработаны впервые в советской и мировой науке принципы картографирования явлений материальной и духовной культуры народа не статично,

а в историческом развитии. На основании учета количественных и качественных изменений отдельных явлений в различные исторические периоды стало возможным картографирование общего направления исторического развития народной культуры. Много принципиально нового внес П. И. Кушнер в типологию этнографических явлений. Разработанные им принципы и методы и сейчас лежат в основе огромной работы по составлению историко-этнографических атласов в СССР.

Деятельность Павла Ивановича Кушнера, как революционера, пропагандиста и ученого была высоко оценена Советским правительством. Он был награжден орденами Ленина и Красной Звезды, а также медалями. Президиум Академии наук СССР наградил П. И. Кушнера почетной грамотой.

Когда тяжелая болезнь приковала Павла Ивановича к постели, он перешел на пенсию (1959 г.), но связи его с товарищами по институту, с партийной организацией не прекращались. Институт продолжал пользоваться весьма ценными консультациями, посылать ему на отзыв важные работы. Обращалась к нему и редакторская коллегия журнала «Советская этнография», бессменным и деятельным членом которой П. И. Кушнер был в течение многих лет. Сотрудники института не раз приезжали к нему посоветоваться о своих научных, а зачастую — и о личных делах. Не раз появлялись в его квартире и наши зарубежные коллеги. Всем был нужен огромный научный и жизненный опыт, ясный ум Павла Ивановича, его всегдашняя готовность помочь, его живой интерес к науке и к жизни товарищей.

Павел Иванович Кушнер прожил большую, славную жизнь революционера коммуниста, ученого. Светлый образ нашего товарища и руководителя, скромного и требовательного к себе, глубоко принципиального, строгого, но в то же время внимательного, доброго и отзывчивого остается жить в наших сердцах.

**В. Ю. Крупянская, М. Г. Рабинович,
В. К. Соколова, С. А. Токарев**

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ П. И. КУШНЕРА (КНЫШЕВА)

О первобытном коммунизме. «Записки Коммунистич. ун-та им. Свердлова», т. II, М., 1922.

Предисловие к книге Г. Шурца «История первобытной культуры». Изд. Коммунистич. ун-та им. Свердлова, М., 1923.

Очерк развития общественных форм (допущено ГУСом в качестве учебного пособия для высшей школы и комвузов). Изд. Коммунистич. ун-та им. Свердлова, М., 7 изданий с 1924 по 1929 г.

Первобытное и родовое общество (Хрестоматия для высшей школы и комвузов). Изд. Коммунистич. ун-та им. Свердлова, М., 1925.

Манапство в горной Киргизии. «Революционный Восток», 1927, № 12.

О книге Д. М. Петрушевского «О некоторых предрассудках и суевериях в исторической науке». «Историк-марксист», 1928, № 8.

Горная Киргизия. «Труды научно-исследовательской ассоциации при КУТВ», М., 1929.

О марксистском понимании социологии. «Историк-марксист», 1929, № 12.

Феодализм. «Молодая гвардия», 1931.

Советско-иранский торговый договор. «Революционный Восток», 1936, № 1.

Предисловие к книге Н. И. Зиберы «Очерки первобытной экономической культуры». М., 1937.

К методологии определения этнографических территорий. «Сов. этнография», 1946, № 1.

Этническая территория и методы определения ее границ. «Изв. АН СССР, серия истории и философии», т. III, № 2, 1946.

Об этнической статистике европейских стран. «Кр. сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. II, 1947 (Переведено на кит. яз.).

Этническая граница. (К вопросу об этнических рубежах в Европе). «Сов. этнография», 1947, № 2.

Государственный музей народного быта Латвийской ССР. «Сов. этнография», 1948, № 3.

Этническая граница. «Сов. этнография», 1948, № 4.

Н. И. Зибер (К 60-летию со дня смерти). «Сов. этнография», 1948, № 4.

Этническая граница (Опыт обобщенной характеристики типов этнических границ в некоторых европейских странах). «Труды II Всесоюзного географического съезда», М., 1949, т. III.

Этническая граница и этническая (этнографическая) территория (методы исследования). «Кр. сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. VI, 1949.

Национальное самосознание как этнический определитель. «Кр. сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. VIII, 1949.

О методах определения этнического состава населения в полосе этнических границ. «Кр. сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XI, 1950.

Методы картографирования национального состава населения. «Сов. этнография», 1950, № 4.

Новая учебная этнографическая карта СССР. «Сов. этнография», 1950, № 4.

Программа для сбора сведений по этнографическому изучению культуры и быта колхозного крестьянства в республиках Советской Прибалтики. «Кр. сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XII, 1950.

Этнические территории и этнические границы. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XV, М., 1951.

Карта народов СССР (учебная для средней школы). Изд. ГУГК при Совете Министров СССР, 1951. 6 карт (в соавторстве с П. Е. Терлецким).

Об этнографическом изучении колхозного крестьянства. «Сов. этнография», 1952, № 1.

Об этнографическом изучении социалистической культуры и быта народов СССР. «Сов. этнография», 1953, № 1.

Какое изображение мы видим на Луне? (Об атласе немецкого народоведения). «Сов. этнография», 1953, № 3.

Поездка в Чехословакию. «Сов. этнография», 1954, № 2.

Этнографическое изучение современного сельского быта в СССР. «Československá etnografie», Praha, 1954, № 1.

Карта национального состава населения Латвии в 1935 г. Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 год). «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XXIII, М., 1954.

Роберт Андреевич Пельше (1880—1955 гг.) «Сов. этнография», 1955, № 3 (в соавторстве с Л. Н. Терентьевой).

Карта народов СССР (учебная для средней школы). Составлена в 1951 г., исправлена в 1955 г.— Изд. ГУГК при Совете Министров СССР. 1955 (в соавторстве с П. Е. Терлецким).

Об этнографическом изучении семьи у колхозного крестьянства народов СССР. В кн. «Этнографическое совещание», М.— Л., 1956.

О некоторых процессах, происходящих в современной колхозной семье. «Сов. этнография», 1956, № 3.

Село Вирятино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XLI, М., 1958 (Отв. ред., автор введения и глав I, VII).

О русском историко-этнографическом атласе. «Кр. сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. 22, 1955.

Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие, крестьянское жилище, крестьянская одежда середины XIX—начала XX в. М., 1967. (Отв. ред.).

СОДЕРЖАНИЕ

Б. Н. Путилов (Ленинград). Современное состояние славистической фольклористики	
Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева (Москва). Использование анкетно-статистических данных при этнографическом изучении города	16
К. Вилкуна (Хельсинки). Народная культура Финляндии (хозяйство, постройки, средства передвижения)	21
А. А. Онохов (Москва). Вовлечение общинной знати Берега Слоновой Кости в товарное производство	37
А. А. Зубов (Москва). О расово-диагностическом значении некоторых одонтологических признаков	49

Дискуссии и обсуждения

С. И. Вайнштейн (Москва). Родовая структура и патронимическая организация у тофаларов (до начала XX века)	60
Г. И. Пелих (Томск). О методе научной классификации сибирских петроглифов	68

Сообщения

Л. А. Молчанова (Минск). Орудия уборки зерновых и производственные постройки белорусов в конце XIX — начале XX в. (Материалы к Историко-этнографическому атласу)	77
Л. Г. Гулиева (Краснодар). К изучению топонимии Кубани	93
Л. В. Малиновский (Новосибирск). Жилище немцев-колонистов в Сибири	97
Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль (Душанбе). Буддийский сюжет в живописи Средней Азии (К интерпретации сцены дароносцев из Аджина-Тепе)	106

Поиски, факты, гипотезы

А. М. Хазанов (Москва). Загадочная кувада	113
---	-----

Научная жизнь

С. И. Брук, Г. Г. Стратанович (Москва). К VIII Международному конгрессу антропологических и этнографических наук	124
Н. Н. Грацианская (Москва). Конференция по изучению культуры и быта населения Карпат	128
С. А. Токарев (Москва). Этнографические наблюдения во Франции	131

Критика и библиография

Общая этнография

С. А. Арутюнов (Москва). Völkerkunde für jedermann	143
В. Е. Гусев (Ленинград). Труды славистической конференции фольклористов	145

Народы СССР

Х. Аргынбаев, Е. Дильмухамедов (Алма-Ата) У. Х. Шалекенов. Казахские низовья Аму-Дарьи (К истории взаимоотношений народов Каракалпакии в XVIII—XX вв.)	147
В. В. Пименов (Москва). Ю. А. Савватеев. Рисунки на скалах	150
В. А. Туголуков (Москва). Ю. Б. Стракач. Народные традиции и подготовка современных промыслово-сельскохозяйственных кадров. Таежные и тундровые районы Сибири	150
В. Я. Пропп (Ленинград). Русский фольклор. Библиографический указатель, вып. II (1917—1944 гг.), вып. III (1960—1965 гг.)	153

Народы зарубежной Европы

- Э. В. Померанцева (Москва). *P. Nedo. Grundriss der sorbischen Volksdichtung* 154

Народы зарубежной Азии

- М. В. Крюков (Москва). *Наоэ Хиродзи. Тюгоку-но миндзокугаку (Этнография Китая)* 155

Народы Америки

- Т. В. Петрова (Москва). *Lilli de Jongh Osborne. Indian Crafts of Guatemala and El Salvador* 157
 В. И. Похвалин (Москва). *G. G. Maniser. A expedição do académico Langsdorf no Brasil (1821—1828), Tradução de russo por Osvaldo Peralva* . . . 159

Народы Океании

- Я. М. Свет (Москва). *H. R. Friis (ed.). The Pacific basin. A. history of its geographical exploration* 160

Новая литература по народам Средней Азии и Казахстана 165

- Лавел Иванович Кушнер (Кнышев) 178

На первой странице обложки: фрагмент настенной живописи из монастыря Аджина-Тепе (Южный Таджикистан), датируемый концом VII — началом VIII века н. э.

SOMMAIRE

- B. N. Poutilov (Léningrad). Etat actuel des études folkloriques slaves . . . 3
 L. A. Anokhina, M. N. Chméliova (Moscou). Utilisation des données d'enquête statistique à l'étude ethnographique de la ville 16
 K. Viikuna (Helsinki). Culture populaire de Finlande (économie, constructions, moyens de transport) 27
 A. A. Onokhov (Moscou). Engagement de l'aristocratie communautaire de la Côte d'Ivoire dans la production commercialisée 37
 A. A. Zoubov (Moscou). De la signification diagnostique-raciale de certains indices odontologiques. 49

Discussions et délibérations

- S. I. Vaïnchtein (Moscou). Structure clanique et organisation patronymique chez les Tofalar (jusqu'au début du XX-e siècle). 60
 G. I. Pielikh (Tomsk). De la méthode d'une classification scientifique des pétroglyphes sibériens. 68

Communications

- L. A. Molitchanova (Minsk). Les outils de récolte des céréales et les constructions de production des Biélorusses à la fin du XIX-e et au début du XX-e ss (matériaux d'un Atlas historico-ethnographique) 77
 L. G. Gouliyéva (Krasnodar). De l'étude de la toponymie de Kouban . . . 93
 L. V. Malinovski (Novosibirsk). L'habitat des colons allemands en Sibérie . . 97
 B. A. Litvinski, T. I. Zeïmal (Douchanbé). Un sujet bouddhique dans la peinture de l'Asie Centrale (De l'interprétation d'une scène des donateurs d'Adjina-Tépé). 106

Recherches, faits, hypothèses

- A. M. Khazanov (Moscou). Le kouvada énigmatique 113

Вie scientifique

- S. I. Brouk, G. G. Stratanovitch (Moscou). Vers le VIII-e Congrès des Sciences Anthropologiques et Ethnologiques. 12
 N. N. Gratsianskaya (Moscou). Une Conférence sur l'étude de la culture et de la mode de vie des populations Karpatiques. 12
 S. A. Tokarev (Moscou). Observations ethnologiques en France 13

Critique et bibliographie**Ethnologie générale**

- S. A. Aroutunov (Moscou). Völkerkunde für Jedermann 14
 V. Ye. Goussev (Leningrad). Travaux de la Conférence d'études folkloriques slaves. 14

Peuples de l'U.R.S.S

- Kh. Arghynbaïev, Ye. Dilmoukhamédov (Alma-Ata). *Ou. Kh. Chaléké-nov*. Les Kazaks de l'Amou-Darya intérieure (contribution à l'histoire des contacts entre les peuples de Kara-Kalpakie aux XVIII-e—XX-e ss). 147
 V. V. Piménov (Moscou). *Yu. A. Savvatéïev*. Dessins sur les rochers 150
 V. A. Tougoloukov (Moscou). *Yu. B. Strakatch*. Traditions populaires et la formation des cadres modernes pour l'agriculture et la chasse. Régions de taïga et de toundra sibériennes. 150
 V. Ya. Propp (Leningrad). Folklore russe. Index bibliographique, livraison II (1917—1944); livraison III (1960—1965) 153

Peuples de l'Europe étrangère

- E. V. Pomierantseva (Moscou). *P. Nedo*. Grundriss der sorbischen Volksdichtung. 154

Peuples de l'Asie étrangère

- M. V. Krioukov (Moscou). *Naoe Hiroji*. Tyugoku-no minzokugaku (Ethnographie de la Chine). 155

Peuples de l'Amérique

- T. V. Pietrova (Moscou). *Lilli de Jongh Osborne*. Indian Crafts of Guatemala and El Salvador 157
 V. I. Pokhvaline (Moscou). *G. G. Maniser*. A expedição do acadêmico Langsdorf no Brasil (1821—1828). Tradução de russo por Osvaldo Peralva 159

Peuples de l'Australie et de l'Océanie

- Ya. M. Sviét (Moscou). *H. R. Friis* (ed.). The Pacific basin. A history of its geographical exploration. 160

- Nouvelles publications sur les peuples de l'Asie Centrale et du Kazakhstan 165

- Pavel Ivanovitch Kouchner (Knichev) 178

Sur la couverture: un fragment de peinture murale du monastère d'Adjina-Tépé, (Tadjikistan du Sud) fin du VII—commencement du VIII siècle

Технический редактор Е. И. Гришина

Сдано в набор 18/III-1968 г. Т-07789. Подписано к печати 26/VI-1968 г. Тираж 1985 экз.
 Зак. 5120. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Усл. печ. л. 16,1. Бум. л. 5¹/₄. Уч.-изд. листов 19,2.

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Опечатки к № 2, 1968 г.

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
73	17 сверху	$Hp^1 = \frac{2n + n^1}{2}$	$Hp^1 = \frac{2n + n^1}{2N}$
80	9 сверху	превышает возможности	не превышает возможности